Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции

Сборник научных трудов

Минск
2009

УДК 34(476)
ББК 67(4Беи)
П78

Рекомендовано к изданию
ученым советом Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / редкол. : В.М. Хомич [и др.]; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь.– Минск : БГУФК, 2009. – 329 с.
П78
ISBN 978-985-6902-41-6.

УДК 34(476)
ББК 67(4Беи)

Все права защищены. Никакая часть данного издания не может быть воспроизведена в каком бы то ни было виде без письменного разрешения владельца авторских прав, за исключением краткого цитирования с обязательным указанием первоисточника.

ISBN 978-985-6902-41-6

© Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, 2009
© Оформление. Белорусский государственный университет физической культуры, 2009

Состав редакционного совета сборника научных трудов Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

Василевич Григорий Алексеевич – Генеральный прокурор Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор;
Бибило Валентина Николаевна – профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;
Данилевич Анатолий Александрович – заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, профессор;
Мартинович Изабелла Ивановна – профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;
Семашко Елена Валентиновна – заведующий кафедрой административного права Института государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент;
Функ Ян Иосифович – Председатель Международного арбитражного (третейского) суда при Белорусской торгово-промышленной палате, кандидат юридических наук, доцент;
Шостак Михаил Александрович – профессор кафедры уголовного процесса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь;
Эсмантович Ирина Игоревна – декан юридического факультета Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия

Хомич Владимир Михайлович – директор НПЦ Генеральной прокуратуры, доктор юридических наук, профессор – председатель;
Бабий Николай Алексеевич – заместитель директора НПЦ Генеральной прокуратуры, кандидат юридических наук, доцент – заместитель председателя;
Гучок Александр Евгеньевич – заместитель директора НПЦ Генеральной прокуратуры, кандидат юридических наук, доцент;
Сащеко Павел Иванович – начальник отдела криминологического прогнозирования основных тенденций, динамики и структуры организованной преступности и коррупции НПЦ Генеральной прокуратуры, кандидат юридических наук;
Сенько Анатолий Степанович – начальник отдела проблем эффективности прокурорского надзора, совершенствования правоприменительной практики и законодательства НПЦ Генеральной прокуратуры, кандидат юридических наук;
Солтанович Андрей Владимирович – начальник отдела криминологического мониторинга законодательства и криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов НПЦ Генеральной прокуратуры, кандидат юридических наук – ответственный секретарь;
Венглинский Мирослав Петрович – ведущий специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов НПЦ Генеральной прокуратуры – технический редактор.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии 7

Василевич Г.А. Коррупция и проблемы возмещения ущерба 9

Актуальные вопросы криминологии

Барановский Н.А. Актуальные проблемы совершенствования ювенальной антидевиантной политики 18

Боголюбова Т.А. Незаконный оборот наркотиков и их немедицинское потребление в странах СНГ 28

Бочков А.А., Янч В.В. Правовая культура несовершеннолетних правонарушителей..... 36

Евланова О.А. Криминологические проблемы борьбы с организованной преступностью в сфере незаконного оборота наркотиков в России 42

Колесников В.В. К вопросу о криминологической характеристике глобализации..... 49

Курилюк Л.С. Проблемы выявления и расследования криминальных банкротств в России и в Республике Беларусь..... 55

Русецкий О. В. Криминологический мониторинг как средство совершенствования законодательства Республики Беларусь..... 61

Стаценко В.Г. Криминальная виктимизация населения в Республике Беларусь..... 68

Хомич В.М. Криминология коррупции и коррупционных деликтов..... 77

Проблемы законодательства и практики его применения

Андрияшко М.В. К вопросу об определении содержания защиты семейных прав 91

Ивашкевич Е.Ф. Изменения иммиграционного законодательства в странах Европейского Союза на современном этапе 99

Чичурина О. А. Право интеллектуальной собственности как комплексный межотраслевой институт законодательства: проблема единства правоприменения 106

Вопросы совершенствования уголовно-правовых средств борьбы с преступностью

Бабий Н. А. Методологические подходы к установлению уголовно-правового соотношения между насилием, терроризмом, экстремизмом и агрессией..... 113

Гладкий П.А. Объективная сторона уклонения от уплаты сумм налогов, сборов 133

Грунтов И. О. Уголовно-правовая оценка доведения до самоубийства и склонение к самоубийству 144

Ищенко Е.П. Смертная казнь как фактор поддержания правопорядка и обуздания преступности 151

Примаченок А.А., Кашевский В.А. Ответственность за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг 162

Сергеенко Н. Л. К вопросу об определении понятий при квалификации насильственных действий сексуального характера 170

Середа Р.А. К вопросу о понятии примирения в уголовном праве 175

Швед Н.А. Субъективная сторона несанкционированного доступа к компьютерной информации 182

Криминалистические аспекты раскрытия и расследования преступлений

Байло А. Ю. О некоторых особенностях способов мошенничества в сфере потребительского кредитования 188

Попов А.И. Некоторые вопросы использования специальных знаний эксперта-криминалиста в разрешении конфликтов и конфликтных ситуаций при расследовании преступлений 194

Потапов В.К., Солтанович А.В. Дискредитация как одна из форм противодействия расследованию и способы ее нейтрализации 199

Международно-правовые аспекты борьбы с правонарушениями

Кузьменок Н.О. Регламентация принципа конкурирующей юрисдикции в отношении преступлений в сфере высоких технологий 213

Мисаревич Н.В. Организационно-правовые формы сотрудничества государств в сфере борьбы с преступностью 223

Проблемы повышения эффективности прокурорского надзора

Русакевич С. Г. Организационные и правовые основы деятельности органов прокуратуры Федеративной Республики Германия 230

Сенько А.С. Становление и развитие координирующей функции прокуратуры 243

Серова Е.Б. Некоторые теоретические и практические вопросы криминалистического обеспечения прокурорского надзора за расследованием преступлений 250

Современные проблемы конституционного и административного права

Миролюбова С. Ю. Проблемы ограничения права на свободу передвижения в закрытых административно-территориальных образованиях на территории Российской Федерации 256

Мурашко Л.О. Конституционное правосудие как способ совершенствования законодательства 264

Петров А.П., Петрова М.С. Нормотворческая деятельность Президента Республики Беларусь 271

Пугачев А.Н. Конституционно-правовые санкции и их особенности..... 279

Тенденции и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства

Богданов Е.В. Перспективы развития сотрудничества обвиняемого с органами уголовного преследования в законодательстве Республики Беларусь 285

Борико С. В. О некоторых вопросах борьбы с преступностью, вытекающих из положений Концепции судебно-правовой реформы 295

Петрова О.В. Восстановительное правосудие: новое направление в решении задач уголовного процесса 302

Печерский В.В. Государственное обвинение по уголовным делам, связанным с оказанием медицинской помощи: содержание подготовительного этапа 310

Солтанович А.В. Определение размера компенсации морального вреда при совершении убийств 321

Наши авторы 326

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 3 августа 2006 г. № 482 в целях усиления борьбы с преступностью, укрепления законности и правопорядка, создания эффективной системы комплексного изучения криминогенных факторов, прогнозирования основных тенденций, динамики и структуры преступности в республике создано государственное учреждение «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Состояние, структура, динамика и тенденции современной преступности требуют адекватного противодействия этому сложному социально-деструктивному явлению. В этой связи использование в комплексе научного и практического потенциала Центра рассматривается в качестве действенного средства в борьбе с преступностью, средства укрепления законности и правопорядка в стране.

Деятельность Центра вносит вклад в развитие отечественной криминологии, криминалистики и других юридических наук. Результаты научной и научно-практической деятельности Центра находят отражение в публикациях его сотрудников. Среди наиболее значимых опубликованных научно-методических разработок монографии, справочники и сборники: «Международно-правовые стандарты обращения с правонарушителями и осужденными», «Криминалистическая структура преступления», «Правила регистрации, учета и квалификации преступлений», «Правовая регламентация осуществления прокурорского надзора за исполнением законодательства», «Прокурорский надзор за соблюдением законодательства при исполнении наказания в виде ограничения свободы», «Справочник по фиксации хода и результатов осмотра места происшествия» и др.

На сегодня период формирования и становления Центра как самостоятельного научного и практического учреждения в системе органов прокуратуры Республики Беларусь близится к завершению, мы открыты к сотрудничеству по различным направлениям современных криминологических и других исследований проблем укрепления законности и право-

порядка. Логическим этапом деятельности нашего учреждения стал сборник научных трудов «Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции», цель издания которого виделась не только в ознакомлении ученых и практических работников с результатами научно-исследовательской работы Центра, но и в предоставлении юридической общественности, в том числе других стран, возможности высказаться на страницах сборника по актуальным правовым проблемам. Интерес, проявленный к изданию сборника со стороны авторов не только Республики Беларусь, но и учебных и научных учреждений Москвы и Санкт-Петербурга, позволяет с оптимизмом смотреть в будущее, надеяться на долгую жизнь нашего сборника и расширение авторской и читательской аудитории.

КОРРУПЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА

***Василевич Г. А.**, Генеральный прокурор Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор*

Количество выявляемых коррупционных преступлений, а также лиц, их совершивших, в последние пять лет неуклонно уменьшалось. Так, если в 2004 г. было выявлено 4542 преступления, которые совершило 2021 лицо, то в 2007 г. – 3084 преступления, которые совершили 1563 лица. То есть уменьшение по количеству выявленных преступлений произошло в 1,5 раза, а по количеству лиц, их совершивших, на 25 %. С этой тенденцией можно было бы согласиться, если бы в текущем периоде мы не обнаруживали коррупционных преступлений, совершенные в 2004–2007 гг. В 2008 г. тенденция несколько иная: по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, наоборот, выявлено на 10 % больше лиц, которые совершили коррупционные преступления.

За десять месяцев 2008 г. выявлено 1369 лиц, совершивших 2492 коррупционных преступления (за аналогичный период 2007 г. – 2772 преступления, которые совершили 1242 человека).

При этом отмечу общую положительную динамику в сфере борьбы с преступностью. За 10 месяцев 2008 г. общее число преступлений снизилось более чем на 13 % (за весь 2007 г. снижение произошло на 5,8 %). Особо подчеркну при этом снижение количества разбоев на 33 % (в 2007 г. – на 17 %), грабежей – на 23 % (в 2007 г. – на 9 %), убийств – на 18 % (в 2007 г. – на 16 %). Здесь на порядок лучше результат, чем он был в прошлом году.

В текущем году дано поручение нижестоящим прокурорам разумно решать вопросы привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших коррупционные преступления, не повлекшие существенного вреда. Например, ранее судебная практика была такова, что врач, незаконно выписавший больничный лист за вознаграждение в 80–100 тыс. белорусских рублей, получал 6–6,5 лет лишения свободы. Мною в противовес этой тенденции 30 сентября направлено прокурорам письменное указание требовать в судах назначения более суровых приговоров (при отсутствии смягчающих вину обстоятельств) по делам коррупционной направленности, в том числе за взяточничество, вплоть до максимального, прежде всего по отношению к лицам, занимающим ответственное должностное положение, а также к представителям власти. Особый акцент сделан на защите таких сфер, как приватизация и разгосударствление, государственные закупки, использование инвестиционных ресурсов, бюджетно-финансовая сфера. Что касается

тех же врачей, оказывающихся в роли коррупционеров, например, за незаконную выдачу больничного, то, конечно, с этим явлением тоже необходимо бороться. Например, врач одной из минских поликлиник после назначения ему наказания в виде исправительных работ выступил с раскаянием на собрании трудового коллектива, где присутствовало несколько сотен человек. На какое-то время это окажет благотворное воздействие на этих людей.

Способы, масштабы и глубина воздействия зависят от того, имеем мы дело с бытовой коррупцией (это прежде всего жилищно-коммунальное хозяйство, здравоохранение, образование), либо с коррупцией в органах государственного управления (где формируются и распределяются материальные и финансовые потоки), либо с коррупцией в судебных, правоохранительных и контролирующих органах.

По меньшей мере три фактора влияют на распространенность коррупции:

1) кадры;

2) законодательство (насколько оно коррупциогенно, дает почву для самоуправства чиновников, и речь идет не только о законодательных актах, которые составляют 15 % всего законодательства).

Эти две составляющие образуют слабые звенья, формируют бреши в антикоррупционной деятельности.

Например, есть много желающих строить жилье, гаражи за свой счет, но на региональном уровне либо нет желания, либо разворотливости. На дефиците создается почва для взяточничества. В сфере государственных закупок при совершении сделки на сумму до 140 тыс. долларов достаточно «проимитировать» выбор между двумя предложениями, и при этом законодательство не обязывает выяснять возможности совершения покупки непосредственно у производителя либо искать более выгодный контракт.

3) неотвратимость наказания, его адекватность причиненному вреду, времени в широком смысле этого слова, когда оно совершено. Здесь важна в первую очередь роль правоохранительных органов.

Коррупционные преступления обычно имеют скрытый характер. Поэтому с точки зрения их выявления многое зависит от уровня квалификации ревизионных служб, контролирующих органов, субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. О каких-то явных претензиях со стороны наших коллег по правоохранительному блоку о том, что органы прокуратуры безосновательно отказывали в осуществлении оперативно-розыскных мероприятий, мне слышать не приходилось. Хотя понимаю, что здесь не должно быть упрощенчества.

Помимо уголовных дел прокурорские сотрудники также проводят общенадзорные проверки соблюдения действующего законодательства. Сравнивая текущий период и соответствующий период прошлого года, могу заметить, что по результатам наших проверок количество возбужденных уголовных дел возросло более чем в 2 раза (69 против 32), к дисциплинарной ответственности было привлечено в 1,6 раза больше лиц, чем ранее (400 против 253), ущерба по требованию прокуроров только в результате прокурорских проверок было возмещено на сумму в 6 раз больше (156 млн. руб. против 26 млн. руб.).

В структуре преступлений коррупционной направленности доминируют хищения имущества путем злоупотребления служебными полномочиями – 25 % (622, в 2007 г. – 636), подстрекательство к даче взятки и дача взяток – 16 % (390, в 2007 г. – 371), злоупотребление властью или служебными полномочиями – 10 % (237, в 2007 г. – 263), служебный подлог – 27 % (660, в 2007 г. – 824).

В числе лиц, совершивших коррупционные преступления за 10 месяцев 2008 г., 76 руководителей органов власти и подчиненных им лиц государственных организаций (из них 69 представителей власти и 7 лиц, занимавших ответственное должностное положение), 554 занимавших должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных обязанностей, 249 – административно-хозяйственных обязанностей, 119 уполномоченных на совершение юридически значимых действий.

К сожалению, уличены в совершении коррупционных преступлений и сотрудники правоохранительной системы: за 10 месяцев 2008 г. в коррупционных преступлениях изобличены 37 (в 2007 г. – 42) сотрудников органов внутренних дел, 5 (4) сотрудников органов государственной безопасности, 3 (2) сотрудника органов финансовых расследований КГК и 23 (18) сотрудника таможенных органов.

Не могу идеализировать и систему органов прокуратуры, а также судебную. По достоверно установленным фактам злоупотреблений, в частности взяточничества, виновные, считаю, должны привлекаться к более суровой ответственности, чем обычные граждане, независимо от того, прокурор это или судья. Прежде всего, хотелось бы, чтобы в нашей системе работали порядочные специалисты.

Вне поля контроля и надзора не может находиться и судебная власть. В процессе изучения судебной практики мы выявили ряд явно противоречащих друг другу судебных решений (приговоров). Выявлен ряд случаев, когда судебные исполнители расхищают полученные от граждан средства в счет исполнения судебных постановлений. Например, в Шумилинском районном суде один судебный исполнитель в течение двух лет похитил 60 млн., другой – также не-

сколько миллионов. Есть аналогичные факты по другим районам республики. Неединичны случаи, когда в судах административное дело пылится на столе судьи столько, сколько необходимо, чтобы пропустить срок привлечения к административной ответственности. Например, за управление транспортом в нетрезвом состоянии. МВД и прокуратура прилагают огромные усилия, чтобы добиться повышения прежде всего имущественной ответственности владельцев автотранспорта за управление им в нетрезвом состоянии.

Среди отраслей и сфер деятельности за 10 месяцев 2008 г. наибольшее количество коррупционных преступлений выявлено в торговле – 408, промышленности – 343, сельском хозяйстве – 318, строительстве – 187, здравоохранении – 165, образовании – 102, на транспорте – 45, а также в органах государственного управления – 336.

Сейчас мною названо количество выявленных преступлений в указанных отраслях народного хозяйства. Если взять преступления, которые составляют костяк коррупционных преступлений, такие как хищения, злоупотребления служебным положением, взяточничество, то, например, в промышленности руководством предприятий совершается 50 % преступлений (из 161 совершено 83), в строительстве – 405, в торговле – более 50 % (239 против 125), в сельском хозяйстве – более 50 % (129 против 67). В некоторых регионах уже «научились» брать деньги за продление трудового контракта. Например, в Светлогорске директор одного открытого акционерного общества брал от директоров магазинов в течение полутора лет по 700 тыс. – 1 млн. рублей. Это свидетельство недостатков в подборе кадров. Кстати, многочисленны примеры, когда, совершив коррупционное преступление и получив символическое наказание, эти лица вновь оказываются на руководящих должностях. Даже если эти лица действительно нужны народному хозяйству, на мой взгляд, все же следовало бы давать им возможность реабилитировать себя в течение какого-то срока на рядовой работе, может быть даже и на общественных работах.

Безусловно, свою часть функций прокуратура, другие правоохранительные органы должны выполнять на все сто процентов, но и руководители органов государственного управления, к тому же имеющие в своем распоряжении контрольные и ревизионные службы, должны нести соответствующую ответственность за попустительство правонарушениям. Эффективность ревизионного аппарата еще низка.

Особая тема – наше отношение к оправдательным приговорам. К их анализу мы относимся весьма серьезно. Для нас это – возможность увидеть собст-

венные недостатки и недостатки других правоохранительных органов, сотрудники которых вели следствие.

Однако, понимая, что мгновенно ситуацию исправить сложно, и исходя из нашей компетенции, предлагаем следующие меры:

1. Прокурорам необходимо требовать более жестких приговоров за взяточничество со стороны государственных служащих, в том числе занимающих ответственное должностное положение, а также допускающих злоупотребления в сферах, имеющих стратегическое значение (приватизация, госзакупки, бюджетно-финансовая система и др.). Более жесткой должна стать позиция не только в отношении тех, кто берет взятки, но и тех, кто их дает. При этом на первый план должен выйти принцип неотвратимости наказания.

2. В законах об амнистии в ближайшие несколько лет следовало бы отказаться от распространения их действия на лиц, совершивших коррупционные преступления. Смягчение им меры ответственности возможно лишь на основе акта Главы государства.

3. Каждый случай совершения коррупционного преступления должен стать предметом серьезного анализа в организации, министерстве, ведомстве, где работает виновное лицо.

Именно общественное порицание должно стать неотъемлемой частью процесса наказания. В настоящее время с подобными фактами свыклись, хотя в некоторых министерствах (например, торговли) выявляются сотни коррупционных правонарушений.

Практика свидетельствует, что эти вопросы «стыдливо» замалчиваются и не рассматриваются на заседаниях Правительства, местных исполнительных и распорядительных органов либо относятся к разряду второстепенных.

Публичность в данном случае является одним из мощных факторов воздействия на сознание нерадивых чиновников.

Необходимо практиковать повсеместное проведение заседаний указанных органов, на которых должны рассматриваться с участием прокуроров причины и условия совершения коррупционных правонарушений.

4. Изменить систему поощрений руководителей таким образом, чтобы она была настроена на формирование у них честного поведения, поощряла выявление ими либо с их участием имущественных правонарушений. На чиновников должна быть возложена обязанность информировать МВД либо органы прокуратуры о ставших им известными фактах коррупции.

5. Аппарат ревизионных служб министерств (за исключением силового блока) целесообразно вывести из их подчинения. Их отдача в плане предупреждения корыстных правонарушений незначительна.

6. Свести к минимуму либо вообще исключить факты «пересаживания» проштрафившихся руководителей из одного кресла в другое. Этому может предшествовать определенный период реабилитации посредством его работы на низовой должности.

7. При усилении контроля за деятельностью правоохранительных органов, в том числе и прокуратуры, особое внимание необходимо уделить также деятельности судов, где часто принимаются весьма спорные решения, в том числе при вынесении оправдательных приговоров по имущественным правонарушениям либо относительно применения хозяйственного законодательства.

8. Предусмотреть в законодательстве (по примеру ФРГ) обязанность государственного служащего информировать правоохранительные органы о ставших ему известными уголовно-наказуемых деяниях. К ежегодно представляемой декларации государственным служащим следовало бы (как в США) прилагать список частных компаний, с которыми государственный служащий непосредственно или через членов своей семьи поддерживает финансовые или любые иные связи. Практиковать проверку государственных служащих, должностных лиц на причастность к коррупционным правонарушениям на полиграфе, по итогам которой возможно расторжение контракта.

9. При назначении на руководящие должности необходимы характеристики и поручительство не менее двух лиц.

10. Безотлагательно ввести ответственных за проверку коррупциогенности не только законов, но и иных актов законодательства. За это должны нести ответственность в первую очередь разработчики проектов нормативных правовых актов, а также специально уполномоченные органы, например Министерство юстиции, которое осуществляет их регистрацию.

Хотя Указом Президента Республики Беларусь от 29 мая 2007 г. № 244 поручено до 1 января 2010 г. внести предложение о проведении криминологической экспертизы в отношении не только проектов законов, но и иных нормативных правовых актов, считаем необходимым ускорить данную работу.

В результате совершения правонарушения, а особенно если речь идет о преступлении, причиняется ущерб (вред) правам и законным интересам граждан, юридических лиц, а во многих случаях и государству. Обычно в результате действий заинтересованных субъектов ущерб (вред) в той или иной степени возмещается. В этих целях принят и действует целый комплекс нормативных

правовых актов – кодексы (гражданский, уголовный, административный, трудовой, земельный и др.), иные законодательные акты, постановления Правительства, сформирована соответствующая правоприменительная практика.

Вместе с тем не все обстоит идеально: потенциал права, как мы считаем, используется не в полной мере. Это приводит к огромным экономическим потерям для государства и граждан. Так, в соответствии со ст. 162 УПК должны исчисляться процессуальные издержки, которые в последующем взыскиваются с осужденных или могут быть приняты на счет государства. Что касается процессуальных издержек в виде сумм, выплачиваемых потерпевшим, гражданским истцам и их представителям, свидетелям, экспертам, специалистам, переводчикам, понятым, и других сумм, предусмотренных в пп. 1–8 ст. 162 УПК, то здесь практика сформировалась в целом адекватная нормам законодательства.

Однако крайне отрицательно можно оценить то, как реализуется п. 9 упомянутой статьи, в котором предусмотрено включение в процессуальные издержки сумм, израсходованных в связи с розыском обвиняемого, скрывшегося от органа уголовного преследования и суда. На практике не выработано методики исчисления этих расходов, не производится это органами предварительного следствия, упускают из виду это и суды. К сожалению, в принятом Советом Министров Республики Беларусь постановлении от 30 декабря 2006 г. «Об утверждении Положения о порядке выплаты и размерах сумм, подлежащих выплате потерпевшим, гражданским истцам и их представителям, свидетелям, экспертам, специалистам, переводчикам, понятым» этот вопрос вообще обойден вниманием.

Практика назначения меры пресечения в виде залога развивается несколько иным образом, чем это предусмотрено в ч. 1 ст. 124 УПК, согласно которой залог применяется при условии полного возмещения имущественного вреда, причиненного преступлением. Нередко имущественный вред причиняется преступлением, совершенным группой лиц. В отношении одного или нескольких лиц оптимальным было бы применение такой меры, как залог (например, в силу физического состояния лица). Однако по причине «неподъемности» суммы предполагаемого ущерба данное лицо возместить его часто не в состоянии. Кроме того, требование о полном погашении суммы ущерба до применения указанной меры пресечения находится в определенном противоречии с принципом презумпции невиновности. Поэтому, соглашаясь в целом с общим подходом о применении залога, все же следует предусмотреть и некоторые исключения.

Многие оправдательные приговоры, а также перепредъявление обвинения обусловлены изменением свидетелями своих показаний в суде по сравнению с теми, которые были даны на следствии. Иногда эти лица ссылаются на принуждение

их к даче показаний, добросовестное заблуждение, которое «рассеялось» только в суде и др. Во всех случаях нарушения прав свидетелей необходимо тщательно разбираться. Следует иметь в виду и их ответственность за дачу ложных показаний (такие примеры привлечения к ответственности являются достаточно редкими). Свидетель обязан правдиво сообщать все известное по делу и отвечать на поставленные вопросы. Таким образом, когда свидетель меняет свои показания в суде, он нарушает (либо ранее нарушил) возложенную на него обязанность давать правдивые показания. Понесенные по уголовному делу процессуальные издержки должны быть возмещены за счет виновных лиц (свидетеля, а если он был принужден к даче показаний, то за счет соответствующего должностного лица, вина которого должна быть установлена). Размер имущественной ответственности свидетеля (свидетелей) зависит от наступивших последствий. Обратим также внимание на то, что свидетелю покрываются расходы, связанные с явкой его к месту проведения процессуального действия и обратно, по найму жилого помещения, а также в связи с выплатой суточных. Полагаем, что эти суммы, безусловно, должны быть взысканы. Кроме того, обращаем внимание на наличие в УК статьи 394, предусматривающей ответственность за принуждение подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля к даче показаний путем применения угрозы, шантажа или совершения иных незаконных действий лицом, производящим дознание, предварительное следствие или осуществляющим правосудие. При наличии оснований нормы этой статьи также должны применяться.

Считаю, что прокуратура должна занимать более принципиальную позицию при решении вопроса о возмещении материального и морального вреда лицу, потерпевшему от преступления. В ходе подготовки вопроса на коллегию Генеральной прокуратуры о причинах и условиях совершения особо тяжких преступлений против жизни и здоровья граждан исследовались аспекты защиты прав потерпевших, в том числе компенсация морального вреда. Прокуроры обязаны разъяснять потерпевшим их право на предъявление исков о компенсации морального вреда.

Средний размер возмещения морального вреда по республике по делам об убийствах составил 7,4 млн. руб., по делам о причинении тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, – 5,1 млн. руб.

При этом самый высокий средний показатель возмещения морального вреда по делам об убийствах и о причинении умышленных тяжких телесных повреждений, повлекших смерть, в Витебской области (соответственно 11,9 и 9 млн. руб., самый низкий – в Брестской (5,1 и 3,8 млн. руб.) и Минской (5,3 и 3,2 млн. руб.) областях.

По данным отдела анализа практики прокурорского надзора, органами Генеральной прокуратуры в 2005 г. установлен ущерб по совершенным коррупционным преступлениям в сумме 14,6 млрд. руб., из которых 3,3 млрд. руб. возмещено, что составляет 22,9 %. В 2006 г. установленный ущерб, причиненный коррупционерами, составил 24 млрд. руб. Несколько увеличилась сумма его возмещения и составила 3,9 млрд. руб., или 16,3 %. В 2007 г. причиненный ущерб составил 22 млрд. руб., а возмещено только около 2 млрд., или 8,9 %.

Анализ соотношения ущерба, причиненного всеми преступлениями и преступлениями коррупционной направленности, показал, что ущерб, причиненный коррупционными преступлениями, в общей массе общеуголовных преступлений постоянно растет. Если в 2005 г. ущерб от коррупционных преступлений составил 53,4 млрд. руб., или 39,3 % от общего размера ущерба, то в 2007 г. он же составил 82,3 млрд. руб., или 45,4 %. Эта тенденция роста ущерба отмечена и в первом полугодии 2008 г. в сравнении с первым полугодием 2007 г. (ущерб от коррупционных преступлений – 20,3 и 33,7 млрд. руб., что составляет соответственно 27,0 и 27,3 %).

При росте возмещения ущерба, причиненного всеми преступлениями (2005 г. – 41,2 млрд. руб.; 2006 г. – 52,3 млрд. руб.; 2007 г. – 75,1 млрд. руб.), происходит снижение доли возмещения ущерба от преступлений коррупционной направленности (2005 г. – 21,2 %; 2006 г. – 18,8 %; 2007 г. – 7,5 %). Эта тенденция характерна и для текущего года (6 мес. 2007 г. – 6,7 млрд. руб., или 19,6 %; 6 мес. 2008 г. – 2,4 млрд. руб., или 6,3 %).

Много правонарушений допускается и вне уголовно-правовой сферы. Здесь необходимо укреплять позиции гражданско-судебного надзора. Органам прокуратуры следует отказаться на данном этапе от практики подмены соответствующих министерств и ведомств, организовать исполнение законодательства таким образом, чтобы не прокуроры обращались с исками в суд, например для возмещения средств, выплаченных в пользу работника в связи с его восстановлением на работе, а соответствующие государственные органы, на которые непосредственно возложена эта обязанность.

Давно назревшей является проблема ответственности граждан за уклонение без уважительных причин от возмещения ущерба (вреда), причиненного иным лицам. Полагаем, что наряду с уголовной ответственностью должностных лиц должна быть и уголовная ответственность граждан за уклонение от исполнения судебных постановлений, которыми предусмотрена обязанность возместить ущерб (вред).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЮВЕНАЛЬНОЙ АНТИДЕВИАНТНОЙ ПОЛИТИКИ

Барановский Н.А.

В статье рассматриваются современные проблемы совершенствования и развития системы ювенальной антидевиантной политики, которая включает комплекс взаимосвязанных направлений деятельности государственных органов и общественных организаций по общему социальному и культурному развитию молодежи, криминологической профилактике, привлечению к ответственности, наказанию и профилактическому контролю правонарушителей, защите прав и оказанию помощи жертвам преступлений, а также социальной реабилитации несовершеннолетних преступников. Обосновывается необходимость изменения приоритетов в государственной ювенальной антидевиантной политике – переходе с наказательно-карательной и запретительно-воспитательной деятельности на активную социальную и профилактическую, а также виктимологическую и реабилитационную работу.

Преступное и другое девиантное поведение несовершеннолетней молодежи как относительно массовое негативное социальное явление представляет собой обусловленную социальными противоречиями и деструктивностью социальных отношений, а также нравственно-культурной деформацией значительной части молодежи совокупность всех социально опасных аморальных и противоправных деяний, совершенных несовершеннолетней молодежью, включая все материальные, физические и моральные их последствия, а также всех несовершеннолетних правонарушителей и жертв их деяний. Преступность, другие правонарушения и аморальные поступки представляют собой формы асоциального девиантного поведения. Все они имеют социальную природу и сущность и являются разновидностью социального поведения людей. Для социальных девиаций характерна антиобщественная направленность, социальная вредность и опасность, а также асоциальность (отклонение и нарушение общепринятых моральных и правовых социальных норм), осуждение общественным мнением и наказуемость от имени общества.

Основной и устойчивой тенденцией девиантного поведения несовершеннолетней молодежи является сохранение высокого и одновременно относительно стабильного уровня асоциальной активности. Так, если учитывать абсолютные количественные показатели, то в 1992 г. было зарегистрировано

8412 преступлений несовершеннолетних, в 2006 г. – 8133, а в 2007 г. – 6572. Однако сравнение более объективного относительного статистического показателя – уровня (коэффициента) зарегистрированной преступности несовершеннолетних – показывает, что в 1992 г. на 10 тыс. несовершеннолетних жителей страны приходилось 144,8 преступления, в 2006 г. – 148, а в 2007 г. – 160. Таким образом, за последние пятнадцать лет реальная преступность несовершеннолетних не сократилась, а даже несколько увеличилась. Отмечается устойчивая и значительная тенденция алкоголизации и наркотизации несовершеннолетней молодежи. По данным социологических опросов, примерно каждый пятый молодой человек злоупотребляет спиртными напитками, а каждый одиннадцатый – употребляет наркотики. На наркологическом учете состоит около одной тысячи несовершеннолетних.

Данная тревожная социально-нравственная и криминальная ситуация в молодежной среде требует безотлагательной и значительной активизации деятельности государственных органов и общественности по социальному и криминологическому предупреждению и противодействию преступности и другого девиантного поведения несовершеннолетней молодежи. В этой сфере давно актуализировалась социальная необходимость системного реформирования государственной ювенальной антидевиантной политики, начиная от обновления теоретико-методологических научных основ до совершенствования ювенального законодательства и практической деятельности правоохранительных и других государственных органов и институтов гражданского общества.

Изучение действующего национального законодательства и проектов законов в области предупреждения правонарушений несовершеннолетних показало, что только с 2003 г. в стране на практике начался процесс становления и формирования современной системы предупреждения и социального контроля преступности и другого девиантного поведения несовершеннолетней молодежи. Об этом свидетельствует принятие специального криминологического закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (31 мая 2003 г.), а также разработка проекта Концепции ювенальной юстиции в Республике Беларусь и проекта закона о профилактике правонарушений. Данные нормативно-правовые акты базируются на международных документах (Пекинских правилах обращения с несовершеннолетними правонарушителями, Эр-Риядских руководящих принципах по предупреждению преступности несовершеннолетних и др.), а также на современном ювенальном законодательстве Российской Федерации.

Что касается содержания и научно-практического качества ювенального антидевиантного национального законодательства, то, прежде всего, следует дать общую оценку базового нормативного правового акта – проекта Концепции ювенальной юстиции Республики Беларусь, подготовленной Министерством образования Республики Беларусь в 2005 г. В теоретико-концептуальном плане в этом проекте система ювенальной юстиции, по нашему мнению, понимается неоправданно широко. В нее включается не только система уголовной юстиции в традиционном ее понимании и действующей законодательной регламентации – органы предварительного расследования, внутренних дел, прокуратуры, адвокатуры, суды и органы исполнения наказания, но и деятельность органов государственной власти и управления (Администрация Президента, Совет Безопасности, Совет Министров и его региональные структуры, местные исполнительные и распорядительные органы, учреждения образования, здравоохранения и социальной защиты), а также общественные и религиозные организации, должностные лица и граждане, наделенные специальными полномочиями. Безусловно, все эти государственные и общественные структуры выполняют работу по предупреждению преступлений и другого девиантного поведения несовершеннолетних, однако относить всех их к системе ювенальной юстиции неправильно. Это ошибочно прежде всего в теоретико-концептуальном плане, так как при таком подходе, несмотря на внесение в систему юстиции элементов восстановительного и примирительного правосудия, сохраняется традиционный для нашего общества приоритет государственно-административных и принудительно-наказательных мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей и их исправления. Далее, как свидетельствуют данные социологических и криминологических научных исследований, в большинстве случаев совершение подростками преступлений зависит не от того, что они обладают комплексом негативных личностных качеств и свойств, социально деформированы, духовно-нравственно и психически неустойчивы и, следовательно, заслуживают значительного негативного отношения и осуждения обществом. Преобладающее влияние на их асоциальное девиантное поведение оказывают обстоятельства конкретной, как правило, конфликтной жизненной ситуации, в которой находятся подростки в тот или иной момент своей жизнедеятельности. Не менее значимо также влияние на преступность несовершеннолетних содержания и деструктивного характера межличностных и групповых взаимодействий и отношений подростков со своими сверстниками и другими людьми.

Учитывая специфику деятельности органов юстиции, а также особенности этиологии преступного и другого девиантного поведения несовершеннолетних, полагаем, что в системе предупреждения и противодействия асоциальному поведению несовершеннолетних должен преобладать комплексный экономический, социальный, культурный и нравственно-правовой теоретико-методологический подход с доминированием мер не наказания и контроля, а социальной и культурной политики, а также криминологической общей и индивидуальной профилактики. Таким образом, следует разрабатывать и реализовывать не Концепцию ювенальной юстиции, а Концепцию ювенальной антидевиантной политики, в которой ювенальная юстиция (в традиционном ее понимании) должна быть только одним из компонентов и направлением социально-правовой системы предупреждения и противодействия асоциальному девиантному поведению несовершеннолетней молодежи.

Концепция ювенальной юстиции (2005 г.), Закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (2003 г.), Указ Президента Республики Беларусь «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях» (2006 г.) и другие современные национальные нормативно-правовые акты в первых главах содержат перечень и научно-практическую криминологическую трактовку основных базовых понятий и терминов. В частности, таких как «безнадзорность», «беспризорность», «несовершеннолетний, находящийся в социально опасном положении», «семья, находящаяся в социально опасном положении», «профилактическая работа» и др. Представляется, что в системе этих терминов ведущее место занимает понятие «несовершеннолетний, находящийся в социально опасном положении», которое дает характеристику лица, являющегося главным объектом профилактической работы. В соответствии с Законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (2003 г.) несовершеннолетним, находящимся в социально опасном положении, является «лицо в возрасте до восемнадцати лет, находящееся в обстановке, при которой не удовлетворяются его основные жизненные потребности; которое вследствие беспризорности или безнадзорности совершает правонарушения; родители, опекуны или попечители которого ведут аморальный образ жизни, что оказывает вредное воздействие на указанное лицо, злоупотребляют своими правами и (или) жестоко обращаются с ним либо иным образом не надлежаще исполняют обязанности по воспитанию и содержанию указанного лица, в связи с чем имеет место опасность для его жизни или здоровья» (ст. 1 Закона).

В соответствии с Инструкцией Министерства образования Республики Беларусь «О порядке выявления несовершеннолетних, нуждающихся в государственной защите» (2004 г., в редакции от 5 мая 2007 г.) к несовершеннолетним, находящимся в социально опасном положении, относятся несовершеннолетние, которые: воспитываются в семье, где родители или иные их законные представители не исполняют или ненадлежащим образом исполняют свои обязанности по воспитанию, обучению или содержанию несовершеннолетних детей, либо отрицательно влияют на их поведение, либо жестоко обращаются с ними, вовлекают в преступную деятельность, приобщают к спиртным напиткам, немедицинскому употреблению наркотических, токсических, психотропных и других сильнодействующих, одурманивающих веществ, принуждают к занятию проституцией, попрошайничеством, азартными играми; вследствие безнадзорности или беспризорности находятся в обстановке, представляющей опасность для их жизни или здоровья либо не отвечающей требованиям к их воспитанию или содержанию, либо совершают правонарушения или иные антиобщественные действия; являются жертвами физического, психического или иного вида насилия; пострадали в результате военных действий, природных или техногенных аварий, бедствий, катастроф; оказались в других неблагоприятных условиях, экстремальных ситуациях.

В современном ювенальном законодательстве России используется несколько другой термин – «лицо, находящееся в жизненно трудной ситуации». По нашему мнению, оба этих термина следует признать неудовлетворительными. Главным их недостатком является указание преимущественно на характеристику внешней социальной среды нахождения, воспитания и жизнедеятельности несовершеннолетнего. Что касается самой личности несовершеннолетнего, то имеет место только характеристика его поведения, проявившегося в совершении преступления или другого правонарушения. Социально-нравственная и криминологическая характеристика и оценка самой личности несовершеннолетнего правонарушителя, а также его взаимоотношений с окружающей социальной средой практически отсутствуют. Это существенное упущение, которое свидетельствует об отсутствии полноты и целостности в трактовке несовершеннолетних, которые нуждаются в профилактической работе и ювенальной антидевиантной деятельности со стороны государства и общественности.

Еще одним недостатком является невключение в систему ювенальной антидевиантной политики несовершеннолетних жертв преступлений и других правонарушений, совершенных несовершеннолетними делинквентами. В сис-

тему ювенальной антидевиантной политики на паритетных началах с несовершеннолетними правонарушителями обязательно должны быть включены и несовершеннолетние жертвы преступлений и других правонарушений. Это обусловлено тем, что жертвы девиантного поведения несовершеннолетних являются неотъемлемым компонентом асоциального девиантного поведения как социального феномена и научной его дефиниции. При этом виктимологическая профилактика, защита прав и интересов жертв преступлений и других правонарушений являются общепризнанным в криминологии важным направлением социально-правового контроля преступности и другого девиантного поведения. Таким образом, криминологическая направленность ювенальной антидевиантной политики должна быть дополнена виктимологической деятельностью, ориентированной на предупреждение виктимизации несовершеннолетних, защиту их прав и интересов, оказание им социальной и другой помощи, а также их реабилитацию и ресоциализацию.

Следовательно, характеристика личности несовершеннолетнего потенциального или реального преступника и другого правонарушителя (делинквента), а также потенциальной или реальной жертвы девиантного поведения несовершеннолетних, которые являются объектами ювенальной антидевиантной политики, должна иметь комплексный социально-статусный, социокультурный, нравственно-правовой, криминологический и виктимологический характер.

Она должна включать криминологически и виктимологически значимую комплексную характеристику и нравственно-правовую оценку:

а) всего многообразия социальных, социокультурных и психологических качеств и биогенетических свойств их личности на предмет их соответствия общепринятым медицинским, нравственным и правовым стандартам и нормам;

б) их поведения и образа жизни, которые могут детерминировать девиантное поведение;

в) их экономического, социального и культурного статуса, а также ближайшего социального окружения (семейно-бытового, учебно-производственного и досугового), имеющих девиантногенный характер;

г) типичных девиантногенных социальных ситуаций их жизнедеятельности;

д) содержания и характера взаимоотношений и взаимодействий несовершеннолетнего с окружающей его социальной средой;

е) особенностей детерминации и мотивации совершенного или прогнозируемого аморального, противоправного или виктимного поведения.

В связи с этим предлагаем использовать в национальном ювенальном антидевиантном законодательстве следующие термины. Социальное поведение

несовершеннолетних в зависимости от личностной значимости, общественной полезности и соответствия моральным и правовым нормам следует классифицировать следующим образом:

1. Социально-позитивное поведение (личностно значимое и социально полезное поведение, соответствующее моральным и правовым нормам).

2. Девиантное поведение: а) социально-инновационное девиантное поведение; б) асоциальное девиантное поведение: аморальное; делинквентное (правонарушения); преступное, или криминальное (преступления).

Объектами ювенальной антидевиантной политики должны быть:

1. Все несовершеннолетние лица, находящиеся в социально неблагополучном положении (ситуации, обстановке), то есть положении (ситуации, окружении) асоциально-девиантного или асоциально-виктимного риска – опасности (угрозы), создающей возможность (вероятность) асоциального девиантного поведения или виктимизации – стать жертвой асоциального девиантного поведения.

2. Асоциально-девиантогенные несовершеннолетние – лица с потенциальным асоциальным девиантным поведением, то есть относящиеся к группе асоциального девиантного риска.

3. Асоциально-девиантные несовершеннолетние – лица с асоциальным девиантным поведением.

4. Асоциально-виктимогенные несовершеннолетние – потенциальные жертвы асоциального девиантного поведения.

5. Асоциально-виктимные несовершеннолетние – реальные жертвы асоциального девиантного поведения.

Система детерминант асоциального девиантного (девиантногенного) поведения несовершеннолетних включает наличие и взаимодействие следующих структурных элементов: факторов – обстоятельств социальной среды или отрицательных качеств и свойств личности, создающих предпосылки и благоприятную почву для асоциального девиантного поведения; причин – обстоятельств социальной среды или отрицательных качеств и свойств личности, непосредственно порождающих асоциальное девиантное поведение; условий – обстоятельств социальной среды или отрицательных качеств и свойств личности, способствующих формированию и действию причин асоциального девиантного поведения.

Перечень детерминант асоциальной девиантогенности или асоциальной девиантности несовершеннолетних включает:

– деструктивные качества и свойства личности девиантов и их деформированный образ жизни;

– деструктивные качества и свойства личности жертв девиантного поведения и их деформированный образ жизни;

– асоциально неблагополучное социальное окружение микро- или макроуровня;

– неблагоприятные социально-ситуативные обстоятельства асоциального девиантного риска;

– деструктивное взаимодействие (интеракция) девианта с социальной средой.

Перечень детерминант асоциальной виктимогенности или асоциальной виктимности несовершеннолетних включает:

– деструктивные качества и свойства личности девиантов и их деформированный образ жизни;

– деструктивные качества и свойства личности жертв асоциального девиантного поведения и их деформированный образ жизни;

– асоциально неблагополучное социальное окружение жертв асоциального девиантного поведения микро- или макроуровня;

– неблагоприятные социально-ситуативные обстоятельства асоциально-виктимного риска;

– деструктивное взаимодействие (интеракция) жертвы с социальной средой, в том числе с девиантом.

Типы детерминации асоциальной девиантогенности или асоциальной девиантности поведения несовершеннолетних: личностный асоциально-девиантный, личностный асоциально-девиантно-виктимный, социально-ситуативный, деструктивно-личностно-социально-интеракционный.

Типы детерминации асоциальной виктимогенности или асоциальной виктимности личности: личностный асоциально-девиантный, личностный асоциально-виктимный, социально-ситуативный, деструктивно-личностно-социально-интеракционный.

Типы мотивации асоциального девиантного поведения несовершеннолетних: насильственная, корыстная, насильственно-корыстная, хулиганская, сексуальная, конформистская, эмоционально-ситуативная, негативистская, традиционная, небрежно-легкомысленная, социально позитивная (престижная, самоутверждающая, товарищеская и др.).

Обращает на себя внимание еще один недостаток национального антидевиантного законодательства – концентрация внимания на перечне разнообразных субъектов профилактической работы и определение их функциональных обязанностей. Однако имеет место многочисленное дублирование прав и обя-

занностей различных организаций и учреждений, относящихся к разным министерствам и ведомствам, которое приводит к достаточно распространенной тривиальной ситуации, когда «у семи нянек дитя без глаза». При этом серьезное возражение вызывает возложение обязанности по координации профилактики правонарушений несовершеннолетней молодежи на комиссии по делам несовершеннолетних при местных и республиканских органах власти, которые практически имеют только канцелярский штат постоянных работников. Неудачным представляется предложение некоторых криминологов о поручении координационных профилактических функций ювенальным судам. В ряде стран мира, например в Швеции, эти координационные функции выполняют органы социального обеспечения и защиты. Они полагают, что правонарушителей нецелесообразно искусственно отделять от всей молодежи, и рассматривают создание благоприятных условий, стимулирующих социально позитивный образ жизни молодежи в целом, в том числе и групп асоциального риска, в качестве главного направления ювенальной общесоциальной и антидевиантной политики. В контексте реализации в нашей стране модели социально ориентированного демократического правового государства вполне возможно заимствование шведской практики решения данной проблемы. В качестве альтернативного достаточно приемлемого варианта представляется возможным возложить функции координации работы государственных органов и общественных организаций по осуществлению ювенальной антидевиантной политики на отделы по делам молодежи при местных и республиканских органах власти при обязательном условии переориентации приоритета с идеологической работы на социальную молодежную политику.

В контексте вышеизложенного полагаем, что основной целью стратегии ювенальной антидевиантной политики является формирование молодежи, ведущей социально позитивный и здоровый образ жизни, обеспечение защиты конституционных прав человека на личную, имущественную и общественную безопасность, а также минимизация уровня преступности, других антиобщественных деяний несовершеннолетней молодежи и криминальной виктимизации граждан.

Реализация данной цели требует решения следующих задач (основных направлений) ювенальной антидевиантной политики:

1. Создание экономических, социальных и культурных условий, обеспечивающих устойчивое и гармоничное развитие молодежи, включая развитие нравственной и правовой культуры, формирование ценностных ориентаций на социально позитивное поведение и здоровый образ жизни, – общая ювенальная социальная политика.

2. Смягчение, нейтрализация и постепенное преодоление основных социальных и личностных причин и условий, порождающих девиантное поведение несовершеннолетних, – криминологическая ювенальная политика.

3. Противодействие и борьба с преступностью и другими антиобщественными явлениями среди молодежи в целях устойчивого снижения их масштабов, а также уменьшения физического, морального, материального и другого ущерба, причиняемого ими, – административная и уголовная ювенальная политика.

4. Предупреждение и устойчивое снижение уровня девиантной виктимизации граждан, защита прав жертв преступлений и других антиобщественных проявлений несовершеннолетних, оказание им реабилитационной помощи – виктимологическая ювенальная политика.

5. Социально-реабилитационная и социально-восстановительная работа с несовершеннолетними преступниками и другими правонарушителями, а также жертвами их асоциального девиантного поведения – социально-реабилитационная и социально-восстановительная ювенальная политика.

Экономическая, социальная и культурная ювенальная политика, реализуемая на макросоциальном, институциональном и личностном уровнях, в сочетании с профилактической, виктимологической и социально-реабилитационной деятельностью должны быть приоритетными в стратегии современной ювенальной антидевиантной политики.

Современная ювенальная антидевиантная политика будет эффективной, если ее осуществлять на основе следующих принципов: системности, комплексности и дифференцированности; активности и последовательности; законности и уважения прав человека; единства профилактики, пресечения, наказания и ресоциализации правонарушителей, а также защиты прав жертв антиобщественного поведения и оказания им реабилитационной помощи; привлечения населения к профилактике и социальному контролю антиобщественных явлений; научной обоснованности, планирования и координации деятельности государственных органов и общественности; международного сотрудничества и совместной межгосударственной деятельности.

Таким образом, в ближайший период времени в стране на научно-теоретическом, законодательном и социально-практическом уровнях необходимо постепенно изменить приоритеты в государственной ювенальной антидевиантной политике, а именно осуществить переход с наказательно-карательной и запретительно-воспитательной деятельности на активную социальную и профилактическую, а также виктимологическую и реабилитационную работу. Это относится прежде всего к социальной и индивидуальной профилактике пьянства и алкого-

лизма, наркомании и токсикомании, проституции, бродяжничества и других правонарушений, в происхождении и развитии которых доминируют социальные, культурные и социально-психологические причины и условия, связанные с процессами дезорганизации общества и культурно-нравственными деформациями в образе жизни и развитии молодежи. Все эти инновации должны быть отражены в проекте нового закона и ювенальной антидевиантной политике.

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ И ИХ НЕМЕДИЦИНСКОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ В СТРАНАХ СНГ

Боголюбова Т.А.

В статье рассмотрено состояние незаконного оборота наркотиков и их немедицинского потребления в странах СНГ. Определены основные направления взаимодействия стран Содружества в борьбе с ними.

Распространение в странах СНГ незаконного оборота наркотиков и их немедицинского потребления имеет долгую историю. По имеющимся в нашем распоряжении данным государственной статистики, на территории бывших республик СССР число учтенных потребителей наркотических средств характеризовалось следующим образом (таблица 1).

Таблица 1 – Число лиц, состоявших на учете по поводу немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ (на конец отчетного периода)

Годы	**1980**	**1981**	**1982**	**1983**	**1984**	**1985**	**1986**	**1987**	**1988**	**1989**	**1990**
УССР	8371	9203	9764	12692	14778	18423	24442	28463	28076	27426	28556
БССР	313	270	222	192	167	183	314	458	668	688	786
Узб. ССР	4449	4351	4383	4777	5439	6404	9244	11436	12438	11476	11071
Казах. ССР	2542	2672	3051	3205	4412	5882	7733	9556	10566	10473	10676
Груз. ССР	2889	2808	3302	2998	2552	2861	3484	3143	2865	2693	2666
Азерб. ССР	2171	2011	1824	1681	969	1223	1573	1900	1979	1851	1924
Литов. ССР	132	111	147	157	215	259	602	1047	766	715	701
Молд. ССР	69	56	65	132	97	185	457	721	688	504	492
Латв. ССР	200	196	199	201	245	253	422	519	615	569	595
Киргиз. ССР	1725	1456	1525	1800	1901	1912	2017	2699	2459	2343	2421

Окончание таблицы 1

Тадж. ССР	1133	1140	1018	1138	1185	1523	1717	1788	1784	1652	1527
Арм. ССР	986	1069	1132	715	806	865	1216	981	932	963	386
Туркм. ССР	6776	6129	5974	5652	5653	6330	6583	5792	5316	4950	4668
Эст. ССР	162	164	105	108	147	96	216	546	379	302	273
РСФСР	32269	33932	32766	34010	36740	36726	52329	61246	57250	515517	52034
СССР	64021	65586	65391	69472	75290	83171	112189	130059	126939	118226	118891

За десятилетие число учтенных потребителей наркотиков в СССР увеличилось на 86 %. В ряде бывших республик СССР этот рост был еще более внушительным. В Казахстане оно увеличилось втрое. На Украине – в 2,5 раза, в Узбекистане и Белоруссии – в 1,5 раза, в Молдавии – в 6 раз.

Между немедицинским потреблением наркотиков и преступностью существует неразрывная связь. «Преступления, связанные с наркотиками и на почве злоупотребления ими, приобретают различные формы. Некоторые из них тесно связаны с производством и распространением наркотических средств, другие… совершаются по причине злоупотребления ими, а некоторые – из корыстных побуждений, с целью получения средств на приобретение наркотиков» [1, с. 35].

Ниже (таблица 2) приведены выборочные данные, характеризующие состояние преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков [2]. При их анализе нельзя сбрасывать со счета присущую этим посягательствам высокую латентность, позволяющую сознательно регулировать показатели. И даже с учетом этих обстоятельств стабильный рост указанной преступности был характерен для большинства союзных республик.

Таблица 2 – Регистрация преступлений, предусмотренных ст.ст. 224, 224^1, 224^3 УК РФ

Годы	**1985**	**1986**	**1987**	**1988**	**1989**
РСФСР	16422	22442	16806	24199	19018
УССР	1748	1220	1843	46380	78061
БССР	34	48	151	5376	6888
Узб. ССР	2007	2669	2198	3995	3136
Казах. ССР	3488	4227	3423	2965	3574
Груз. ССР	790	870	301	390	425
Азерб. ССР	418	489	482	506	542
Литов. ССР	22	94	135	920	554
Молд. ССР	88	296	178	3881	15044
Латв. ССР	18	20	75	239	136
Киргиз.ССР	987	952	832	852	906
Тадж. ССР	473	646	384	485	398
Арм. ССР	219	209	96	27	32
Туркм. ССР	1020	921	315	294	271
Эст. ССР	5	14	25	31	18

Приведенные данные соответствуют периоду становления наркотизма в странах СНГ. Как же развивается ситуация с наркотизмом в этих странах в настоящее время? Удалось ли странам СНГ стабилизировать ситуацию, добиться положительных результатов в решении проблемы сокращения спроса и предложения наркотиков?

Изучение научных и статистических данных показывает, что рассматриваемая проблема для стран СНГ не утратила своей актуальности [9, с. 176].

Характеризуя наркотическую обстановку в Республике Азербайджан, Э. Гасанов писал: «Результаты исследований показывают, что наркотическая обстановка в республике интенсивно осложняется. Состояние наркотической преступности характеризуется проявлением устойчивых негативных тенденций. Некоторые из них совпадают с аналогичными проявлениями наркотизма других государств» [4, с. 209].

Анализируя наркотическую ситуацию в Кыргызстане А.М. Аманбаев указывал, что на ее развитие оказали влияние многие факторы. Среди них он называет «рост производства наркотиков в Афганистане, усиление спроса на наркотики в странах СНГ и Европы, транзит наркотиков, рост социально-экономических трудностей в Республике, приводящий к вовлечению в наркобизнес представителей социально уязвимых слоев населения, изменение характера употребления наркотических средств в сторону увеличения инъекционного способа» [10, с. 157].

Число лиц, состоящих на учете по поводу немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ, в странах СНГ продолжает увеличиваться, что демонстрируют данные таблиц 3 и 4.

Таблица 3 – Численность больных наркоманией и токсикоманией, состоявших на учете в лечебно-профилактических учреждениях на конец года (тыс.)

Годы	**1991**	**1992**	**1993**	**1994**	**1995**	**1996**	**1997**	**1998**	**1999**
Азербайджан	1,8	2,5	3,3	3,9	5,0	6,1	7,3	8,1	13,2
Армения	0,2	0,3		0,2	0,2	0,2	0,3	0,2	0,2
Беларусь	7,6	8,9	1,2	1,3	1,6	2,3	2,8	3,2	3,7
Грузия							2,8	3,0	3,7
Казахстан	4,8	5,2	5,8	6,4	7,7	10,4	26,6	33,0	35,8
Молдова	0,4	0,5	0,7	0,9	1,1	1,4	1,7	3,0	4,5
Россия	37,2	39,8	45,8	55,0	64,9	88,1	120,6	160,0	209,1
Таджикистан	0,7	0,6	0,6		0,8	1,0	0,9	……	…….
Туркмения	3,3	3,2	3,3	3,5	4,4	4,1	……	…….	……..
Узбекистан	4,6	4,8	5,3	6,2	7,0				
Украина	25,0	27,7	33,7	39,3	46,5	52,4	55,4	62,0	69,3

Таблица 4 – Численность больных наркоманией и токсикоманией, состоявших на учете на конец года (тыс.).

Годы	**2000**	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**
Азербайджан	14,1	15,2	16,2	16,6	17,0	17,8	18,8
Армения	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,3
Беларусь	4,7	5,7	6,1	6,4	6,6	6,7	6,9
Грузия	4,3	4,8	5,8	……..	……..	……..	…….
Казахстан	42,4	46,8	49,7	50,6	51,8	54,4	55,2
Кыргызстан	4,4	5,0	5,5	6,3	6,8	7,2	8,4
Молдова	5,0	4,6	5,3	6,2	6,5	7,0	7,5
Россия	281,0	329,0	336,0	340,0	340,0	342,0	……..
Таджикистан	4,6	6,3	6,5	……..	7,2	7,3	7,94
Узбекистан	……		……	……..	……..	……	……
Украина	76,0	82,3	86,6	88,3	88,4	87,9	86,6

Практически во всех странах СНГ отмечается рост числа лиц, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях по поводу немедицинского потребления наркотических средств, психотропных и иных одурманивающих средств. Так, в Республике Украина в 2006 г. анализируемый показатель по сравнению с уровнем 1991 г. вырос почти в 3,5 раза, в Республике Беларусь – в 9 раз, в Республике Казахстан – более чем в 11 раз. Отсутствие статистической информации по ряду стран СНГ не позволяет включить их в анализ. Однако и имеющиеся выборочные данные по ним позволяют предположить, что и они охвачены отмеченной тенденцией, тем более что нельзя отрицать высокий уровень латентности учета потребителей наркотических и иных одурманивающих средств, свойственный этому показателю вообще и особенно в условиях социальных преобразований, требующих первоочередного внимания к вопросам экономики и политики.

Ниже (таблицы 5, 6) приведены статистические данные, характеризующие регистрацию преступлений, связанных с наркотиками, в странах СНГ, которые показывают наличие определенных проблем и в этой области.

Таблица 5 – Число зарегистрированных преступлений, связанных с наркотиками [11]

Годы	**1991**	**1995**	**1996**	**1997**	**1998**	**1999**	**2000**	**2001**
Азербайджан	857	2827	2697	2602	2450	2387	2370	2303
Армения	80	624	494	577	641	480	483	411
Беларусь	518	1550	2059	2897	3018	3163	3998	4333
Грузия	Нет свед.	1145	1207	1173	1218	1367	1671	1783
Казахстан	5010	13 246	17 077	14 817	18 676	21 059	23 319	17 381
Кыргызстан	1147	2623	2922	3103	3295	3459	3539	3205
Молдова	169	691	945	Нет свед.	1233	2101	2031	1897
Россия	19 300	79 900	96 800	184 800	190 100	216 400	243 600	241 600

Окончание таблицы 5

Таджикистан	533	695	592	658	979	1646	1922	1922
Туркмения	575	2391	2089	2663	…..	…..	…..	…..
Узбекистан	4623	…..	…..	…..	…..	…..	8257	7641
Украина	11 028	38 181	38 258	38 348	40 045	42 823	45 748	47 905

В последующие годы число преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, в странах СНГ характеризовалось следующими показателями.

Таблица 6 – Число зарегистрированных преступлений, связанных с наркотиками

Годы	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**
Азербайджан	2190	2049	2053	2114	2266
Армения	420	346	411	737	957
Беларусь	5303	5599	5808	5610	5000
Грузия	1855	1945	1941	2074	3542
Казахстан	13 015	11 649	9588	9740	10 000
Кыргызстан	3018	3106	3001	2565	2437
Молдова	2481	2318	2148	2106	2101
Россия	189 600	181 700	150 100	175 200	212 000
Таджикистан	1087	877	754	620	581
Туркмения	…..	…..	…..	…..	…..
Узбекистан	…..	…..	…..	…..	…..
Украина	58 085	57 435	65 752	65 026	64 600

Можно констатировать практически повсеместный рост анализируемой преступности во всех странах СНГ. Например, в сравнении с уровнем 1991 г. указанная преступность выросла в 2006 г. в Республике Азербайджан более чем в 1,5 раза (на 164,4 %), в Республике Армения в 10 раз (на 1096,0 %), в Республике Беларусь в 8 раз (на 865,0 %). В Республике Грузия только за период 1995–2006 гг. анализируемая преступность выросла на 209,3 %. На Украине анализируемый показатель в 2006 г. по сравнению с 1991 г. вырос почти в 5 раз. Да и по всем остальным странам СНГ показатели 1991 г. в 2006 г. были значительно превышены.

Отмечаемые колебания анализируемого показателя не влияют на общую тенденцию последних десяти-пятнадцати лет. Сами по себе они могут быть объяснены тем, что во всех странах СНГ имеет место неконтролируемое развитие незаконного оборота наркотиков, внимание к которому время от времени более или менее актуализируется, либо тем, что проявления наркотизации населения и связанной с этим преступности становятся такими очевидными, что не заметить их просто невозможно.

Подтверждением наличия негативной тенденции в развитии преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, являются регистрируемые негативные изменения удельного веса этого вида преступлений в массиве всех зарегистрированных (таблица 7).

Таблица 7 – Удельный вес преступлений, связанных с наркотиками, в общем массиве выявленных преступлений (%) [6, с. 213–628]

Годы	**1991**	**1995**	**2000**	**2005**	**2006**
Азербайджан	5	14	17	12	12
Армения	1	6	4	8	10
Беларусь	1	1	3	3	3
Грузия	…..	7	11	5	6
Казахстан	3	7	15	6	7
Кыргызстан	4	6	9	8	8
Молдова	0,4	1	5	8	9
Россия	1	3	8	5	6
Таджикистан	3	5	13	5	5
Узбекистан	5	…..	11	…..	…..
Украина	3	6	8	13	15

Приведенные в статье показатели свидетельствуют о том, что проблема распространения в странах СНГ незаконного оборота наркотиков и их немедицинского потребления продолжает воспроизводиться. Ее преодоление требует совместного приложения усилий всех стран Содружества, так как распространение незаконного оборота наркотиков и связанных с ним многочисленных негативных последствий не знает национальных границ. Мировое сообщество давно осознало необходимость координации усилий в противодействии этому явлению. Проблема незаконного оборота наркотиков была одной из первых, разрешение которой начало осуществляться координированными усилиями разных стран.

Разрабатывая меры противодействия незаконному обороту наркотиков, мировое сообщество использует различного рода мероприятия. Среди них могут быть выделены организационные меры, направленные на координацию усилий правоохранительных органов разных стран, включая широко известные совместные операции, направленные на пресечение деятельности организованных преступных групп, занимающихся распространением, контрабандой наркотиков. В этом же ряду назовем различного рода управленческие мероприятия, включающие международные совещания и конференции, обучение сотрудников правоохранительных органов в странах, ранее других столкнувшихся с указанной проблемой и накопивших опыт противодействия ей и т. п.

Большое значение для развертывания согласованного международного сотрудничества в противодействии незаконному обороту наркотиков играет гармонизация законодательства разных стран, ведущих борьбу с незаконным оборотом наркотиков на своей суверенной территории. Именно под таким углом зрения может оцениваться содержание хорошо известных международных конвенций, посвященных незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. В связи с распадом СССР и возникновением на его территории суверенных государств единое правовое пространство перестало существовать, что не могло не породить и в действительности породило ряд серьезных трудностей, в том числе и в едином противостоянии проблеме незаконного оборота наркотиков. «Разрыв единого правового пространства, существовавшего в рамках СССР, негативным образом сказался на эффективности усилий правоохранительных органов во всех бывших союзных республиках» [8, с. 224].

4 октября 2007 г. в городе Душанбе на заседании Совета министров иностранных дел Содружества Независимых Государств было принято Заявление глав государств – участников СНГ об активизации сотрудничества в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. В документе подчеркнута необходимость осуществления работы «по дальнейшему совершенствованию договорно-правовой базы международного сотрудничества и при необходимости сближению национальных законодательств в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков и злоупотреблению ими».

Приоритетной целью взаимодействия всех стран СНГ должна стать активная и бескомпромиссная борьба с теми, кто распространяет наркотики среди их населения. Это – главная задача правоохранительных органов, которая до сих пор выполняется недостаточно четко.

Для организации взаимодействия в указанной сфере крайне важен текущий анализ ситуации, складывающейся в Содружестве с распространением наркотиков, и прогноз ее развития. Целесообразно разработать и внедрить в практику стран СНГ единую методику анализа состояния незаконного оборота наркотиков и их немедицинского потребления. Это позволит своевременно конкретизировать взаимодействие, определяя его приоритетные направления в зависимости от складывающейся ситуации, в том числе с учетом данных о маршрутах контрабандного поступления наркотиков и их транзита через страны СНГ.

Многоаспектность проблематики незаконного оборота наркотиков и их потребления предполагает участие в противодействии этой деятельности органов медицины, образования и общественности. Например, наряду с выявлением и наказанием сбытчиков наркотических средств надо вести работу по формированию установки на здоровый образ жизни, лечить заболевших наркоманией,

заниматься ресоциализацией лиц, прошедших лечение. Именно поэтому взаимодействие стран СНГ в решении указанной проблемы не должно замыкаться только на деятельности законодательных и правоохранительных органов. Важно, чтобы в этой работе активное участие принимала общественность стран Содружества. С учетом региональных особенностей незаконного предложения наркотиков приоритетность включения различных органов во взаимодействие может быть различной, но она требуется повсеместно. Без расширения круга участников взаимодействия эффективное противодействие незаконному обороту наркотиков нельзя организовать. Можно считать, что первые шаги в этом направлении делают ученые стран СНГ, стремящиеся объединить свои усилия в противостоянии незаконному обороту наркотиков.

Список использованных источников

1. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: учеб. пособие / под общ. ред. А.Н. Сергеева. – М.: Щит-М, 2000. – 580 с.
2. Статистика преступности представлена выборочными показателями по ст.ст. 224, 224^1, 224^3 УК РФ 1997 г., что дает определенное представление о состоянии анализируемой преступности, поскольку регистрация других составов анализируемой совокупности представлена единичными проявлениями.
3. Преступность в изменяющемся мире и проблемы оптимизации борьбы с ней / под ред. проф. А.И. Долговой. – М.: Рос. криминол. ассоц., 2006. – 458 с.
4. Гасанов, Э. Антинаркотизм: уголовно-правовые проблемы / Э. Гасанов. – Азернешр, 1994 г. – 312 с.
5. Преступность и общество: сб. науч. тр. / ВНИИ МВД РФ; отв. ред. С.И. Гирько. – М., 2005 г. – 305 с.
6. 15 лет СНГ (1991–2005 годы): стат. сб. / Межгос. стат. ком. СНГ. – М., 2006. – 780 с.
7. Содружество независимых государств в 2006 году / Межгос. стат. ком. СНГ. – М., 2007 г. – 650 с.
8. Клименко, И.И. Контрабанда наркотиков: проблемы, расследование, взаимодействие следствия и дознания / И.И. Клименко. – Барнаул, 2006. – 234 с.
9. Ивасенко, В.Б. Совершенствование мер противодействия незаконному обороту наркотиков на границе / В.Б. Ивасенко // Преступность в изменяющемся мире и проблемы оптимизации борьбы с ней: сб. – М., 2006.
10. Аманбаев, А.М. Анализ наркоситуации в Кыргыстане и меры по усилению борьбы с незаконным оборотом наркотических средств / А.М. Аманбаев // Преступность и общество: сб. науч. тр. ВНИИ МВД РФ. – М., 2005.
11. Данные получены из статистических сборников Межгосударственного статистического комитета СНГ.

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

Бочков А.А., Янч В.В.

Статья посвящена проблемам формирования правовой культуры молодежи, совершившей преступления и отбывающей наказание в местах лишения свободы (на примере Воспитательной колонии № 1 г. Витебска).

В ходе исследования, проведенного методом анкетирования, проверялась гипотеза о том, что правовая культура несовершеннолетних правонарушителей характеризуется наличием деформаций, обусловленных не столько дефицитом правовых знаний, сколько поведенческими установками и пробелами, допущенными в ходе социализации личности.

Гипотеза подтвердилась – знание права не всегда порождает правомерное поведение. Респонденты продемонстрировали знание основ конституционного строя Республики Беларусь, основных прав и свобод граждан. Знания норм трудового и уголовного законодательства в основном основаны на личном жизненном опыте опрошенных, носят несистемный характер, но в целом не имеют существенных отличий от знаний большинства населения.

Совершенные респондентами правонарушения показывают, что правовые знания должны стать убеждениями, соединиться с мотивационно-волевой структурой личности, превратиться в императивы правомерного поведения.

Итоги исследования показали, что в большинстве своем несовершеннолетние правонарушители осознают потребность в формировании правовой культуры, которая поможет им в адаптации к жизни после отбывания наказания.

Правовая культура является одним из важнейших показателей цивилизованности общества. Чем выше ее уровень, тем выше уровень правопорядка, степень защищенности граждан. Поэтому деформации правовой культуры, в особенности несовершеннолетних правонарушителей, являются объектом изучения не только педагогов, работников инспекций по делам несовершеннолетних, но и криминологов, социологов права. Именно этой проблеме посвящено исследование, проводимое юридическим факультетом УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова».

При подготовке исследования была высказана гипотеза: правовая культура несовершеннолетних правонарушителей характеризуется наличием деформаций, обусловленных не столько дефицитом правовых знаний, сколько поведенческими установками и пробелами, допущенными в ходе социализации личности.

Исследование проводилось методом анкетирования. Анкета структурно включала в себя блоки вопросов, направленных на выявление уровня правовой

информированности, оценочного, мотивационного и поведенческого уровней правовой культуры несовершеннолетних правонарушителей. Для апробации анкеты было проведено пилотажное исследование: были опрошены 76 человек, отбывающих наказание в Воспитательной колонии № 1 (г. Витебск).

Правовая информированность определялась через выявление знаний основ конституционного строя, избирательного права, трудового и уголовного законодательства. В ходе исследования выявлено достаточно хорошее знание основ конституционного строя Республики Беларусь. Так 94,5 % респондентов дали правильный ответ на вопрос о форме государственного правления, 87,5 % верно определили политический (государственный) режим, 88,9 % в качестве одного из важнейших признаков республиканской формы правления назвали производность государственной власти от суверенитета народа, а 69,7 % опрошенных считают, что высшей целью государства Конституция Республики Беларусь декларирует обеспечение прав и свобод человека.

Что касается избирательного законодательства, то 93,4 % респондентов правильно ответили на вопрос о том, с какого возраста граждане начинают обладать избирательным правом, 88,2 % знают, кто является главой государства, а 87,5 % четко дифференцируют представителей власти, избираемых населением на выборах.

В сфере трудовых правоотношений 80,3 % опрошенных знакомы с тем, что для несовершеннолетних законом установлена сокращенная продолжительность рабочей недели, 51,0 % респондентов осведомлены о том, что продолжительность ежедневной работы (смены) для работников в возрасте от 16 до18 лет не может превышать 7 ч, а 81,6 % знают, что к работе в ночное время не допускаются работники моложе 18 лет.

В то же время 50 % респондентов не знают, с какого возраста по общему правилу допускается заключение трудового договора, 55,3 % не имеют четкого представления о продолжительности рабочей недели (что, очевидно, обусловлено их возрастом и зачастую отсутствием трудового стажа).

Что касается уголовного законодательства, то на все поставленные вопросы большинство респондентов дало верные ответы. Так, например, 92,1 % опрошенных знают, что минимальный возраст привлечения к уголовной ответственности составляет 14 лет, 78,9 % правильно ответили на вопрос о том, в каком возрасте по общему правилу лицо может быть привлечено к уголовной ответственности.

Источниками знаний о праве для 40,9 % респондентов являются СМИ (газеты, журналы, телевидение, Интернет), для 30,0 % – друзья и родственники, для 10,9 % – официальные правовые источники, для 10,0 % – научно-

популярная литература, для 8,2 % – профессиональные юристы. Интересно, что более чем за 20 лет предпочтения граждан не претерпели существенных изменений. В 80–90-х гг. прошлого столетия источники правовой информации для советских людей располагались в следующем порядке:

телевидение, газеты, журналы, радио – 42–63 %;

межличностное общение в сфере правовых коммуникаций – 12,9 %;

научно-популярная юридическая литература – 12,6 %.

Обращение к профессиональному юристу стояло на четвертом месте [1, с. 133]. То есть неофициальные источники и межличностное общение выступают для большинства населения основными источниками знаний о праве.

Как отмечалось выше, в анкету был включен блок вопросов, направленных на изучение оценочного уровня правовой культуры несовершеннолетних правонарушителей. Так, на вопрос «Какие из характеристик в наибольшей степени присущи нашему государству?» 56,8 % респондентов определили его как демократическое, 53,9 % – как открытое, 49,8 % – как миролюбивое, 46,0 % – как культурное. Негативных оценок значительно меньше: отсталым наше государство воспринимают 19,7 % опрошенных, авторитарным – 16,4 %, закрытым – 6,6 %.

На вопрос «Какие принципы правового государства полностью реализуются в Республике Беларусь?» были получены следующие ответы:

– неприкосновенность частной собственности – 28,4 %;

– соблюдение основных прав и свобод граждан – 25 %;

– законность – 18,4 %;

– независимость судов – 16,4 %;

– верховенство закона – 16,4 %;

– контроль законодательной власти над исполнительной – 13,2 %.

Затруднились дать ответ на этот вопрос 36,8 % опрошенных.

Приведенные показатели демонстрируют, с одной стороны, недостаточную осведомленность респондентов об основных принципах функционирования правового государства, а с другой – невысокую оценку реализации этих принципов в нашей стране.

51,9 % опрошенных считают, что реальная власть в Республике Беларусь принадлежит Президенту. Именно поэтому, очевидно, 33,3 % респондентов убеждены в том, что Президент в наибольшей степени определяет содержание принимаемых законов. Второе место по влиянию на содержание законодательства, по мнению опрошенных, делят палаты Парламента и Правительство – по 21,9 %. Показательно, что лишь 0,9 % респондентов верят в возможность преступных

группировок влиять на законотворческий процесс. Объяснить такую оценку можно достаточно эффективной антикоррупционной деятельностью государства.

Респондентам был задан также вопрос о том, каким органам власти, социальным институтам, политическим партиям и движениям они доверяют. Наибольшее доверие у опрошенных вызывает церковь – 35,8 %. В наименьшей степени они доверяют судебной системе – 7,5 %, политическим движениям и партиям – 5 %, органам внутренних дел – 2,5 %, прокуратуре – 1,6 %.

Представляется, что низкий уровень доверия к правоохранительным органам, судам и прокуратуре обусловлен в значительной степени негативным правовым опытом осужденных, многие из которых считают, что осуждены незаслуженно, либо не согласны с мерой наказания. Данную мысль подтверждают и ответы на вопрос о том, приходилось ли респондентам лично сталкиваться с нарушением их прав государственными органами. 29,9 % опрошенных отметили, что их права государственными органами власти не нарушались, 13,8 % отметили такие нарушения при обращении в суд или прокуратуру, 12,8 % – при обращении в милицию. В качестве причин, по которым нарушались их права, 32,9 % респондентов назвали несоответствие законов реальным условиям жизни, 16,4 % – взяточничество в органах государственной власти, 13,9 % – неисполнение актов законодательства государственными служащими, а 12,6 % – собственную правовую неграмотность. Эти же факторы указываются респондентами в качестве основных причин, по которым законы не исполняются:

– законы не соответствуют условиям реальной жизни – 26,4 %;

– граждане не знают законов – 20,6 %;

– коррупция в органах государственной власти – 15,8 %.

Снижение уровня преступности в обществе, по мнению 30 % респондентов, может быть достигнуто через замену лишения свободы альтернативными мерами наказания; по мнению 15 %, этому может способствовать профилактика правонарушений. В пользу ужесточения уголовного законодательства верят только 6 % респондентов.

Негативно оценивают осужденные к лишению свободы несовершеннолетние респонденты и смертную казнь как исключительную меру уголовного наказания – 60,5 % выступают против ее применения; положительно к смертной казни относятся лишь 11,8 % опрошенных.

В целом же около половины респондентов считают, что правопорядок в последние годы укрепляется как в стране в целом, так и на региональном уровне.

Исследование мотивационного уровня правовой культуры осужденных несовершеннолетних показало, что 58,0 % респондентов осознают потребность

в наличии правовой культуры как для повседневной жизнедеятельности, так и для будущей профессиональной деятельности, 18,4 % опрошенных же не видят в ней необходимости. На вопрос «Как Вы оцениваете уровень своей правовой культуры?» были получены следующие ответы:

– высокий – 6,5 %;

– средний – 60,5 %;

– низкий – 9,3 %;

– очень низкий – 1,3 %;

– затрудняюсь ответить – 22,4 %.

В качестве причин, обусловливающих недостаточный уровень правовой культуры, 21,3 % респондентов назвали недостаток правовых знаний, 22,3 % – нехватку практических правовых умений, 18 % – сложность правовых норм для понимания, 12,7 % – низкий уровень правовой культуры ближайшего окружения.

Как видно из приведенных выше показателей, молодые люди достаточно критично относятся к уровню своей правовой культуры, в большинстве своем осознают ее необходимость для дальнейшей жизнедеятельности. Об этом свидетельствует и то, что 76,2 % респондентов в той или иной степени готовы повысить уровень своей правовой культуры. Наиболее эффективными направлениями повышения правовой культуры 24 % опрошенных считают встречи и беседы с профессиональными юристами, 20 % – введение в учебный процесс специальных правовых курсов, 19 % – посещение мест лишения свободы, 15 % – проведение юридических консультаций, 5 % – привлечение к охране общественного порядка.

Одной из важнейших составляющих правовой культуры является поведенческая установка. И хотя в реальной жизненной ситуации поведенческие установки не всегда реализуются на практике, тем не менее, они в значительной степени отражают социальные предпочтения граждан, уровень деформаций их правосознания. В связи с этим значительный интерес представляют поведенческие установки лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Так, на вопрос «Могли бы Вы лично нарушить закон ради получения материальной выгоды?» ответили положительно 32,4 % опрошенных; 29,8 % сказали, что поступили бы подобным образом при определенных условиях. Ни при каких условиях не нарушили бы закон ради получения материальной выгоды 15,6 % респондентов. Как видим, более половины опрошенных уже на поведенческом уровне ориентированы на правонарушение.

Эта тенденция подтверждается и ответами на вопрос о том, как повели бы себя респонденты в случае столкновения их компании с другой: 34,2 % опро-

шенных готовы использовать все возможные средства вплоть до применения силы для изменения ситуации в свою пользу.

Деформации правовой культуры несовершеннолетних осужденных проявляются и в их ответах на вопросы об отношении к совершаемому преступлению. Так, например, на вопрос: «Вы стали свидетелями преступления. Ваши действия?» были получены следующие ответы:

– активно вмешаюсь с целью противодействия преступнику – 12,5 %;

– постараюсь незаметно скрыться – 15 %;

– сделаю вид, что меня это не касается, – 36 %;

– обращусь в правоохранительные органы – 5 %;

– затрудняюсь ответить – 31,5 %.

В ситуации, когда друзья (знакомые) совершают правонарушение, активно ему противодействовать намерены 27,3 % респондентов; 5,2 % будут вести себя так же, как и другие, а 32,5 % готовы сделать вид, что ничего особенного не происходит. Вариант ответа «сообщу в правоохранительные органы» не выбрал никто.

Приведенные выше результаты опроса несовершеннолетних осужденных к лишению свободы в местах заключения подтверждают сформулированную при проведении исследования гипотезу: знание права не всегда порождает правомерное поведение. Знания должны стать убеждениями, соединиться с мотивационно-волевой структурой личности. То есть правовая культура несовершеннолетних правонарушителей характеризуется наличием деформаций, связанных не столько с дефицитом правовых знаний, сколько с поведенческими установками и ошибками, допущенными в процессе социализации личности.

Итоги исследования показали, что в большинстве своем несовершеннолетние правонарушители осознают потребность в формировании правовой культуры, которая поможет им в адаптации к жизни после отбывания наказания.

Список использованных источников

1. Кудрявцев, В.Н. Современная социология права / В.Н. Кудрявцев, В.П. Казимирчук. – М., 1995.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ В РОССИИ

Евланова О.А.

В статье изложены некоторые результаты проведенного в 2007 г. криминологического исследования проблем противодействия организованной преступности в сфере наркооборота. Рассмотрены характеристики современной российской наркопреступности, предложены конкретные пути решения поставленных проблем, а также высказаны некоторые рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

В 2007 г. в рамках исследования состояния борьбы с организованной преступностью в сфере незаконного оборота наркотиков по специально разработанной анкете, выдержки из которой приведены ниже, было опрошено 265 сотрудников правоохранительных органов (прокуратуры, ФСКН и внутренних дел). Одной из основных целей исследования явилось выяснение современных характеристик организованной преступности в сфере незаконного оборота наркотиков и состояния борьбы с ней. На вопрос «Как Вы оцениваете современное состояние преступности в сфере незаконного оборота наркотиков?»[1] более половины опрошенных заявили, что число преступлений данного вида увеличивается, растет их общественная опасность (58,6 %). При этом 63,8 % отмечают, что государственная статистика не отражает реального состояния данного вида преступности. Характеризуя качественные особенности организованной преступности в сфере незаконного оборота наркотиков, эксперты подчеркнули расширение ее межрегиональных и международных связей (41,4 % и 43,8 % соответственно).

Анализ состояния организованной преступности в сфере незаконного оборота наркотиков по федеральным округам России, анализ уголовных дел и опросы экспертов показывают, что основными факторами, влияющими на характеристики преступности данного вида в России являются: этнические организованные группы, действующие в сфере наркобизнеса; прозрачность границ; неконтролируемые миграционные потоки; нестабильная экономическая ситуация в регионах; коррупционные связи; обширные зоны произрастания наркотикосодержащих культур[2]. Так, почти треть опрошенных (29,2 %) связали рост

[1] При ответе на данный вопрос респондентам было предложено выбрать 3 варианта ответов, с этим связано их процентное соотношение.

[2] В рамках проверки деятельности окружных и территориальных подразделений ФСКН, ФСБ, МВД и ФТС по предупреждению, выявлению и расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в соответствии с п. 12 работы Генеральной прокуратуры РФ на первое полугодие 2007 г. и п. 3 плана работы на второе полугодие 2007 г. были изучены материалы, поступившие из 54 регионов РФ. Выводы о региональных особенностях организованной преступности в сфере НОН и проблемах противодействия ей со стороны правоохранительных органов сделаны на основе материалов данных прокурорских проверок.

анализируемой преступности с активизацией незаконной миграции в Россию, в том числе из государств – участников СНГ (24,9 %). Недостатки пограничного контроля в объяснении причин роста организованной преступности в сфере незаконного оборота наркотиков назвало еще большее число опрошенных (38,4 %). На коррупцию как причину, вызывающую увеличение масштабов наркобизнеса в России, указали 22,5 % опрошенных, при этом 17,3 % респондентов полагают, что в преступность данного вида все чаще включаются сотрудники правоохранительных органов.

Особенности организованных преступных групп, действующих в сфере незаконного оборота наркотиков на территории Российской Федерации, выявили результаты анкетирования сотрудников правоохранительных органов. По их мнению, преступные группировки, функционирующие в сфере незаконного оборота наркотиков, в основном образованы на этнической основе (84,5 %), поддерживают межрегиональные связи, ограниченные территорией РФ (28,4 %). На наличие межгосударственных связей, ограниченных территорией государств – участников СНГ, указали 56,9 % респондентов. Следует отметить, что, по мнению 43,1 % экспертов, такого рода группировки поддерживают межгосударственные связи как со странами дальнего зарубежья, так и СНГ.

В соответствии с результатами прокурорских проверок и проведенного криминологического исследования, состояние противодействия преступности рассматриваемого вида страдает серьезными недостатками.

Несмотря на то, что в подавляющем большинстве регионов РФ, по оперативным данным, действует значительное число этнических организованных преступных формирований, занимающихся наркобизнесом, удельный вес числа зарегистрированных преступлений, совершенных в составе организованных преступных групп и преступных сообществ, в общем числе преступлений, совершенных в сфере незаконного оборота наркотиков, составлял всего 3,1 % в 2005 г., 2,3 % – в 2006 г. и 4,7 % – в 2007 г. Количественный состав преступных сообществ (по уголовным делам, рассмотренным судом с постановлением обвинительного приговора по ст. 210 УК РФ) – в среднем 5–6 человек, что явно не соответствует особенностям этого вида преступной деятельности. Подобные показатели позволяют говорить о неадекватности мер борьбы с организованной преступностью и свидетельствуют о наличии существенной проблемы в организации эффективного противодействия.

Многие исследователи отмечают, что в России идет процесс формирования наркомафии – многопрофильной структуры, включающей в себя организацию производства, переработки, транспортировки и распространения наркоти-

ческих средств в общенациональных масштабах. Так, по мнению К.С. Тарасова, изучавшего проблему наркобизнеса в зарубежных странах, Россия идет по пути, пройденному Латинской Америкой, формируя классическую мафиозную пирамиду: розничные торговцы (только в Москве их несколько тысяч); оптовики, перевозчики и торговцы на местах (с группами охраны товара в пути); лица, занимающиеся планированием операций с наркотиками и отмыванием полученных денег [1, с. 39]. Преступные сообщества, занимающиеся незаконным оборотом наркотиков, имеют весь спектр черт, характерных для организованной преступности вообще. Им свойственна четкая иерархия, наличие руководящего ядра, ролевое распределение функций членов сообщества, жесткая дисциплина и конспирация, коррумпированные связи с чиновниками различного уровня и сотрудниками правоохранительных органов, наличие коммерческих каналов легализации преступных доходов, транснациональность. Подобные образования имеют отработанную систему обеспечения безопасности, обладают сформированным планируемым бюджетом. Их преступная деятельность связана как с теневой, так и с легальной экономикой. 58,1 % опрошенных сотрудников правоохранительных органов полагают, что в сфере незаконного оборота наркотиков занято от 31 до 40 % организованных преступных групп, преступных сообществ (организаций), в процентном соотношении от их общего числа.

Существенные недостатки продолжают характеризовать противодействие контрабанде наркотических средств. В 2007 г. выявлен всего 1531 факт контрабанды наркотиков, что составляет 0,7 % от общего числа зарегистрированных преступлений в сфере их незаконного оборота. В 2006 г. – 1392 факта, соответственно 0,6 %. Тем не менее, по экспертным оценкам, количество наркотиков, ввезенных в Россию из стран ближнего зарубежья, в начале 90-х гг. составляло около 30 % от общей массы, обращающейся в незаконном обороте. В последние несколько лет этот показатель вырос вдвое. В некоторых регионах страны (Москве, Санкт-Петербурге, Хабаровске и др.) до 80 % изъятых наркотических средств имеют контрабандное происхождение. По оценкам специалистов, ежегодный объем незаконного оборота наркотиков в России составляет 5–7 млрд. долларов США. Часть этих средств вливается в легальный сектор экономики, деформируя ее, нарушая естественные процессы товарооборота и ценообразования [2, с. 22].

Высокая латентность организованной преступной деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, существенные недостатки выявления, оперативной разработки и привлечения к уголовной ответственности участников организованных преступных структур определяют наличие и функционирование во многих регионах Российской Федерации сложной системы органи-

зованных преступных формирований. Низкая эффективность противодействия организованной преступности в сфере незаконного оборота наркотиков приводит к безнаказанности преступников. Так, по мнению лишь 12 % опрошенных сотрудников правоохранительных органов, к уголовной ответственности привлекаются и осуждаются все участники преступного сообщества. 35,9 % полагают, что чаще всего к уголовной ответственности привлекаются и осуждаются лишь отдельные его участники. При этом, по мнению 28,3 % респондентов, в уголовных делах отражаются только отдельные эпизоды преступной деятельности некоторых участников таких сообществ.

Кроме того, по данным правоохранительных органов и результатам проведенных опросов, широкое распространение получила практика разобщения преступных групп, действующих в сфере наркобизнеса, оперативными мерами. Так, 23,4 % опрошенных сотрудников правоохранительных органов указали, что уголовные дела по преступлениям, совершенным в составе организованных групп, преступных сообществ, не возбуждались; разобщение групп, пресечение их деятельности осуществлялось с применением оперативных мер. В результате таких мероприятий преступное формирование чаще всего просто перемещается в один из соседних регионов, продолжая там свою преступную деятельность, а в данном регионе регистрируется снижение показателей преступности в сфере незаконного оборота наркотиков. Подобные методы локального псевдопротиводействия не позволяют добиться реального результата в борьбе с наркопреступностью и не должны быть приняты в качестве руководства к действию. В соответствии с данными анкетирования сотрудников правоохранительных органов, только 9,2 % респондентов оценивают деятельность правоохранительных органов по борьбе с организованной преступностью в сфере незаконного оборота наркотиков как высокоэффективную, 61,8 % – как среднеэффективную и 20 % – как низкоэффективную.

Существенные проблемы в организации адекватного противодействия наркобизнесу определяются, на наш взгляд, значительным комплексом вопросов, зачастую непосредственно не связанных с правоохранительной деятельностью. Так на вопрос анкеты «Если Вы оценили эффективность деятельности правоохранительных органов как среднюю или низкую, просим указать, с какими обстоятельствами, по Вашему мнению, это в первую очередь связано?» сотрудниками различных правоохранительных органов, непосредственно занимающихся борьбой с организованной преступностью в сфере незаконного оборота наркотиков, даны следующие ответы: недостатки правовой базы борьбы с преступностью в сфере незаконного оборота наркотиков 12,4 %; недостатки

координации деятельности правоохранительных органов – 2,6 %; недостатки материально-технического обеспечения подразделений, занимающихся борьбой с преступностью данного вида, – 52,9 %; нехватка кадрового обеспечения – 46,8 %; низкая квалификация кадрового состава – 41,3 %; частая реорганизация подразделений правоохранительных органов – 15,7 %; высокая коррумпированность сотрудников правоохранительных органов – 62,6 %; необходимость «улучшения» статистических показателей – 49,1 %; слишком большая нагрузка на каждого сотрудника – 27,0 %; трудности, связанные с проведением экспертиз, – 24,2 %; нежелание сотрудников выявлять преступления сверх «плана» – 13,5 %; нежелание судей брать под арест лиц, задержанных за незаконные действия с наркотиками, – 11,3 %.

В качестве возможных вариантов преодоления недостатков противодействия организованной наркопреступности респонденты назвали необходимость изменения уголовного законодательства, включая внесение существенных изменений в УК РФ (75 % опрошенных) и принятие специального закона о борьбе с организованной преступностью и коррупцией (70 %); усиление борьбы с явлениями, провоцирующими рост незаконного оборота наркотиков. Так, на необходимость концентрации усилий на работе с потенциальными потребителями наркотиков, в том числе с несовершеннолетними, указали 48 % респондентов; на необходимость усилить борьбу с незаконной миграцией – 82 %; на реализацию комплекса мер по укреплению границ – 83 %; на принятие мер организационного характера, в том числе изменение системы учета преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, – 45 %; на улучшение координации деятельности правоохранительных органов в борьбе с незаконным оборотом наркотиков – 66 %; на улучшение специальной подготовки кадрового состава – 87 %.

Таким образом, по результатам проведенного исследования состояния организованной преступности в сфере незаконного оборота наркотиков представляется возможным выделить некоторые криминологические проблемы, без решения которых, на наш взгляд, невозможно обеспечить адекватного противодействия преступности данного вида.

И первой из них является необходимость формирования реального знания о масштабах распространенности организованной преступности в сфере незаконного оборота наркотиков. Ведь положение усугубляется тем, что особенности статистического учета и существующая структура форм статистической отчетности по показателям, характеризующим состояние борьбы с организованной преступностью в сфере незаконного оборота наркотиков, не позволяют дать объективную характеристику состояния и эффективности борьбы с пре-

ступлениями, совершенными в составе организованных преступных групп, преступных сообществ (организаций). По целому ряду показателей информационно-аналитическая работа вообще не может быть осуществлена. Вследствие этого не представляется возможным не только оценить реальные масштабы организованной преступности в рассматриваемой сфере, но и дать достоверную оценку характеристик организованной наркопреступности, попавшей в поле зрения правоохранительных органов.

Другой проблемой являются сохраняющиеся по сей день существенные трудности применения на практике ст. 210 УК РФ. В качестве основных причин высокого процента оправдания подсудимых по ст. 210 УК РФ выступают ошибки при квалификации содеянного, недоработки и ошибки в методике доказывания, недостатки организационного характера.

Несмотря на то, что организация преступного сообщества либо участие в нем вменяются правоохранительными органами лишь после сбора достаточной доказательственной базы, значительное число обвинений по ст. 210 УК РФ судом признаются необоснованными. Как видно из приведенной ниже таблицы, разница между числом выявленных, привлеченных к уголовной ответственности и осужденных лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 210 УК РФ, очень велика. Подобная диспропорция не обеспечивает эффективности противодействия организованной преступности.

Таблица 1 – Динамика числа лиц, выявленных, привлеченных к уголовной ответственности и осужденных по ст. 210 УК РФ в РФ за 2004–2007 гг.

2004 г.			**2005 г.**			**2006 г.**			**2007 г.**		
Выявлено	Привлечено к уг. отв.	Осуждено	Выявлено	Привлечено к уг. отв.	Осуждено	Выявлено	Привлечено к уг. отв.	Осуждено	Выявлено	Привлечено к уг. отв.	Осуждено
412	389	20	388	370	76	513	344	147	797	491	73

Анализ судебной практики показывает, что поддержание обвинения по уголовным делам указанной категории также вызывает определенные сложности из-за отсутствия в уголовном законе четких определений как преступного сообщества, преступной организации, так и организованной группы с указанием конкретных признаков, присущих каждому из них и различающих их между собой.

Напрямую влияет на эффективность противодействия организованной наркопреступности слабое обеспечение защиты свидетелей обвинения и других участников процесса по делам об организованной преступности в сфере неза-

конного оборота наркотиков. Эта проблема, по существу носящая уголовно-процессуальный характер, должна рассматриваться, кроме прочего, в качестве одного из необходимых элементов криминологически значимых мер борьбы с организованной преступностью.

Криминологический анализ состояния борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков, выявление и расследование преступлений данного вида показывают, что противодействие этим преступлениям остается малоэффективным и никоим образом не подрывает финансовые основы наркобизнеса. Отсутствие единообразия в судебной практике по делам указанной категории вызывает существенные затруднения при доказывании объективной стороны легализации (отмывания) денежных средств.

В числе других проблем назовем существенные недостатки координации борьбы с организованной преступностью в сфере незаконного оборота наркотиков. На практике это приводит к дублированию функций органов МВД и ФСКН РФ. Отсутствие взаимодействия между правоохранительными органами, разобщенность действий существенно осложняют борьбу с организованной преступной деятельностью в сфере наркобизнеса. Анализ практики привлечения к уголовной ответственности членов организованных преступных сообществ (организаций) показывает, что к ответственности привлекаются главным образом рядовые члены и исполнители преступных формирований. Лидеры и лица, играющие руководящие, организационные роли, чаще всего избегают уголовной ответственности. Из-за малоэффективной организации взаимодействия между правоохранительными органами практически не выявляется вся цепочка участников организованной преступной деятельности, связанной с масштабным наркооборотом.

Проведенные криминологические исследования позволяют сделать вывод, что борьба с организованной преступностью в сфере незаконного оборота наркотиков требует комплексного, системного подхода с учетом многообразных взаимосвязанных аспектов социально-экономического, уголовно-правового, уголовно-процессуального, оперативно-розыскного, уголовно-исполнительного, информационно-аналитического, научно-исследовательского и иного характера.

Список использованных источников

1. Тарасов, К.С. История наркотиков и наркобизнеса в Латинской Америке / К.С. Тарасов. – М., 2000.
2. Целинский, Б.П. Современная наркоситуация в России: тенденции и перспективы / Б.П. Целинский // Организованная преступность, терроризм и коррупция: сб. – М.: Юристъ, 2003.

К ВОПРОСУ О КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Колесников В.В.

Статья посвящена выявлению ряда ключевых криминологических признаков современной глобализации, воздействие которой наиболее остро ощущает Россия наряду с другими постсоветскими государствами.

Автор обращает внимание на дихотомичность воздействия глобализации на развитие «глобализируемых» стран: она несет как положительные, так и отрицательные внешние эффекты. Это находит свое проявление и в криминальной сфере: здесь проявляются две противоположные тенденции, связанные, с одной стороны, с активизацией преступности, ее интернационализацией и усилением ее организованности, с другой стороны, с мобилизацией национальных и международных ресурсов в противодействии преступности.

Завершающая часть статьи посвящена структурированному изложению основных отрицательных внешних эффектов глобализации, обладающих признаками потенциальной криминогенности.

Глобализация представляет собой многомерное, многоплановое явление, включающее различные горизонты проявлений: экономические, социальные, политические, культурные, экологические, информационно-коммуникативные и др. Все эти уровни взаимообусловлены, взаимосвязаны и могут испытывать на себе влияние как позитивных, так и негативных экзогенных воздействий. Значительное дисфункциональное влияние на процессы глобализации оказывает преступность. Она, в свою очередь, также подвержена усвоению глобализирующих свойств современного мирового развития, в результате чего подвергается процессам интернационализации и транснационализации. В этой связи изучение явлений глобализации, прогнозирование дальнейших ее тенденций, принятие важнейших политических решений на международном уровне, в том числе в сфере международной интеграции, – все это не может не учитывать криминологические аспекты глобализации. Требуется серьезное объединение усилий во взаимной борьбе с глобальной организованной преступностью и иными криминальными явлениями, усилившимися под воздействием фактора глобализации.

Глобализация крайне неоднозначна в отношении того, как она влияет на криминогенные факторы, на развитие криминальной ситуации в государствах, подвергающихся процессам глобализации, то есть в государствах «глобализируемых». Особый криминологический интерес представляет выяснение той роли, которую играет (может играть) глобализация в усилении организованности и интернационализации преступной экономической деятельности, в деструк-

тивном воздействии на развитие национальной экономики и обеспечении национальной экономической безопасности.

Глобализация (прежде всего экономической жизни) как феномен развития человеческой цивилизации имеет свою диалектику. Это социальное явление противоречиво сочетает в себе как элементы прогресса, так и регресса, сочетаемого с дисфункциональными и деструктивными последствиями. Тот конкретно-исторический вариант глобализации, который осуществляется несколько последних десятилетий, имеет ярко выраженную поляризацию этих дихотомических свойств, а именно: для стран «глобализирующих» здесь налицо доминирование преимуществ и выгод; для государств «глобализируемых» – наоборот, явное превалирование повышенных рисков и деструктивных последствий для национальной экономической безопасности.

В системе обеспечения безопасности России до недавнего времени данные угрозы не воспринимались всерьез. Объяснений этому может быть множество. Одно из наиболее убедительных состоит в том, что подобное легковесное отношение было детерминировано самим экономическим курсом и радикально либерализированной идеологией, исповедуемой Кабинетом министров и реформаторами в 90-е гг. Сыграла свою роль и некая эйфория от возможности, наконец, «войти в лоно мировой цивилизации», одним махом получить все блага и преимущества от интеграции в мирохозяйственные связи и отношения; отсюда и стремление как можно быстрее быть принятыми в состав Совета Европы, ВТО и т. д. В какой мере здесь отразилось неведение, неопытность, наивность субъектов политического истеблишмента, а в какой – холодный расчет и целеустремленность, за которыми стоит вполне осязаемый материальный интерес, – покажет только время. Сегодня же следует как можно быстрее стряхнуть это оцепенение от зачарованности сомнительными прелестями западной глобализации и трезво оценить совокупность не только потенциальных выгод, но и стратегических рисков, представляющих реальную угрозу потери национальной безопасности. Известные события 2008 г. на Кавказе, обусловленные агрессией Грузии, и соответствующая реакция российского руководства показали, что оцепенение стало проходить. Правда, еще до этого В.В. Путин в Мюнхенской речи уже показал миру, что Россия не намерена более мириться с дискриминацией и двойными стандартами, используемыми странами «глобализирующими» в отношении «глобализируемых» государств.

Осознание феномена глобализации как формы интернационализации экономической жизни позволяет раскрыть содержание основного противоречия современной эпохи, выраженного в противостоянии процессов глобализации и

локализации (регионализации), выявить и эксплицировать дихотомичные по своей природе внешние эффекты (экстерналии) для развития национального хозяйства, а также гипотетические эффекты генезиса явлений криминализации в связи с интенсификацией процессов глобализации.

Возникновение в целом положительных для субъектов бизнеса и национальной экономики экстерналий (внешних эффектов) глобализации связано преимущественно с тем, что будущая система норм, связей и отношений в национальном хозяйстве России будет иметь значительно более высокую степень транспарентности (прозрачности) за счет перехода национальной системы финансовой отчетности на МСФО, интернализации (усвоения) системы новых институциональных норм и правил и т. д.

Это крайне усложнит деятельность и ограничит свободу маневра в пространстве легальной экономики для криминального и теневого капитала и субъектов, представляющих (в том числе лоббирующих) их интересы в структурах власти и управления. Иными словами, включение в процессы глобализации может выступить одновременно и как осуществление мер по санации национального хозяйства, его очищению от сверхкриминализированных форм экономических связей и отношений.

Совокупность отрицательных внешних эффектов глобализации для экономики России возникает прежде всего в связи со слабой конкурентоспособностью многих предприятий, сегментов и даже целых отраслей национального хозяйства; их судьба останется неопределенной, если правительство не предпримет ряд соответствующих адекватных и энергичных мер. Но наш научный интерес обращен к иному роду отрицательных экстерналий – тех, которые касаются угроз, связанных с интенсификацией и диверсификацией криминальных явлений и процессов.

Одна из них состоит в облегчении проникновения некогда легализовавшегося криминального капитала в систему международных экономических связей. Вместе с тем данный фактор можно рассматривать как временный, и более того, с учетом действия сформулированного нами закона инверсии криминальных капиталов и их субъектов, детерминирующего процессы их неизбежной легализации и легитимизации, следует ожидать в будущем общего оздоровления системы общественных отношений в экономике и снижения уровня ее криминализации и теневизации.

Вероятность такой эволюции велика, поскольку в деловых и политических кругах Запада в целом существует толерантное отношение к проблеме амнистии

теневых капиталов, да и вся история самого капитализма неразрывно связана с идеей «отпущения грехов» собственникам неправедно нажитых капиталов.

Как теперь стало очевидным, каждое из направлений глобализации может быть подвержено деструктирующему влиянию транснациональной, трансграничной организованной преступности, но и, более того, может само обладать криминогенными либо антикриминогенными свойствами. При этом, по оценкам специалистов (профессора В.В. Лунеева и др.), криминогенный потенциал глобализации значительно превышает степень ее антикриминогенности. Все это крайне актуализирует задачу тщательного, системного исследования криминологических аспектов глобализации.

Какой вклад вносит глобализация в трансформацию криминальных процессов, протекающих в мире? Каково ее криминологически значимое влияние на антикриминальную политику отдельных государств и международного сообщества в целом? Попытаемся кратко обозначить ответы на данные вопросы.

Раскрывая первый аспект воздействия глобализации, можно выделить следующие проявления детерминации. Она, во-первых, способствует значительному количественному росту преступности в мире, отдельных регионах и странах; во-вторых, обусловливает качественные изменения в причинном комплексе преступности, ее структуре, формах и видах, степени организованности и «включенности» в систему легальных экономических и иных социальных отношений (как на национальном, так и на международном уровнях), в уровне ее интернационализации, в системе типологизации личности преступников и др.

Что касается второго аспекта влияния глобализации, можно сказать, что она (в связи с происходящими множественными трансформациями преступности) детерминирует соответственно: а) новации в уголовном законодательстве; б) изменения в составе форм и методов противодействия преступности; в) рост прямых расходов и трансакционных издержек на противодействие преступности; г) расширение международного сотрудничества в борьбе с транснациональной преступностью и др.

Существует взаимная связь и обусловленность процессов глобализации в экономической, политической и иных сферах, ее криминогенных последствий и реакции на них отдельных стран и мирового сообщества. Характер этой взаимосвязи противоречив, и отсутствуют основания для абсолютно позитивного разрешения данных противоречий в обозримом будущем, что позволяет давать не очень оптимистичные прогнозы. Иными словами, криминогенная и крими-

нальная обстановка в мире, отдельных регионах и странах будет в дальнейшем обостряться. Радикальное решение проблемы возможно лишь при «свертывании» процессов глобализации, переходе государств на режим автаркии, усилении тенденций регионализации в противовес глобализации. Однако многие факты последних десятилетий убеждают, что подобное развитие событий маловероятно. Более того, пока нет существенных препятствий для дальнейшей интенсификации процессов глобализации, в которой реально заинтересовано руководство ведущих западных держав, международных финансовых организаций, транснациональных корпораций и т. п.

Можно попытаться выявить и структурировать основные отрицательные внешние эффекты глобализации, обладающие признаками потенциальной криминогенности[1]:

– утрата странами, включенными в процессы глобализации, своего суверенитета, традиционных функций государственного управления обществом и экономикой, аллокационных функций государства в пользу глобализирующих стран, международных организаций и ТНК; прямая открытая и (или) латентная передача им политических и социальных функций государства; приватизация национальной политики государств международной финансовой олигархией и ТНК;

– свертывание, сокращение уровня свобод, демократических принципов и механизмов в жизнедеятельности национальных социумов, в деятельности национальных и наднациональных, международных институтов, оправдываемое необходимостью эффективной борьбы с международным терроризмом и организованной преступностью;

– формирование однополярного мира (доминирование биполярной концепции развития мира в период с начала 90-х гг. XX в.); присвоение одной супердержавой роли мирового полицейского, приватизация ею функций международной юстиции (принятие и исполнение «судебных» решений);

– снижение значимости национальных систем права, переход функций правового регулирования экономической деятельности к международным правовым системам права; универсализация нормативно-правовых стандартов эко-

[1] Глобализация при таком анализе может рассматриваться в отдельных случаях как генератор новых тенденций генезиса криминальных явлений либо как катализатор существующих тенденций в развитии преступности. Нижеприводимые отрицательные внешние эффекты глобализации составлены с использованием разработок проф. Лунева В.В. (См. его работы: Глобализация и преступность // Гос. и право. 2003. – № 6. – С. 115–119; Глобализация и преступность // Московский юридический форум «Глобализация, государство, право, XXI век». По материалам выступлений. – М., 2004. С. 97–106; Криминальная глобализация // Гос. и право. 2004. – № 10. – С. 26–41).

номической деятельности, снимающая национальные препятствия для экспансии транснациональных компаний;

– применение двойных стандартов в политике в отношении стран «глобализируемых» и «глобализирующих», уход от социальной ответственности национальных лидеров последних, развязывающих локальные «превентивные» «горячие» войны против государств-изгоев; милитаризация и локальные войны как способ политико-экономической экспансии и мирового гегемонизма; отсутствие механизмов социального макро-, мезо- и мегаконтроля за деятельностью глобальных финансовых и экономических институтов; неэквивалентность международного обмена, однобокость национального экономического развития;

– доминирование спекулятивно-ростовщического интереса в деятельности международных и национальных финансовых институтов как способ овладения национальными экономиками и приватизации национальных ресурсов; рост государственных долгов, появление стран-банкротов, высокие социальные и экономико-политические издержки модернизации на «западный манер»;

– главенство либерального фундаментализма в экономике, культуре, социальной жизни; деструктивность массовой культуры и массмедиа, тиражирование антисоциальных форм индивидуального поведения, основанных на гипертрофии эгоцентрического индивидуализма, потребительства и гедонизма; проникновение рыночных отношений и ценностей в социальную и духовно-нравственную сферы общества, коммерциализация культуры и духовной жизни;

– глобальная монополизация информационного пространства и информационных ресурсов, формирование асимметричной, тенденциозной, дозированной информации; информационный гегемонизм и оккупация национальных информационных рынков как инструмент управления общественным сознанием, достижения глобальных политических и экономических целей;

– глобализация теневых и криминальных экономических отношений; интенсификация тенденций интернационализации национальной преступности – усиление ее транснациональности и трансграничности; использование терроризма как инструмента политики глобализации и регионализации; расширение границ применения организованной транснациональной и трансграничной преступностью экономических и финансовых механизмов – продуктов глобализации; включение задач приватизации политиков, политики и самих государств в круг интересов международной преступности.

ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ КРИМИНАЛЬНЫХ БАНКРОТСТВ В РОССИИ И В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Курилюк Л.С.

Криминальные банкротства являются одним из опаснейших экономических, социальных и правовых явлений. Преступления, предусмотренные ст.ст. 195, 196 и 197 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также ст.ст. 238, 239, 240 и 241 Уголовного кодекса Республики Беларусь, затрагивают хозяйственные интересы не только государства и общества, но и конкретных организаций. Они ведут к серьезным нарушениям имущественных прав граждан.

В представленной статье рассматриваются актуальные проблемы осуществления правоохранительными органами предварительной проверки материалов для выявления фактов криминальных банкротств и решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Приводится система обстоятельств, подлежащих установлению и исследованию в ходе расследования данных преступлений. Затрагиваются проблемы, связанные с использованием в ходе расследования результатов экспертных исследований, а также результатов, полученных в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Банкротство как гражданско-правовая процедура является неотъемлемым элементом имущественного оборота, в результате которого происходит прекращение хозяйственной деятельности должника. Используя механизмы банкротства в качестве регуляторов предпринимательских отношений, заинтересованные субъекты выводят нерентабельные и неликвидные организации из эффективно действующей рыночной системы.

К сожалению, не так уж редки случаи, когда данная процедура используется в преступных целях, для достижения которых происходит вуалирование криминальных отношений, направленных на разорение действующих предприятий, под видом гражданско-правовых. Результатом таких действий является подрыв основополагающих инструментов рынка, национального уровня предпринимательской деятельности, разрушение нормального функционирования и развития предприятий и целых регионов [1, с. 37–38].

В последние годы как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь наблюдается тенденция роста преступных посягательств на экономическую деятельность вообще и экономическую несостоятельность в частности. В то же время, как отмечает большинство исследователей, фактический уровень криминального банкротства отличается от того, который фиксирует официальная статистика. Большинство незаконных действий так и остается скры-

тым от внимания правоохранительных органов, а это значит, что виновные лица избегают ответственности за совершенное посягательство.

Данные обстоятельства делают все более актуальной необходимость проведения исследований, связанных с противодействием криминализации сферы несостоятельности в обеих странах. Насущность совместных научных разработок, проводимых в данной области, обусловливается и тем, что экономики наших стран тесно связаны, в силу чего незаконные действия одних, произведенные в соседней стране, могут самым негативным образом сказаться на хозяйственных отношениях юридических и физических лиц другой страны.

Не останавливаясь подробно, поскольку это не является предметом данной статьи, представляется необходимым отметить, что и в Уголовный кодекс (далее – УК) России, и в УК Беларуси включены статьи, касающиеся привлечения к уголовной ответственности за криминальные банкротства. Так, в Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность за неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное и фиктивное банкротство, в то время как в УК Республики Беларусь установлены четыре формы экономической несостоятельности: ложное банкротство, сокрытие банкротства, преднамеренное банкротство, срыв возмещения убытков кредитору. Обращает на себя внимание частичное совпадение позиций законодателей обеих стран в подходах к определению «банкротных» преступлений.

Выявление и расследование данной группы преступлений как на территории России, так и в Республике Беларусь осложняется целым рядом факторов. С одной стороны, осуществление уголовного преследования за совершенное криминальное банкротство требует знания законодательства о банкротстве, представленного довольно большим количеством постоянно изменяющихся и довольно часто противоречащих друг другу нормативно-правовых актов, принятых в различные периоды времени [2]. С другой стороны, сам по себе процесс банкротства растянут во времени и может занимать от момента замысла до его полной реализации несколько лет, в связи с чем становится затруднительным доказывание самого факта совершенного криминального банкротства [3]. Процесс доказывания значительно осложняется, на наш взгляд, еще и тем, что само преступление оказывается не выявленным достаточно длительный период времени, в течение которого участники события успевают скрыть большинство следов.

Уже на стадии выявления и проверки материалов по факту криминального банкротства возникают проблемы, связанные с необходимостью изучения большого объема документов (прежде всего финансовых) за достаточно значительный период времени. Их исследование требует, как правило, специальных

знаний, которыми лицо, осуществляющее проверку, не обладает. Данное обстоятельство приводит к тому, что в ходе предварительной проверки не изымается документация, требуемая для проведения проверок и последующих экспертных исследований. Специфика этапа возбуждения по исследуемой категории дел обусловлена тем, что по результатам проведенной проверки еще до начала расследования следствие должно располагать объективным заключением специалиста об экономической характеристике выявленных фактов. Получение такого заключения требует большого количества времени, что определенным образом может затянуть сроки проверки. Такая необходимость вызвана тем, что целью проверки, проводимой по факту совершения преступления, предусмотренного как ст.ст. 195–197 УК России, так и ст.ст. 238–241 УК Беларуси, является установление достаточных данных, указывающих на признаки преступления и необходимых для принятия обоснованного решения о возбуждении дела [4]. Еще одной достаточно проблемной задачей данного этапа является выявление противодействия, оказываемого следствию лицами, прямо не задействованными в совершенном преступлении, но имеющими определенный, корыстный интерес в том, чтобы расследование зашло в тупик, а разорившееся предприятие не было восстановлено.

Как свидетельствуют обобщения судебно-следственной практики, а также исследования ученых, занимающихся проблемами уголовного преследования за криминальные банкротства, для возбуждения уголовного дела материалами проверки должны быть установлены руководитель и главный бухгалтер предприятия, учредитель (собственник) предприятия, кредиторы и должники предприятия, арбитражные управляющие, которые принимали участие в восстановлении (ликвидации) предприятия. Установить всех задействованных лиц достаточно сложно, поскольку они могут находиться друг от друга на достаточно большом расстоянии. Еще одним специфичным моментом, отличающим эту категорию преступлений от всех прочих, является и то, что на всех этапах производства банкротства особое место занимают решения, принимаемые арбитражным судом. Так, только актом суда может назначаться, прекращаться и возобновляться любая из процедур банкротства. Поэтому на данной стадии расследования важно исследовать и анализировать акты арбитражного суда, которые выносились им и касались решения судьбы предприятия.

В ходе расследования криминальных банкротств должны быть установлены такие обстоятельства, как факт несостоятельности должника; способ подготовки и совершения преступления, а также его сокрытия; место и время совершения всех преступных действий, субъект, обстановка совершения преступ-

ления, потерпевшие [5]. Кроме того, подлежат выявлению и доказыванию все обстоятельства, которые привели к возможности совершения преступления.

Необходимость своевременного установления места совершения всех действий, образующих способ совершения преступления каждым субъектом, связана с тем, что место принятия организационно-распорядительных и административных решений и местонахождение самого банкрота, его имущества и активов могут быть удалены друг от друга пространственно (другой район, город, область и т. п.).

При исследовании обстановки преступления следует исходить из того, что субъекты любого преступления, с одной стороны, самостоятельно выбирают время и место совершения преступления, но с другой – всегда ограничены той объективной обстановкой, в которой приходится действовать и которая может либо облегчить совершение криминального банкротства, либо значительно его затруднить.

Особое место среди тех сведений, которые требуют установления, занимают данные о лицах, которым совершенным посягательством был причинен ущерб. Применительно к исследуемой группе преступлений полагаем необходимым отметить, что чаще всего преступление совершается в отношении большого количества потерпевших, в число которых входят как отдельные физические лица, так и целые юридические организации. Установление всех потерпевших по делам о криминальных банкротствах осложняется тем фактом, что чем крупнее предприятие, тем больше аффелированных с ним лиц, находящихся на достаточно большой территориальной удаленности друг от друга. Необходимость выявления всех потерпевших значительно осложняется также и в тех случаях, когда с момента совершения преступления проходит большое количество времени.

Анализ судебно-следственной практики показывает, что наиболее распространенными обстоятельствами, способствующими совершению преступления, являются такие субъективные данные, как отсутствие надлежащего контроля над менеджментом предприятия со стороны контролирующих органов, общее низкое качество управления на предприятии, отсутствие налаженной системы бухгалтерского учета всех производимых операций, а также иные обстоятельства. К объективным обстоятельствам, приводящим к возможности совершения противоправных действий, можно отнести запутанность законодательства, его нечеткие формулировки, а также латентный характер большинства деяний. Выявление указанных фактов, хотя и осложняет работу правоохра-

нительных органов, также должно подлежать исследованию, поскольку не только поможет выявлению конкретного преступления, но и позволит разработать систему профилактических мер предотвращения подобных деяний.

При расследовании криминальных банкротств определенные затруднения возникают при назначении, проведении и использовании в доказывании результатов экспертных исследований. Поскольку совершенные преступления оставляют следы прежде всего в документальных источниках, в частности в бухгалтерских документах, совершенно обоснованным является назначение судебно-бухгалтерских экспертиз. Однако абсолютно неправильно, на наш взгляд, игнорировать возможности проведения финансово-экономических исследований. Особенно обоснованным данный вывод выглядит в тех случаях, когда на разрешение судебно-бухгалтерской экспертизы ставятся все вопросы, связанные с хозяйственной деятельностью предприятия, что приводит либо к выходу эксперта за пределы своей компетенции, либо к оставлению ряда вопросов без разрешения. Как уже отмечалось в научных исследованиях, в ходе бухгалтерской экспертизы исследуются явления хозяйственной жизни, получившие отражение в бухгалтерском учете. В то же время при проведении финансово-экономической экспертизы выясняются вопросы, касающиеся выполнения договорных условий, инвестиционных соглашений и т. п. [6]. В том случае, когда назначается только одна из экспертиз, презюмируется, что какая-то из составляющих предпринимательской деятельности организации останется не изученной, а следовательно, не будет достигнута цель следствия – полное выяснение всех обстоятельств дела.

Информация, необходимая для проведения экспертных исследований, может быть как получена процессуальным путем от лиц, которые участвовали в осуществлении процедур банкротства, так и установлена в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ). По делам о незаконных банкротствах проведение ОРМ направляется в первую очередь на розыск имущества, принадлежавшего обанкротившемуся предприятию. В связи с тем, что с момента выполнения умышленных действий, направленных на ликвидацию предприятия, проходит достаточно большой период времени, за который имущество успевает несколько раз поменять собственников, зачастую оказываясь за границей, выявление всех активов бывшего юридического лица оказывается первоначальной трудоемкой задачей следствия. Параллельно с определением и поиском всех активов и всего имущества обанкротившейся фирмы подлежат установлению лица, виновные в совершении преступления и завладевшие

имуществом предприятия, а также иные лица, заинтересованные в банкротстве организации. Так, оперативное сопровождение хода расследования окажется полезным в случае установления мест хранения скрытых активов предприятия-должника или собственника, личных и деловых связей бывшего руководителя организации-должника, выяснения номеров сотовых телефонов, которыми пользуются фигуранты, но которые, возможно, зарегистрированы на иных лиц. Проведение такого ОРМ, как наведение справок, осложняется, как правило, тем, что в запрашиваемых материалах содержится различная информация хотя и необходимая для обеспечения проведения иных ОРМ, а также определения направлений работы, поиска скрывающегося преступника, проверки полученной оперативной информации, но содержащая в себе сведения, составляющие охраняемую законом государственную либо коммерческую тайну. В таком случае определенные сведения конфиденциального характера могут быть затребованы только официально по письменному запросу субъекта, производящего следствие. О поступлении такого запроса достаточно быстро становится известно заинтересованным лицам, которые успевают предпринять действия, направленные на сокрытие порочащих их сведений.

Определенная информация, касающаяся выявления связей подозреваемого, его маршрутов передвижения, может быть собрана путем осуществления наблюдения. По делам о криминальных банкротствах в ходе данного ОРМ важно установить, как часто и в каких кабинетах государственной власти, регистрирующих и лицензирующих органов бывает заподозренный, особенно если поводов для обращения в данные организации не имелось. Весьма остро такая необходимость возникает в том случае, если подлежит отработке версия об использовании процедур банкротства в целях захвата предприятия либо использования административного ресурса для ухода организации с рынка.

В заключение следует подчеркнуть, что криминальное банкротство – достаточно сложное экономико-правовое явление, требующее от лица, осуществляющего уголовное преследование, глубоких знаний конкурсного права и процесса. В этой связи одной из задач научных исследований, проводимых в области противодействия криминализации данной сферы, является разработка таких рекомендаций, которые бы позволили достаточно оперативно разбираться с данными посягательствами. Полагаем, что в связи с существованием и дальнейшим развитием единого экономического пространства между нашими странами было бы весьма полезно осуществлять совместные разработки, в проведении которых участвовали бы ученые двух государств.

Список использованных источников

1. Васильева, Я.Ю. Преступления против интересов кредиторов: уголовно-правовая характеристика (вопросы теории и практики): учеб.-практ. пособие / Я.Ю. Васильева. – Иркутск, 2006. – С. 37–38.
2. Мыцких, Н. Проблемные аспекты признаков ложного банкротства [Электронный ресурс] / Н. Мыцких. – Режим доступа: http://research.by/pdf/2004n3r05.pdf.
3. Юрин, В.М. Основания выдвижения версии о мошеннической операции «запланированное банкротство» / В.М. Юрин // Вопросы квалификации и расследования преступлений в сфере экономики: сб. науч. ст. – Саратов, 1999. – С. 105;
   Дубай, С.И. Криминальное банкротство: проблемы правового регулирования / С.И. Дубай // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. – Гродно: ГрГУ, 2006. – С. 122;
   Голышев, А.В. О некоторых проблемных вопросах расследования преднамеренных банкротств предприятий / А.В. Голышев, А.В. Ранченков // Следственная практика. – 2004. – № 4 (165). – С. 133.
4. Савина, Л.А. Предварительная проверка: понятие, процессуальная природа, цели и задачи / Л.А. Савина // Вестн. криминалистики. – 2004. – № 1 (9). – С. 85.
5. Методические рекомендации по противодействию криминальных банкротствам / С.П. Кушниренко [и др.]; под общ. ред. О.Н. Коршуновой. – СПб., 2002. – С. 84.
6. Никульшина, О.Г. Исследование банковских документов – доказательств путем производства судебно-бухгалтерской, финансово-экономической, налоговедческой, компьютерно-технической экспертиз / О.Г. Никульшина // Следователь. – 2002. – № 7. – С. 30;
   Звягин, С.А. Судебно-бухгалтерская экспертиза и экономический класс судебных экспертиз / С.А. Звягин // Рос. следователь. – 2006. – № 6.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Русецкий О.В.

Эффективное предупреждение преступности возможно на основе адекватной и комплексной системы мер, одной из важнейших составляющих которой является качественное развитие правовой системы общества. Одним из средств ее совершенствования является деятельность по непрерывному наблюдению за социально-правовыми процессами и явлениями, связанными с реализацией правовых норм действующего законодательства, а также соответствующий анализ нормативных правовых актов на предмет выявления и устранения правовых детерминант преступности – криминологический мониторинг законодательства.

В статье предлагаются разработки отдела криминологического мониторинга законодательства и криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республ-

лики Беларусь в области сущности, концептуальных основ, социально-практического значения, а также методики криминологического мониторинга законодательства.

В рамках доминирующего в современной криминологии «детерминационного подхода» вопрос о причинности применительно к социальным явлениям, таким сложным, как преступное поведение, рассматривается с учетом множества обстоятельств, связей и взаимодействий социального и личностного характера. За совершением каждого преступления стоит, с одной стороны, комплекс социальных (экономических, политических, правовых, культурных, нравственных и др.) детерминант (факторов, причин и условий), с другой – личность конкретного преступника. Согласно результатам криминологических исследований, в число важных причин преступности в современном белорусском обществе входит низкое качество законодательства, обуславливающее неудовлетворительное регулирование социальных отношений.

В современных условиях активной модернизации белорусского общества законодательство Республики Беларусь отличается динамикой и выраженной тенденцией к детализации правового регулирования социальных отношений. Указанные характеристики являются двойственными с точки зрения криминологического анализа. С одной стороны, динамичное развитие позитивного права позволяет отслеживать изменения в социальной сфере. Эти изменения объективны, они обусловлены множеством факторов социального, политического, международного характера. Идентификация их деструктивного воздействия на социальные отношения и чуткое реагирование законодателя посредством создания и применения инновационных практико-ориентированных правовых механизмов регуляции позволяет снизить негативные последствия данных явлений. С другой стороны, повышенная детализация и гипертрофированный объем законодательства создают угрозу снижения его эффективности, которая является следствием несогласованности, противоречивости правовых норм и конструкций большого количества нормативных правовых актов и в этой связи трудностями как правотворческого процесса, так и процесса реализации созданных правовых норм. В этих условиях возникает вопрос о качестве правотворчества. Наиболее серьезным негативным последствием некачественной правотворческой деятельности является наличие в законодательстве социально неадаптированных, противоречивых, неопределенных правовых норм и конструкций, реализация которых приводит к формированию объективных предпосылок и субъективной мотивации девиантного, в том числе преступного, поведения – правовых детерминант преступности. В процессе сложного и динамичного механиз-

ма социоличностного взаимодействия деструктивное влияние указанных недостатков нормативных правовых актов, как правило, проявляется в форме непрямого (опосредованного) воздействия. В данном случае они рассматриваются в качестве деструктивных факторов правового характера, выступающих в качестве благоприятной почвы для формирования условий социальных девиаций. Некоторые дефекты правовых норм и конструкций могут играть роль непосредственных причин девиантного, в том числе преступного, поведения.

В настоящее время в качестве эффективного средства антикриминогенного совершенствования законодательства рассматривается проведение криминологической экспертизы законопроектов, которая, представляя собой инновационную и развивающуюся деятельность, уже является значимым звеном законодательного процесса Республики Беларусь. Закономерным дополнением и качественным развитием криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов является криминологический мониторинг действующего законодательства Республики Беларусь.

Институт криминологической экспертизы, обозначенный в системе законодательной деятельности Республики Беларусь Законом Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь "О нормативных правовых актах Республики Беларусь"» от 1 ноября 2004 г. № 321–З [1], был введен в действие Указом Президента Республики Беларусь «О криминологической экспертизе проектов законов Республики Беларусь» от 29 мая 2007 г. № 244 [2]. Согласно данному Указу проведение криминологической экспертизы проектов законов осуществляется государственным учреждением «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь». Наряду со специализированным отделом криминологической экспертизы проектов законов в структуре Центра с начала 2008 г. функционирует отдел криминологического мониторинга законодательства и криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов. В рамках служебной деятельности отделом предоставляются предложения по совершенствованию законодательства Республики Беларусь, проводится криминологическая экспертиза проектов нормативных правовых актов, ведутся разработки в области сущности, концептуальных основ и социально-практического значения криминологического мониторинга законодательства.

Так, на основе определений различных видов мониторинга, имеющих место в законодательстве Республики Беларусь (мониторинг окружающей среды, земель и т. д.) и Российской Федерации (например, ст. 1 проекта Закона РФ «Об основах государственной системы предупреждения преступлений» определяет кримино-

логический мониторинг как систему постоянного наблюдения, комплексного анализа, оценки преступности и других связанных с ней явлений, а также эффективности деятельности субъектов предупреждения преступлений [3], а также представлений о сущности и значении правовых факторов в системе детерминации девиантного, в том числе преступного, поведения), предлагается следующее определение криминологического мониторинга законодательства.

Криминологический мониторинг законодательства представляет собой государственную систему наблюдения за социально-правовыми процессами и явлениями, связанными с реализацией правовых норм действующего законодательства и соответствующего анализа нормативных правовых актов на предмет выявления и устранения правовых детерминант преступности.

В практическом плане криминологический мониторинг законодательства представляет собой проводимое на систематической основе научно-практическое междисциплинарное (криминологическое, уголовно-правовое, социологическое, теоретико-правовое) исследование нормативных правовых актов, основной целью которого является определение наличия и степени криминогенности правового регулирования, поиск правовых средств ее нейтрализации или снижения.

Объектом данного исследования является система правовых норм, регулирующих социальные отношения в сфере, ограниченной выбранным направлением правового регулирования.

Предметом исследования являются конкретные нормы и конструкции нормативных правовых актов, потенциально способные выступать в качестве правовых детерминант преступности.

Задачами криминологического мониторинга являются:

 выявление в нормативном правовом акте норм, обладающих криминогенным потенциалом;

 криминологическое обоснование криминогеннности данных правовых норм и конструкций;

 внесение рекомендаций по их устранению;

 в случае нереальности полного устранения возможности криминогенного действия правовых норм внесение рекомендаций по его снижению посредством включения в текст правового акта соответствующих превентивных антикриминогенных положений.

В процессуальном плане научно-практическая деятельность по криминологическому мониторингу законодательства характеризуется двумя аспектами.

В соответствии с социально-практическим назначением, целями и задами данной деятельности выделяются:

1. Первичное экспертно-криминологическое исследование выбранного блока нормативных правовых актов, регулирующих определенный спектр социальных отношений – основание мониторинга.

2. Последующее отслеживание изменений (и их социальных последствий) в данном правовом регулировании – непосредственно мониторинг.

Первичное экспертно-криминологическое исследование предполагает последовательное выполнение следующих этапов работы:

1. Характеристика законодательства в области правового регулирования выбранного исследователем спектра социальных отношений. В процессе проведения данного этапа исследования изучается система, структура, цели и задачи правового регулирования, происходит ретроспективный обзор практики законотворческой деятельности в данной области, анализ материалов по практике применения законодательства в рассматриваемой сфере общественных отношений, сравнение форм и методов правового регулирования с применяемыми в зарубежном законодательстве. Результатом указанной деятельности является качественная оценка состояния и динамических характеристик развития законодательства, регулирующего выбранный блок социальных отношений.

2. Криминологическая характеристика социального пространства действия законодательства. В рамках проведения данного этапа исследования происходит анализ уголовно-правовой и социальной статистики, данных криминологических и социологических исследований применительно к данной области, изучение научных монографий и диссертационных исследований по данной тематике, другой практической и теоретической информации. Результатом указанной деятельности является идентификация криминологически значимых особенностей участников правоотношений и специфики сферы действия рассматриваемых нормативных правовых актов.

3. Выявление существующих криминальных схем и построение моделей девиантного поведения. На данном этапе на основании данных уголовно-правовой статистики и другой практической информации происходит выявление и фиксация механизмов преступной деятельности в сфере рассматриваемого правового регулирования, идентифицируется их связанность с реализацией правовых норм.

Для определения возможности формирования условий и ситуаций криминогенного характера на данном этапе используется метод социально-правового моделирования. В процессе криминологического исследования пра-

вотворчества применение указанного метода обусловлено необходимостью прогнозирования криминогенных последствий практической реализации правовых норм. Применение данного метода в процессе криминологического анализа нормативных правовых актов позволяет выяснить, насколько они обладают потенциалом криминогенного действия в конкретных условиях реализации, определить возможность возникновения криминогенных ситуаций, вызываемых реализацией правовых норм. В практическом отношении сущность данного метода заключается в построении социально-нормативной модели, представляющей собой специально созданный образ системы взаимодействия социальных субъектов, ограниченный сферой реализации правовой нормы. Элементами данной системы социального взаимодействия выступают:

а) личность – обобщенный тип субъекта регулируемых отношений, теоретически создаваемый на основе научных знаний эксперта-криминолога о социальных, культурных, статусных, правовых характеристиках участников правоотношений, имеющих криминологическое значение;

б) социум – социальный контекст действия субъектов правовых норм, рассматриваемый как комплекс факторов и условий, влияющих на мотивацию поведения субъектов регулируемых отношений;

в) право – правовая норма, регулирующая поведение социальных субъектов. Данный элемент теоретически представляется в виде значимых для субъекта общественных отношений, установленных правовой нормой.

Практическое применение рассматриваемого метода позволяет сделать закономерный вывод о возможности детерминации девиантного, в том числе преступного, поведения либо дезорганизации социально-правового контроля поведения субъектов регулируемых отношений в процессе реализации нормативных положений.

4. Криминологический анализ нормативных правовых актов. В процессе проведения данного этапа исследования в целях определения норм и правовых конструкций, обладающих криминогенным потенциалом (способствующих девиантному, в том числе преступному, поведению субъектов правоотношений и (или) препятствующих реализации мер антикриминальной политики), осуществляется исследование (комплексное и постатейное) основных нормативных правовых актов в системе рассматриваемого правового регулирования. Учет полученных ранее результатов позволяет сузить круг криминологического поиска и акцентировать усилия в отношении нормативных положений, регулирующих наиболее криминально пораженные участки социальных отношений. При рассмотрении установленного правовой нормой способа взаимодействия

участников учитывается схема отношений, формируемая под влиянием выявленных ранее криминологических характеристик участников правоотношений, сферы действия правового регулирования и анализируемая в ракурсе существующих криминальных схем и построенных моделей девиантного поведения.

Результатом указанной деятельности является обоснованный вывод о наличии либо отсутствии реально или потенциально криминогенных правовых норм.

5. Определение правовых способов и средств устранения обнаруженных недостатков. На данном заключительном этапе происходит внесение научно обоснованных предложений по нейтрализации или снижению криминогенности рассматриваемых нормативных правовых актов (посредством устранения либо коррекции выявленных правовых норм), а также предложений по антикриминогенному совершенствованию законодательства в данной сфере.

Как уже говорилось выше, непосредственно криминологический мониторинг законодательства предполагает последующее отслеживание изменений (и их социальных последствий) в выбранном блоке нормативных правовых актов, регулирующих соответствующий спектр социальных отношений. Первичное экспертно-криминологическое исследование является базой и необходимым элементом в системе непрерывного наблюдения за социально-правовыми процессами и явлениями, связанными с реализацией правовых норм. Реализация деятельности по криминологическому мониторингу законодательства происходит в процессе систематического анализа нормативных правовых актов (подвергавшихся первичному экспертно-криминологическому исследованию либо прошедших криминологическую экспертизу на стадии принятия) посредством оценки вносимых в них изменений, а также изменяющихся социальных условий с точки зрения научно обоснованной системы показателей криминогенности нормативных правовых актов.

В качестве основных направлений проведения криминологического мониторинга обоснованно определяются сферы общественных отношений, обозначенные в Положении о порядке проведения криминологической экспертизы проектов законов Республики Беларусь, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 29 мая 2007 г. № 244 «О криминологической экспертизе проектов законов Республики Беларусь» (далее – Положение), а также в ст. 49–1 «Криминологическая экспертиза проектов нормативных правовых актов» Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361–З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь»[4] как обязательные для экспертно-криминологического исследования. В частности, п. 2 Положения в качестве таковых называет финансово-экономическую сферу, сферу правоохранительной

деятельности (включая борьбу с преступностью и коррупцией), государственной службы, социальной защиты, здравоохранения, образования, охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов.

Эффективное предупреждение преступности должно осуществляться на основе адекватной и комплексной системы мер, одной из важнейших составляющих которой является развитие правовой системы общества. В процессе ее формирования первостепенной задачей государства является снижение риска правовых ошибок, увеличивающих социальную напряженность и конфликтность, выступающих в качестве предпосылок и причин совершения преступлений. В этой связи инновационная и развивающаяся деятельность по криминологическому мониторингу законодательства является необходимым условием качественного совершенствования правового регулирования социальных отношений.

Список использованных источников

1. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь»: Закон Респ. Беларусь, 1 нояб. 2004 г., № 321–З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2004 г. – № 175. – 2/1070.
2. О криминологической экспертизе проектов законов Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 29 мая 2007 г., № 244 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007 г. – № 132. – 1/8611.
3. Об основах государственной системы предупреждения преступлений: Проект Закона РФ № 10090–3, внесенный Правительством Рос. Федерации (Электронная правовая база «Консультант Плюс», Россия).
4. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2000 г. – № 7. – 2/136; 2002. – № 7. – 2/830; 2004. – № 175. – 2/1070; 2005. – № 179. – 2/1152; 2006. – № 86. – 2/1216, № 107. – 2/1235; 2007. – № 118. – 2/1309; 2008. – № 184. – 2/1507.

КРИМИНАЛЬНАЯ ВИКТИМИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Стаценко В.Г.

Анализ динамики развития преступности и криминальной виктимизации населения в Республике Беларусь в 2001–2008 гг. свидетельствует о том, что суммарные последствия виктимизации населения в Республике Беларусь продолжают оставаться тяжелыми.

Возможности как традиционной криминологической, так и виктимологической профилактики (в отношении потенциальных криминальных жертв) правоохранительными органами, главным образом ОВД, используются пока недостаточно.

Рассмотрение процессов виктимизации населения Республики Беларусь на основе статистических материалов со всей очевидностью ставит вопрос о необходимости усиления работы по предупреждению воздействия последствий преступной деятельности на население, обеспечения защиты жертв криминальной деятельности.

Вплоть до 2006 г. объем и уровень преступности в Республике Беларусь постоянно возрастали. В 2006–2008 гг. наметилась тенденция сокращения этих показателей, тем не менее криминогенная ситуация и органически связанное с ней воздействие последствий преступной деятельности на население остаются сложными.

В связи с общим изменением роста преступности вполне закономерным является и существенный рост органически связанной с ней криминальной виктимизации населения.

В 2001–2003 гг. Республиканским центром анализа и прогнозирования преступности НИУ «Научно-исследовательский институт проблем криминологии, криминалистики и судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Беларусь» с участием Генеральной прокуратуры, МВД, КГБ было проведено комплексное исследование на тему «Защита прав жертв преступлений» [2]. По результатам проведенного исследования был подготовлен отчет, и на основе этого отчета подготовлена Государственная концепция по защите жертв преступной деятельности. Концепция была утверждена Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20 января 2006 г. № 74 [1].

Материалы указанного исследования, а также проведенный нами анализ статистических данных за 2005–2007 гг., представленных ИАУ МВД Республики Беларусь (форма № 11 и форма 1-Г) [3–5], свидетельствуют, что суммарные последствия виктимизации населения в Республике Беларусь продолжают оставаться тяжелыми (см. таблицы 1–10).

Таблица 1 – Динамика развития преступности и криминальной виктимизации населения в Республике Беларусь (2001–2007 гг.)

Годы	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**	**2007**
Число преступлений	121 189	132 867	151 172	166 061	192 506	191 468	180 427
Число потерпевших	75 229	89 040	111 922	119 905	159 394	163 404	145 396

Если динамику статистических показателей о числе преступлений и потерпевших за 2001–2007 гг. изобразить в виде линейной диаграммы, то получатся ломаные кривые с резким подъемом в 2005 г., стабилизацией в 2006 г., существенным снижением в 2007 г.

Таблица 2 – Динамика количества потерпевших от наиболее социально значимых насильственных и насильственно-корыстных преступлений в Республике Беларусь (2001–2007 гг.)

Вид преступления	**2001 г.**	**2002 г.**	**2003 г.**	**2004 г.**	**2005 г.**	**2006 г.**	**2007 г.**
Умышленное убийство (с покушениями)	1181	1225	1217	1118	1130	1104	774
Умышленное тяжкое телесное повреждение	1936	2073	2111	2334	3839	3573	3298
Изнасилование	417	452	439	408	464	383	302
Грабеж	2500	2451	5286	8181	9987	8655	7555
Разбой	4549	6340	5290	2065	1954	1633	1099

Статистические данные свидетельствуют о том, что по всем видам наиболее социально значимых насильственных и насильственно-корыстных преступлений происходит снижение числа потерпевших; особенно это относится к разбоям, число потерпевших от которых в сравнении с 2001 г. снизилось в 4 раза, а также к умышленным убийствам (снижение за тот же период более чем на 30 %). В то же время, хотя число потерпевших в результате причинения умышленных телесных повреждений снижается в последние годы, оно тем не менее остается очень высоким в сравнении с началом рассматриваемого периода. То же относится к жертвам грабежей.

Таблица 3 – Динамика числа лиц, погибших на месте преступления, умерших после доставления в больницу, раненных

Годы	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**	**2007**
Погибли на месте преступления	1478	1615	1668	1890	1760	1671	1742
Умерли после доставления в больницу	538	638	527	651	602	510	
Ранены в результате преступления	2837	3470	3618	4175	4456	4886	1905
Стали инвалидами	102	109	83	70	57	34	Нет свед.

В целом динамика количества потерпевших от преступлений с незначительными отклонениями коррелирует с динамикой общей преступности за рассматриваемые годы, а именно: скачок в 2002–2005 гг., затем постепенное в 2006 г. и явно выраженное в 2007 г. снижение.

Данные статистики свидетельствуют о том, что, хотя в причинном комплексе преступности и органически связанной с ней криминальной виктимизации населения и наметились положительные тенденции в последние два года, в целом кардинальных изменений в лучшую сторону пока не произошло. Очевидно, что многие определяющие преступность и криминальную виктимизацию населения социальные и экономические факторы не нейтрализованы должным образом.

Социально-демографическая характеристика контингента криминальных жертв.

Пол. В целом удельный вес женщин в числе потерпевших от преступлений по республике в последние годы стабильно составляет примерно 45 %.

Таблица 4 – Динамика количества женщин в числе потерпевших от преступлений по республике

Годы	**2005**	**2006**	**2007**
Всего потерпевших	159 394	163 404	145 396
Женщины	74 950	75 705	66 160

Таблица 5 – Количество и удельный вес женщин, потерпевших от наиболее социально значимых насильственных и насильственно-корыстных преступлений в Республике Беларусь

Вид преступления	**2001 г.**	**2002 г.**	**2003 г.**	**2004 г.**	**2005 г.**	**2006 г.**	**2007 г.**
Умышленное убийство (с покушением)	410 34,7 %	405 33,0 %	436 35,8 %	399 35,7 %	393 35,7 %	377 31,0 %	Нет свед.
Умышленное тяжкое телесное повреждения	482 24,9 %	488 23,5 %	494 23,4 %	563 24,2 %	562 15,0 %	516 16,0 %	Нет свед.
Изнасилование	417 100 %	452 100 %	439 100 %	408 100 %	464 100 %	383 100 %	302 100 %
Грабеж	1116 44,6 %	1216 56,5 %	2329 44,1 %	3184 38,9 %	3591 30,0 %	3046 28,0 %	Нет свед.
Разбой	1534 33,7 %	1992 31,2 %	1729 33,2 %	699 33,8 %	644 30,0 %	585 21,0 %	Нет свед.

Наиболее высокий процент потерпевших женщин (не считая изнасилований) приходится на умышленные убийства, грабежи и разбой (примерно треть всех жертв). По всем видам преступлений в 2005–2006 гг. фиксируется снижение удельного веса женщин.

Таблица 6 – Динамика возраста потерпевших от преступлений по республике

Годы	**2005**	**2006**	**2007**
Всего потерпевших	159 394	163 404	145 396
Из них: Дети до 14 лет	–	1458	2068
Несовершеннолетние	7465	8209	7305
18–29 лет	45 880	48 091	45 743
30–49 лет	72 153	84 283	56 918
50 лет и старше Из них старше 70 лет	33 896	22 821 3553	35 430 8569

Самым виктимогенным возрастом прочно остается зрелый трудоспособный возраст – 30–49 лет. Пострадавшие этого возраста в последние годы составляют 40–50 % всех криминальных жертв.

Негативным фактором последнего времени является увеличение числа жертв среди лиц младшего возраста (дети до 14 лет) и старшего (лица старше 70 лет). Так, число потерпевших в возрасте до 14 лет увеличилось в 2007 г. в сравнении с 2006 г. на треть, а число потерпевших старше 70 лет – в 2 с лишним раза (с 3553 в 2006 г. до 8569 в 2007 г.).

По гражданской принадлежности. В начале XXI в. проявилась тенденция увеличения в числе жертв граждан СНГ, уменьшения граждан других иностранных государств, резкого увеличения жертв из лиц, не имеющих определенного места жительства и занятий.

Таблица 7 – Социальное положение и род занятий потерпевших от преступлений по республике

Годы	**2005**	**2006**	**2007**
Всего потерпевших	159 394	163 404	145 396
Из них: Неработающие и неучащиеся	21 608	30 047	52 702
Учащиеся	12 410	12 231	9655
Из них: средних (средних специальных) учебных заведений высших учебных заведений	7408 4993	8212 3887	6662 2993

Окончание таблицы

Рабочие	63 975	66 229	38 090
Служащие	21 780	17 607	11 000
Предприниматели	6456	5454	Нет свед.
Работники с/х	3847	2587	Нет свед.
Пенсионеры	23 005	21 033	19 408
Военнослужащие	364	362	Нет свед.
Домохозяйки	1365	894	Нет свед.
Инвалиды	878	625	Нет свед.

До 2007 г. почти 65 % жертв составляли лица, работающие по найму, затем по степени убывания шли пенсионеры, лица, нигде не работающие и не учащиеся, учащиеся. В 2007 г. ситуация изменилась: количество неработающих и неучащихся среди криминальных жертв практически сравнялось с числом жертв среди работающих.

В общем числе потерпевших учащихся преобладают воспитанники средних учебных заведений – около 60 %; студенты вузов составляют около 40 %.

Статистика последних лет свидетельствует о том, что воспитанники средних учебных заведений чаще становятся жертвами наиболее опасных насильственных преступлений, чем студенты; по кражам и мошенничеству показатели противоположные [2, с. 41].

Стабильно высоким остается уровень так называемых профессиональных жертв – сотрудников правоохранительных органов.

Таблица 8 – Динамика абсолютного числа и удельного веса (в %) потерпевших работников правоохранительных органов[1]

Годы	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**
Общее число потерпевших	1170 1,5	1048 1,2	1050 0,9	1048 0,9	1185 0,6	1040 0,5
Из них сотрудники МВД	589 0,8	391 0,4	608 0,5	608 0,5	1145 0,5	984 0,4

Тенденция сохранения высокого уровня профессиональных жертв – сотрудников МВД объясняется прежде всего естественным обновлением кадрового состава ОВД (молодые сотрудники не приобрели опыта самозащиты от преступных посягательств). Имеются, видимо, упущения в обучении сотрудников правоохранительных органов тактике и технике действий в экстремальных ситуациях.

[1] Данные за 2007 г. отсутствуют.

Увеличение количества жертв за счет сотрудников других правоохранительных органов (финансовых расследований, таможни, прокуратуры и т. п.) начиная с 2001 г., также объясняется недостаточным уровнем их профессиональной подготовки (комплектуются из числа гражданских лиц, в том числе женщин).

В 2004 г., например, потерпевшими только от хулиганских действий стали 143 сотрудника, в том числе 70 сотрудников ОВД; жертвами тяжких умышленных телесных повреждений – 6 сотрудников; жертвами грабежа – 177, разбоя – 19, вымогательства – 13 [2, с. 43].

Статистические данные свидетельствуют о том, что повышенной виктимогенностью (также как и криминогенностью) обладают люди в состоянии алкогольного опьянения, причем виктимогеность этой группы из года в год возрастает.

Таблица 9 – Динамика количества лиц, потерпевших от преступлений в состоянии алкогольного опьянения

Годы	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**	**2007**
Общее число потерпевших	75 229	89 040	111 922	119 905	159 394	163 404	145 396
Лица в состоянии опьянения	4754	6589	8174	9790	14 265	14 373	16 986

В 2007 г. процент потерпевших в состоянии алкогольного опьянения составил почти 12 %.

Если динамику количества лиц, потерпевших от преступлений в состоянии алкогольного опьянения представить в виде кривой, то она будет демонстрировать постоянный рост в рассматриваемый период.

Некоторое число потерпевших находилось в состоянии наркотического или токсического воздействия: 2001 г. – 34; 2002 г. – 27; 2003 г. – 30; 2005 г. – 41; 2006 г. – 24.

Характер взаимоотношений между потерпевшими и преступниками в предпреступной и преступной ситуации.

В последние годы, как свидетельствуют статистические данные, почти треть всех потерпевших становятся жертвами родных, близких и знакомых лиц.

Таблица 10 – Динамика количества пострадавших от знакомых лиц

Годы	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**
Общее число жертв	75 229	89 040	111 922	119 905	159 394	163 404
Число жертв, не знакомых с преступниками	43 078 57,3 %	63 661 71,5 %	81 153 78,7 %	78 935 70 %	119 641 72 %	119 757 70 %
Преступники – супруги жертв	3770	4472	5309	5662	6601	4978
Преступники – родители жертв	418	511	592	763	950	1040
Преступники – дети жертв	543	756	921	763	1085	1262
Преступники – сожители жертв	581	771	938	1100	1336	1501
Преступники – друзья, коллеги по работе жертв	1687	2205	2435	2735	3382	2617
Преступники – другие родственники жертв	1143	1415	1439	1057	2225	1797
Преступники – случайные знакомые жертв	6158	8502	10 266	11 563	14 644	15 765

Таким образом, почти половина преступников из числа известных жертвам хорошо знали потерпевших и почти столько же в принципе знали своих потенциальных жертв, хотя и не поддерживали с ними постоянных контактов.

Статистика свидетельствует, что суммарные последствия виктимизации населения в Республике Беларусь продолжают оставаться тяжелыми.

Можно констатировать, что как возможности традиционной криминологической профилактики (в отношении потенциальных преступников), так и возможности виктимологической профилактики (в отношении потенциальных криминальных жертв) правоохранительными органами, главным образом ОВД, использовались явно недостаточно.

Медленно реализуются меры по претворению в жизнь Декларации ООН от 29 ноября 1985 г. «Об основных принципах правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью».

Недостаточно активно ведется виктимологическая профилактика жертв тяжких и особо тяжких преступлений органами и учреждениями уголовной юстиции.

Не разработаны научно обоснованные методики определения денежного коэффициента материального, физического и морального вреда, нанесенного потерпевшим в результате преступлений.

Реальную правовую помощь пострадавшим может оказать адвокат, однако выборочное изучение этого вопроса в коллегиях адвокатов Республики Беларусь показало, что для адвокатского корпуса этот вопрос не является актуальным. Факты участия адвоката в качестве представителя потерпевшей стороны по уголовным делам близки к нулю [2, с. 50].

Риск стать жертвой преступления в стране по-прежнему достаточно велик. Уровень воздействия последствий преступной деятельности на население – так называемый уровень виктимности (на 10 тыс. человек) – в последние годы непрерывно повышался: 2000 г. – 71,3 человека; 2001 г. – 75,6; 2002 г. – 89,9; 2003 г. – 113,6; 2004 г. – 122,4; 2005 г. – 162; 2006 г. – 165. И только в 2007 г. произошло снижение уровня виктимности до 148 человек.

Проведенный анализ виктимности населения Республики Беларусь со всей очевидностью ставит вопрос о необходимости усиления работы по предупреждению воздействия последствий преступной деятельности на население, обеспечении защиты жертв криминальной деятельности. Основные направления этой деятельности определены Концепцией защиты жертв преступной деятельности. Дело теперь за практическими мерами по реализации этой концепции.

Список использованных источников

1. Концепция защиты жертв преступной деятельности: утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь от 20.01.2006 № 74 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 109.
2. Аналитическая справка по результатам криминологического анализа сведений о потерпевших в результате преступлений в Республике Беларусь за 2004 г. // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. тр. – Минск: Право и экономика, 2005. – № 2 (19).
3. Сведения о потерпевших в результате преступления за 2005 г.: форма № 11 / ИАУ МВД Республики Беларусь.
4. Сведения о лицах, потерпевших в результате совершения преступлений в Республике Беларусь / Информ.-аналит. упр. МВД Респ. Беларусь. – 2006 г.
5. Сведения о лицах, потерпевших в результате совершения преступлений в Республике Беларусь / Информ.-аналит. упр. МВД Респ. Беларусь. – 2007 г.

КРИМИНОЛОГИЯ КОРРУПЦИИ И КОРРУПЦИОННЫХ ДЕЛИКТОВ

Хомич В.М.

В статье проанализированы причины коррупции, ее связь с развитием современных форм теневой экономики, проблемами управления и связанных с ними деструктивных факторов, объективно присущих функции власти и определяющих объективную и субъективную возможность злоупотребления публичными интересами в угрозу частным. Автор приходит к выводу, что коррупционное поведение в масштабе страны может быть доступно и более успешно преодолеваться в системном виде только независимой государственной структурой, подчиненной политической воле Президента, которая должна информационно, оперативно и аналитически отслеживать движение, развитие коррупционных рисков в системе государственной власти и своевременно снижать их. Кроме того, предлагаются конкретные меры, направленные на преодоление разных по характеру и степени общественной опасности, но единых по своей сути коррупционных правонарушений (уголовных, административных, гражданско-правовых, дисциплинарных).

В Республике Беларусь приоритеты антикоррупционной политики более чем очевидны. Принятие закона о борьбе с коррупцией, утверждение и реализация уже второй по счету государственной программы борьбы с коррупцией, совершенствование законодательства об ответственности за коррупционные правонарушения, введение института криминологической экспертизы проектов законов – все это подтверждает заинтересованность общества и государства в активном противодействии коррупции. Сохраняющаяся пока недостаточная эффективность антикоррупционных мер обусловлена издержками поиска и выработки оптимальной стратегии и тактики их осуществления, а также неоднозначностью форм и видов проявления коррупции в системе публичного управления.

Сегодня политическая власть в любом государстве однозначно воспринимает коррупцию как серьезную угрозу национальной безопасности. Однако, вырабатывая стратегию преодоления коррупции, ни на минуту не следует упускать из виду, что коррупция образует давно укорененную систему социальных отношений власти, теснейшим образом переплетенную с другими социальными отношениями. Это делает ее системным, хотя и деструктивным, фактором развития и проявления самой власти, наглядно демонстрирует, насколько сложным является планирование и осуществление реальных программ противодействия коррупции со стороны той же власти. Та стадия развития коррупции, которую переживают современные общества и государства, основана и зиждется на обширных и устойчивых коррупционных связях и неформальном взаимо-

действии представителей власти. К сожалению, и судебная система, и правоохранительные органы в силу того же и такого «взаимодействия» страдают болезнью «служебной целесообразности», сервильностью в отношении представителей исполнительной власти, что не позволяет адекватно реагировать на допускаемые чиновниками коррупционные отклонения по службе.

Институциональные изменения, осуществленные и осуществляемые государственной властью в ходе экономических реформ, основывались во многом на архаичной структуре ценностей свободного рынка, определяемого зачаточными формами частной собственности, свободной цены, господством внеэкономических форм и факторов стимулирования экономической «активности», что в повседневной практике вело и привело к раздвоению формальных и неформальных правил в служебной деятельности как чиновников, состоящих при власти, так и граждан.

По оценкам специалистов, удельный вес учтенной (воспринимаемой уголовной юстицией) коррупции в структуре реальной коррупционной преступности колеблется в пределах 1–5 %. Если эти оценки признать более или менее адекватными, то основная масса коррупционных отклонений все-таки не выявляется и составляет социальную и мотивационную основу ее устойчивости и живучести. Общеизвестно, что коррупционные соглашения не только скрыты, но и имеют согласительный характер, а поэтому, как правило, не влекут за собой жалоб участников коррупционных сделок. Даже вымогательство взятки, как отмечает В.В. Лунеев, не всегда будет обжаловано, если люди не питают доверия к процессу борьбы с коррупцией[1]. Между тем это доверие напрямую зависит от степени поражаемости уголовной юстицией коррупционных отклонений в системе публичного государственного управления (так называемой деловой коррупции). К сожалению, уголовная юстиция демонстрирует пока активность в борьбе с так называемой бытовой коррупцией, которая легко выявляется, поскольку в силу того же бытового характера «лежит на поверхности».

Коррупционные преступления в высшем (и даже среднем) звене государственного управления, в системе финансовой деятельности, государственного распределения материальных ресурсов не так часто становятся объектом рассмотрения уголовной юстиции. Не случайно Президент Республики Беларусь постоянно обращает внимание на необходимость активизации борьбы с коррупцией в стратегически важных отраслях государственного управления, где она причиняет колоссальный материальный и моральный вред, рушит веру

[1] Лунеев, В.В. Коррупция в России / В.В. Лунеев // Государство и право. – 2007. – № 11. – С. 24.

людей в проводимые экономические и социальные реформы, подрывает доверие к власти и государству.

Поэтому, казалось бы, при полной ясности коррупции как антисоциального явления, находящегося под «контролем» публично организованного управления, есть основания еще раз озвучить давно известные положения. Это необходимо хотя бы потому, что, обузданные желанием покончить с коррупцией, мы забываем, что она есть следствие и порождение всякой власти и требует особого подхода к тому, что называется «борьба с коррупцией».

Устоявшимся подходом к пониманию коррупции является представление о том, что коррупция, скорее, синтетическое социальное или криминологическое понятие, чем правовое, поэтому ее надо рассматривать не как конкретный состав преступления, а как совокупность родственных видов противоправных и разлагающих прежде всего систему государственного управления и администрирования деяний.

Действительно, коррупция есть прямое следствие власти, порождается «полномочиями» управляющих от имени власти людей иметь выгоду от исполнения публично-властных полномочий, которыми они наделяются исключительно для удовлетворения общественных (государственных) интересов. Криминогенные предпосылки коррупционного поведения появились одновременно с социальным и системным расслоением общества на властно управляющих (устанавливающих, разрешающих, распределяющих и т. д.) общественными благами и интересами с одной стороны и членов общества, создающих эти общественные блага и стремящихся удовлетворить далеко не однозначные интересы в приобретении (потреблении) этих благ, с другой стороны. В недрах этого системного расслоения независимо от уровня и характера устройства государственного управления объективно заложен *деструктивный фактор коррупционного отклонения.* Ибо понимание того, что должность предоставляется для удовлетворения общественных (публичных) интересов, что за осуществление полномочий по должности чиновник должен получать только жалование и ничего более, хотя и общепризнано (более того, закреплено законом), но, пожалуй, никогда не может быть и не будет реализовано в абсолютном значении. Власть всегда и везде представляют люди с далеко не однозначными и адаптированными интересами в осуществлении общественных благ.

Сущностное проявление коррупции заключается в злоупотреблении публичными интересами власти на основе предоставленных публичных полномочий в угоду частным интересам. При этом следует исходить из того, что собственно коррупция порождается преимущественно верхним уровнем управления

государством, наличием деструктивных функций в системе публичного управления и администрирования. Так, обращая внимание на это обстоятельство, А.М. Яковлев утверждал, что возможность злоупотребления властью возрастает параллельно с ростом объема полномочий. Отсюда коррупцию следует трактовать прежде всего как разложение руководителей, занимающих ответственное положение в системе власти[1]. Понимание «общепризнанной коррупции» преимущественно как коррупции элитных управленческих групп признается и зарубежными специалистами[2]. И это всегда следует иметь в виду, если профессионально и конструктивно выстраивать систему мер противодействия этому опасному явлению.

Опасность коррупции в современных формах ее проявления существенно возросла в связи с эволюцией и актуализацией корыстной мотивации представителей политической власти, которая сегодня видит во власти возможность не только пользоваться ее исконными привилегиями, но и получать материальные блага и иные преимущества без достаточных законных оснований посредством злоупотребления полномочиями власти и должностного влияния в условиях продолжающегося процесса приватизации и распределения полномочий в сфере экономического администрирования. Продолжающиеся объективно и в интересах всего общества процессы разгосударствления и приватизации, обновления основных фондов предприятий на основе привлечения внутренних и внешних инвестиций, наконец, накопления капитала в системе частного предпринимательства являются более чем удобной ситуацией для проявления коррупционных наклонностей.

Коррупция видоизменилась и в динамике, приобрела новое качество в своей самоорганизации и влиянии – из сугубо механического противодействия организовалась в органическое противодействие в осуществлении государством социально ориентированных функций управления. И происходит это повсеместно посредством сращивания высших чиновников с агентами теневой экономической деятельности, доходы от которой не идут на осуществление социальных функций государства.

Элитно-властная коррупция проявляется сегодня в масштабном расхищении и разбазаривании государственных средств, формирует негативный образ

---

[1] См.: Яковлев, А.М. Социология преступности (криминология): основы общей теории / А.М. Яковлев. – М., 2001. – С. 93; Агеев, В.Н. Ограничение основных конституционных прав государственных служащих как способ борьбы с коррупцией / В.Н. Агеев // Следователь. – 2008. – № 3. – С. 11; Малько, А.В. Стимулы и ограничения в праве / А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2004. – С. 230–231.

[2] См.: Неклесса, А.И. Глобализация: новый цивилизационный контекст / А.И. Неклесса // Безопасность Евразии. – 2001. – № 1. – С. 123–124.

власти как в глазах населения, так и в мировом общественном мнении[1]. Поэтому только введение действенной системы контроля и предупреждения коррупции на верхнем уровне государственного управления обеспечит необходимые объективные и субъективные предпосылки распространения соответствующих антикоррупционных процедур и норм поведения на нижестоящих уровнях социального (публичного) управления. Социально ориентированная и прозрачная система публичного властвования и администрирования способна стать той силой, которая сможет парализовать коррупцию и эффективно контролировать бюрократию[2].

Субъекты власти по определению и сути репрезентируют (должны репрезентировать) публичные интересы. Существование частных, корпоративных интересов, носители которых также стремятся осуществить их, приводит к конкуренции указанных интересов. По словам Е.Л. Дубко, «частные интересы метеоритным дождем со всех сторон атакуют публичную сферу»[3]. Субъектам власти, осуществляя публичный интерес, приходится противостоять множеству лиц, представляющих частные интересы. Падение у представителей власти социально-психологической готовности (способности) и мотивации осуществлять публичные интересы свидетельствует об ослаблении публичной власти, что в условиях конкуренции интересов неизбежно приводит к замещению и подмене публичных интересов частными. Такое раздвоение интересов и есть состояние коррумпированности государственного служащего, которое позволяет взять его на постоянное содержание, сделать зависимым, заставить действовать в частных интересах. Услуги субъектов власти жизненно необходимы агентам теневой (и не только теневой) экономики для сохранения большей безопасности при нарушении уголовного, антимонопольного, налогового, лицензионного и иного законодательства. На рынке коррупционных услуг появились и не без успеха действуют мошеннические и немошеннические группы, которые готовы оказать содействие в реализации таких услуг на основе своих доверительных отношений с соответствующими должностными лицами. Вот почему основой антикоррупционной политики должна стать рационализация деятельности государственного аппарата власти, в недрах которой проявляется системная (деловая) коррупция. На первоочередную борьбу с этой коррупцией и нужно направить имеющиеся ресурсы той же власти, в том числе правоохранительной системы. Сколько-нибудь ощутимых результа-

[1] См.: Голик, Ю.В. Коррупция как механизм социальной деградации / Ю.В. Голик, В.И. Карасев. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. – С. 32.
[2] См.: Минаков, П.А. Публичная власть и коррупция / П.А. Минаков // Право и политика. – 2007. – № 3. – С. 10.
[3] См.: Дубко, Е.Л. Политическая этика / Е.Л. Дубко. – М.: Академический проект: Трикста, 2005. – С. 237.

тов в реальном ограничении коррупции можно достичь, если «честная» часть управленческой части элиты власти сумеет в этом деле начать с себя. Задача сильной власти при осуществлении антикоррупционной функции состоит в том, чтобы ослабить объективно и субъективно мотивацию потенциальных и реальных носителей коррупционных отношений рассматривать власть в качестве высокодоходного финансового инструмента.

В качестве источников коррупции обычно называют несовершенство законодательства, «зарегулированность» принятия хозяйственных и управленческих решений, слабый или «избирательный» контроль компетентных государственных органов, сужение сферы свободы при осуществлении дозволенной деятельности и даже высокую концентрацию во властных структурах людей с наихудшими человеческими качествами. Здесь проблема сводится к тому, что коррупция все-таки связана с несовершенством установившегося в обществе порядка регулирования экономической деятельности и принятия (процедуры принятия) управленческих решений, уровнем администрирования при оказании государственных услуг. Конечно, есть серьезные основания для переосмысления государственных стандартов принятия экономических и управленческих решений, которые открыто и прозрачно выражали бы антикоррупционную суть поведения власти и ее должностных лиц на основе сохранения только объективно необходимых функций, полномочий и пределов государственного управления и администрирования. Надо постепенно снимать конфликтогенный потенциал излишней юридизации общественных отношений. Юридическая бюрократизация бытовых отношений между гражданами и граждан с многочисленными структурами государственного администрирования по поводу получения различного рода справок, подтверждений и разрешений создала почву для развития коррупции во всей системе бытового и небытового администрирования.

Давно доказана тесная связь коррупции с развитием современных форм теневой экономики (скрытой от налогового учета, незаконной, наконец, открыто криминальной). Она нуждается в бюрократической и политической протекции, которая может быть обеспечена только незаконно и только на определенном уровне власти и чаще всего через коррупцию. Эмпирическая связь между коррупцией и долей теневого сектора в экономике подтверждается и, вероятно, является одним из основных механизмов, с помощью которого коррупция большого денежного мешка поражает бюрократию государственного управления.

В 1990-х гг. на постсоветском пространстве происходило активное сращивание политической и экономической власти. В результате помимо сырьевых, финансовых рынков появились и рынки власти. Коррупция стала меха-

низмом продажи власти на собственном рынке властных структур[1]. Надо прямо оговориться, что такая жесткая оценка коррумпированности власти основана на негативном опыте реформирования российской политической и экономической действительности. В Республике Беларусь государственная власть благодаря последовательной и бескомпромиссной позиции Президента А.Г. Лукашенко отвергла агентов теневого бизнеса и бесконтрольной приватизации общенародного достояния и, следовательно, их притязания на публичную власть в качестве ее экономической элиты. В этом состоит один из важнейших успехов становления и развития белорусской государственности. Но это не значит, что государственная система избавилась от коррупционного зуда, наоборот, созерцая элитарный коррупционный опыт ближайших соседей, он значительно усиливается и не без успеха адаптируется к новым условиям и трудностям. Только и только коррупция сегодня не позволяет государству добиться осуществления стоящих перед ним стратегических задач, поскольку эти задачи противоречат интересам связанных с теневой экономикой представителей властно-управленческих структур.

На фоне коррупционного соглашательства власти развивается другой, не менее опасный синдром – синдром недоверия к требованиям закона и провозглашаемым им возможностям получать государственные услуги в рамках разумного правового поля. Более того, формируется среда криминогенной неустойчивости основной массы удовлетворять свои потребности законным способом. И тогда определенная доля членов общества в силу существующих неравных возможностей вынуждена использовать нелегитимные средства достижения официально провозглашенных в обществе целей, что выражается в росте корыстных преступлений общеуголовного характера, прежде всего краж чужого имущества. Невозможность реализации своих интересов легальными способами толкает граждан и иных субъектов отношений с государством к неправовым действиям, расширяется поле неправовых практик на основе субъективно деформированного опыта и искажения представлений о том, что можно и что нельзя.

Для криминологии в аспекте познания причин коррупции важно исследование проблем управления и связанных с ними деструктивных факторов, объективно присущих функции власти и определяющих объективную и субъективную возможность злоупотребления публичными интересами в угоду частным. Эта проблематика и привела к выделению такой отрасли знания, как криминология управления (управленческая криминология), имеющая самое непосредст-

[1] См.: Гамза, В. Теневая экономика и коррупция: как разорвать замкнутый круг / В. Гамза // Следователь. – 2008. – № 3. – С. 15–18.

венное отношение к познанию социальных истоков экономической преступности и управленческой коррупции власти[1].

Управленческий аспект криминологической оценки коррупции хорошо просматривается, если соотносить ее с *социально значимыми функциями коррупционного поведения субъектов власти* с одной стороны и публичного управления с другой в контексте эффективности функционирования и выстраивания самой власти с учетом задач и пределов правового регулирования экономической деятельности.

Так, Я.И. Гилинский к социально значимым функциям коррупции, которые она «успешно» выполняет, относит: упрощение административных связей и процедур; ускорение и упрощение принятия управленческих решений; снятие обременительных запретов и ограничений; консолидация отношений между потребителями услуг и учреждениями, органами, их предоставляющими; содействие экономическому развитию путем сокращения бюрократических барьеров; оптимизация экономического распределения в условиях дефицита ресурсов и др.[2].

Нельзя не заметить, что начиная с 90-х гг. произошло не просто механическое увеличение массива криминальных деяний коррупционного характера – к жизни был вызван целый массив новых видов экономической и коррупционной преступности. Произошло не просто статистическое изменение криминогенной ситуации, а изменение самой природы криминогенности экономической и управленческой среды. Если ранее коррупционные соглашения в своем большинстве были направлены на преодоление дефицита власти в возможностях оказания соответствующих услуг, то сегодня они направлены на «стимулирование» нейтрализации бюрократических проволочек и некачественного предоставления государственных услуг, особенно на бытовом уровне проявления коррупции. Не случайно около 15 % респондентов не видят в таковых коррупционных сделках особой социальной опасности.

Новые социальные стимуляторы экономической и иной социальной деятельности требуют, соответственно, адекватной системы социального контроля, государственного регулирования и администрирования этой деятельности. Безусловно, экономическая проблематика становится для белорусского государства чрезвычайно важной в деле обеспечения национальной безопасности. Отсю-

[1] См.: Борисов, О.А. Феномен коррупции как угрозы национальной безопасности / О.А. Борисов, В.В. Колесников // Рос. криминол. взгляд. – 2007. – № 2. – 149–153.

[2] См.: Гилинский, Я.И. «Все действительное разумно» / Я.И. Гилинский // Организованная преступность и коррупция: результаты криминолого-социологических исследований: вып. 2 / под ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов: Саратовский центр по исследованию организованной преступности и коррупции: Сателлит, 2006. – С. 154.

да уже длительное время поддерживается высокий уровень администрирования субъектов экономической деятельности.

В свою очередь, высокий уровень администрирования существенно повышает степень «*коррупционной свободы*» на рынке государственных услуг. Казалось бы, все должно быть наоборот. Однако не все так просто. При ограничении свободы разрешительной системы экономической деятельности неизбежно высвобождается свобода для деятельности потенциальных коррупционеров как со стороны представителей власти, так и со стороны представителей общества, стремящихся получить государственные услуги незаконным путем.

Уровень коррупции – это не количество зарегистрированных или незарегистрированных коррупционных преступлений в абсолютном выражении или на определенное количество населения, а особое состояние (прежде всего функциональное) социальных систем (экономической, управленческой, регулятивной, разрешительной, кадровой), способных из года в год порождать большее или меньшее количество деяний коррупционного характера. Поэтому об уровне коррупции в той или иной стране специалисты уже давно судят не по количеству совершаемых и регистрируемых коррупционных преступлений, а по индексам *ее восприимчивости* системной бюрократией власти с учетом регламента ее деятельности и полномочий на возможность отклоняться от исполнения публичных интересов в угоду личным или групповым. Вот почему важнейшим элементом национальной антикоррупционной стратегии государственной политики любого государства является *объективное* измерение коррупции. Это мощное средство исполнения государственной политики, а следовательно, и деятельности правоохранительной системы, своевременная ее переориентация на те области и сферы деятельности власти и управления, где просматриваются наиболее горячие точки возможных коррупционных соглашений, имеющих базовое начало для формирования коррупции. Следует учитывать, что коррупция крайне трудно поддается измерению, как и выявлению, – она скрыта. Поэтому в основу ее измерения должны быть положены критерии, отражающие различные практики коррупции, например: сумма и частота взяток в той или иной сфере управленческой деятельности; система услуг, требующих завышенных издержек власти и потребителей этих услуг; возможность неконтролируемого получения услуг за счет взяток; степень безопасности и надежность получения услуги в случае дачи взятки; завышенное бремя регулирования оказания определенных социальных услуг экономического, управленческого характера; степень риска коррупции при решении

тех или иных вопросов; эффективность деятельности власти, ее ориентация на борьбу с коррупцией и т. д.

Формируя и осуществляя антикоррупционные мероприятия, следует объективно оценивать и разграничивать коррупцию как криминогенное состояние социальной среды (соответствующей сферы деятельности и жизни общества) и коррупционно опасные деликты как результат объективного и субъективного взаимодействия этой среды с потенциальными носителями (субъектами) коррупционного поведения.

Коррупция как криминологическое явление есть особое социогенное деструктивное состояние властно-управленческих функций и полномочий, которое при наличии конкуренции рынка потребителей государственных услуг способно в скрытой и открытой форме воспроизводить соответствующее количество противоправных коррупционных деяний различного уровня с точки зрения измерения коррупции.

Идентифицируя восприимчивость системы власти к коррупции, криминология выделяет, как правило, три сегмента коррупционного фона, на котором она развивается:

 государственное управление, отягощенное разрешительными полномочиями и излишним администрированием, что объективно снижает доверие общества к должностному лицу и вызывает необходимость его подкупа;

 наличие рынка коррупционных услуг – имеются в виду сферы социальной деятельности, в которых должностное лицо имеет возможность рассматривать свое положение как правомочие на максимизацию личной выгоды путем распределения общественного достояния и оказания государственных услуг;

 возможность манипуляции общественными интересами в пользу интересов частных, что обеспечивает прямую или косвенную выгоду государственным чиновникам[1].

Социальная первопричина коррупции кроется в возможности злоупотребления властью народа посредством системного игнорирования общественного контроля, позволяющего чиновникам везде и всюду выполнять функции монопольного управления и обогащаться лишь на основании личных доверительных связей и принадлежности к власти. Вот почему бесперспективно доверять контроль за состоянием коррупции только официальным органам власти. Общий рецепт в борьбе с коррупцией один – борьба должна осуществляться

[1] См.: Гевелинг, Л.В. Клептократия. Социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти. – М.: Гуманитарий, 2001. – С. 27–29.

государством при активном участии общества и его небюрократизированных институтов, которые государство должно растить и сохранять на всех уровнях управления. Речь идет не о некоем новом виде общественного контроля, а о такой системе власти, в которой реально участвуют небюрократизированные, внешние по отношению к ней субъекты – научные, экспертные, консалтинговые и иные организации.

Государственная деятельность (служба) универсальна по своему влиянию, она незримо существует и проявляется в самом разном виде на макро- и микросоциальном уровнях. Поэтому коррупционное поведение в масштабе страны может быть доступно и более успешно преодолеваться в системном виде только *независимой государственной структурой, подчиненной политической воле Президента*, которая должна информационно, оперативно и аналитически отслеживать движение, развитие коррупционных рисков в системе государственной власти и своевременно снимать их.

Механизм же антикоррупционной политики должен быть направлен на разрушение первичных коррупционных связей и отклонений в государственном управлении, чтобы властные структуры не допускали произвольных решений, которые эхом повторяются и интерпретируются во всем государственном аппарате. Система государственного управления изначально и всегда стремится «самоустроиться» для удобства бюрократической прослойки, которая озабочена контролем лишь тех социальных процессов, которые выгодны для поддержания всевластия административного ресурса. Поэтому социально-правовым элементом коррупции следует признать такое внутриорганизационное состояние публичных служащих и их деятельности, которое выражается в отсутствии положительных результатов использования той или иной правовой конструкции их властных полномочий.

С правовых позиций первичное коррупционное поведение практически недосягаемо для регулирования. Не потому, что оно скрыто от широкого общественного контроля, а вследствие того, что оно недоступно правовым запретам и средствам юридической ответственности. Можно создать лишь косвенный механизм воздействия на противоправно бездействующего, недостаточно активного субъекта или чиновника, использующего пробелы, коллизии и неопределенность нормативно-правовых положений как возможность «обходить» предписания закона. Куда труднее и важнее создать систему, позволяющую максимально четко и полно отобразить и воплотить на практике персональную правосубъектность государственных должностных лиц. Расщепить элемент коррупции можно, сосредоточив основное внимание на административном

поле, устранив неправовые практики, гарантирующие эксплуатацию чиновниками полномочий государственной службы.

Добиться этого можно, децентрализовав и индивидуализировав компетенцию служащих, повысив социальную ответственность лиц, замещающих любые должности, параллельно закрепив четкие и весомые гарантии защиты и независимости чиновника от вышестоящих инстанций.

В дисциплинарной практике коррупцией следует считать и такие явления, которые не поддаются четкому правовому регулированию, а потому не могут быть изложены в раз и навсегда сформулированном определении коррупционного поведения, но должны оцениваться как нарушения антикоррупционных стандартов служебного этикета. Наряду с закреплением общего понятия коррупции необходимо идентифицировать и дифференцировать административно и уголовно наказуемые формы коррупции, дисциплинарного коррупционного проступка, наконец, коррупции лиц, занимающих ответственные государственные должности.

Непременным условием оптимальной антикоррупционной политики является комплексная профилактика, вовлекающая все общество в реализацию антикоррупционной функции на уровне публичного управления. Это и совершенствование системы государственного управления, и поддержание общего режима законности и устойчивости правовой системы, и демократизация (открытость) государственных и других публичных институтов для граждан, и повышение роли правовых средств в проведении государственной политики, и сокращение дистанции между чиновником и обществом, и увеличение степени поддержки населением государственных программ при одновременном повышении роли государства в решении проблем отдельно взятого гражданина.

Полагаем, что однозначного и линейного решения проблем правового обеспечения антикоррупционной политики быть не может. Это проблема функциональная и комплексная, проходящая по всему спектру норм действующего законодательства и по-разному взаимодействующая с отраслевыми средствами правового регулирования.

Эффективное осуществление государством антикоррупционной функции включает: антикоррупционное законодательство; информационно-идеологические антикоррупционные меры; введение антикоррупционных (однозначно определенных и прозрачных) практик и процедур в системе государственного управления и администрирования; наличие государственного органа власти по вопросам противодействия элитарной (деловой) коррупции с достаточно широкими юрисдикционными полномочиями; установление обязательного процес-

суального порядка инициирования и рассмотрения коррупционных дел на гласной и негласной основе; введение государством общественного мониторинга и банка данных коррупционных отклонений в системе бюрократии на региональном и республиканском уровнях функционирования власти.

Коррупция проявляется в самых разнообразных деяниях публичного должностного лица и корреспондирующих им деяниях частных лиц, желающих получить государственные услуги (или максимизировать их получение) незаконным путем. В правовом отношении коррупционное множество выражает совокупность разных по характеру и степени общественной опасности, но единых по своей сути коррупционных правонарушений (уголовных, административных, гражданско-правовых, дисциплинарных).

Учитывая присоединение Республики Беларусь к Конвенции ООН против коррупции и Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, нормы национального законодательства устанавливают ответственность за традиционные коррупционные деяния (взяточничество, злоупотребление должностными полномочиями, хищение имущества путем злоупотребления должностными полномочиями, участие в предпринимательской деятельности и т. п.). Эти деяния предопределяют состояние и степень пораженности публичного управления коррупционной преступностью. Но в ряду них существует значительный массив деяний, обслуживающих инфраструктуру коррупционной деятельности. Подобные коррупционные по сути нарушения интересов публичной службы должны избирательно запрещаться прежде всего в административном и дисциплинарном законодательстве. К ним, в частности, можно отнести:

 использование должностного положения (соответствующего статусу влияния) без признаков нарушения должностных обязанностей и нарушения законодательства в процессе служебной и иной публичной деятельности;

 оказание содействия публичным лицом другому публичному лицу в сокрытии должностных злоупотреблений при отсутствии признаков соучастия;

 протекционизм, выражающийся в предоставлении немотивированных преимуществ, без признаков злоупотребления должностными полномочиями или должностным положением;

 действия (или бездействие) служащего, связанные с нарушением его обязанностей, для оказания (обеспечения) группового влияния в процессе осуществления публичной деятельности, фаворитизм чиновников, если при этом преследуются цели, не совместимые с интересами публичного управления;

 нарушение принципов служебной этики во взаимоотношениях с подконтрольными, подчиненными субъектами;

 приобретение статуса, обеспечивающего дополнительные возможности служебного и внеслужебного влияния.

В общем, к коррупции следует относить соответствующие способы (процессы) нарушения принципов публичного управления, а также определенные виды внеслужебного и служебного покровительства. Поэтому коррупционное поведение может выражаться в удовлетворении не только личных (групповых) интересов, но и не публичных по содержанию, т. е. конфликтных по отношению к общественно полезным целям служебной деятельности.

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СОДЕРЖАНИЯ ЗАЩИТЫ СЕМЕЙНЫХ ПРАВ

Андрияшко М.В.

В статье анализируются полярные мнения ученых-правоведов относительно определения содержания защиты семейных прав. Изложение автором материала базируется не только на нормах семейного законодательства, но также гражданского и гражданского процессуального. Автор приходит к выводу о том, что как в законодательстве, так и в научной литературе термин «защита прав» применяется в различных смыслах, что влечет разночтения. Указанное свидетельствует о необходимости определить содержание защиты семейных прав. В заключении статьи приведено авторское определение термина «защита семейных прав».

К числу общепризнанных норм международного права относится положение о необходимости защиты семьи со стороны общества и государства. В п. 3 ст. 16 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., указано: «Семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства». В отечественном законодательстве это положение впервые приобрело значимость в качестве принципа в Конституции СССР 1977 г. (ст. 53) и Конституции БССР 1978 г. (ст. 51): «Семья находится под защитой государства». Действующая Конституция Республики Беларусь также закрепляет этот принцип в ст. 32: «Брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства» [1]. Кроме того, указанный принцип находит отражение в ст.ст. 3 и 6 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье [2], а также в положениях Указа Президента Республики Беларусь от 21 января 1998 г. № 46 «Об утверждении основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь» [3].

Безусловная актуальность избранной темы исследования находит подтверждение также в трудах советских, отечественных белорусских и зарубежных ученых-правоведов.

Действующее брачно-семейное законодательство не раскрывает понятия «защита семьи», в связи с чем возникают разночтения в определении этого термина, а также необходимость обращения к трудам ученых-правоведов, зани-

мавшихся исследованием вопросов защиты прав в целом и защиты семейных прав в частности.

Рассматривая семейное право с теоретических позиций, важно выделять четыре основные цели, сформулированные выдающимся специалистом в области семейного права А.М. Нечаевой: «Это защита членов семьи, правовое регулирование семейных отношений, охрана прав ребенка и последняя (несомненно, цель, достигнуть которую очень трудно, но необходимо) – установление разумного баланса между интересами личности, семьи и общества в целом» [4, с. 93; 5, с. 69].

Как справедливо отметила А.М. Нечаева, «…защита семьи государством как таковая не находила своего прямого отражения в брачно-семейном законодательстве» [6, с. 30].

А.М. Нечаева, обозначая проблемы семейного права, указала «...на потребность в укреплении, прежде всего, теоретических основ семейного права как науки по следующим направлениям: ...семья как объект самостоятельной защиты; внесудебная защита прав членов семьи...» [5, с. 71]. Указанные в перечне темы ранее либо вовсе не подвергались исследованию, либо освещались недостаточно полно. В подтверждение этого факта можно привести мнение В.П. Мозолина и А.М. Нечаевой относительно того, что «… сама семья как таковая субъектом права не является, субъектами права будут конкретные члены семьи» [6, с. 5].

В положениях современного белорусского законодательства отражена иная позиция, с которой мы солидарны, – семья является субъектом права. Об этом свидетельствует, например, ст. 17 Закона Республики Беларусь «О правах ребенка» [7] «Ответственность семьи за воспитание ребенка», нормы которой выделяют семью в качестве особого субъекта ответственности.

С защитой прав и интересов участников семейных отношений связан ряд теоретических и практических проблем, решение которых призвано служить как расширению и углублению самой сферы защиты, так и совершенствованию ее правового регулирования.

Исследование теоретических вопросов судебной защиты длительное время проводилось главным образом с позиций процессуального права, поэтому такие понятия, как иск, судебное решение, принудительное исполнение судебного постановления, рассматривались зачастую лишь как процессуальные явления. Их материально-правовая сущность оставалась в тени, что, несомненно, обедняло их действительное значение в динамике спорного правоотношения.

Последнее десятилетие характеризуется расширением исследований как общетеоретических, так и материально-правовых аспектов защиты. Усилилось внимание и к проблемам защиты в семейном праве. Тем не менее следует отметить, что как в проводившихся ранее, так и в современных исследованиях преимущественно освещаются либо общеправовые аспекты защиты права, либо гражданско-правовые.

Советская и современная белорусская правовая литература располагает работами многих авторов, в которых на разных уровнях освещаются отдельные вопросы защиты в семейном праве. Вклад в освещение этой проблемы сделали не только специалисты в области семейного права, но и цивилисты: Е.Г. Азарова, М.В. Антокольская, М.В. Антольская, В.И. Бошко, В.Н. Годунов, В.П. Грибанов, Н.М. Ершова, Ю.А. Королев, О.А. Красавчиков, Е.В. Кулагина, Г.И. Литвинова, Н.С. Малеин, В.Ф. Маслов, Г.К. Матвеев, В.П. Мозолин, С.А. Муратова, А.М. Нечаева, В.Д. Новиков, З.А. Подопригора, А.А. Пушкин, Л.М. Пчелинцева, Н.Н. Тарусина, В.Г. Тихиня, В.Ф. Чигир, Ш.Д. Чиквашвили, В.П. Шахматов, Н.Н. Шептулина, Г.Ф. Шершеневич, Н.Г. Юркевич и др.

Немаловажное значение для уяснения анализируемой проблемы имеет изучение работ советских ученых-правоведов Л.М. Звягинцевой и З.В. Ромовской, содержание которых значительно обогатило теорию защиты прав субъектов семейных правоотношений.

Безусловным достоинством монографии З.В. Ромовской «Защита в советском семейном праве», которая вышла в свет в 1985 г., является рассмотрение сущности правовой защиты в семейном праве и порядка ее осуществления.

Кроме того, заметным шагом в направлении исследования вопросов регулирования семейных отношений стали труды Г.М. Свердлова, посвященные праву ребенка на воспитание, браку и разводу, советскому законодательству о браке и семье. Вкладом в науку стали также труды А.М. Пергамент. Ей принадлежит монографическое исследование, посвященное алиментным обязательствам, опеке и попечительству. Общие вопросы семейного права как науки нашли отражение в работах В.А. Рясенцева. А укреплению ее теоретической базы послужили труды О.С. Иоффе, Е.М. Ворожейкина.

В связи с тем, что нормы семейного законодательства находятся в тесном взаимодействии с нормами гражданского законодательства, большинство исследователей отстаивают положение о правомерности применения гражданско-правовых норм, регулирующих порядок и условия реализации права на защиту, к семейным отношениям.

Принципом реализации прав в обществе является их гарантированность. Осуществление субъективных прав, исполнение обязанностей, в том числе семейно-правовых, обеспечивается как общими, так и специальными юридическими гарантиями, среди которых важную роль играет правовая защита.

Исследование сущности правовой защиты в семейном праве невозможно без рассмотрения некоторых общетеоретических вопросов, в первую очередь вопроса о содержании рассматриваемого понятия.

В литературе по этому поводу ведется дискуссия. По мнению Г.Н. Стоякина, правовая защита включает в себя три момента: издание норм, которые устанавливают права и обязанности, определяют порядок их осуществления и защиты и угрожают применением санкций; деятельность субъектов по осуществлению своих прав и по защите своих субъективных прав; предупредительную деятельность государственных и общественных организаций, а также деятельность по реализации правовых санкций.

Такой взгляд на содержание правовой защиты уводит нас слишком далеко от действительной сущности этой правовой категории. Включая в сферу правовой защиты, помимо прочего, и деятельность субъектов по защите своих прав, Г.Н. Стоякин употребляет понятие правовой защиты неоднозначно – в широком и узком смыслах. Нельзя согласиться и с отнесением к правовой защите деятельности самих субъектов по осуществлению своих прав. Совершая волевые акты, дозволенные законом, лицо реализует свои субъективные права, а не защищает их. Осуществляя, в частности, такое субъективное право, как право на защиту, лицо защищает конкретное личное или имущественное право: право на алименты, право на личное воспитание своего ребенка и др.

Ю.А. Королев также выделяет два аспекта защиты семьи – широкий и узкий. В широком смысле под защитой семьи Ю.А. Королев понимает процесс реализации норм действующего закона, решений государственных органов, предполагающий возможность применения конкретных мер правового воздействия для восстановления нарушенного права или интереса.

Под защитой семьи в более узком правовом значении Ю.А. Королев понимает защиту законом и обеспечение прав и интересов членов семьи, создание условий для исполнения ими своих обязанностей, а также для соблюдения установленных правил регистрации, расторжения и признания недействительным брака, правил совершения и регистрации актов гражданского состояния. Защита семьи в рамках брачно-семейного законодательства понимается как защита направленных в интересах семьи нравственно обоснованных семейных прав субъекта этих отношений.

Анализируя содержание защиты прав, В.И. Абрамов приходит к выводу, с которым сложно не согласиться: «Защита… предполагает принудительный способ осуществления права (в отношении обязанного лица), применяемый в установленном законом порядке компетентными органами или самостоятельно человеком (самозащита) в целях восстановления нарушенного права. Именно на стадии защиты нарушение должно быть ликвидировано, а право восстановлено. На защиту, таким образом, возложена регулятивно-динамическая функция, которая проявляется как обеспечение прав и свобод в динамическом аспекте» [8, с. 68].

Н.Г. Юркевич указывает, что по содержанию «защита семьи – совокупность таких взаимосвязанных мер, которые направлены на устранение неблагоприятных и создание благоприятных условий для развития и укрепления семей…». К числу важнейших мер защиты семьи Н.Г. Юркевич относит следующие:

1) подготовка молодежи к вступлению в брак и семейной жизни;

2) установление равноправия женщины с мужчиной, прекращение эксплуатации женщины в семье;

3) создание консультаций по вопросам брака и семьи;

4) помощь молодым семьям в обзаведении жильем и обстановкой;

5) меры по охране труда и здоровья женщин;

6) создание и развитие широкой сети родильных домов и детских учреждений;

7) организация и совершенствование службы быта и общественного питания;

8) выплата пособий и пенсий;

9) борьба с пьянством и алкоголизмом [9, с. 14].

В.И. Тертышников защитой права называет такое осуществление права на преобразование правоотношения, которое возможно только с помощью специального государственного органа (например, загса).

Позицию В.И. Тертышникова оспаривает З.В. Ромовская. В монографии «Защита в советском семейном праве» она, анализируя состав субъектов защиты в семейном праве, приходит к выводу о том, что органы загса не являются субъектами защиты: «…не могут считаться субъектом защиты органы записи актов гражданского состояния… поскольку их деятельность не связана с разрешением семейно-правовых конфликтов» [10, с. 15].

Нельзя отрицать безусловные достоинства этой монографии. Однако мы приходим к иному выводу: ведь ошибочно внесенная, не внесенная в срок либо вовсе не внесенная в актовую книгу запись о регистрации гражданского со-

стояния явным образом нарушает права субъектов семейных правоотношений. И наоборот, произведенная запись о регистрации заключения брака, как считают некоторые авторы, мнение которых мы разделяем (Л.М. Пчелинцева, В.Г. Тихиня, Ю.А. Королев, И.И. Семашко, В.И. Пенкрат, В.Г. Голованов и др.), является правовым средством защиты брака [11, с. 99; 12, с. 43; 13, с. 25; 14, с. 25; 15, с. 13; 6, с. 17].

Ю.Г. Басин и А.Г. Диденко понимают правовую защиту как предусмотренную законом для борьбы с правонарушениями систему мер, опирающихся на государственное принуждение и направленных на то, чтобы обеспечить неприкосновенность права, его осуществимость и ликвидацию последствий его нарушения. Такое определение, с одной стороны, сужает сферу правовой защиты, связывая ее лишь с правонарушениями. С другой стороны, она расширяется за счет включения предупредительных мер, обеспечивающих неприкосновенность права.

М.К. Сулейменов определяет защиту гражданских прав как предусмотренную законом систему мер, направленных на обеспечение неприкосновенности права, восстановление нарушенного права и пресечения действий, нарушающих право [16, с. 301].

Е.А. Суханов определяет право на защиту как юридически закрепленную «…возможность управомоченного лица использовать меры правоохранительного характера с целью восстановления нарушенного права и пресечения действий, нарушающих право» [17, с. 473].

Содержание права на защиту, как верно отмечено Е.А. Сухановым, состоит в «…возможности управомоченного субъекта в процессе его осуществления, определяется комплексом норм гражданского материального и процессуального права, устанавливающих: а) само содержание правоохранительной меры; б) основания ее применения; в) круг субъектов, уполномоченных на ее применение; г) процессуальный и процедурный порядок ее применения; д) материально-правовые и процессуальные права субъектов, по отношению к которым применяется данная мера» [17, с. 476].

Н.С. Малеин понимает правовую защиту как систему юридических норм, направленных на предупреждение правонарушений и устранение их последствий. Однако рассмотрение правовой защиты лишь в качестве правового института не раскрывает полностью ее сущности, да и включение в нее предупредительных мер является спорным.

С.С. Алексеев правовой защитой считает государственно-принудительную деятельность, направленную на восстановление нарушенного права, обеспечение исполнения юридической обязанности.

О правовой защите как деятельности определенных органов, направленной на восстановление нарушенных или оспариваемых субъективных прав, охраняемых законом интересов, пишет Л.Н. Завадская.

Из таких же позиций исходят и другие авторы, определяющие правовую защиту как применение юрисдикционным органом специальных мер, направленных на обеспечение управомоченному лицу реальной возможности осуществления его права. Общим для этих мнений является признание правовой защиты как деятельности специальных органов.

Правовая защита действительно невозможна (за исключением случаев самозащиты и самообороны) без деятельности специальных государственных или общественных органов. Если восстановление нарушенного права произведено самим нарушителем, оно не может рассматриваться как осуществление правовой защиты. Однако деятельность, направленная на восстановление, – это еще не само восстановление (суд может вынести решение, исполнить которое невозможно, например, в связи с тяжелым имущественным положением обязанного лица или его смертью). Особую значимость приобретает здесь результат этой деятельности, являющийся непосредственной реализацией правила поведения, закрепленного в решении правоприменительного органа.

Главное в сущности правовой защиты, как правильно признает З.В. Ромовская, составляет то, что она является реализацией избранной правоприменительным органом меры государственного принуждения. Защита – непосредственное воздействие на спорное отношение. Своим конкретным применением, как отмечает В.Ф. Яковлев, принудительные меры пресекают нарушение субъективного права, обеспечивают необходимые условия для его осуществления, восстанавливают нарушенное право или иным способом устраняют последствия нарушения.

Правовая защита всегда уже состоявшийся акт. В отдельных случаях для реализации указанной в решении меры государственного принуждения достаточно его вынесения. Поскольку в решениях о признании права или юридически значимого факта о прекращении правоотношения ответчик не принуждается к определенному поведению, акт правосудия и правовая защита всегда совпадают во времени.

Если же ответчик принуждается к определенному поведению (уплате алиментов, передаче части совместно нажитого имущества), реализация государственного принуждения органически связана с исполнением решения, без чего и свершившейся правовой защиты быть не может.

Таким образом, термин «защита прав» применяется в различных смыслах как в законодательстве, так и в научной литературе. В законодательстве понятие «защита права» чаще всего носит достаточно абстрактный характер и означает возможность государства, его органов защищать те или иные права, не конкретизируя, идет ли речь о защите нарушенных прав или о гарантиях и формах реализации еще не нарушенных прав.

Вышеизложенное дает основание сформулировать следующее определение. *Защита семейных прав* – это сложный комплекс как юридических средств и приемов, направленных на обеспечение неприкосновенности права, восстановление нарушенного права и пресечения действий, нарушающих право, так и социально-экономических мероприятий, гарантированных государством, направленных на создание оптимальных условий функционирования семьи (пособия, льготная налоговая политика, льготное кредитование, создание и развитие широкой сети детских учреждений и др.).

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 ноября 2004 г.). – Минск: Беларусь, 2004. – 48 с.
2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: Закон Респ. Беларусь от 9 июля 1999 г. № 278-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 5 янв. 2008 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 14. – 2/1412.
3. Об утверждении основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 21 янв. 1998 г., № 46: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 28 дек. 2007 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 5. – 1/9268.
4. Нечаева, А.М. Семейное право: проблемы и перспективы развития (материалы «круглого стола») / А.М. Нечаева // Государство и право. – 1999. – № 9. – С. 93–101.
5. Нечаева А.М. Семейное право: проблемы и перспективы развития (материалы «круглого стола») / А.М. Нечаева // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 69–75.
6. Право и защита семьи государством / Е.Г. Азарова [и др.]; редкол.: В.П. Мозолин (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1987. – 184 с.
7. О правах ребенка: Закон Респ. Беларусь, 19 нояб. 1993 г., № 2570-XII: в ред. Закона Респ. Беларусь от 5 июля 2008 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 170. – 2/1462.

8. Абрамов, В.И. Соотношение понятий «охрана», «защита», «гарантированность», «обеспечение» прав ребенка / В.И. Абрамов // Государство и право. – 2006. – № 6. – С. 68–74.
9. Бурова, С.Н. Комментарий к Кодексу о браке и семье Белорусской ССР / С.Н. Бурова, В.В. Левый, Т.А. Петрова; под общ. ред. Н.Г. Юркевича. – Минск: Университетское, 1990. – 287 с.
10. Ромовская, З.В. Защита в советском семейном праве / З.В. Ромовская. – Львов: Вища школа, 1985. – 180 с.
11. Семашко, И.И. Регистрация заключения брака как правовое средство защиты брака государством / И.И. Семашко // Вестн. Конституционного Суда Респ. Беларусь. – 2005. – № 3. – С. 99–102.
12. Пчелинцева, Л.М. Семейное право России: учеб. для вузов / Л.М. Пчелинцева. – М.: Норма, 2006. – 384 с.
13. Тихиня, В.Г. Правовые основы семьи: юрид. справ. / В.Г. Тихиня, М.Г. Бруй. – Минск: Изд-во МИУ, 2006. – 220 с.
14. Пенкрат, В.И. Семейное право Республики Беларусь: практ. пособие / В.И. Пенкрат. – Минск: Молодежное научное общество, 2001. – 180 с.
15. Комментарий к Кодексу Республики Беларусь о браке и семье / Т.А. Белова [и др.]; редкол.: В.Г. Тихиня [и др.]. – Минск: Светоч, 2000. – 304 с.
16. Гражданское право: учеб. для вузов (академический курс): в 2 т. / редкол.: М.К. Сулейменов (отв. ред.) [и др.]. – Алма-Аты: КазГЮА, 2000. – Т. 1: Общая часть / Ю.Г. Басин. – 704 с.
17. Гражданское право: учеб.: в 2 т. / редкол.: Е.А. Суханов (отв. ред.) [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во БЕК, 1998. – Т. 1 / Е.А. Суханов. – 816 с.

ИЗМЕНЕНИЯ ИММИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Ивашкевич Е.Ф.

Статья посвящена анализу последних тенденций увеличения иммиграционных потоков в страны Европейского Союза из стран Восточной Европы, Азии и Африки, экономическим последствиям, проблемам социальной адаптации иммигрантов в сфере трудоустройства, обучения языку, предоставления жилья, медицинской помощи, учреждений для отправления религиозных культов и др., недоброжелательному отношению отдельных граждан и ряда политических сил европейских стран к данному процессу.

В статье кратко характеризуются основные новации иммиграционного законодательства ряда европейских стран, причины его ужесточения, ограничения в предоставлении права на въезд выходцам из других стран.

В работе использовано конституционное законодательство европейских стран, научные монографии и статьи белорусских и российских правоведов.

История человечества неразрывно связана с миграцией населения, происходившей по разным причинам, но всегда с одной целью – переменой места жительства. XX в. внес много изменений в направления и характер миграций, беспрецедентно возросли и их масштабы. Международные миграционные процессы являются неотъемлемой составляющей современного общества. Исследователи предпринимали попытки классифицировать виды миграции по разным критериям и разработать их определения. Как отмечает А.В. Похлебаева, «классифицировать миграцию можно с помощью следующих критериев: по правовому статусу – законная и незаконная; по территориальному признаку – международная и внутренняя; по мотивам – добровольная (трудовая, экономическая, профессиональная, воссоединение с семьей) и вынужденная (беженцы и перемещенные лица); по срокам – постоянная и сезонная; по целям – поиск убежища, получение статуса беженца, воссоединение с семьей, «утечка умов», учебная и трудовая миграция… При классификации миграции на законную и незаконную следует учитывать, что первым видом является миграция на законных основаниях: наличие визы, вида на жительство, предоставление правового статуса, а незаконной – миграция при отсутствии таковых элементов» [1, с. 4–5].

Резолюцией 217А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. принята Всеобщая декларация прав человека [2, с. 1–5], в которой сформулированы права, касающиеся миграции: право свободно передвигаться и выбирать себе место жительства в пределах каждого государства (п. 1 ст. 13); право покидать любую страну, включая собственную, и возвращаться в свою страну (п. 2 ст. 13); право искать убежище в других странах и пользоваться этим убежищем (п. 1 ст. 14). Однако указанный международно-правовой документ не предполагает права свободного въезда любого лица в любое государство, не возлагает на государство обязанность безоговорочно допустить на свою территорию лицо, не состоящее в его гражданстве; бесспорно только право возвращения в свою страну.

Существуют также еще некоторые основополагающие документы, направленные на регулирование вопроса иммигрантов. Так, 16 декабря 1966 г. резолюцией ООН был принят Международный пакт о социальных, экономических и культурных правах, который закрепляет право на труд, на достаточный уровень жизни, Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., закрепляющий право не подвергаться пыткам, на равную защиту закона и др. Немаловажное значение имеют Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, принятая резолюцией ООН 21 декабря 1965 г., содержащая ряд запретов и обязательств по предотвраще-

нию дискриминации на основании расы, национального происхождения, Декларация о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают, от 13 декабря 1985 г. и др. [3].

Международное сообщество предпринимает значительные усилия для эффективного противостояния незаконной миграции. Примером служит Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 15 ноября 2000 г. [4], которую дополняют 2 протокола: Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суши, морю и воздуху [5] и Протокол о предупреждении торговли людьми, особенно женщинами и детьми [6].

Вместе с тем при перемещении людей между государствами могут быть нарушены нормы международного и внутригосударственного права соответствующих стран и нанесен вред различным сферам общества. Также остается открытым вопрос о решении таких проблем мигрантов, как установление личности, регистрация, правовая и политическая защита, интеграция на новом месте и многие другие.

Несмотря на относительную политическую и экономическую стабильность развитых стран Западной Европы, большинство из них сталкивается с проблемами миграционных процессов. Так, вот уже двадцать лет иммиграция остается во Франции крупной политической проблемой. На сегодняшний день в стране 3,6 млн. легально проживающих иностранцев, в основном выходцев из бывших колоний – Алжира и Марокко [7, с. 38]. Ежегодно разрешение на въезд во Францию получает около 100 тыс. граждан третьих стран. Французское гражданство приобретается главным образом по рождению на основе принципа крови, даже в том случае, если ребенок рожден вне брака, но один из его родителей является гражданином Франции. Существуют также условия, по которым можно в упрощенном порядке получить гражданство: служба во французской армии или принятие участия в операциях, приравненных к прохождению военной службы; успешная учеба во французском университете; наличие у лица определенного таланта или способности, благодаря которым оно может оказать Франции важные услуги.

Правовое положение иммигрантов в значительной мере определяется нормами Ордонанса от 2 ноября 1945 г. с последующими изменениями об условиях въезда во Францию и пребывания в ней иностранцев. Иностранные граждане, за исключением граждан Европейского Союза (далее – ЕС), могут въезжать на французскую территорию только по визам, предоставляемым соответствующими органами. Уполномоченные на это органы обладают широкими

возможностями по отказу в выдаче, причем до недавнего времени они не обязаны были мотивировать свой отказ. Лишь законы от 12 мая 1998 г. и от 27 ноября 2003 г. установили правила, обязывающие соответствующие органы мотивировать свой отказ, однако не всем категориям лиц, а только определенным. Во Франции существуют две разновидности видов на жительство – на 1 год с возможностью возобновления и на 10 лет. Разрешение на въезд во Францию в целях длительного пребывания ограничено рядом конкретных обстоятельств.

В целом французское миграционное законодательство направлено на ужесточение критериев, согласно которым можно получить французское гражданство. Так, отныне иммигранты, приезжающие в страну из-за пределов ЕС, должны будут заключать специальный контракт, обязуясь выучить французский язык, уважать культурные традиции страны пребывания и французский образ жизни. С 2007 г. предусмотрено обязательное прохождение анализа ДНК, наличие стабильных источников дохода при воссоединении семей иммигрантов. Кроме того, отменяется правило, позволявшее иммигрантам получить французское гражданство спустя 10 лет проживания во Франции. Что же касается трудовых вакансий, то они предоставляются, если никакой французский гражданин или проживающий во Франции гражданин третьей страны не может заполнить соответствующую вакансию [7, с. 40].

В Германии 1,4 млн. представителей «второго поколения» (дети иммигрантов) не имеют, согласно действующему законодательству, ни германского гражданства, ни права на то, чтобы остаться в Германии на длительный срок, если они не являются гражданами другого государства – члена ЕС. Важнейшими легальными возможностями для временной или постоянной иммиграции в Германию являются: право на убежище для тех, кто подвергается политическим преследованиям, и их ближайших родственников; легальные возможности трудоустройства (работа по контракту, сезонные работы); специальные правила для студентов-иностранцев и для специалистов определенных профессий (иностранных менеджеров, деятелей искусства, спортсменов, журналистов, сотрудников международных организаций и др.) [8, с. 52].

Подробно статус иностранцев ФРГ регулируется Законом о регулировании и ограничении миграции и об установлении правил пребывания и интеграции граждан ЕС и иностранцев от 20 июня 2002 г., который, в свою очередь, состоит из ряда законов. Федеральное правительство назначает специального уполномоченного по делам иностранцев. Права человека распространяются на иностранцев так же, как на германских граждан, за немногими исключениями, связанными с правами гражданства, а также с возможной проблематикой чрезмерного за-

селения страны иностранцами и их давления на рынок труда. С 1993 г. весьма либеральное отношение к поселению иностранцев сменилось законодательным ужесточением. Примером тому может служить Закон о борьбе с международным терроризмом от 9 января 2002 г. В частности, 1 января 2005 г. в ФРГ окончательно вступил в силу новый закон об иммиграции, регулирующий миграционные процессы на рынке труда, интеграцию иностранцев и право на предоставление убежища. Помимо этого, значительно усилены предписания по обеспечению безопасности. Если до сих пор существовало пять форм вида на жительство в Германии, то теперь их число сокращается до двух – это разрешение на временное пребывание и разрешение на постоянное поселение. Переселенцы и члены их семей, намеревающиеся въехать в Германию, должны будут предварительно доказать, что владеют основами немецкого языка. Координировать и контролировать процедуру предоставления вида на жительство для иностранцев будет осуществлять новый специальный орган – Федеральное ведомство по делам миграции. Высококвалифицированные кадры – ученые и специалисты по компьютерным технологиям – могут уже по прибытии на работу в Германию получить бессрочный вид на жительство в ФРГ. На разрешение поселиться в стране могут претендовать и иностранцы, инвестирующие в Германии, по меньшей мере, 1 млн. евро и способные создать здесь минимум 10 рабочих мест. Пребывание в Германии иностранных студентов, окончивших немецкий вуз, может быть продлено на один год, с тем чтобы выпускники могли подыскать себе здесь работу.

Основной тенденцией иммиграционной политики Соединенного Королевства стало ее постоянное ужесточение, что нашло отражение в законодательстве, особенно после теракта в Лондонском метро в июне 2005 г., когда погибло 52 человека. Основные акты, действующие в данной сфере, – это Акт об иммиграции 1971 г., Акт о британском гражданстве 1981 г., Акт об убежище и иммиграции 1996 г., Акт о гражданстве, иммиграции и убежище 2002 г. и др. [9]. Так, Акт об иммиграции 1971 г. предоставлял право свободного въезда на территорию Соединенного Королевства не только британским гражданам, а также гражданам бывших колоний, родившимся в Великобритании, и гражданам Содружества при наличии пятилетнего срока законного проживания в стране. Акт о британском гражданстве 1981 г. внес изменения в Акт об иммиграции, оставив право свободного въезда лишь у британских граждан и граждан Содружества, которые обладали таким правом на момент вступления в силу Акта 1981 г. Для пребывания остальных лиц на территории страны необходимо разрешение Государственного секретаря внутренних дел. Акт 1996 г. запретил принимать на работу лиц, не имеющих документального подтверждения закон-

ного пребывания на территории страны. Акт 1999 г. закрепил механизм государственного контроля по предотвращению фиктивных браков, заключаемых в целях приобретения права на проживание в стране. Акт о гражданстве, иммиграции и убежище 2002 г. расширил возможности государства по лишению гражданства Соединенного Королевства. Согласно этому закону любой гражданин может быть лишен гражданства, если Государственный секретарь внутренних дел установит, что лицо причинило серьезный вред жизненным интересам Соединенного Королевства. Между тем в Великобритании, как и во Франции, существуют категории лиц, которые могут получить гражданство на льготных условиях. Так, в Великобритании упрощены правила приема на работу иностранных врачей. Постоянная нехватка медицинского персонала в системе государственного здравоохранения вынуждает правительство открывать двери для иностранцев, получивших дипломы и дававших клятву Гиппократа за пределами ЕС, и дает им возможность поработать в Великобритании.

Лицо, не являющееся британским гражданином, может быть депортировано из страны, если государственный секретарь внутренних дел счел, что такая депортация послужит «общественному благу», если лицо совершило после достижения 17 лет преступление, за которое полагается тюремное заключение, если имеется решение о депортации кого-либо из членов семьи и в других случаях.

С сентября 1995 г. в соответствии с Шенгенскими соглашениями стран – членов ЕС Великобритания открыла границы для свободного въезда и выезда граждан ЕС. Однако в соответствии с решением Высокого суда, принятым в октябре 1995 г., никакой помощи в приобретении жилья бездомным гражданам ЕС, работающим в Великобритании, местные власти оказывать не обязаны.

Таким образом, есть основания утверждать, что в последнее время в ЕС наблюдается тенденция к ужесточению иммиграционного законодательства, что обусловлено значительным увеличением в Европе числа иммигрантов, в том числе и незаконных, необходимостью обеспечения стабильности социально-экономического статуса данной категории лиц и членов их семей, нарастающей угрозой террористической деятельности со стороны деструктивных элементов общества и др. В связи с этим в середине июня 2008 г. Европарламентом был одобрен Европейский иммиграционный пакт, который предусматривает возможность лишения свободы до 8 месяцев для незаконных иммигрантов из стран Латинской Америки, Азии, Африки и Восточной Европы, отказ в дальнейшем во въезде в ЕС в течение последующих 5 лет. В данном документе приоритетным при предоставлении вида на жительство является не воссоединение с семьей, как это было раньше, а потребности страны в трудовой имми-

грации. В нем также намечается тенденция к отказу от практики расширенной легализации иммигрантов, от возможности подавать документы для легализации одновременно в нескольких государствах ЕС.

Миграционные процессы, происходящие на территории ЕС, имеют несколько отличительных черт. Так, мигранты, являющиеся гражданами государств – членов ЕС, обладают значительными привилегиями и преимуществами на всей территории ЕС по отношению к лицам, не имеющим такого гражданства. Они имеют такие права, как право на свободное перемещение по территории ЕС, право перемещать товары и капитал, также они могут в некоторой мере участвовать в политической жизни государства пребывания, а именно голосовать на выборах депутатов Европейского парламента и на муниципальных выборах. Несомненно, принятие законопроектов в сфере регулирования миграционных процессов на уровне всего ЕС имеет положительный результат, так как позволяет выработать систему и методику регулирования этих процессов на межнациональном уровне, что в значительной степени повышает уровень эффективности разрешения этой проблемы. Однако не стоит забывать, что каждая страна имеет свои особенности и вследствие этого ей необходимо принимать специфические законодательные акты, которые могут разниться в регулировании конкретных вопросов с общепринятыми документами и программами.

Список использованных источников

1. Похлебаева, А.В. Понятие миграции и ее классификация / А.В. Похлебаева // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2005. – № 3. – С. 4–5.
2. Всеобщая декларация прав человека // Права человека: сб. междунар.-правовых док. / сост. В.В. Щербов. – Минск: Белфранс, 1999. – С. 1–5.
3. Права человека: сб. междунар. правовых док. / сост. В.В. Щербов. – Минск: Белфранс, 1999.
4. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: Закон Респ. Беларусь, 3 мая 2003 г., № 195–З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 55. – 2/943.
5. О ратификации Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющего Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: Закон Респ. Беларусь, 3 мая 2003 г., № 96-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 55. – 2/944.
6. О ратификации Протокола о предупреждении и пресечению торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющего Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: Закон Респ. Беларусь, 3 мая 2003 г., № 197-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 55. – 2/945.

7. Последние изменения в законодательстве ЕС в сфере миграции // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2003. – № 3. – С. 37–42.
8. Самара, Г. Социокультурная адаптация мигрантов Германии / Г. Самара // Альма-матер: Вестн. высш. школы. – 2006. – № 1. – С. 52–54.
9. Законодательные акты о гражданстве: в 4 т. – Т. 1.: Страны Европы. – М.: Тера, 1993.

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ КАК КОМПЛЕКСНЫЙ МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ИНСТИТУТ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Чичурина О.А.

Право интеллектуальной собственности в объективном смысле рассматривается как комплексный межотраслевой институт законодательства, объединяющий нормы различной отраслевой принадлежности. Определяется значение гражданско-правовых норм для правильного толкования и применения норм об уголовной и административной ответственности за правонарушения в сфере интеллектуальной собственности. Констатируется сочетание специализированного юрисдикционного органа, осуществляющего правосудие по гражданским делам, и неспециализированного правоприменителя по уголовным делам и делам об административных правонарушениях. Анализируются наиболее общие причины ошибок, допускаемых при рассмотрении дел об административных правонарушениях в данной области. Предлагаются пути совершенствования системы юрисдикционных органов в сфере интеллектуальной собственности. Координация правоприменения в сфере интеллектуальной собственности рассматривается как средство повышения качества судебной деятельности при рассмотрении уголовных дел и дел об административных правонарушениях в этой области.

Научные исследования в сфере права интеллектуальной собственности в последнее время становятся все более актуальными, что предопределяется объективными потребностями утверждения принципов правового государства, развития рыночных отношений, международного торгового оборота, а следовательно, и данной специфичной области законодательства. В то же время эти исследования носят ярко выраженный отраслевой характер, в них явно преобладает интерес к вопросам гражданского материального права. Различными аспектами гражданско-правового регулирования отношений интеллектуальной собственности интересуются такие национальные и российские ученые, как В.А. Дозорцев, А.П. Гришаев, С.С. Лосев, А.П. Сергеев, С.А. Судариков, В.Ф. Чигир и др. В данной статье пред-

принята попытка рассмотреть право интеллектуальной собственности комплексно (как межотраслевую совокупность норм) и выявить связанные с этим наиболее общие проблемы правоприменения.

Как известно, право собственности вообще и право интеллектуальной собственности в частности можно рассматривать в объективном и субъективном смысле. Чаще всего право интеллектуальной собственности в объективном смысле принято определять как подотрасль гражданского права, регулирующую отношения имущественного и неимущественного характера, возникающие по поводу результатов интеллектуальной деятельности и некоторых приравненных к ним объектов (объектов интеллектуальной собственности). Соответствующие правовые нормы содержатся в основном в разд. V Гражданского кодекса Республики Беларусь и ряде специальных законов («Об авторском праве и смежных правах», «О товарных знаках и знаках обслуживания», «О патентах на изобретения, полезные модели и промышленные образцы» и некоторых других). Однако этим далеко не исчерпывается правовое регулирование указанных отношений, которые в условиях развития рынка и международной интеграции становятся все более сложными и привлекают все более пристальное внимание законодателя.

Кроме немногочисленных процессуальных норм, отражающих специфику судебной процедуры по спорам в сфере интеллектуальной собственности (такие споры подведомственны исключительно Верховному Суду Республики Беларусь), следует также отметить нормы таможенного законодательства, предусматривающие возможность применения средств таможенной защиты, в том числе в качестве мер по обеспечению иска до возбуждения в суде гражданского дела о защите соответствующих прав (гл. 12 Таможенного кодекса Республики Беларусь).

Уголовно-правовые и административно-правовые средства защиты прав интеллектуальных собственников реализуются посредством норм соответствующих кодексов. Так, ст. 201 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) предусматривает ответственность за нарушение авторских, смежных, изобретательских, патентных прав, а ст. 248 этого же кодекса – за незаконное использование деловой репутации конкурента, выражающееся в различного рода нарушениях права на фирменное наименование, товарный знак, наименование места происхождения товара. Кроме того, определенное отношение к нарушениям субъективных прав рассматриваемой категории правообладателей имеют ст. 249 (дискредитация деловой репутации конкурента) и ст. 250 (распространение ложной информации о товарах и услугах) УК, которые могут

быть применены при уголовно-правовой квалификации действий, составляющих недобросовестную конкуренцию. Применение ответственности, установленной ст. 9.21 Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП) Республики Беларусь (нарушение авторских, смежных и патентных прав), составляет административную преюдицию для чч. 2, 3 ст. 201 УК. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что ныне действующий Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь (ст. 9.4) в отличие от прежнего КоАП (п. 10 ст. 227) не устанавливает наличие жалобы потерпевшего в качестве обязательного условия возбуждения производства об административном правонарушении, предусмотренном ст. 9.21 КоАП, а также не предусматривает возможности прекращения начатого производства ввиду примирения потерпевшего с нарушителем.

Государственное стимулирование внедрения инноваций в производство предполагает установление определенных налоговых и иных льгот для участников хозяйственной деятельности. В настоящее время подобные льготы по сути сводятся к освобождению от обложения налогом на добавленную стоимость оборотов от реализации на территории Республики Беларусь имущественных прав на объекты промышленной собственности (ст. 2.37 Закона «О налоге на добавленную стоимость»).

Административно-правовую природу имеют нормативные акты, регулирующие процедуру государственной регистрации (патентования) товарных знаков, изобретений, полезных моделей и иных объектов промышленной собственности, в том числе устанавливающие ставки патентных пошлин (Правила рассмотрения заявок на регистрацию товарных знаков и знаков обслуживания, утвержденные патентным органом, Указ Президента Республики Беларусь «О патентных пошлинах» и т. п.)

Упомянутые выше и некоторые иные нормативные правовые акты, регулирующие сферу интеллектуальной собственности, неоспоримо имеют различную отраслевую принадлежность. Поэтому о праве интеллектуальной собственности в объективном смысле следует говорить не только как о подотрасли гражданского права, но и как о комплексном межотраслевом институте законодательства, включающем наряду с актами гражданского законодательства также акты иной отраслевой принадлежности (как минимум административно-правовые, уголовно-правовые, процессуально-правовые, финансово-правовые). Основу указанного законодательного массива, безусловно, составляют источники гражданского права, поскольку именно они регулируют субъектно-объектный состав правоотношения в сфере интеллектуальной собственности,

условия и сроки правовой охраны таких объектов, полномочия правообладателей, условия легального использования объектов интеллектуальной собственности третьими лицами и т. д. Без четкого представления об этих правоположениях невозможно, например, правильно истолковать и применить нормы об административной и уголовной ответственности за правонарушения в сфере интеллектуальной собственности.

Указанные выводы прозвучали и при рассмотрении Президиумом Верховного Суда Республики Беларусь вопроса «О практике рассмотрения судами административных и уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав» [1, с. 13–16]. Было отмечено, что судьями допускаются нарушения требований материального закона, обусловленные отсутствием необходимых знаний в области авторского права и смежных прав, прав на объекты промышленной собственности, неправильным пониманием особенностей применения специальных институтов в области интеллектуальной собственности. В частности, по 90 % изученных дел должностными лицами органов внутренних дел и судьями смешивались даже такие базовые понятия, как «объекты авторского права» и «объекты смежных прав», в то время как четкое понимание объекта правоотношения (правонарушения) в подобных случаях необходимо в первую очередь. Так, например, в протоколе об административном правонарушении и постановлении судьи констатируется нарушение авторского права, несмотря на то, что в действительности нарушены права на товарный знак «Золотистое». При этом в материалах дела имеется полученное из ГУ «Национальный центр интеллектуальной собственности» (патентного ведомства) разъяснение Закона «О товарных знаках и знаках обслуживания».

Другим показательным примером выступает сложность в установлении судьями, рассматривающими дела об административных правонарушениях, контрафактности продукции. В то же время ст. 39 Закона «Об авторском праве и смежных правах» явно относит к контрафактным экземпляры произведения (исполнения, фонограммы, передачи эфирного и кабельного вещания), изготовление, распространение или иное использование которых влечет нарушение авторского права и смежных прав. То же самое относится и к другим объектам интеллектуальной собственности (в частности, к товарным знакам). Для того чтобы констатировать контрафактность, нужно доказать нарушение субъективных правомочий правообладателя, т. е. по сути несанкционированное бездоговорное использование произведения. Подобные действия нарушителя являются основанием применения не только уголовной и административной, но и гражданско-правовой ответственности (в зависимости от того, кто ставит вопрос

о привлечении к ответственности, и от того, к каким средствам защиты прибегает правообладатель). Поэтому четкое понимание критериев контрафактности является необходимым условием правильного рассмотрения уголовных и административных дел, а также гражданско-правовых споров в сфере интеллектуальной собственности. В то же время, как показывает практика рассмотрения административных дел, вывод о контрафактности часто основывается не на анализе характера взаимоотношений между правообладателем и нарушителем, а на внешних отличительных признаках обложек, упаковки, на отсутствии информации о производителе, правообладателе, знаке охраны авторских и смежных прав и т. п. Более того, для установления этих признаков суды нередко обращаются в экспертно-криминалистические центры УВД областей (ГУВД Мингорисполкома) [1, с. 13–16].

Эти и иные примеры из правоприменительной практики показывают, что знание и правильное толкование норм гражданского законодательства об интеллектуальной собственности абсолютно необходимо для правильного рассмотрения административных и уголовных дел в этой сфере. Дело в том, что и ст. 201 УК, и ст. 9.21 КоАП фактически отсылают ко всему гражданскому законодательству об интеллектуальной собственности, которое само по себе является сложным, специфичным и достаточно динамичным. В этом видится основная причина приведенных выше ошибок, которые очевидны для цивилиста, специализирующегося в области права интеллектуальной собственности, но далеко не очевидны для неспециализированного правоприменителя. Следует напомнить, в частности, что дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 9.21 КоАП, рассматриваются судьей районного (городского) суда; для уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 201, 248–250 УК, также установлена общая подсудность районных (городских) судов.

Сказанное также косвенно подтверждает вывод об обоснованности существования единого специализированного судебного подразделения гражданско-правовой юрисдикции в сфере интеллектуальной собственности – судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь, несмотря на то, что вопрос о целесообразности ее образования достаточно активно дискутируется [2, с. 42–45]. Создание данной коллегии, по сути, было направлено на выполнение одного из условий вступления Республики Беларусь во Всемирную торговую организацию – наличия в государстве судебного органа, способного обеспечить на должном уровне защиту прав граждан и организаций по специфическим спорам в сфере интеллектуальной собственности, которая в условиях развития международного торгового оборота при-

обретает все большее значение (стандарты, заложенные в соглашении TRIPS). Наличие специализированного суда в данной области, безусловно, повышает качество рассмотрения гражданских дел и авторитет правосудия в целом, хотя и несколько затрудняет в организационном (прежде всего территориальном) смысле доступ к правосудию. Но компетенция указанной коллегии исчерпывается рассмотрением гражданских дел, в то время как правосудие по уголовным делам и делам об административных правонарушениях осуществляют районные (городские) суды, а судебный контроль законности и обоснованности их постановлений находится в компетенции судебных коллегий по уголовным делам вышестоящих судов. Поэтому очевидно, что правоприменительная практика в сфере интеллектуальной собственности, как и научные исследования в данной области, в значительной степени разобщена.

В то же время эффективность защиты прав интеллектуальных собственников предопределяется не только качеством и оперативностью разрешения частноправовых споров. Можно предположить, что по мере развития торгового оборота, повышения квалификации органов, призванных выявлять правонарушения в этой сфере, количество соответствующих уголовных дел и дел об административных правонарушениях будет увеличиваться. В литературе же отмечается, что, по мнению экономически развитых стран, в развивающихся странах и странах с переходной экономикой карательные меры за нарушения в сфере интеллектуальной собственности недостаточно строги или не применяются в достаточной мере [3, с. 733]. В связи с этим уровень квалификации правоприменителя в сфере карательной ответственности остается весьма актуальной проблемой.

Для разрешения указанной проблемы можно предложить следующие пути. Перспективный путь заключается в образовании на базе судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности специализированного суда (на правах областного), который совместил бы функцию правосудия по гражданским, уголовным и административным делам [4, с. 177–179]. Создание такого суда, кроме всего прочего, в значительной степени разрешило бы проблему обжалования судебных решений по спорам в сфере интеллектуальной собственности (в настоящее время они являются окончательными, кассационному обжалованию не подлежат и могут быть пересмотрены только в порядке надзора).

Что касается текущих мер, то, кроме обычно называемых (усиление контроля вышестоящих судов, проведение обобщений по вышеназванным категориям дел, персональное курирование наиболее опытными судьями, проведение специальных занятий и семинаров) можно предположить положительный эффект от принятия интегрированных постановлений Пленума Верховного Суда,

в которых рассматривались бы одновременно вопросы правоприменительной практики по гражданским, уголовным делам и делам об административных правонарушениях, в основе которых лежат нарушения прав на определенный объект интеллектуальной собственности или ряд близких по характеру объектов. Содержательные (в первую очередь материально-правовые) аспекты всех видов указанных судебных дел в целом едины, хотя спектр вопросов, разрешаемых в рамках гражданско-правовых споров, безусловно, значительно шире. В любом случае правоприменителю на уровне районного (городского) суда подобная систематизированная информация в виде руководящих указаний высшей судебной инстанции была бы весьма полезной.

Список использованных источников

1. Шкурдюк, Ж.Б. Рассмотрение судами административных дел о нарушении прав на объекты интеллектуальной собственности / Ж.Б. Шкурдюк, И.В. Тылец // Судовы весн. – 2006. – № 4. – С. 13–16.
2. Лосев, С.С. Кто должен рассматривать споры субъектов хозяйствования, связанные с объектами права интеллектуальной собственности / С.С. Лосев // Юрист. – 2004. –№ 9. – С. 42–45.
3. Судариков, С.А. Интеллектуальная собственность / С.А. Судариков. – М.: Изд-во деловой и учеб. лит., 2007. – 799 с.
4. Чичурина, О.А. Право интеллектуальной собственности: отраслевые средства защиты и подведомственность споров / О.А. Чичурина // Промышленно-торговое право. – 2006. – № 4. – С. 160–180.

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К УСТАНОВЛЕНИЮ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ НАСИЛИЕМ, ТЕРРОРИЗМОМ, ЭКСТРЕМИЗМОМ И АГРЕССИЕЙ

Бабий Н.А.

В статье анализируется соотношение между такими уголовно-правовыми понятиями, как насилие, терроризм, экстремизм и агрессия. Автор отмечает широко встречающееся в научной литературе смешение указанных понятий посредством выделения в общеуголовной преступности преступлений террористического и экстремистского характера, равно как и преступлений террористической и экстремистской направленности. На основе анализа многочисленных литературных источников показаны присущие подобному подходу недостатки, неизбежно отражающиеся на формулировании статей Уголовного кодекса, толковании правоположений и тем самым затрудняющие применение уголовного закона. Обращено внимание на необходимость опережающих исследований по вопросам криминализации в отечественном уголовном праве проявлений терроризма, экстремизма и агрессии в целях создания надежного уголовно-правового заслона на пути этих одних из наиболее общественно опасных преступлений. Предложены методологические подходы к установлению нормативно закрепленных различий между насилием, терроризмом, экстремизмом и агрессией на основе объекта уголовно-правовой охраны.

В научной литературе, которая более оперативно реагирует на изменения в социальной, экономической и политической сферах жизнедеятельности общества, для определения отдельных способов насильственного разрешения социальных противоречий используются такие термины, как «терроризм», «экстремизм» и «агрессия». Обладая специфическими особенностями, обозначаемые этими терминами явления имеют много общего, что приводит к возникновению существенных проблем в установлении их границ не только в реальной жизни, но и в правовой сфере. Решение этих проблем предполагает выработку методологии их исследования и установления соотношения между обозначенными понятиями.

В условиях процессов глобализации терроризм из средства разрешения внутригосударственных политических проблем превращается в орудие агрессии в межгосударственных отношениях, на что его с неизбежностью толкает лежащая в его основе экстремистская идеология. Однако, несмотря на то, что терроризм стал предметом серьезной озабоченности всего международного

сообщества, оно до настоящего времени не выработало единого конвенционного определения данного явления и, по свидетельству В.И. Свеклы, даже не пришло хотя бы к относительно общепризнанному его определению [1, с. 5]. Об этом же говорят и российские ученые: «Хотя за семьдесят лет научных поисков учеными предложено более 200 определений терроризма и попытки дать этому явлению определение продолжаются и сейчас, приходится констатировать, что общепризнанного понятия терроризма до сих пор не сформулировано» [2, с. 266]. По мнению В.С. Комисарова, «ни на уровне нашего государства, ни в масштабах мирового сообщества пока не удалось достаточно четко и недвусмысленно сформулировать понятие терроризма и преступлений террористической направленности» [3, с. 13].

Используемые в международных соглашениях описания терроризма не содержат указаний на его сущностные признаки и делают возможным отнесение к терроризму деяний, которые таковым не являются. Ратифицированная Законом Республики Беларусь от 27 октября 2000 г. № 445–З Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (принята резолюцией 52/164 Генеральной Ассамблеи ООН от 15 декабря 1997 г., вступила в силу для Республики Беларусь 31 октября 2001 г.) указывает как на один из возможных предметов бомбового терроризма на устройство, способное причинить серьезное увечье [4]. Принятая в г. Нью-Йорке 13 апреля 2005 г. Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (вступила в силу для Республики Беларусь 14 сентября 2005 г.) относит к преступлению по смыслу этой конвенции действия лица, которое владеет излучающим радиацию устройством с намерением нанести существенный ущерб собственности [5]. К числу преступных целей по смыслу указанной конвенции относится, кроме прочего, намерение вынудить физическое лицо совершить какое-либо действие или воздержаться от него. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г., ратифицирована Законом Республики Беларусь от 5 июля 2004 года № 259–З) к финансированию терроризма относит прямое или косвенное предоставление средств для совершения и таких преступлений, как акты против безопасности гражданской авиации или захват заложника [6]. Аналогичные проблемы присущи и региональным соглашениям, участницей которых является наша республика. Так, согласно Договору о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом (подписан в г. Минске 4 июня 1999 г., вступил в силу для Республики Беларусь 18 апреля 2004 г.) терроризмом может быть признано деяние, совершенное в целях нару-

шения общественной безопасности и проявляющееся в виде угрозы применения насилия в отношении физических лиц [7].

Отсутствие четкого определения терроризма в международном праве усугубляется неопределенностью этого понятия в уголовном законодательстве нашей республики, а также наличием разночтений в обозначении одних и тех же преступлений в международном и отечественном праве. Так, несмотря на то, что в международном праве под терроризмом понимается широкий спектр преступлений, в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) терроризмом названо одно преступление (ст. 289 УК). При этом из общего состава терроризма выделен специальный состав – международный терроризм (ст. 126 УК), что представляется теоретически не обоснованным и нарушает объектную структуру УК.

Отсутствует согласованность и внутриреспубликанского законодательства по рассматриваемому вопросу. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что даже непосредственно в УК не удалось добиться терминологического единообразия. Ст. 289 УК терроризмом называет совершение взрывов и иных подобных действий с определенной целью. Следующая непосредственно за ней ст. 290 УК, описывая угрозу совершения подобных же разрушительных действий, именует их актом терроризма. В то же время ст. 359 УК террористическим актом считает посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля. Ст. 290^1 УК устанавливает ответственность за финансирование террористической деятельности. Из содержания этой статьи следует, что под террористической деятельностью понимается совершение террористического акта, а под террористическим актом разумеется терроризм. Анализируя подобную ситуацию применительно к Уголовному кодексу Российской Федерации (УК РФ), В.И. Попов справедливо отметил, что существование «двух несовпадающих определений одного явления есть юридический нонсенс…» [8, с. 129]. Не вносит ясности в этот вопрос и действующий Закон «О борьбе с терроризмом» [9], который, несмотря на внесенные в него коррективы, все еще далек от совершенства. Этим законом к актам терроризма отнесены различные действия, например захват транспортных средств. Сказанное свидетельствует об отсутствии в законодательстве системного подхода к формированию нормативного материала на основе конкретизированного по содержанию понятийного аппарата.

В значительной мере законодательный разнобой в определении терроризма обусловлен противоречивостью позиций ученых, которые до настоящего времени не предложили общеприемлемого определения [10, с. 289]. К сожалению, в среде самих ученых звучат пессимистические нотки по поводу самой возможности выработки подобного определения. Так, А.Г. Кибальник, отметив,

что терроризм – «многогранное социальное явление», выразил мнение, что «вряд ли возможно вогнать его в "прокрустово ложе" формально-юридического определения» [11, с. 235].

Первоначально терроризм рассматривался как способ политической борьбы или борьбы за власть путем устрашения населения или устрашения самих представителей власти применением физического насилия или уничтожением имущества [12, с. 33; 13, с. 42]. Однако в последующем к терроризму стали относить устрашение в целях достижения как политических, так и националистических и иных целей [14, с. 9]. Существенное расширение перечня возможных целей привело к тому, что терроризм объявлен составной частью фундаментальной проблемы человечества, «каковой является применение насилия ради достижения определенных целей» [15, с. 53]. Предлагаются в литературе и определения терроризма, не укладывающиеся в рамки не только уголовного права: «Понятие терроризма охватывает также деяния с такой мотивацией, как корысть, месть, экономическая конкуренция, иррациональная мотивация психически больных и пр.» [16, с. 21].

Расширение круга деяний, относимых к терроризму, подтолкнуло ряд авторов к выводу о принципиальной невозможности «охватить единой, общей уголовно-правовой нормой такое сложное многоплановое явление, как терроризм» [17, с. 413]. В связи с этим предлагается относить к террористическим «содержащиеся в Уголовном кодексе преступления различного характера, если они совершены с террористическими целями» [17, с. 413]. Предложения об отказе от использования террористической терминологии звучало и в отношении других преступлений, например террористического акта [18, с. 41]. Увеличению проблем способствует также развитие науки и техники, благодаря которым стали возможными биотерроризм [19, с. 11] и кибертерроризм [20, с. 43].

Изложенное указывает на насущную необходимость проведения теоретических исследований терроризма с целью выработать наиболее адекватные уголовно-правовые меры борьбы с ним. Несмотря на объективно существующие трудности определения рамок преступных террористических проявлений, ученые справедливо указывают на необходимость точно конкретизировать и ограничить перечень преступлений террористического характера еще и потому, что «их наличие является условием для проведения контртеррористических мероприятий, предполагающих существенное ограничение прав и свобод одновременно большого числа граждан» [21, с. 340].

Однако вопрос о сущности и конкретных формах терроризма выходит за рамки данной работы и рассматривается нами только в связи с тем, что, как отме-

чается в литературе, в качестве одного из основных признаков терроризма наряду с политической мотивацией выступает насилие [22, с. 6; 23, с. 258]. Утверждается даже, что «сущность терроризма составляют насилие или угроза применения насилия» [24, с. 18]. В силу этого происходит расширение границ террористических преступлений за счет отнесения к ним значительного числа иных насильственных преступлений. Одновременно предпринимаются попытки выделения насильственных преступлений террористического характера – насильственных преступлений с признаками устрашения (терроризирования). Такое «взаимопроникновение» террористических и иных насильственных преступлений приводит к размыванию граней между уголовно-правовыми категориями.

Исходной посылкой для подобного смешения понятий явилось теоретически ущербное, по нашему убеждению, выделение двух форм терроризма – терроризма «политического, возникшего как социально-правовое явление первоначально, и общеуголовного, то есть криминального» [25, с. 350]. По мнению Ю.И. Авдеева, термин «уголовный терроризм» имеет определенное право на существование, поскольку в настоящее время криминальные структуры оказывают имеющее политические последствия воздействие на власть либо стремятся к вхождению во власть, используя террористические методы [26, с. 59–60]. Но уголовный терроризм с политической составляющей полностью укладывается в понятие выделенного автором «внутреннего терроризма», целью которого является изменение государственного строя или ослабление власти либо своих политических противников, не находящихся у власти [26, с. 67–68]. На ущербность такого деления терроризма указывает и принадлежащее самому Ю.И. Авдееву утверждение: «С точки зрения классического понимания терроризма как социально-политического явления упомянутые выше проявления уголовного терроризма в принципе являются общеуголовными деяниями…» [26, с. 59].

Несмотря на недопустимость смешения уголовно-правовых понятий, в научной литературе выводится новый вид насильственной преступности – террористический, к которому относят не только собственно терроризм и террористические акты, но и обширную группу насильственных посягательств, отличительной чертой которых является устрашение: захват заложников, незаконное лишение свободы, воздействие на сотрудников правоохранительных органов, свидетелей и потерпевших, угроза убийством, нанесением тяжкого вреда здоровью, уничтожением имущества, [27, с. 63] угрозы физической расправой и т. д. [2, с. 208].

Обстоятельное уголовно-правовое исследование террористических преступлений провел В.П. Емельянов. Этот автор выделяет составы преступлений с признаками терроризирования, которые подразделяет на три группы в зави-

симости от явности выраженности в уголовном законе признаков терроризирования. При этом к преступлениям с признаками терроризирования отнесены составы преступлений, традиционно в теории и на практике относимые к числу насильственных (составы угроз, принуждения, понуждения, воспрепятствования, вмешательства, вовлечения, вымогательства и т. п.) [28, с. 87–157].

Более того, в юридической литературе множится выделение не только террористических преступлений, но и терминологии, отражающей подобные преступления. Так, С.А. Солодовников утверждает, что «в определенных взаимоотношениях находятся понятия террор и терроризм, террористические преступления и преступления террористического характера, террористические акты и преступления с признаками терроризма, преступления, совершаемые способом терроризма, с применением террористических методов и т. д.» [29, с. 23]. С.М. Ивлиев следующим образом определяет соотношение терминов, обозначающих проявления терроризма, по степени общности: «терроризм (как социально-правовое явление, криминальная деятельность); преступления террористической направленности (охватывает все деяния, которые содержат хотя бы отдельные признаки терроризма, например, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, захват заложников, убийство, совершенное общеопасным способом, незаконные приобретение, хранение, использование, передача или разрушение ядерных материалов или радиоактивных веществ и т. п.); преступления террористического характера (характеризуются общими признаками непосредственного объекта и субъективной стороны, но различаются по способу, например, предусмотренные ст. 205, 205^1, 205^2, 206, 207 УК); террористические преступления (непосредственный террористический акт или угроза его совершения)» [30, с. 358–359].

Представляется теоретически не обоснованным распространение признака терроризирования на общеуголовные насильственные преступления. Возражения против мнения В.П. Емельянова о широком понимании террористических преступлений уже высказывались в литературе [31, с. 149; 32, с. 284]. Предлагалось также относить к преступлениям террористического характера «преступления, предусмотренные, например, ст. 205^1 («Содействие террористической деятельности»), ст. 205^2 («Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма») УК РФ, т. е. преступления, направленные на содействие террористической деятельности, включая ее финансирование, обучение террористов и пр.» [33, с. 10–11].

Принуждение к какому-либо поведению под угрозой причинения вреда содержит в себе устрашение. Но из того факта, что устрашение присуще терроризм-

му, вовсе не следует, что все содержащие устрашение преступления являются террористическими. Кроме того, выделение общеуголовной террористической преступности и преступлений с признаками терроризирования низводит терроризм до уровня бытовой преступности, что делает возможным утверждения, например, о том, что «террор – один из элементов вымогательства» [34, с. 110]. Подобное является методологически неверным, поскольку различные по характеру и степени общественной опасности виды преступлений требуют и различных по строгости мер реагирования, применяемых, к тому же, различными органами. Более того, отдельные авторы справедливо оценивают борьбу с терроризмом как пребывание общества в состоянии войны: «Старое законодательство признавало, что терроризм – общеуголовное деяние, и не больше. Ныне действующее определение ближе к понятиям "война" и "боевая обстановка", но, все-таки, им не соответствует. Со всеми негативными последствиями» [35, с. 23].

Вызывает сомнение и обоснованность научно-отраслевого разделения характеризующей терроризм терминологии. Так, выделив четыре группы «криминальных явлений, относящихся к проявлениям терроризма», С.М. Ивлиев в сфере уголовно-правовых запретов оставляет терроризм в узком смысле слова, включая в него террористический акт (ст. 205 УК), содействие террористической деятельности (ст. 2051 УК), публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 2052 УК), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК). «Остальные преступления, по мнению указанного автора, обладающие отдельными признаками терроризма, могут играть вспомогательную роль и называться террористическими лишь в криминологическом или криминалистическом смыслах» [36, с. 10].

Представляется, что к террористическим следует относить только те преступления, которые непосредственно относятся к сфере террористической деятельности.

Не менее проблематичным является и понимание в науке уголовного права и криминологии преступлений экстремистского характера, их соотношения с террористическими и иными насильственными преступлениями. В специальном исследовании преступлений экстремистского характера О.Н. Коршунова приходит к заключению: «Несмотря на то, что как явление экстремизм давно известен и на протяжении более десяти лет является предметом исследования ученых, специалистов в различных областях науки, единое общепризнанное его определение на сегодняшний день еще не сформулировано» [37, с. 150].

В Российской Федерации наряду со специально принятым Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» действуют статьи УК

об ответственности за ряд преступлений, которые именуются экстремистскими: публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ); организация экстремистского сообщества (ст. 282^1 УК РФ); организация деятельности экстремистской организации (ст. 282^2 УК РФ).

Диссертационное исследование этого законодательства привело А.Г. Хлебушкина к заключению о его неудовлетворительности по причине наличия ряда существенных недостатков: «отсутствуют четкие критерии отнесения деяний к экстремизму; сформировано чрезмерно широкое понятие экстремизма; в число экстремистских включены деяния, не обладающие экстремистским характером…» [38, с. 7]. В.А. Бурковская в числе положений, выносимых на защиту докторской диссертации, указала характеристику антиэкстремистского законодательства: «Современное российское законодательство, направленное на борьбу с экстремизмом, отличают пробельность, фрагментарность, внутренняя и межотраслевая противоречивость, неадекватность заложенных в нем правовых механизмов, сложившейся социальной реальности...» [39, с. 12]. И спустя два года указанный автор вынуждена констатировать, что российское законодательство о борьбе с экстремизмом и терроризмом «развивается хаотично и бессистемно» [40, с. 74]. А. Кибальник, характеризуя федеральное законодательство о борьбе с экстремизмом, отмечает, что оно «отражает весьма противоречивую линию уголовно-правовой политики в борьбе с экстремистской деятельностью (впрочем, как и с террористическими преступлениями)» [41, с. 127–128].

Подтверждает отсутствие единства в понимании экстремизма и Н. Кузнецова: «Депутаты и следствие понимают под экстремизмом что угодно: любые правонарушения, насилие, этноконфессионную пропаганду, инакомыслие и проч.» [42, с. 134]. Столь широкое понимание экстремизма основано на его общеязыковом употреблении (экстремизм – от лат. *extremus* – крайний) – приверженность к крайним мерам, действиям, взглядам, решениям [43, с. 39]. В результате такого подхода, по мнению А.В. Ростокинского, «законодательное определение экстремизма все более растягивается, приближаясь ко всей Особенной части УК…» [44, с. 168]. И, несмотря на отсутствие четкого понимания явления, вносятся новые предложения о введении в УК самостоятельных статей об ответственности за отдельные виды экстремизма, например ваххабитско-религиозного экстремизма [45, с. 20].

Определению экстремизма в праве препятствует отсутствие согласованного научного подхода, на что обратил внимание С.Н. Фридинский: «Однако многократно предпринимаемые в последние годы попытки раскрыть сущность

экстремизма с позиции права по-прежнему вызывают споры среди юристов о возможности правовой оценки этого явления в принципе» [46, с. 59].

Конкретизация экстремизма как уголовно-правового понятия необходима и для его четкого отграничения от смежных понятий.

По утверждению ряда ученых, «мотивы экстремистской и террористической деятельности и сама эта деятельность во многом совпадают» [47, с. 100]. Возможно, по этой причине некоторые авторы террористическую деятельность рассматривают как одну из слагаемых частей экстремизма [48, с. 34]. Другие авторы, напротив, считают, что «террористическая деятельность представляет собой самостоятельное явление в фактическом и в юридическом смысле» [38, с. 7]. На отсутствие единства в выработке соотношения преступлений экстремистского характера с террористическими преступлениями обратил внимание В.Ю. Сокол: «По мнению одних, терроризм является частью, крайней, наиболее опасной, формой экстремизма, по мнению других, экстремизм и терроризм – это близкие, но различные явления, нередко рассматриваемые как виды преступности, третьи допускают смешение этих понятий, признавая даже существование так называемого экстремистского терроризма, терроризма экстремистской направленности и терроризма экстремистов» [49, с. 29].

Дополнительные сложности возникают и при криминализации организованных форм экстремистской деятельности в связи со специфическими отличиями экстремистского сообщества от традиционных форм соучастия, таких как совершение преступления группой лиц, организованной группой и преступной организацией [50, с. 50]. Сказанное в полной мере относится и к вопросам криминализации и квалификации неоконченной экстремистской преступной деятельности.

Нет четкости в определении рассматриваемых понятий и в отечественном законодательстве. Так, Закон Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» от 4 января 2007 г. № 203-З относит к экстремистской деятельности «осуществление террористической деятельности» [51]. Непосредственно в УК термин «экстремизм» вовсе не употребляется. Однако если учесть появление «религиозно-политически ориентированного экстремизма» [52, с. 27] и в особенности то, что в криминологической литературе экстремизм уже рассматривается как следствие «конфликта культур и цивилизаций» [53, с. 188], проблемы правовой регламентации борьбы с экстремизмом в ближайшей перспективе станут злободневными и для отечественного уголовного законодательства. Брешь в географических границах государств пробивает и появление киберэкстремизма [54, с. 57]. Поэтому предваряющее теоретическое исследование пра-

вовых вопросов борьбы с экстремизмом представляется насущной необходимостью [55, с. 110].

Конкретизация содержания экстремизма как преступной деятельности необходима и для четкого отмежевания от общеуголовных насильственных преступлений. Ю.В. Маркова определяет экстремизм как обусловленные ненавистью и враждой действия, «реализуемые через применение насилия, угрозу его применения, причинение имущественного либо физического вреда, а равно призывы к указанным действиям» [56, с. 292]. По мнению В.А. Пономаренкова и М.А. Яворского, насилие относится к ключевым моментам, определяющим содержание экстремизма, является одним из его основных признаков [57, с. 42]. Подобные определения экстремизма способны привести к смешению насильственных, террористических и экстремистских преступлений.

Озабоченность должна вызывать и тенденция превращения антиэкстремистского законодательства в элемент политической борьбы, на что справедливо обратил внимание А.М. Сысоев: «Необходимо отметить, что введенная законодателем категория "преступления экстремистской направленности" не является обоснованной и определенной и может выступать в качестве примера попыток политизации действующего уголовного законодательства (вспомним про включение политического и идеологического мотивов, которые дают весьма широкую трактовку для правоприменителя)» [58, с. 37].

В связи с характеристикой насильственной преступности значительное распространение получает и такой термин, как «агрессия». Вот как определяется этот термин в современной философии: «Агрессия (от лат. *aggressio* – нападение) – понятие, используемое в настоящее время для обозначения самых разнообразных видов и форм поведения – от реплик и элементов пародий до применения различных мер физического воздействия, включая и такие из них, которые заканчиваются индивидуальным или массовым исходом» [59, с. 19]. Столь широкое понимание агрессии предлагается закреплять и в праве: «Термин "агрессия" в юриспруденции должен трактоваться максимально широко. В демократическом правовом государстве любая деятельность, ставящая целью причинение вреда кому-либо, должна признаваться агрессивной» [60, с. 169].

Криминология восприняла подобный подход к пониманию и использованию данного термина, и агрессивными считаются всякие действия, направленные на причинение вреда кому бы то ни было. При этом под агрессией чаще всего понимается насилие, а иногда эти понятия отождествляются. К агрессивному поведению человека относят действия, «базирующиеся на агрессивности и направленные на причинение физического, морального или иного ущерба

людям или иным объектам окружающего мира, сопряженные с насилием против них» [61, с. 4]. В число насильственных преступлений криминологи включают «деяния, для которых характерно проявление насилия, жестокости, агрессии…», [62, с. 330] а агрессивность определяется как готовность и предпочтение «использования насильственных средств для реализации своих целей» [63, с. 5]. Между насилием и агрессией ставит знак равенства видный российский криминолог В.Н. Кудрявцев [64, с. 65]. Другой известный российский исследователь насильственной преступности Ю.М. Антонян также полагает, что «насилие равнозначно агрессии» [65, с. 222].

Внедряется термин «агрессия» и в науку уголовного права, причем не для характеристики преступлений против мира и безопасности человечества, что было бы естественно, а для характеристики общеуголовных насильственных преступлений при рассмотрении агрессии «как межиндивидуального поведенческого феномена» [66, с. 24]. Так, В.И. Ярмолик в своем диссертационном исследовании утверждает, что он «изменил бы конструкцию состава разбоя, исключив из нее признак "нападение", т. е. разбой – это агрессивное действие (применение физического или психического насилия, опасного для жизни или здоровья, или угроза такого применения) с целью хищения чужого имущества» [67, с. 19].

Однако и термину «агрессия» в литературе не отведено конкретного места в ряду иных рассматриваемых терминов, поскольку достаточно часто можно встретить утверждения, подобные тому, что преступления, например, террористической направленности обладают наличием «ярко выраженной физической и психической агрессии» [68, с. 13].

В основе возникновения вышеуказанных проблем, как нам представляется, лежит опережающее исследование проблем терроризма, экстремизма и агрессии науками социально-политического цикла и существенное отставание науки уголовного права в исследовании этих негативных явлений. По этой причине разработка категориально-понятийного аппарата осуществляется без учета специфики уголовного права как отрасли права. В результате термины трактуются произвольно, а их содержание лишено конкретности, требуемой для криминализации. С сожалением приходится констатировать, что и криминологические исследования не способствуют уточнению понятий. Так, А.Р. Ратинов и О.Д. Ситниковская следующим образом определяют агрессию: «Агрессия – проявление агрессивности в деструктивных действиях, целью которых является нанесение вреда тому или иному лицу» [63, с. 5]. Если перевести это определение на язык уголовного права, то мы получим утверждение, что агрессия – это

преступление. Встречаются в криминологии и не переводимые на язык уголовного права утверждения, как, например, следующее утверждение Ю.М. Антоняна: «Агрессия может быть реализована с помощью физической силы или носить психический характер, когда угрожают чем-то; она может быть представлена в виде реальных действий или присутствовать в сновидениях, фантазиях, бреде, галлюцинациях» [65, с. 223]. Подобное понимание преступных проявлений не может способствовать выработке реальных, в том числе уголовно-правовых, мер борьбы с ними.

Уместно в связи с изложенным привести замечание Н.Ф. Кузнецовой о преступлениях «экстремистской направленности», что они «создают коллизионное, концептуально не выдержанное, конъюнктурно-политизированное уголовное законодательство, с неизбежностью влекущее квалификационные ошибки» [69, с. 330]. Возможно, по этой причине С.В. Розенко назвал малорезультативными попытки справиться с валом экстремистских преступлений «путем формирования новых уголовно-правовых понятий (преступления экстремистского характера, преступления террористического характера)» [70, с. 129] , а сама Н.Ф. Кузнецова сочла «целесообразным исключение из УК РФ норм с "характером" и "направленностью", восстановив прежний текст УК, что соответствует ратифицированной Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. и п. 4 ст. 15 Конституции РФ о примате международного законодательства над внутригосударственным» [69, с. 330].

Однако рассмотренные недостатки правового регулирования борьбы с терроризмом, экстремизмом и агрессией не являются сами по себе основанием для полного отказа от использования уголовно-правовых средств противодействия этим явлениям. Показательным в этом смысле является длительная история уголовной ответственности за терроризм. Терроризм и экстремизм – явления, объективно существующие и обладающие повышенной степенью общественной опасности, поскольку представляют угрозу как международному миру и безопасности, так и территориальной целостности, политической, экономической и социальной стабильности отдельных государств. По этой причине данные явления и проблемы борьбы с ними не должны замалчиваться, но должны найти адекватное отражение в науке уголовного права и закрепление в уголовном законодательстве.

Достаточно убедительным аргументом в пользу необходимости весьма осторожного и взвешенного отношения к криминализации экстремизма является обсуждение этого вопроса в Государственной Думе России: «Популистско-конъюнктурное происхождение "экстремистских" уголовно-правовых норм УК

без труда обнаруживает их обсуждение в Государственной Думе. Так, депутат В.И. Илюхин – один из немногих депутатов юрист, доктор юридических наук, в прошлом прокурор Генеральной прокуратуры СССР – сказал, что этот законопроект нарушает концепцию уголовного права. Половину Уголовного кодекса можно выбросить, заменив конкретные преступления словами "экстремизм". Нельзя подменять экстремизм терроризмом, нельзя подменять насильственное изменение основ конституционного строя понятием "экстремизм". Под признаки "социальной розни" подпадают все депутаты. Другой депутат добавил, что тезис о "социальной розни" может превратиться в ст. 58^{10} УК РСФСР 1922 и 1926 гг. о контрреволюционной агитации и пропаганде. Депутат А.И. Лукьянов назвал положения законопроекта о социальной розни противоречащими предписаниям Конституции о политических партиях, которые осуществляют социальный протест. Это закон о войне в гражданском обществе» [69, с. 326].

В силу изложенного мы не можем не согласиться с мнением С.Н. Фридинского о необходимости формирования и реализации уголовной политики в сфере противодействия экстремизму, поскольку такая политика фактически отсутствует [71, с. 44]. Добавим лишь, что выработка уголовной политики необходима и в деле борьбы с проявлениями терроризма и агрессии.

Поскольку полновесное научное исследование терроризма, экстремизма и агрессии ждет своего часа, постольку и попытки определения их места в уголовном праве будут несколько преждевременными. Однако это не исключает необходимости и, как представляется, возможности установить их соотношение с уголовно-правовым понятием «насилие».

Анализ научных работ, посвященных терроризму, экстремизму и агрессии, позволяет прийти к заключению о наличии у авторов исследований солидарного мнения о том, что насилие выступает первоосновой указанных явлений. Именно насилие и является той самой объединяющей частью, которая позволяет рассматривать терроризм, экстремизм и агрессию как сходные явления. Однако отнесение одних и тех же насильственных преступлений то к терроризму, то к экстремизму, то к агрессии исключительно в зависимости от «характера» или «направленности» преступлений создает проблемное поле для правопонимания и правоприменения.

При установлении соотношения между такими понятиями, как насилие, терроризм, экстремизм и агрессия, необходимо вначале достаточно точно определить систему координат, в которой рассматриваются данные явления. Не имея возможности в рамках настоящей работы рассмотреть не только социально-политические или идеологические, но даже криминологические аспекты

проблемы, оговоримся, что обозначенные понятия рассматриваются исключительно с точки зрения уголовного права как предусмотренные УК преступления или совокупность отдельных преступлений.

При этом речь идет о формально закрепленных составах конкретных преступлений, а не о собирательных понятиях тех или иных проявлений преступности (агрессивной, террористической или экстремистской). И, как любое преступление, всякое преступное проявление терроризма и экстремизма должно обладать своим набором юридически значимых объективных и субъективных признаков. Естественно, что это не исключает существования обобщающих понятий, включающих в себя ряд отдельных преступлений. Например, террористическая деятельность включает в себя совершение террористического акта, терроризма и т. д. Сказанное в полной мере будет относиться и к экстремизму, если преступления такого рода получат свое закрепление непосредственно в УК.

С этой точки зрения терроризм, экстремизм, агрессия и насилие должны рассматриваться как самостоятельные понятия, которые наряду с общими признаками обладают своими специфическими, позволяющими отграничивать их друг от друга. Так, терроризм представляет собой насилие для достижения политических целей, что дает возможность определить его как крайнюю форму политического насилия или назвать видом насилия, как это делают отдельные авторы [72, с. 100; 29, с. 69]. В свою очередь, насилие используется террористами всего лишь как средство достижения их политических целей, что позволяет уже насилие определить как составляющую часть терроризма. Терроризм не охватывает всех возможных проявлений насилия, но и насилие не охватывает собой всех признаков терроризма. Таким образом, соотношение между этими понятиями значительно глубже, чем соотношение род – вид, и по этой причине их не следует ни противопоставлять, ни смешивать. В терроризме и экстремизме насилие носит инструментальный характер, т. е. конкретные насильственные преступления выступают в качестве средства достижения экстремистских или террористических целей. Однако оттого, что насильственные преступления используются для достижения террористических или иных экстремистских целей, они не перестают быть насильственными преступлениями, не изменяются и не утрачивают своих специфических черт.

В силу изложенного применение в уголовном праве понятий «преступления террористического (экстремистского) характера» и «преступления террористической (экстремистской) направленности» не имеет под собой никаких оснований. Тот факт, что одно преступление, например насилие против личности, используется как средство или способ совершения другого преступления, вовсе

не изменяет содержания (характер или направленность) используемого преступления. По этой причине трудно согласиться с определением преступлений экстремистского характера как преступлений, совершенных «по экстремистским мотивам и (или) в экстремистских целях» [73, с. 12]. «Тем самым, – утверждает Е.Г. Чуганов, – созданы предпосылки для квалификации любого преступления как преступления экстремистской направленности по усмотрению правоприменителя» [74, с. 320]. По справедливому замечанию А.В. Ростокинского, «перечень деяний, предположительно экстремистского характера, растет год от года и постепенно приближается ко всей Особенной части УК РФ. Но, в самом деле, разве любое из известных уголовному праву преступлений не может быть совершено по мотивам вражды и ненависти к некоторой социальной группе, расе, национальной, языковой или этнической общности, религиозной конфессии и т. п.?» [75, с. 81]. Аналогичную проблему отмечает О.В. Нардина в отношении преступлений террористического характера. Отнесение законодательством к числу террористических преступлений, совершенных в террористических целях, по мнению указанного автора, приводит к тому, что «практически любое преступление может быть признано террористическим. Подобная постановка вопроса делает невозможным построение какой-либо системы противодействия терроризму» [76, с. 45].

Вместе с тем включение в насильственное преступление против личности специфических признаков терроризма или экстремизма и закрепление этих признаков в самостоятельной статье или части статьи приводит к созданию нового преступления, которое с полным правом может именоваться террористическим или, соответственно, экстремистским. Яркими примерами сказанному являются такие преступления, как убийство и террористический акт, умышленное уничтожение имущества и терроризм.

Основу деления преступлений на виды должны составлять законодательно закрепленные признаки составов преступлений, а не предполагаемая возможность использования тех или иных преступлений для каких-то воображаемых целей. Деление преступлений на преступления того или иного характера, возможно, вполне уместно для криминологических исследований, однако применение его в уголовном праве требует аккуратного и взвешенного осмысления.

Представляется, что основой для отграничения насилия от террористических, экстремистских и других подобных преступлений должен выступать основной непосредственный объект преступления. Как уже отмечалось, объединяет насилие, терроризм, экстремизм и агрессию то, что они выступают способом разрешения социальных противоречий, и способ этот можно обобщенно

назвать насильственным. Различает эти явления сфера общественных отношений, в которых они существуют: международные отношения (агрессия, терроризм, экстремизм); политика (терроризм, экстремизм); идеология (экстремизм); межличностное общение (общеуголовное насилие различных видов или собственно насилие – насилие в узком смысле).

Таким образом, в уголовном праве насилие следует рассматривать в узком смысле как собирательное понятие, объединяющее самостоятельную группу преступлений, основным непосредственным объектом которых выступает человек.

Список использованных источников

1. Свекла, В.И. Сущность терроризма, его причины / В.И. Свекла. – Минск: Военная акад. Респ. Беларусь, 1999. – 50 с.
2. Частная криминология / отв. ред. Д.А. Шестаков. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007. – 771 с.
3. Комиссаров, В.С. Теоретические и практические проблемы ответственности за преступления террористической направленности / В.С. Комиссаров // Матеріали міжнарод. наук.-практ. конф., 8–9 квітня 2005 р.: у 2 ч. – Львів: Львів. юрид. ін-т М-ва внутрішніх справ України, 2005. – Ч. І. – С. 12–20.
4. О ратификации Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом: Закон Респ. Беларусь, 27 окт. 2000 г., № 445-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2000. – № 106. – 2/220.
5. О ратификации Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма: Закон Респ. Беларусь, 20 окт. 2006 г., № 171-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 179. – 2/1268.
6. О ратификации Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма: Закон Республики Беларусь, 5 июля 2004 г., № 295-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2004. – № 107. – 2/1044.
7. О присоединении Республики Беларусь к Договору о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом: Закон Респ. Беларусь, 16 дек. 2002 г., № 158-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 143. – 2/907.
8. Попов, В.И. Противодействие организованной преступности, коррупции, терроризму в России и за рубежом / В.И. Попов. – М.: Изд-во Совр. гуманитар. ун-та, 2007. – 581 с.
9. О борьбе с терроризмом: Закон Респ. Беларусь, 3 янв. 2002 г., № 77-З: с изм. и доп., внесенными Законами Респ. Беларусь от 15 дек. 2005 г., № 71-З, 9 янв. 2006 г., № 97-З, 24 дек. 2007 г., № 299-З, 21 июля 2008 г., № 417-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 6. – 2/825; 2006. – № 1. – 2/1168; 2006. – № 9. – 2/1194; 2008. – № 3. – 2/1396; 2008. – № 184. – 2/1514.
10. Кравец, И.П. К вопросу о понятии терроризма в отечественной правовой науке / И.П. Кравец // «Черные дыры» в Рос. Законодательстве. – 2007. – № 4. – С. 289–290.

11. Кибальник, А.Г. Опасные тенденции изменений уголовного закона / А.Г. Кибальник // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: материалы III Рос. конгр. уголовного права, Москва, 29–30 мая 2008 г. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова; редкол.: В.С. Комиссаров (отв. ред.) [и др.]. – М., 2008. – С. 235–236.
12. Басецкий, И.И. Терроризм: генезис явления и международный опыт борьбы: моногр. / И.И. Басецкий, Н.А. Легенченко. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2001. – 207 с.
13. Авдеев, Ю.И. Терроризм как социально-политическое явление / Ю.И. Авдеев // Совр. терроризм: состояние и перспективы / под ред. Е.И. Степанова. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 36–53.
14. Салимов, К.Н. Современные проблемы терроризма: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.08 / К.Н. Салимов; Бакин. гос. ун-т им. М.Э. Расулзаде. – М., 1999. – 49 с.
15. Ермаков, С.М. Понятийные аспекты терроризма / С.М. Ермаков // Терроризм – угроза человечеству в XXI в. – М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2003. – С. 49–61.
16. Мусаелян, М.Ф. К вопросу о политизированности уголовно-правовых определений терроризма / М.Ф. Мусаелян // Рос. следователь. – 2004. – № 12. – С. 19–22.
17. Терроризм. Борьба и проблемы противодействия: учеб. пособие / С.Я. Казанцев [и др.]; под ред. В.Я. Кикотя. – М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2004. – 592 с.
18. Кравчук, В.Л. Террористический акт. Проблемы субъективной стороны преступления / В.Л. Кравчук // Закон и право. – 2006. – № 5. – С. 39–41.
19. Казакова, В.А. Понятие и проблемы законодательного регулирования противодействия вооруженной преступности / В.А. Казакова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. – № 11. – С. 4–13.
20. Москалькова, Т.Н. Международно-правовое регулирование борьбы с терроризмом в Российской Федерации / Т.Н. Москалькова // Российский судья. – 2007. – № 4. – С. 42–44.
21. Дикаев, С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование) / С.У. Дикаев. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. – 464 с.
22. Гаврилин, Ю.В. Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия: учеб. пособие / Ю.В. Гаврилин, Л.В. Смирнов. – М.: Книж. мир, 2003. – 61 с.
23. Гилинский, Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я. Гилинский. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. – 528 с.
24. Комментарий к Федеральному закону от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» / Л.К. Айвар [и др.] // Терроризм. Правовые аспекты борьбы. Норматив. и междунар. правовые акты с коммент., науч. ст. / отв. ред. и рук. авт. коллектива И.Л. Трунов. – М.: Эксмо, 2005. – 512 с.
25. Политический режим и преступность / под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 365 с.
26. Авдеев, Ю.И. Типология терроризма / Ю.И. Авдеев // Совр. терроризм: состояние и перспективы / под ред. Е.И. Степанова. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 54–71.
27. Антонян, Ю. Актуальные проблемы насилия в российском обществе / Ю. Антонян // Уголовное право. – 2000. – № 3. – С. 63–66.

28. Емельянов, В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование / В.П. Емельянов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 291 с.
29. Солодовников, С.А. Терроризм и организованная преступность / С.А. Солодовников. – М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2008. – 173 с.
30. Ивлиев, С.М. Терминологическая характеристика терроризма / С.М. Ивлиев // Уголовное право: стратегия развития в XXI в.: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 24–25 января 2008 г. / Моск. гос. юрид. акад.; редкол.: А.И. Рарог (отв. ред.) [и др.]. – М.: Проспект, 2008. – С. 356–359.
31. Щерба, С.П., Законодательство стран СНГ в области борьбы с терроризмом и проблемы его гармонизации / С.П. Щерба, А.В. Бриллиантов // Прокурорская и следственная практика. – 2004. – № 3–4. – С. 142–153.
32. Захарова, А.К. Проблемы разграничения терроризма и смежных с ним преступлений / А.К. Захарова // «Черные дыры» в Рос. Законодательстве. – 2007. – № 4. – С. 283–284.
33. Горбунов, Ю.С. О некоторых проблемах совершенствования правового регулирования противодействия терроризму / Ю.С. Горбунов // Журн. рос. права. – 2008. – № 7. – С. 3–11.
34. Колесникова, Т.В. Не пора ли поменять государственные подходы к выявлению и расследованию вымогательства? / Т.В. Колесникова // Право и политика. – 2006. – № 7. – С. 104–114.
35. Трунов, И.Л. Война будущего – терроризм / И.Л. Трунов // Юрид. мир. – 2008. – № 7. – С. 21–27.
36. Ивлиев, С.М. Уголовно-правовые средства противодействия терроризму: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / С.М. Ивлиев; Моск. гос. юрид. акад. – М., 2008. – 27 с.
37. Коршунова, О.Н. Преступления экстремистского характера: теория и практика противодействия / О.Н. Коршунова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. – 325 с.
38. Хлебушкин, А.Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.Г. Хлебушкин; Саратов. юрид. ин-т МВД России. – Саратов, 2007. – 27 с.
39. Бурковская, В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / В.А. Бурковская; Акад. упр. МВД России. – М., 2006. – 56 с.
40. Бурковская, В.А. Россия и Европа: некоторые тенденции развития законодательства, направленного на борьбу с экстремизмом и терроризмом / В.А. Бурковская // Российский ежегодник уголовного права. – 2007. – № 2 / С.-Петерб. гос. ун-т; редкол.: Б.В. Волженкин (гл. ред.) [и др.]. – СПб.: Юрид. книга, 2008. – С. 65–74.
41. Кибальник, А. Борьба с экстремизмом и противоречивость уголовной политики / А. Кибальник // Уголовное право. – 2008. – № 2. – С. 127–131.
42. Кузнецова, Н. Нужна ли модернизация уголовного права? / Н. Кузнецова // Уголовное право. – 2007. – № 2. – С. 132–135.
43. Мартыненко, Б.К. О понятии экстремизм. Его возможные классификации / Б.К. Мартыненко // Тенденции развития соврем. права: теорет. и практ. проблемы: сб. ст. (по материалам Междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 18 мая 2007 г.): в 3 т. / Северо-Кавказский филиал Рос. акад. правосудия. – Краснодар, 2007. – Т. 1. – С. 37–42.

44. Ростокинский, А.В. Об «идейной» преступности с точки зрения юридического прагматизма / А.В. Ростокинский // «Черные дыры» в Рос. Законодательстве. – 2008. – № 2. – С. 168–170.
45. Алиев, М.А. Характер общественной опасности ваххабитско-религиозного экстремизма и его уголовно-правовое определение / М.А. Алиев // Рос. следователь. – 2008. – № 5. – С. 19–21.
46. Фридинский, С.Н. Понятие экстремизма и основные направления борьбы с ним / С. Н. Фридинский // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2008. – № 3. – С. 59–61.
47. Терроризм. Правовые аспекты борьбы. Нормативные и международные правовые акты с комментариями, научные статьи / отв. ред. и рук. авт. коллектива И.Л. Трунов. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 512 с.
48. Павлинов, А. В. Поправки к антиэкстремистскому законодательству России / А.В. Павлинов // Рос. следователь. – 2008. – № 12. – С. 33–36.
49. Сокол, В.Ю. Соотношение экстремизма и терроризма (социально-политический и правовой аспекты) / В.Ю. Сокол // Общество и право. – 2007. – № 1. – С. 28–31.
50. Фридинский, С.Н. Совершенствование уголовно-правовых мер борьбы с осуществлением экстремистской деятельности / С.Н. Фридинский // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2008. – № 4. – С. 48–50.
51. О противодействии экстремизму: Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2007 г., № 203-З: с изм., внесенными Законом Респ. Беларусь от 21 июля 2008 г. № 417-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 15. – 2/1300; 2008. – № 184. – 2/1514.
52. Фридинский, С.Н. Религиозный экстремизм как идеология, используемая при совершении преступлений экстремистской направленности / С.Н. Фридинский // Рос. следователь. – 2008. – № 12. – С. 25–28.
53. Пудовочкин, Ю.Е. Некоторые философские подходы к объяснению феномена экстремизма и пределы его криминологического анализа / Ю.Е. Пудовочкин // Рос. криминол. взгляд. – 2007. – № 2. – С. 186–189.
54. Тамаев, Р. Борьба с экстремизмом: необходимо международное сотрудничество / Р. Тамаев // Законность. – 2007. – № 6. – С. 57–60.
55. Бурковская, В.А. К вопросу о формах криминального экстремизма в российском законодательстве / В.А. Бурковская // «Черные дыры» в Рос. Законодательстве. – 2005. – № 1. – С. 106–110.
56. Маркова, Ю.В. К вопросу о сущности экстремизма как уголовно-правового и криминологического феномена / Ю.В. Маркова // «Черные дыры» в Рос. Законодательстве. – 2008. – № 1. – С. 290–292.
57. Пономаренков, В.А. Сущностная характеристика современного экстремизма / В.А. Пономаренков, М.А. Яворский // Юрид. мир. – 2008. – № 2. – С. 41–43.
58. Сысоев, А.М. Преступления экстремистской направленности: история и современность / А.М. Сысоев // Рос. следователь. – 2008. – № 9. – С. 36–37.
59. Всемирная энциклопедия: философия / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – Минск.: Харвест; Соврем. литератор, 2001. – 1312 с.
60. Затонский, В.А. Агрессия: психологические корни и правовые основы / В.А. Затонский // Правовая политика и правовая жизнь. – 2001. – № 4. – С. 164–178.
61. Агрессия и психическое здоровье / под ред. Т.Б. Дмитриевой и Б.В. Шостаковича. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 464 с.
62. Криминология: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / под ред. С.Я. Лебедева, М.А. Кочубей. – М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2007. – 519 с.

63. Ратинов, А.Р. Насилие, агрессия, жестокость как объекты криминально-психологического исследования / А.Р. Ратинов, О.Д. Ситниковская // Насилие, агрессия, жестокость. Криминально-психологическое исследование: сб. науч. тр. – М., 1989. – С. 4–15.
64. Кудрявцев, В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении / В.Н. Кудрявцев. – М.: Норма, 2007. – 128 с.
65. Антонян, Ю. М. Криминология: избр. лекции / Ю.М. Антонян. – М.: Логос, 2004. – 448 с.
66. Кудрявцев, С.В. Конфликт и насильственное преступление / С.В. Кудрявцев. – М.: Наука, 1991. – 174 с.
67. Ярмолик, В.И. Ответственность за имущественные хищения, сопряженные с насилием: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.И. Ярмолик; Моск. ин-т экономики, политики и права. – М., 2005. – 27 с.
68. Преступления террористической направленности: уголовное преследование на досудебных стадиях / В.И. Иванов [и др.]; под науч. ред. О.Н. Коршуновой. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 435 с.
69. Кузнецова, Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н.Ф. Кузнецова / науч. ред. и предисл. В.Н. Кудрявцева. – М.: Издат. дом «Городец», 2007. – 336 с.
70. Розенко, С.В. Экстремизм в России: состояние и проблемы уголовной ответственности / С.В. Розенко // Правовая политика и правовая жизнь. – 2007. – № 1. – С. 125–130.
71. Фридинский, С.Н. Уголовная политика Российской Федерации по противодействию экстремизму в сфере обеспечения национальной безопасности государства / С.Н. Фридинский // Закон и право. – 2008. – № 6. – С. 7–10.
72. Залысин, И.Ю. Терроризм как средство решения политических конфликтов / И.Ю. Залысин // Конфликты в обществе / редкол.: И.И. Елисеева [и др.]. – СПб.: Наука, 2006. – С. 99–108.
73. Узденов, Р.М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Р.М. Узденов; Рос. акад. правосудия. – М., 2008. – 29 с.
74. Чуганов, Е.Г. О некоторых проблемах уголовно-правового регулирования борьбы с экстремизмом / Е.Г. Чуганов // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: материалы III Рос. конгр. уголовного права, Москва, 29–30 мая 2008 г. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова; редкол.: В.С. Комиссаров (отв. ред.) [и др.]. – М., 2008. – С. 318–320.
75. Ростокинский, А.В. Новые решения и старые вопросы (об очередных изменениях ряда статей УК РФ и Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности») / А.В. Ростокинский // Юрид. – 2008. – № 1. – С. 80–83.
76. Нардина, О.В. Проблема формирования понятия «терроризм» / О.В. Нардина // Закон и право. – 2008. – № 5. – С. 44–45.

ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ СУММ НАЛОГОВ, СБОРОВ

Гладкий П.А.

Статья посвящена определению объективной стороны уклонения от уплаты сумм налогов, сборов на основании изучения и обобщения литературных и нормативных источников. Представлены точки зрения различных авторов, поскольку объективная сторона имеет немаловажное значение для решения вопроса о привлечении к уголовной ответственности. Предлагаются изменения в диспозицию ч. 1 ст. 243 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Нынешняя редакция ст. 243 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) была введена в действие Законом Республики Беларусь от 3 августа 2004 г. «О внесении изменений в некоторые законы Республики Беларусь и признании утратившими силу отдельных положений Законов Республики Беларусь по вопросам налогообложения». Необходимость принятия данных изменений была вызвана в первую очередь потребностью приведения ст. 243 УК в соответствие с Общей частью Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК), иными актами законодательства, регулирующими вопросы налогообложения.

Диспозиция ч. 1 ст. 243 УК в настоящее время выглядит таким образом: «Уклонение от уплаты сумм налогов, сборов путем сокрытия, умышленного занижения налоговой базы либо путем уклонения от представления налоговой декларации (расчета) или внесения в нее заведомо ложных сведений, повлекшее причинение ущерба в крупном размере».

Для определения понятий «налог», «сбор» следует обратиться к НК. Под налогом понимается обязательный индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в республиканский и (или) местные бюджеты (п. 1 ст. 6 НК).

Под сбором (пошлиной) понимается обязательный платеж в республиканский и (или) местные бюджеты, взимаемый с организаций и физических лиц, как правило, в виде одного из условий совершения в отношении их государственными органами, в том числе местными Советами депутатов, исполнительными и распорядительными органами, иными уполномоченными организациями и должностными лицами, юридически значимых действий, включая предоставление определенных прав или выдачу специальных разрешений (лицензий), либо в связи с перемещением товаров через таможенную границу Республики Беларусь (п. 2 ст. 6 НК).

В Республике Беларусь устанавливаются республиканские налоги, сборы (пошлины) (ст. 8 НК), местные налоги и сборы (ст. 9 НК), а также особые режимы налогообложения (ст. 10 НК).

Несмотря на то, что ст.ст. 6, 8, 9, 10 НК вступают в силу со дня введения в действие Особенной части НК, данный факт не имеет существенного значения, поскольку эти статьи кодекса согласуются с иными, действующими нормами налогового законодательства.

Таким образом, можно утверждать, что под термином «налог» в ст. 243 УК понимаются все виды налогов, уплачиваемых (взимаемых) в республиканский и (или) местные бюджеты.

Что касается термина «сбор», применяемого в ст. 243 УК, то с точки зрения налогового законодательства (в том числе и п. 2 ст. 6 НК) понятия «сбор» и «пошлина» не разделены, признаются едиными и идентичными. Однако, учитывая положения ч. 2 ст. 3 УК о том, что нормы УК подлежат строгому толкованию, представляется недопустимым расширительное толкование ст. 243 УК и применение ее в случае уклонения от уплаты пошлины. Тем самым уклонение от уплаты пошлин не охватывается нормой ст. 243 УК и не предполагает включения понятия «пошлина» в понятие «сбор» с точки зрения УК.

Диспозиция ч. 1 ст. 243 УК содержит и такой термин как «налоговая база». Налоговая база исходя из п. 1 ст. 41 НК представляет собой стоимостную, физическую или иную характеристику объекта налогообложения и устанавливается применительно к каждому налогу, сбору. А п. 1 ст. 28 НК предусмотрено, что объектами налогообложения признаются обстоятельства, с наличием которых у плательщика связывается возникновение налогового обязательства (т. е. обязанности уплатить определенный налог, сбор).

Поскольку любой налог, сбор исчисляется и уплачивается исходя из налоговой ставки (т. е. величины налоговых начислений на единицу измерения налоговой базы) и размера налоговой базы, постольку для определения размера причитающегося к уплате налога, сбора необходимо определить налоговую базу и ее размер.

Каждый акт законодательства, которым вводятся республиканские или местные налоги, сборы, содержит в себе определение и объекта налогообложения, и налоговой базы. Так, Законом Республики Беларусь от 22 декабря 1991 г. «О налогах на доходы и прибыль» определено, что объектом налогообложения признается валовая прибыль, а налоговой базой – денежное выражение валовой прибыли (ст. 2 Закона). Указом Президента Республики Беларусь от 10 января 2005 г. № 9 «Об утверждении Положения об осуществлении деятельности в

сфере игорного бизнеса на территории Республики Беларусь» определено, что объектами соответствующего налогообложения являются игровые столы, игровые автоматы, кассы тотализаторов, кассы букмекерских контор, а налоговой базой является их количество (п. 13 Положения). Законом Республики Беларусь от 26 декабря 2007 г. «О бюджете Республики Беларусь на 2008 год» местным Советам депутатов предоставлено право вводить на территории соответствующих административно-территориальных единиц следующие местные налоги и сборы: налог с продаж товаров в розничной торговле, налог на услуги, целевые сборы (транспортный сбор и сбор на содержание и развитие инфраструктуры), сборы с пользователей, сбор с заготовителей, курортный сбор. По каждому из этих налогов, сборов Законом определены объекты налогообложения и налоговая база (ст. 7 Закона).

Содержащийся в ст. 243 УК термин «налоговая декларация (расчет)» можно раскрыть, обратившись лишь к нормам налогового законодательства. В ст. 63 НК дано определение налоговой декларации (расчета), которая представляет собой письменное заявление плательщика (иного обязанного лица) на бланке установленной формы о полученных доходах и осуществленных расходах, источниках доходов, налоговых льготах и исчисленной сумме налога, сбора и (или) других данных, необходимых для исчисления и уплаты налога, сбора.

Здесь же определен порядок представления налоговой декларации: она представляется каждым плательщиком (иным обязанным лицом) по каждому налогу, сбору, в отношении которого он признан плательщиком (в соответствии с законодательством может быть установлен и иной порядок), лично или по почте в налоговый орган по месту его постановки на налоговый учет (в отдельных случаях и по месту расположения объекта налогообложения) в установленные сроки.

Соблюдение данного порядка важно при определении признаков преступления, предусмотренного ст. 243 УК.

При этом нелишним будет сказать, что согласно ст. 63 НК плательщик имеет право (и обязан) представить в налоговый орган так называемую уточненную налоговую декларацию с внесением в нее изменений и дополнений в случае обнаружения плательщиком в представленной им ранее налоговой декларации неполноты сведений или ошибок, приведших к занижению или завышению подлежащих уплате сумм налогов, сборов.

Анализ ст. 243 УК показывает, что уклонение от уплаты сумм налогов, сборов может проявляться только в виде четырех альтернативных форм (способов): 1) сокрытие налоговой базы; 2) умышленное занижение налоговой базы;

3) уклонение от представления налоговой декларации (расчета); 4) внесение в налоговую декларацию (расчет) заведомо ложных сведений.

Авторы «Научно-практического комментария к Уголовному кодексу Республики Беларусь» допускают совершение уклонения от уплаты сумм налогов, сборов двумя способами: 1) сокрытие или умышленное занижение налоговой базы; 2) уклонение от представления налоговой декларации (расчета) или внесение в нее заведомо ложных сведений [1, с. 516].

В то же время А.И. Лукашов, исследовавший проблему уклонения от уплаты налогов, считает возможным совершение уклонения от уплаты сумм налогов, сборов в четырех вышеуказанных формах [2].

В уголовном законе не определены понятия «сокрытие налоговой базы», «занижение налоговой базы», а также «уклонение от представления налоговой декларации (расчета)» и «внесение в налоговую декларацию (расчет) заведомо ложных сведений». Уяснение этих понятий возможно через нормы налогового законодательства. Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в своем постановлении от 13 марта 1997 г. № 5 «О практике применения судами законодательства по делам о сокрытии, занижении прибыли и доходов» (в настоящее время утратило силу) указал, что под сокрытием прибыли, доходов и иных объектов налогообложения понимается умышленное неотражение в соответствующих отчетных документах, представляемых налоговым органам, фактических данных об их получении; под занижением понимается внесение в отчетные документы заведомо не соответствующей действительности информации о величине объекта налогообложения, скорректированной в сторону ее снижения и уменьшения, а уклонение от подачи декларации выражается в любых умышленных деяниях, направленных на непредставление или несвоевременное представление данного документа в налоговый орган.

Представляется, что назрела необходимость принятия Пленумом Верховного Суда соответствующего постановления по вопросам применения судами законодательства по делам об уклонении от уплаты сумм налогов, сборов с учетом внесенных изменений в ст. 243 УК, поскольку постановление от 13 марта 1997 г. № 5 утратило силу.

Перечень форм уклонения от уплаты сумм налогов, сборов, установленный диспозицией ст. 243 УК, является исчерпывающим, при этом уголовная ответственность наступает только в тех случаях, когда причинен ущерб в крупном (особо крупном) размере любым из четырех перечисленных выше деяний.

После уяснения содержащихся в ст. 243 УК терминов через нормы налогового законодательства возможно проведение анализа каждой из упомянутых

форм уклонения от уплаты сумм налогов, сборов. Но прежде хотелось бы остановиться на следующих вопросах.

Согласно ст. 44 НК плательщик самостоятельно исчисляет сумму налога, сбора, подлежащую уплате за налоговый период, исходя из налоговой базы, налоговой ставки и налоговых льгот (в отдельных, предусмотренных актами законодательства случаях эта обязанность может быть возложена на налоговый орган или налогового агента).

О налоговой базе и налоговой ставке говорилось выше. А налоговый период (ст. 42 НК) представляет собой календарный год или иной период времени, определяемый применительно к каждому конкретному налогу, сбору, по окончании которого определяется налоговая база и исчисляется сумма этого налога, сбора (как правило, налоговый период составляет месяц).

Исходя из этого следует, что только по истечении налогового (отчетного) периода у плательщика появляется возможность и обязанность определить размер налоговой базы, исчислить (определить размер) налог, сбор, представить в налоговый орган налоговую декларацию (расчет) и уплатить соответствующий налог, сбор. Сроки представления налоговой декларации и уплаты налога, сбора определены актами налогового законодательства; как правило, это 20 и 22 число месяца, следующего за отчетным, т. е. за окончанием налогового периода.

В подавляющем большинстве случаев устанавливается именно такой порядок: вначале – представление налоговой декларации, затем – уплата налога, сбора, и оба этих действия совершаются по истечении налогового периода.

Однако существуют отдельные особенности и отличия. Так, в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 18 июня 2005 г. № 285 «О некоторых мерах по регулированию предпринимательской деятельности» налоговая декларация (расчет) по единому налогу с индивидуальных предпринимателей представляется ими в налоговый орган не позднее 28 числа месяца, предшествующего месяцу осуществления деятельности, и налог уплачивается также в эти сроки. В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 12 марта 2003 г. № 104 «Об оффшорном сборе» оффшорный сбор уплачивается до перечисления денежных средств, а налоговая декларация (расчет) по оффшорному сбору представляется в налоговый орган не позднее 20 числа месяца, следующего за отчетным (т. е. месяца, в котором имело место перечисление денежных средств). В таком же порядке осуществляется уплата налога на приобретение автомобильных транспортных средств – до регистрации или перерегистрации автотранспортных средств – и представление налоговой декларации (расчета) по данному налогу – не позднее 20 числа месяца, следующего за месяцем регистрации

или перерегистрации автотранспортных средств (ст. 9 Закона Республики Беларусь от 23 декабря 1991 г. «О дорожных фондах в Республике Беларусь»).

Таким образом, можно прийти к выводу: поскольку информация о наличии объекта налогообложения и его стоимостная, физическая или иная характеристика (т. е. налоговая база) как исходное, определяющее условие или основание для исчисления и уплаты налога, сбора могут содержаться только в налоговой декларации (расчете), постольку сокрытием налоговой базы является умышленное невнесение в налоговую декларацию фактических данных (сведений) о наличии объекта налогообложения и налоговой базы (как определенной характеристики объекта налогообложения). Само по себе сокрытие налоговой базы как таковое не может существовать вне связи с налоговой декларацией (расчетом), оно есть лишь следствие неотражения соответствующей информации в налоговой декларации (расчете).

При занижении налоговой базы сам факт наличия объекта налогообложения не отрицается плательщиком и подтверждается соответствующей информацией в налоговой декларации, однако его характеристика – стоимостная, физическая или иная, т. е. налоговая база, искажается: в налоговую декларацию вносятся сведения, не соответствующие действительности, которые корректируют налоговую базу в сторону ее уменьшения.

Единичные факты неотражения (неправильного отражения) в учетных документах совершаемых операций, как-то: прием наличных денежных средств без использования кассового суммирующего аппарата и неоприходование выручки в кассу предприятия, неотражение на счетах полученной выручки либо стоимости полученных товаров, имущества и др., завышение затрат, относимых на себестоимость, и др. – до истечения налогового периода не могут рассматриваться как сокрытие или занижение налоговой базы, поскольку она в целях налогообложения определяется не по каким-то отдельным операциям или периодам, меньшим налогового периода, а за конкретный налоговый (отчетный) период – как правило, месяц. В связи с этим спорным представляется мнение авторов упомянутого «Научно-практического комментария», полагающих, что сокрытие или занижение налоговой базы может совершаться путем фальсификации налогового учета (без увязки его с таким понятием, как «налоговый период») и что сами по себе совершенные вышеописанные действия, представляющие собой фальсификацию налогового учета, и есть по своей сути случаи уклонения от уплаты сумм налогов, сборов [1, с. 516, 517].

Уклонением от представления налоговой декларации (расчета) является непредставление ее в налоговый орган в установленный срок при наличии та-

кой возможности. Внесение в налоговую декларацию заведомо ложных сведений представляет собой включение в нее не соответствующей действительности информации (о чем заведомо знает декларант), которая позволяет уменьшить исчисляемый и уплачиваемый по ней налог, сбор. К такой информации (сведениям) и относится в первую очередь налоговая база как исходный пункт для исчисления плательщиком размера налога, сбора. Внесение в налоговую декларацию ложных сведений, указывающих на отсутствие налоговой базы (объекта налогообложения) или ее уменьшенный размер, и есть не что иное, как сокрытие налоговой базы или ее умышленное занижение за определенный налоговый период. При этом значение имеют только те включенные в налоговую декларацию сведения, которые действительно влияют на правильность и полноту налогообложения.

Заведомо искаженными признаются специально измененные и ставшие фактически неверными данные относительно величины доходов, расходов или льгот, учитываемых при исчислении налогов, а также данные, неверно отражающие факты вследствие игнорирования существенно важной информации. Заведомая искаженность данных возможна при наличии двух признаков: относимости данных к исчислению налогов и их очевидного для лица несоответствия реальной налогооблагаемой базе. Не являются заведомо искаженными данные, полученные в результате спорной трактовки юридической природы фактов, влияющих на процесс исчисления налогов, а также в результате толкования действующих правовых актов [3, с. 493, 495].

С учетом изложенного следует, что такие формы уклонения от уплаты сумм налогов, сборов, как сокрытие налоговой базы и умышленное занижение налоговой базы, возможны лишь посредством третьей формы – внесения в налоговую декларацию (расчет) заведомо ложных сведений. Другими словами, уклонение от уплаты сумм налогов, сборов путем внесения в налоговую декларацию (расчет) заведомо ложных сведений включает в себя две другие формы уклонения: сокрытие налоговой базы и умышленное занижение налоговой базы. Тем самым они соотносятся между собой как часть и целое.

А из этого вытекает, что уклонение от уплаты сумм налогов, сборов может происходить двумя способами: 1) уклонение от представления налоговой декларации (расчета); 2) внесение в налоговую декларацию (расчет) заведомо ложных сведений, включая сокрытие или умышленное занижение налоговой базы.

На это немаловажное обстоятельство обращает внимание А.И. Лукашов, говоря о том, что сокрытие и умышленное занижение налоговой базы являются

видовыми понятиями большего по объему родового для них понятия «внесение в налоговую декларацию (расчет) заведомо ложных сведений [2].

Авторы упомянутого «Научно-практического комментария» считают, что уклонение от уплаты налогов будет считаться оконченным преступлением:

– с момента принятия налоговыми органами фальсифицированных деклараций (расчетов), если уклонение осуществляется путем сокрытия или занижения объектов налогообложения в установленной форме отчетности или путем внесения в декларацию заведомо ложных сведений;

– по истечении сроков уплаты налогов, если уклонение осуществляется путем непредставления в налоговые органы расчетов установленной формы;

– с момента полного или частичного сокрытия объектов налогообложения, если уклонение совершается путем нарушения порядка налогового учета;

– по истечении сроков подачи налоговой декларации (расчета), если уклонение осуществляется путем неподачи деклараций в налоговые органы.

С наступлением указанных обстоятельств ущерб в соответствующем размере следует считать причиненным, несмотря на то, что при фальсификации учетных или расчетных документов предусмотренный законом срок уплаты налогов может еще не наступить [1, с. 518].

Такая позиция авторов представляется спорной в связи со следующим. Как уже говорилось выше, налог подлежит исчислению и уплате по истечении определенного налогового (отчетного) периода исходя из определенного в налоговой декларации (расчете) размера налоговой базы, налоговой ставки и налоговых льгот. Следовательно, о невыполнении обязанности по уплате налога можно утверждать только по прошествии срока уплаты этого налога. Исходя из сути уклонения от уплаты налогов как фактического непоступления причитающихся сумм налогов в бюджет представление налоговой декларации с указанием в ней не соответствующих действительности сведений (тем более что до наступления срока уплаты налога имеется возможность представить уточненную декларацию) либо непредставление налоговой декларации до наступления срока уплаты налога не могут считаться уклонением от уплаты налогов.

Термин «уклонение» означает не только само действие (бездействие), но и его результат, и указанное преступление заключается именно в фактической неуплате налога, притом что к такому результату привели направленные на его достижение действия (бездействие), перечисленные в диспозиции статьи [4].

Термин «уклонение» указывает на определенную цель деяния – избежать уплаты законно установленных налогов. В соответствии с положениями налогового законодательства срок представления налоговой декларации и сроки уп-

латы налога могут не совпадать. Поэтому законодатель в ст. 243 УК установил уголовную ответственность не за непредставление налоговой декларации и не за внесение в нее заведомо ложных сведений, а за уклонение от уплаты налога, совершенное этими способами. Состав данного преступления сконструирован именно как материальный, и обязательным условием наступления уголовной ответственности является неуплата в установленный налоговым законодательством срок налога, в крупном или особо крупном размере.

Объективным признаком уклонения от уплаты сумм налогов, сборов является причинение ущерба (в крупном или особо крупном размере). Поскольку по конструкции объективной стороны данный состав является материальным, момент окончания преступления связывается с наступлением последствий в виде ущерба, наступившего в результате уклонения от уплаты налогов, сборов [5, с. 103].

В связи с этим преступление признается оконченным с момента причинения бюджету ущерба в крупном или особо крупном размере, т. е. с момента фактической неуплаты сумм налогов, сборов в указанном размере в установленные сроки [6, с. 345; 7, с. 642].

Очевидно, что под ущербом понимаются те суммы налогов, сборов, которые не поступили в соответствующие бюджеты и от уплаты которых лицо уклонилось. Следовательно, уклонение от уплаты сумм налогов, сборов и есть причинение ущерба.

В связи с изложенным выше представляется целесообразным диспозицию ч. 1 ст. 243 УК изложить в следующей редакции: «Уклонение от уплаты сумм налогов, сборов путем уклонения от представления налоговой декларации (расчета) либо путем внесения в нее заведомо ложных сведений, включая сокрытие или умышленное занижение налоговой базы, совершенное в крупном размере».

В пользу именно такого подхода к определению диспозиции ч. 1 ст. 243 УК свидетельствует и анализ уголовного законодательства зарубежных стран по вопросу уклонения от уплаты налогов, и в первую очередь законодательства стран бывшего СССР.

Уголовный кодекс РФ (ст.ст. 198,199) допускает уклонение от уплаты налогов и (или) сборов только путем непредставления налоговой декларации и иных обязательных документов либо включения в них заведомо ложных сведений. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2006 г. № 64 указано, что способами уклонения от уплаты налогов и (или) сборов могут быть как действия в виде умышленного включения в налоговую декларацию или иные документы, представление которых в соответст-

вии с законодательством является обязательным, заведомо ложных сведений, так и бездействие, выражающееся в умышленном непредставлении налоговой декларации или иных указанных документов.

Аналогичные нормы содержатся в Уголовном кодексе Казахстана (ст.ст. 221, 222) и Уголовном кодексе Кыргызстана (ст.ст. 211, 212, 213).

Согласно Уголовному кодексу Узбекистана уклонение от уплаты налогов представляет собой умышленное сокрытие, занижение прибыли (дохода) или других объектов налогообложения (ст. 184).

По Уголовному кодексу Таджикистана (ст.ст. 292, 293) уклонение от уплаты налогов возможно путем включения в налоговую декларацию и другие документы искаженных данных, сокрытия других объектов налогообложения (для юридических лиц), а также непредставления налоговой декларации или включения в нее заведомо искаженных данных (для физических лиц).

В соответствии с Уголовным кодексом Туркменистана (ст.ст. 262, 263) уклонение от уплаты налогов представляет собой непредставление документов о доходах, бухгалтерских документов, либо включение в них заведомо искаженных данных о доходах или расходах, либо путем сокрытия других объектов налогообложения.

В соответствии с Уголовным кодексом Украины (ст. 212) под умышленным уклонением от уплаты налогов, сборов и других обязательных платежей признаются деяния, которые привели к фактическому непоступлению средств в бюджеты либо государственные целевые фонды.

Уголовный кодекс Молдовы допускает уклонение от уплаты налогов путем включения в бухгалтерские, налоговые или финансовые документы заведомо искаженных данных о доходах или расходах либо путем сокрытия других объектов налогообложения (ст. 244).

Наиболее интересными являются подход и позиция по этому вопросу уголовного законодательства Республики Литва (и такая позиция представляется наиболее оптимальной и предпочтительной).

Ст. 219 Уголовного кодекса Литвы («Уклонение от уплаты налогов») предполагает наличие состава преступления в действиях того, кто после представления декларации вовремя не заплатил начисленного по ней налога после напоминания уполномоченной государственной инстанцией об обязанности заплатить налог. Здесь же предусмотрена и уголовная ответственность юридического лица.

Ст. 220 УК Литвы («Представление искаженных данных о доходах, прибыли либо имуществе») предполагает уголовную ответственность того, кто в

целях избежания уплаты налога включил в декларацию, отчет или другой документ заведомо искаженные данные о своих доходах либо о доходах предприятия, о прибыли, имуществе либо их использовании и представил эти данные в инстанции, уполномоченные государством.

А ст. 221 УК Литвы («Уклонение от представления декларации») предусматривает уголовную ответственность того, кто в установленном юридическими актами порядке вовремя не представил в государственную налоговую инспекцию декларацию о своих доходах либо о доходах предприятия, о прибыли или имуществе после письменного напоминания этой государственной инстанцией об обязанности представить декларацию.

К слову, УК Литвы предусматривает также уголовную ответственность за нарушение правил бухгалтерского учета (ст. 222) и за халатное ведение бухгалтерского учета (ст. 223), что тесно связано с упомянутыми выше статьями кодекса.

Объективную сторону предусмотренного ст. 243 Уголовного кодекса Республики Беларусь преступления образуют деяния, которые непосредственно направлены на избежание уплаты налогов, сборов в нарушение тех порядка и правил, которые закреплены в актах налогового законодательства. Уклонение от уплаты сумм налогов, сборов есть не что иное, как введение в заблуждение налоговых органов относительно налоговой базы и размера подлежащих уплате с нее налогов, сборов или оставление налоговых органов относительно их в неведении.

Список использованных источников

1. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. – Минск, ГИУСТ БГУ, 2007.
2. Лукашов А.И. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты сумм налогов, сборов / А.И. Лукашов // Электронная база нормативных правовых актов «Консультант Плюс:Беларусь» ООО «ЮрСпектр».
3. Практический комментарий к Уголовному кодексу РФ / под общ. ред. Х.Д. Аликперова, Э.Ф. Побегайло. – М.: Норма, 2001.
4. Пастухов, И.Н. Квалификация налоговых преступлений / И.Н. Пастухов, П.Л. Яни // Законность. – 1998. – № 1, 2.
5. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть: учеб. пособие. – Минск: Тесей, 2005.
6. Бабий, Н.А. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности / Н.А. Бабий // Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть / под ред. Н.А. Бабия, И.О. Грунтова. – Минск: Новое знание, 2002.
7. Лукашов А.И. Комментарий к статье 243 / А.И. Лукашов // Коммент. к Уголовному кодексу Респ. Беларусь / под общ. ред. А.В. Баркова. – Минск: Тесей, 2003.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА И СКЛОНЕНИЯ К САМОУБИЙСТВУ

Грунтов И.О.

Некоторые преступления против жизни совершаются с участием самого потерпевшего. В Уголовном кодексе Республики Беларусь к таким преступлениям против жизни относятся доведение до самоубийства (ст. 145) и склонение к самоубийству (ст. 146). Эти преступления не могут совершаться без участия самого потерпевшего. Противоправное виновное поведение человека признается преступлением, если потерпевший покончил жизнь самоубийством или покушался на него. Составы этих преступлений имеют весьма неудачную конструкцию. Признаки этих преступлений описаны в законе недостаточно четко. В этой связи в отечественной и российской литературе по-разному определяют границы этих посягательств. В статье рассматриваются вопросы о возможных вариантах ответственности за эти преступления. Предлагаются наиболее оптимальные модели конструкций составов преступлений, содержащие признаки таких посягательств.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) к преступлениям против жизни наряду с другими относятся также доведение до самоубийства (ст. 145) и склонение к самоубийству (ст. 146). Эти преступления не могут совершаться без участия самого потерпевшего. Противоправное виновное поведение человека признается преступлением, если потерпевший покончил жизнь самоубийством или покушался на него. Составы этих преступлений имеют весьма неудачную конструкцию. Признаки этих преступлений описаны в законе недостаточно четко. В этой связи в отечественной и российской литературе по-разному определяют границы этих посягательств. В результате многие исследователи часть деяний предлагают квалифицировать как доведение до самоубийства, хотя из содержания субъективных признаков этого поведения его следует оценивать как умышленное убийство. В противоположность этому отдельные ученые некоторые варианты склонения к самоубийству рассматривают как не подлежащие уголовной ответственности вовсе. Вместе с тем исходя из содержания объективных и субъективных признаков такого поведения оно должно квалифицироваться как склонение к самоубийству по ст. 146 УК. Различная трактовка признаков этих преступлений, как в литературе, так и в судебной практике недопустима. Четкое понимание границ этих посягательств произойдет тогда, когда в законе с достаточной полнотой и ясностью будут описаны объективные и субъективные признаки этих посягательств.

Рассмотрим эти вопросы.

Так в соответствии с ч. 1 ст. 145 УК предусматривается ответственность за доведение лица до самоубийства или покушения на него путем жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства.

В соответствии с законом уголовно наказуемыми способами доведения до самоубийства или покушения на него являются: а) жестокое обращение с потерпевшим; б) систематическое унижение его личного достоинства. Совершение других действий, повлекших самоубийство потерпевшего, не образует признаков состава преступления, предусмотренного ст. 145 (например, случаи отказа от заключения брака, продолжения совместной жизни; измены и т. п.).

Жестокое обращение заключается в крайне суровом, безжалостном, беспощадном отношении к другому лицу. Такое поведение может состоять в активных действиях либо в бездействии и проявляться, например, в нанесении побоев, телесных повреждений, лишении свободы, питания, крова и т. п.

Унижение человеческого достоинства может совершаться путем распространения о лице заведомо ложных позорящих его измышлений, оскорбления его, глумления над ним и т. п. Состав рассматриваемого преступления будет иметь место в случае систематического унижения личного достоинства. Единичные случаи оскорбления, клеветы, повлекшие последствия, не содержат в себе признаков состава этого преступления. Под систематичностью понимается признак, указывающий на совершение лицом более двух тождественных или однородных правонарушений (ч. 15 ст. 4 УК).

Рассматриваемое преступление будет иметь место с момента самоубийства (лишения себя жизни) или покушения на него (попытки лишить себя жизни) потерпевшего. В подобной ситуации для наличия состава преступления необходимо, чтобы лицо действительно совершило акт суицида, а не инсценировало его.

В научной литературе существует мнение, что с объективной стороны это преступление имеет материальную модель. При таком подходе доведение лица до самоубийства или покушения на него является последствием жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства. Исходя из этого с субъективной стороны это преступление характеризуется косвенным умыслом или легкомыслием. Вместе с тем в последнее время в литературе было высказано суждение, что с объективной стороны это посягательство все же имеет формальную конструкцию преступления. Так, по мнению отечественного исследователя В.В. Марчука «при доведении до самоубийства… правомерно ставить вопрос о психическом отношении виновного лица только к деянию, характе-

ризующемуся жестоким обращением с потерпевшим либо унижением его личного достоинства. И в этом смысле умысел может быть только прямым. Суицид или его попытка являются не последствием, а необходимым условием уголовной ответственности за доведение до самоубийства» [1, с. 31].

Какой подход более правильный? Попытаемся разобраться в этом. Условие – это обстоятельство, от которого что-нибудь зависит, или обстановка, в которой происходит, осуществляется что-нибудь [2, с. 827]. В отличие от причины условие может возникнуть по времени раньше или одновременно с другим явлением. Оно сопутствует и не порождает это явление. В противоположность этому деяние является причиной наступившего последствия, если при этом деяние предшествует по времени, ему присуща способность с внутренней закономерностью порождать наступление данного последствия, а последствие, в свою очередь, является следствием закономерного его развития, а не результатом действия иных лиц или сил природы [3, с. 116].

Применяя эту методологию, можно определить, что для наличия состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 145 УК, необходимо, чтобы жестокое обращение с потерпевшим или систематическое унижения его личного достоинства предшествовало его самоубийству или покушению на него и было порождено таким поведением виновного, а не иными обстоятельствами. Если попытка суицида произошла по времени раньше факта жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства или такое поведение потерпевшего было вызвано не поведением виновного, а иными обстоятельствами, то в действиях лица должны отсутствовать признаки преступления, предусмотренного ст. 145 УК.

С субъективной стороны это преступление характеризуется косвенным умыслом и легкомыслием. Такой подход в понимании субъективной стороны этого посягательства сложился в период существования СССР и после распада этого государства, в период становления и развития отечественной научной литературы и судебной практики.

Так, в 5-м томе «Курса советского уголовного права», изданном в 1971 г. под редакцией А.А. Пионтковского, говорилось, что «с субъективной стороны доведение до самоубийства может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности. Умысел при этом, однако, может быть только косвенный. При наличии у виновного прямого умысла на доведение до самоубийства необходимо все совершенное рассматривать как убийство и в зависимости от обстоятельств дела квалифицировать по ст. 102 или 103 УК» [4, с. 81].

Точно так же определялась субъективная сторона этого преступления и в 3-м томе «Курса советского уголовного права», изданном в 1973 г. под редакцией Н.А. Беляева и М.Д. Шаргородского. В нем отмечалось, что «…как убийство следует рассматривать и случаи доведения до самоубийства с прямым умыслом. Таким образом, виновность при этом преступлении (ст. 107 УК РСФСР) в отношении результата может быть в форме неосторожности либо в форме эвентуального умысла» [5, с. 547].

Аналогично понималась субъективная сторона этого преступления в отечественной научной литературе: в томе 2 учебника по уголовному праву БССР, изданном в 1978 г. под редакцией И.С. Тишкевича [6, с. 116]; в «Научно-практическом комментарии к уголовному кодексу Белорусской ССР», изданном в 1989 г. под редакцией А.А. Здановича [7, с. 200]; в учебном пособии «Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть», изданном в 2002 г. под редакцией Н.А. Бабия и И.О. Грунтова [8, с. 218] и др. Во многих российских изданиях сходным образом давалась характеристика субъективной стороны этого преступления [9, с. 40 и др.].

Вместе с тем в последнее время в российской литературе появились публикации, в которых субъективная сторона доведения до самоубийства характеризуется прямым или косвенным умыслом или неосторожностью [10, с. 186 и др.]. Так, по мнению известного российского ученого Г.Н. Борзенкова, «с субъективной стороны доведение до самоубийства может быть совершено с любой формой умысла. При прямом умысле виновный предвидит возможность самоубийства потерпевшего, желает этого, а при косвенном – сознательно допускает тот же результат. Существует мнение, что при наличии прямого умысла на доведение до самоубийства потерпевшего содеянное является убийством, которое должно квалифицироваться по ст. 105 УК. Такое мнение ошибочно. Сторонники его упускают из виду различия в объективной стороне убийства и доведения до самоубийства. При совершении преступления, предусмотренного ст. 110 УК, в отличие от убийства, виновный не совершает действий, непосредственно приводящих к смерти потерпевшего. Последний сам принимает решение расстаться с жизнью и сам приводит его в исполнение, руководимый своими сознанием и волей» [11, с. 147].

Безусловно, при совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 145 УК, виновный не причиняет телесных повреждений, непосредственно приводящих к смерти потерпевшего. Вместе с тем с объективной стороны виновный жестоко относится или систематически унижает человеческое достоинство и тем самым создает обстановку, которая воспринимается потерпевшим как си-

туация безысходная и не имеющая своего разумного разрешения, кроме одного варианта – расстаться с жизнью. С субъективной стороны виновный сознает все эти обстоятельства, предвидит, что потерпевший неизбежно примет решение расстаться с жизнью, и желает наступления именно этого результата. При этих обстоятельствах виновный может прямо говорить потерпевшему о своих намерениях, подталкивая его к принятию только одного решения – расстаться с жизнью. Такое принуждение к совершению акта суицида следует признавать посредственным причинением убийства.

Признание данного поведения доведением до самоубийства будет означать, что посягательство, фактически содержащее объективные и субъективные признаки убийства, оценивается как менее опасное деяние – доведение до самоубийства.

Гарантией сохранения сложившейся на протяжении многих десятилетий в судебной практике и доминирующей в науке уголовного права подхода в понимании объективных и субъективных признаков этого деяния от попыток пересмотреть их является изменение законодательной модели этого состава преступления.

Исходя из этого в порядке обсуждения и постановки вопроса предлагаем ч. 1 ст. 145 УК сформулировать в следующей редакции: «Жестокое обращение с потерпевшим или систематическое унижение его личного достоинства, повлекшее с косвенным умыслом либо по неосторожности его самоубийство или покушение на него».

В ч. 1 ст. 146 УК предусматривается ответственность за «умышленное возбуждение у другого лица решимости совершить самоубийство, если лицо покончило жизнь самоубийством или покушалось на него». При совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 146, деяние виновного состоит в возбуждении у другого лица решимости совершить акт суицида.

В соответствии с ч. 1 ст. 146 в качестве деяния названа своеобразная форма подстрекательства к самоубийству другого лица. По форме выражения подстрекательство может совершаться словами, жестами, письменными знаками, носить открытый или завуалированный характер. Способы склонения к самоубийству могут быть разные (просьба, приказ, обман, поручение, совет и т. п.). Если человек возбуждает у другого лица решимость совершить самоубийство путем жестокого обращения с ним или систематического унижения его личного достоинства, то все содеянное квалифицируется по ст. 145 УК (доведение до самоубийства), а при наличии прямого умысла к последствиям – по ст. 139 УК (убийство).

В качестве последствия этого преступления названо самоубийство потерпевшего или покушение на него. По мнению В.В. Марчука, при склонении к самоубийству суицид или его попытка являются не последствием, а условием уголовной ответственности за это преступление [12, с. 31]. Представляется более правильным вести речь о материальной конструкции этого состава преступления. Аргументы в пользу такого суждения были даны ранее при рассмотрении вопроса об объективной стороне состава доведения до самоубийства.

Как уже отмечалось, в ч. 1 ст. 146 УК в качестве деяния названа своеобразная форма подстрекательства другого лица к самоубийству. Сущность поведения при таком преступлении состоит в том, что виновный воздействует на сознание и волю другого лица и возбуждает у него решимость совершить акт суицида. При этом не парализуется воля потерпевшего и он остается свободным в выборе своего последующего поведения совершить самоубийство или отказаться от него. В этой связи постановка вопроса об отграничении этого преступления от убийства не возникает вовсе. Исключение должны составлять случаи склонения к самоубийству несовершеннолетнего или лица, страдающего психическим расстройством, не способных правильно оценивать ситуацию.

Для наличия состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 146 УК, необходимо установить причинную связь между действиями виновного, возбудившего у потерпевшего решимость совершить самоубийство, и его самоубийством или покушением на него. Данное преступление считается оконченным с момента наступления указанных в законе последствий. Для наличия этого состава преступления необходимо, чтобы потерпевший действительно совершил акт суицида, а не инсценировал его.

С объективной стороны склонение к самоубийству имеет материальную конструкцию. Вина в таком преступлении должна определяться по отношению к последствию – самоубийству или покушению на него. Вместе с тем в законе говорится об умышленном возбуждении у другого лица решимости совершить самоубийство. Исходя из этого возбуждение у другого лица решимости совершить самоубийство осуществляется только умышленно: виновный сознает, что возбуждает у другого лица решимость совершить самоубийство, и желает этого. Однако умышленное возбуждение у другого лица решимости совершить самоубийство само по себе не является преступлением. Такое посягательство оценивается как преступление, если лицо покончило жизнь самоубийством или покушалось на него. Каково же психическое отношение к этим последствиям? Можно рассуждать следующим образом. Поскольку возбуждение у другого лица решимости совершить самоубийство осуществляется только умышленно, то

и к последствиям (самоубийству или покушению на него) у лица имеется психическое отношение только в виде прямого умысла. Однако такой вывод базируется на двух труднообъяснимых посылках.

Во-первых, психическое отношение лица к деянию (определенное в законе) переносится на его последствие. Однако такая подмена противоречит содержанию умысла при материальной конструкции объективной стороны состава преступления (ч. 2 ст. 22 УК).

Во-вторых, предположение, что это преступление совершается только с прямым умыслом, будет означать, что возбуждение у лица решимости совершить самоубийство при ином психическом отношении к самоубийству или покушению на него, например при сознательном их допущении, или безразличном к ним отношении, или легкомысленном расчете на их предотвращение, не будет оцениваться как преступление. Однако эти посягательства представляют не меньшую общественную опасность, чем совершенные с прямым умыслом, ведь сам по себе факт склонения к самоубийству представляет большую общественную опасность. С учетом этого, например, в ч. 2 этой статьи предусматривается ответственность за такое деяние независимо от наступивших последствий.

Все эти обстоятельства учитываются в конструкции довольно близкого состава преступления – доведения до самоубийства. В соответствии с этим составом лицо привлекается к уголовной ответственности, если оно с косвенным умыслом или по легкомыслию относится к наступившему последствию.

Безусловно, решить вопрос о содержании субъективной стороны преступления, описанного в ч. 1 ст. 146 УК, должен сам законодатель, по-новому описав психическое отношение к деянию и последствиям по правилам ч. 2 ст. 22 УК.

В этой связи в порядке обсуждения и постановки вопроса предлагаем ч. 1 ст. 146 УК сформулировать в следующей редакции: «Заведомое возбуждение у другого лица решимости совершить самоубийство, если это повлекло самоубийство лица или покушение на него».

Список использованных источников

1. Марчук, В.В. Уголовно-правовая оценка деяний, инспирирующих суицид / В.В. Марчук // Судовы Веснік. – 2003. – № 2. – С. 31
2. Толковый словарь русского языка / Российская акад. наук; Рос. фонд культуры; под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. – М.: Азъ, 1995. – С. 827.
3. Уголовное право. Общая часть: учебник / Н.А. Бабий [и др.]; под ред. В.М. Хомича. – Минск.: Тесей. – 116 с.

4. Курс советского уголовного права. Особенная часть: Т. 5 / под ред. А.А. Пионтковского. – М. – 1971. – С. 81.
5. Курс советского уголовного права. Особенная часть: Т. 3 / под ред. Н. А. Беляева, М.Д. Шаргородского. – Л. – 547 с.
6. Уголовное право БССР. Особенная часть: Т. 2 / под ред. И.С. Тишкевича. – Минск, 1978. – С. 116.
7. Научно-практический комментарий к уголовному кодексу Белорусской ССР / под ред. А.А. Здановича. – Минск, 1989. – С. 200.
8. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть: учеб. пособие / под ред. Н.А. Бабия, И.О. Грунтова. – Минск, 2002. – С. 218.
9. Уголовное право. Особенная часть / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.П. Новоселова. – М., 1997. – С. 40 и др.
10. Бородин, С.В. Преступления против жизни / С.В. Бородин. – СПб.: Юрид. центр Пресс. – 2003. – с. 306; Уголовный Кодекс Российской Федерации. Постатейный научно-практический комментарий профессорско-преподавательского коллектива кафедры уголовного права Московской государственной юридической академии / под общ. ред. А.И. Рарога . – М.: Агенство (ЗАО) «Библиотечка «Российской газеты», 2006. – С. 186; и др.
11. Курс уголовного права. Особенная часть: Т. 3 / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комисарова. – М.- С. 147.
12. Марчук, В.В. Уголовно-правовая оценка деяний, инспирирующих суицид / В.В. Марчук // Судовы Веснік. – 2003. – № 2. – С. 31.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ КАК ФАКТОР ПОДДЕРЖАНИЯ ПРАВОПОРЯДКА И ОБУЗДАНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Ищенко Е.П.

Проблема взаимоотношений власти и гражданина, государства и личности, публичного и частного издавна занимает одно из центральных мест в различных правовых доктринах. Самой острой ее гранью является применение смертной казни как наказания за совершение наиболее тяжких преступлений. Дадим краткую ретроспективу применения смертной казни, чтобы более четко определить ее значение как фактора укрепления правопорядка и сдерживания преступности, в первую очередь организованной, профессиональной.

Смертная казнь была впервые законодательно закреплена в Двинской судной грамоте 1397 г. и полагалась за татьбу (воровство), совершенную в третий раз. Псковская судная грамота 1467 г. предусматривала смертную казнь за наиболее тяжкие преступления. Так, ст. 7 гласила: «Вора, обокравшего псковский Кремль, конокрада, изменника и поджигателя в живых не оставлять» [1, с. 59–71]. Судебник 1497 г. предусматривал ее уже за 8 составов, в том числе

за крамолу, мятеж, поджигательство, церковную и повторную кражи, убийство холопом своего господина и похищение человека.

Смертная казнь тогда обычно осуществлялась через повешение на виселице или дереве, обезглавливание и утопление. Практиковались и квалифицированные ее виды, сопряженные с особыми мучениями для приговоренного. К ним относились сожжение на костре, в клетке или срубе, четвертование, при котором казнимому поочередно отрубали руки, ноги и голову; фальшивомонетчикам же заливали в горло расплавленный металл.

Согласно Судебнику 1550 г., смертная казнь назначалась еще и за сдачу города неприятелю, бунт, квалифицированное мошенничество. В соответствии с другими правовыми актами того времени, она полагалась за срыв церковной службы, измену судебного поверенного своему клиенту, должностные преступления губных и земских чиновников, квалифицированный разбой, фальшивомонетничество, внутрисемейное убийство, изнасилование и некоторые другие преступления. Конкретизировались и способы ее реализации. Так, лицу, сорвавшему богослужение, предписывалось отсекать мечом голову, фальшивомонетчику – заливать в горло расплавленные «воровские деньги», а человека, вопреки запрету продавшего за рубеж соль, полагалось вешать.

Говоря об отечественной практике применения смертной казни во второй половине XVI в. – первой половине XVII в., можно констатировать, что в целом она была довольно умеренной. Выделяются лишь годы опричнины и Смуты, когда число казней резко возрастало, да и то в сравнении с предыдущими годами, а не с «просвещенной» Европой. За годы Опричнины погибло 3–4 тыс. человек. В Англии же при королеве Елизавете I (1558–1603) было казнено как минимум 18 тыс. человек. В Германии один только судья фон Карпцов (1595–1666) подписал около 20 тыс. смертных приговоров. 24 августа 1572 г. (Варфоломеевская ночь) в Париже было убито до 2 тыс. гугенотов, а вскоре в других городах Франции погибло еще около 30 тыс. [2, с. 42–59].

Согласно Соборному уложению 1649 г., смертной казнью карались следующие преступления: богохульство, умышленный срыв литургии, обращение православного в ислам, умысел на жизнь и здоровье государя, государственная измена, учинение смуты, подделка или использование заведомо фальшивых официальных документов, квалифицированные кража и разбой, поджог, убийство, похищение человека, изнасилование и др. [3, с. 239–248] – всего 20 составов, которые с различными вариациями приводили к упоминанию смертной казни в 71-й статье Уложения. К ранее указанным видам смертной казни доба-

вились закапывание мужеубийц по плечи в землю, четвертование, сажание на кол, повешение за ребро [4, с. 97–101, 165–168].

Смертная казнь носила публичный характер. В частности, Уложение устанавливало, что военнослужащий, виновный в выдаче врагу военных тайн, должен быть повешен на виду у неприятельских полков. Для достижения большего социально-психологического эффекта тело казненного могло быть оставлено на определенное время на виселице или на колу, а если виновный был обезглавлен или четвертован, то отсеченные части могли быть посажены на колья.

Во второй половине XVII в. преступления, караемые смертной казнью, пополнились такими составами, как злостное «стояние в расколе», хищение пошлин таможенным головой или целовальником, повторное нарушение засечного режима, квалифицированный побег холопа или крестьянина, квалифицированное хулиганство, неисполнение противоэпидемических правил, обмен валюты в приграничных городах с извлечением прибыли, казнокрадство, присвоение ясака, купля-продажа и мена целебного корня ревеня в ущерб монополии государства на торговлю им.

Претерпели изменение и формы казни. Так, упорных раскольников стали сжигать в срубе, а их прах развеивать, поджигателей вешать, а не сжигать, мужеубийцам отсекать голову. Что касается масштабов смертных казней, то во второй половине XVII в. они были выше, чем в предшествующие годы. В частности, за 1654–1663 гг. было казнено более 7 тыс. фальшивомонетчиков, что существенно превосходило, в частности, общее количество жертв опричнины.

Для сравнения укажем, что во Франции по дореволюционному законодательству смертной казнью каралось 115 составов преступлений. Но и ей было далеко до Англии, где еще в XVIII в. таких преступлений насчитывалось 160. Были времена, когда их число в Английском королевстве доходило до 240. Еще в начале XIX в. смертная казнь полагалась даже за мелкую кражу, а также за бродяжничество и нищенство.

Смертная казнь на Руси производилась во все дни недели, кроме воскресенья, причем не на пустых местах, а на месте совершения преступления или месте жительства преступника, чтобы «иным неповадно было». Что же касается масштабов применения смертной казни во второй половине XVII в., то они были более высокими, чем в предшествующие эпохи. Усиление уголовно-правового «нажима» не было случайным. Его причиной стала весьма сложная социальная, политическая и экономическая обстановка, сложившаяся в стране. В условиях серьезного общественного брожения и народных волнений, апофео-

зом которых стали такие грандиозные социальные потрясения, как разинский бунт и церковный раскол, казнь преступников обоснованно расценивалась государственной властью как одно из необходимых и важнейших средств восстановления и поддержания законности [5, с. 160–165].

Первые письменные свидетельства обычного права Беларуси встречаются в грамотах и договорах Полоцка, Витебска и Смоленска с Ригой и Ливонским орденом. Так, в тексте договора Смоленска, Витебска и Полоцка с Ригой и Готским берегом 1229 г. приведены нормы уголовного права: 1–3-я статьи договора предусматривали наказание за убийство и увечье человека. В Судебнике Казимира 1468 г. получила свое закрепление смертная казнь, которая предусматривалась в шести случаях, главным образом за кражу. Смертная казнь нашла свое отражение и в последующих законодательных актах Великого княжества Литовского: статутах 1529, 1566 и 1588 гг. В результате второго и третьего разделов Речи Посполитой, произошедших в 1792 и 1795 гг., вся территория Беларуси вошла в состав Российской империи и система уголовных наказаний стала постепенно сближаться с существовавшей в России [6, с. 59–60].

В связи с вышеизложенным представляется вполне обоснованным вывод Н.Д. Сергиевского, что до XIX в. смертная казнь применялась в широких пределах, была явлением вполне ординарным и общепринятым. Даже в XVIII в. она не только в России, но и в европейских кодексах являлась наказанием, «самым обыкновенным и наиболее часто применяемым». Но уже в начале XIX в. происходит реакция, выражающаяся в стремлении обходить смертную казнь [7, с. 247–248].

В 1812 г. при издании Воинского полевого уложения смертная казнь была сохранена только как наказание за воинские преступления, совершенные в походе. Однако в 1826 г. по делу о восстании декабристов пятеро его главных участников были повешены. Свод законов 1832 г. установил смертную казнь за тяжкие государственные и некоторые другие преступления. В то же время за ряд общеуголовных посягательств применялись такие меры, как наказания кнутом и шпицрутен, которые нередко приводили к смерти осужденного.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. значительно сократило число преступлений, наказуемых смертной казнью, исключив из перечня, кроме того, отдельные посягательства против священной особы государя императора и членов императорского дома, ряд проявлений бунта против верховной власти, а также государственную измену и преступления против народного права [8, с. 600–611].

Таким образом, пределы применения смертной казни в XVIII–XIX вв. начали постепенно сокращаться. В России за бурные и тревожные 1866–1881 гг. было приговорено к смертной казни за политические преступления всего 46 человек, а приведены в исполнение приговоры в отношении 28 лиц. «В остальные периоды нашей новейшей истории случаи применения смертной казни еще более редки» [9, с. 794–795].

В Уголовном уложении 1903 г. ранее обозначившаяся тенденция к ограничению смертной казни еще более усилилась. Сохранив ее в качестве наказания за достаточно узкий круг политических преступлений, законодатель указывал, что она не применяется к лицам моложе 21 года и старше 70 лет, а женщинам может назначаться только за посягательство на жизнь императора и его семьи. Однако во время революции 1905–1906 гг. количество смертных казней ежегодно исчислялось тысячами. Смертная казнь продолжала применяться до Февральской революции. 12 марта 1917 г. Временное правительство опубликовало Постановление о повсеместной отмене смертной казни, но уже через 4 месяца ее применение было восстановлено на фронте за измену, разбой, побег к неприятелю, сдачу в плен и другие воинские преступления.

Буквально на второй день после Октябрьского переворота Второй Всероссийский съезд Советов своим декретом отменил смертную казнь, до весны 1918 г. советские карательные органы ее не применяли. Однако после начала Гражданской войны и покушения на Ленина ситуация резко изменилась. 21 февраля 1918 г. СНК РСФСР принял Декрет «Социалистическое отечество в опасности!», который разрешал расстрел на месте за совершение преступлений агентами неприятеля, спекулянтами, контрреволюционными агитаторами, германскими шпионами. 5 сентября того же года СНК РСФСР в Декрете «О красном терроре» подтвердил право ВЧК применять высшую меру наказания без суда и следствия.

17 января 1920 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли Постановление «Об отмене применения высшей меры наказания (расстрела)», однако уже через несколько месяцев она была восстановлена. В 1930-е гг. принимались жестокие законы против «врагов народа», «вредителей», «диверсантов», «расхитителей социалистической собственности», предусматривающие широкое применение смертной казни, которая в ряде случаев подлежала незамедлительному исполнению.

Очередная попытка отказаться от смертной казни была предпринята в 1947 г. Указ ПВС СССР от 26 мая «Об отмене смертной казни» заменил ее в мирное время лишением свободы сроком на 25 лет. В 1948 году СССР внес в

Организацию Объединенных наций проект резолюции о полной отмене смертной казни в мирное время, однако эта резолюция принята не была.

Решение об отмене смертной казни существенно осложнило обстановку в местах лишения свободы. К междоусобным «битвам» среди воровских группировок заключенных тотчас добавились массовые побеги с нападением на охрану и ее разоружением. Отсутствие решающего сдерживающего фактора очень затруднило работу администрации по наведению в ИТУ порядка. Поэтому МВД СССР в 1952 г. внесло в Совет Министров СССР предложение о нераспространении Указа ПВС «Об отмене смертной казни» на заключенных, совершивших бандитские действия в лагерях и колониях. Но уже в 1950 г. было разрешено применять ее к изменникам Родины, шпионам, диверсантам, а в 1954 г. за умышленные убийства при отягчающих вину обстоятельствах. Впоследствии перечень таких преступлений был расширен [10, с. 59–63].

Не вдаваясь в перипетии анализируемого феномена, произошедшие после 1961 г., как не изменяющие наметившейся общей тенденции к сокращению и неприменению смертной казни, а также к гуманизации ее исполнения, отмечу, что острота этой проблемы резко возросла после того, как с февраля 1999 г. в России был введен мораторий на применение смертной казни. Его действие порождает множество вопросов и вызывает неоднозначную оценку думающих представителей формирующегося в стране гражданского общества. Потрясающие по своей жестокости преступления вызывают бурный социальный резонанс, граждане ждут от государства адекватного ответа на очередной вызов, брошенный правопорядку. Дождутся ли?

Отменяя применение высшей меры наказания, государство тем самым сохраняет жизнь наиболее опасным преступникам. Но при таком подходе оно как бы становится союзником самых оголтелых злодеев, поскольку тем самым не обеспечивает остальным гражданам страны безопасность, не гарантирует им право на жизнь. И число таких преступников с каждым годом увеличивается. В нынешней криминальной ситуации это только подстегивает рост преступности в Российской Федерации.

Как справедливо подчеркивается в литературе, современная преступность характеризуется не только ростом числа совершаемых в стране преступлений, но и жестоким, зверским отношением к потерпевшим, особенно по делам об убийствах, изнасилованиях, грабежах [11].

В Республике Беларусь смертная казнь применяется. В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК), принятом в 1999 г., она предусмотрена в виде расстрела как исключительная мера наказания лишь за совершение наибо-

лее тяжких преступлений, сопряженных с умышленным лишением человека жизни при отягчающих обстоятельствах, предусмотренных ч. 2 ст. 122, ч. 2 ст. 124, ст.ст. 126, 127, 128, 134, ч. 3 135, ст. 139, ч. 2 ст. 356, ч. 3 ст. 357, ст.ст. 359, 360, 362. Указанный кодекс отменил высшую меру наказания за целый ряд преступлений: хищение имущества в особо крупных размерах, подделку денег или ценных бумаг, получение взятки, шпионаж, бандитизм, изнасилование и др.

Анализ развития уголовного законодательства Республики Беларусь за последние годы свидетельствует, что сфера применения смертной казни и здесь постепенно сокращается. В соответствии со ст. 59 УК Беларуси, не допускается назначение смертной казни лицам: а) совершившим преступления в возрасте до 18 лет; б) женщинам; в) мужчинам, достигшим ко дню постановления приговора 65 лет. В порядке помилования смертная казнь может быть заменена пожизненным заключением.

В соответствии с ч. 3 ст. 24 Конституции Республики Беларусь, смертная казнь до ее отмены может применяться как исключительная мера наказания за особо тяжкие преступления и только по приговору суда. В этой же статье записано, что «каждый имеет право на жизнь. Государство защищает жизнь человека от любых противоправных посягательств». Думается, что белорусский законодатель имел при этом в виду не только преступников, заслуживающих за содеянное смертной казни, но и законопослушных граждан. В этой связи необходимо напомнить результаты республиканского референдума, прошедшего в ноябре 1996 г., когда за отмену смертной казни высказалось около 18 % избирателей, а за ее сохранение – более 80 %. В референдуме приняло участие 84,14 % граждан от числа внесенных в списки избирателей Республики Беларусь [12, с. 170–177].

Применение смертной казни обусловлено необходимостью жесткой борьбы с наиболее опасными преступлениями. Она не является актом расчета за совершенное преступление, а преследует цель общего и специального предупреждения преступлений. Ее противники выдвигают аргумент, что жестокое отношение к преступникам тормозит моральный прогресс общества и его членов, снижает уважение к человеческой личности. При этом они заявляют, что применять смертную казнь к особо опасным преступникам могут только государства с высоким уровнем общественной морали. Одним из таких государств они считают США, однако ничуть не смущаются тем, что в этой «высокоморальной» стране можно казнить беременную женщину, несовершеннолетнего.

Тут США – в единственном числе. А в России расстрелять негодяя, лишившего жизни многих людей, видите ли, негуманно [13, с. 57–58].

Еще в 70–80-х гг. прошлого века США отказались от идеи реабилитации заключенных, поскольку «подавляющее большинство правонарушителей вновь и вновь проходят через "вращающиеся двери" системы судопроизводства» [14, с. 179], а в 90-х распространили смертную казнь на 50 составов федеральных преступлений в отношении наиболее опасных преступников: террористов, членов оргпреступных группировок, патологически агрессивных и ситуативно агрессивных людей, сексуальных маньяков. В результате за 8 лет президентства Билла Клинтона количество серьезных преступлений уменьшилось на 22 % [15, с. 244]. Не мало!

Думается, что общая превенция наказания означает формирование в сознании граждан России образа должного поведения, убежденности в недопустимости совершения преступлений. Она призвана не только укоренить в общественном сознании модель должного правопослушного поведения, но и перспективой наказания удержать их от совершения уголовнонаказуемых деяний. Одно только устрашение, не имеющее мощных союзников во влиянии на нравственность и психику неопределенного круга граждан, предназначается для тех из них, у кого образ должного поведения и убежденность в недопустимости совершения преступлений еще не сформировались. Тогда наказание, чтобы действовать в общепредупредительном плане, должно быть действительно устрашающим. Самым устрашающим из наказаний является смертная казнь, ибо она отнимает у человека его основу – жизнь.

Частная превенция наказания предполагает применение к лицу, совершившему преступление, принудительного воздействия, с тем чтобы оно не смогло совершить новое преступление.

Отстаивая право на жизнь злостного убийцы, некоторые ученые ссылаются на конституционное положение о том, что человеческая жизнь – самая большая ценность. А как же быть с ценностью жизни тех людей, которых зверски убил преступник? Так можно договориться до драгоценности жизней убийц-рецидивистов и нулевой ценности жизней их жертв.

Отнюдь не случайно около 100 государств сохраняют смертную казнь в своем уголовном законодательстве и применяют ее на практике. В их числе Китай, США, Япония, Нигерия, Саудовская Аравия. Как совершенно обоснованно указывает Р.С. Нагорный, только смерть осужденного дает стопроцентную гарантию того, что он в будущем больше не совершит преступления [16].

В 2002 г. Конституционный Суд Республики Беларусь по предложению Палаты представителей Национального собрания дал заключение о законности применения смертной казни в качестве исключительной меры наказания, рекомендующее Главе государства и парламенту объявить мораторий на ее применение или вообще отменить ее, апеллируя к тому что 45 государств – членов Совета Европы отказались от применения данного наказания [17, с. 61–63].

Представляется, что негативный опыт России в этом плане тоже следовало бы учесть. До начала 90-х гг. XX в. убийства в нашей стране совершались в основном на бытовой почве (ревность, месть, личная неприязнь, хулиганские побуждения и т. п.) и не имели столь широкого распространения, как теперь. С начала перестройки число убийств в России, согласно официальным данным, возросло в 3 раза – с 10 тыс. в 1985 г. до 30 тыс. в 2005 г., когда Россия вышла на первое место в мире по уровню умышленных убийств – 21,5 на 100 тыс. жителей. Даже если рассматривать лишь официально зарегистрированные убийства (30 тыс. за 2005 г.), то их в России в 20 раз больше, чем в Японии (в расчете на 100 тыс. жителей), в 17 – чем в ФРГ, в 14 – чем во Франции и в 3,5 – чем в США [18, с. 17–18].

Поэтому права Б.Г. Караганова, считающая не случайным появление в настоящее время самосуда, который является отрицанием целесообразности замены смертной казни на пожизненное заключение, свидетельством недоверия населения к правосудию [19].

Пожизненное заключение некоторые авторы называют «погребением заживо», «смертью в рассрочку», «сухой гильотиной». Оно и впрямь похоже на издевательство над человеком, которого обрекли на «растительное» существование. Но если взять в сравнение участь большинства российских пенсионеров, живущих только на мизерные пенсии, то, увы, обитатели ИК-5 на острове Огненном в Вологодской области (пожизненники) ей едва ли позавидуют.

На содержание каждого из них затрачивается в год порядка 85 тыс. рублей при полном «пансионе», тогда как рядовой пенсионер, коих большинство, получает в лучшем случае 48 тыс. рублей в год, из которых нужно заплатить за жилье, коммунальные услуги, одежду, пропитание... Не случайно лишь отдельные из 180 заключенных ИК-5 сожалеют о моратории на смертную казнь, большинство же ждет... условно-досрочного освобождения. Многие из них склонны к насилию, побегу... На счету обитателей ИК-5 около 500 погубленных человеческих жизней, и очень редкий из них раскаивается в содеянном, а вырваться на свободу хотели бы все и только с одной целью – отомстить.

А. Кулешов пишет: «Ведутся бесконечные споры с позиций "высшей гуманности", расплывчатой статистики. А ведь все достаточно просто и ясно – есть

те, от кого общество должно избавляться как от неизлечимых болезней. Злокачественные опухоли надо удалять, а не лелеять... Речь идет не о психически больных людях, не о случаях, когда смертная казнь неадекватна тяжести совершенного преступления... Речь об извергах, на трезвую голову, хладнокровно и продуманно совершивших чудовищные преступления... Это не посягательство на жизнь человека, потому что те, кто подобные преступления совершают, – не люди. Это существа, которым не должно быть места на Земле. Избавлять мир от них и есть подлинная гуманность. По отношению к людям» [20, с. 346]. Воистину преступно смешивать демократию со вседозволенностью, проявлять гуманизм только к убийцам, забывая об убитых и их близких [21, с. 103].

Признавая несомненной необходимость очищения общества от опасных преступников, некоторые авторы предлагают возродить смертную казнь за совершение убийства в третий раз [22, с. 63–65]. Думается, что такая «соглашательская» позиция ничем не оправдана, разве что попыткой успокоить «советчиков» из Совета Европы. Отъявленных душегубов нужно казнить. Смертная казнь – исключительная, но совершенно необходимая мера уголовного наказания в нынешних непростых условиях жизни российского общества, поэтому мораторий на ее применение необходимо отменить. Должна быть восстановлена нормальная справедливость, если мы собираемся жить в безопасном для его граждан государстве, а не в хаосе и «беспределе» [23, с. 105].

Список использованных источников

1. Антология правовой мысли в пяти томах. Том IV. Россия XI–XIX вв. – М.: Мысль, 1999.
2. Рожнов, А.А. Указ. раб.
3. Антология мировой правовой мысли. Т. IV.
4. Рожнов, А.А. Указ. раб.
5. Смертная казнь в Московском государстве по Уложению 1649 г. и законодательству второй половины XVII в. / А.А Рожнов // Рос. юрид. журнал. – 2008. – № 1.
6. Пацкевич, А.П. Право на жизнь и проблемы смертной казни в контексте Конституции Республики Беларусь / А.П. Пацкевич, С. Н. Стороженко //Вестн. ин-та: науч.-практ. журн. Вологод. ин-та права и экономики Федер. службы исполнения наказаний. – 2007. – № 1.
7. Сергиевский, Н.Д. Избранные труды / Н.Д. Сергиевский. – М.: Издат. дом «Буквоед», 2008.
8. Указ Антология мировой правовой мысли.
9. Фойницкий, И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением // Антол. мировой правовой мысли в пяти томах. Том IV.

10. Пацкевич, А.П. Право на жизнь и проблемы смертной казни в контексте Конституции Республики Беларусь / А.П. Пацкевич, С.Н. Стороженко // Вестн. ин-та: науч.-практ. журн. Волгоградского института права и экономики Федер. службы исполнения наказаний. – 2007. – № 1.
11. Романов, В.В. Защита прав жертв преступлений в уголовном процессе по делам о тяжких и особо тяжких насильственных, корыстно-насильственных и корыстных преступлениях с учетом положений современной криминальной виктимологии / В.В. Романов, О.О. Топорикова // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. – Минск, 2005.
12. Володько, М.В. Морально-правовые аспекты смертной казни / М.В. Володько // Южно-Уральские криминалист. чтения: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф.– Уфа: РИОБашгу, 2003. – Вып. 11.
13. Бахин, В.П. Мораторий смертной казни: маньякам – жизнь, а что потенциальным жертвам? / В.П. Бахин, Н.С. Карпов // Воронеж. криминалист. чтения: сб. науч. трудов / под ред. О.Я. Баева. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2008. – Вып. 9.
14. Янина, Я.Ю. Компромиссные модели разрешения конфликтов уголовного судопроизводства: анализ зарубежного опыта и возможности его применения в России / Я.Ю. Янина //Уголовный процесс и криминалистика: соврем. проблемы и пути их решения: сб. ст. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006.
15. Стойко, Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и Романо-германской правовой систем: моногр. / Н.Г. Стойко. – СПб.: Изд-во юрид. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2006.
16. Нагорный, Р.С. Смертная казнь: превентивная роль. Ужесточение наказания против неотвратимости наказания / Р.С. Нагорный // Рос. следователь. – 2006. – № 2.
17. Пацкевич, А.П., Стороженко, С. Н. Указ. соч.
18. Алексеев, А.И. Российская уголовная политика: преодоление кризиса / А.И. Алексеев, В.С. Овчинский , Э.Ф. Побегайло. – М.: Нома, 2006.
19. Караганова, Б.Г. Лишение свободы и смертная казнь в санкциях статей УК РФ / Б.Г. Караганова // Государство и право. – 2003. – № 11.
20. Кулешов, А. Так казнить или миловать? / А.Кулешов // Смертная казнь**:** за и против. – М., 1989.
21. Голубев, Н.А. Указ. раб.
22. Давыдов, А. Неоднократность преступлений и ее уголовно-правовое значение / А. Давыдов, В. Малков // Рос. юстиция. – 2000. – № 1; В.П. Бахин, Н.С. Карпов. Указ. раб.
23. Голубев, Н.А. К вопросу о смертной казни / Н.А. Голубев // Состояние и перспективы борьбы с преступностью в Приволжском федеральном органе (анализ оперативной обстановки: методология – методика – результаты): науч.-практ. сб. – Н. Новгород, 2005. Вып. 2.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ИЗГОТОВЛЕНИЕ ЛИБО СБЫТ ПОДДЕЛЬНЫХ ДЕНЕГ ИЛИ ЦЕННЫХ БУМАГ

Примаченок А.А., Кашевский В.А.

В последнее время в правоприменительной практике возникают серьезные затруднения, связанные с квалификацией общественно опасных деяний, предусмотренных ст. 221 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Изготовление, хранение либо сбыт поддельных денег или ценных бумаг».

В статье детально рассматриваются проблемы, возникающие при квалификации изготовления либо сбыта поддельных денег низкого качества (грубой подделки). Критическому анализу подвергнуты некоторые положения постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 25 сентября 1997 г. № 10 «О судебной практике по делам об изготовлении, хранении или сбыте поддельных денег либо ценных или ценных бумаг» (с изменениями и дополнениями от 29 марта 2001 г.) в части, касающейся правил квалификации деяний в отношении поддельных денег низкого качества. Авторами на основе положений уголовно-правовой науки разработаны конкретные предложения по разрешению спорных ситуаций, имеющих место в следственно-судебной практике, и правильной квалификации данных деяний.

В ст. 221 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) предусмотрены ответственность за изготовление, либо хранение в целях сбыта, либо сбыт поддельной официальной денежной единицы Республики Беларусь (национальной валюты), государственных или иных ценных бумаг, номинированных в национальной валюте, иностранной валюты или ценных бумаг, номинированных в иностранной валюте [1, с. 107].

В правоприменительной практике возникает немало проблем, связанных с квалификацией общественно опасных деяний, перечисленных в данной норме. В известной степени такие затруднения в следственно-судебной практике возникают в связи с особенностями конструкции объективной стороны названного состава преступления. По конструкции объективной стороны этот состав преступления относятся к формальным. В соответствии с ч. 2 ст. 11 УК преступление признается оконченным с момента совершения деяния. Однако деяния, перечисленные в ст. 221 УК (изготовление, хранение, сбыт), по своему содержанию предполагают длящийся процесс. Так, изготовление поддельных денег или ценных бумаг, согласно теории уголовного права, как умышленное преступление имеет стадии (зарождение и формирование умысла, обнаружение его во вне, приготовление, покушение и оконченное преступление) [2, с. 5]. Применительно к анализируемому составу преступления уголовная ответственность наступает за приготовление (приискание пригодных, например, для изготовления

поддельных денег бумаги, красок, приспособленного оборудования), покушение (начало изготовления денежных купюр) и оконченное преступление (изготовление хотя бы одной купюры полностью, т. е. выполнение лицом всех необходимых действий). Вместе с тем поддельные деньги в зависимости от уровня квалификации изготовителя могут иметь различное качество (степень сходства с настоящими деньгами).

В судебно-следственной практике в последнее время нередко возникают затруднения при квалификации изготовления поддельных денег низкого качества (грубой подделки). Так, получила распространение (в некоторых районах Могилевской и других областей) практика квалифицировать изготовление и сбыт поддельных денег низкого качества (грубая подделка) как мошенничество. Как известно, завладение имуществом или правом на имущество путем мошенничества на сумму до 2 базовых величин физического лица и до 10 базовых величин юридического лица не образует состава преступления, а является административно-правовым деликтом. Таким образом, деяние, содержащее признаки преступления, предусмотренного ст. 221 УК, и относящееся к категории тяжких преступлений, в конечном итоге переквалифицируется в административное нарушение, а лицо, совершившее так называемую грубую подделку денег или ценных бумаг, освобождается от уголовной ответственности. Практика «перевода» уголовных дел рассматриваемой категории в административные осуществляется на основе постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь по рассматриваемому виду преступлений.

В п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 25 сентября 1997 г. № 10 «О судебной практике по делам об изготовлении, хранении или сбыте поддельных денег либо ценных бумаг» (с изменениями и дополнениями от 29 марта 2001 г.) указано: «В случаях, когда явное несоответствие фальшивой купюры подлинной, исключающее ее участие в денежном обращении, а также иные обстоятельства дела свидетельствуют о направленности умысла виновного на грубый обман потерпевшего, такие действия подлежат квалификации как мошенничество» [3].

В целях изучения закономерностей в судебной практике сопоставим приведенную рекомендацию Пленума Верховного Суда Республики Беларусь с его рекомендациями в отношении подобных по конструкции объективной стороны составов преступлений (изготовление оружия, которое не стреляет, или наркотического средства, которое не вызывает нужного воздействия на организм человека). Такое сопоставление целесообразно еще и потому, что незаконное из-

готовление названных предметов предусмотрено международными конвенциями как преступное деяние.

В п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 2 апреля 2008 г. № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с незаконными действиями в отношении оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (ст.ст. 294–297 УК)» говорится: «Незаконным изготовлением предметов, указанных в диспозициях ч. 2 ст. 295, ч. 2 ст. 295–1, ч. 2 ст. 296, ч. 2 ст. 297 УК, и влекущим ответственность по данным нормам, следует признавать их создание или восстановление утраченных поражающих свойств, а также переделку каких-либо предметов (например, ракетниц, стартовых и строительных пистолетов, предметов бытового назначения), в результате которой они приобрели свойства соответствующих видов оружия, составных частей или компонентов к ним, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств или их основных частей.

При отграничении покушения на изготовление предметов, указанных в ч. 2 ст. 295, ч. 2 ст. 295–1, ч. 2 ст. 296, ч. 2 ст. 297 УК, от оконченного преступления следует исходить из степени их готовности. Если изготовленный предмет может быть использован по своему прямому назначению, то независимо от того, что остались незавершенными отделочные и иные работы, в действиях виновного имеется состав оконченного преступления [4]. Иными словами, при разграничении покушения на изготовление оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ и оконченного преступления следует исходить из степени готовности оружия и иных названных предметов.

Следовательно, степень готовности оружия является критерием отграничения оконченного преступления от покушения, т. е. если лицо изготовило оружие, которое не стреляет в силу низкой квалификации изготовителя или из-за низкого качества материала, ненадлежащих инструментов и других причин, то содеянное является покушением на изготовление оружия (в равной мере боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств) и квалифицируется по ст.ст. 14 и 295 УК, но не как мошенничество. Если же поддельные деньги (в равной мере и ценные бумаги) изготовлены некачественно (из-за низкой квалификации изготовителя, низкого качества материалов, оборудования), то согласно складывающейся судебно-следственной практике, отраженной в упомянутом постановлении Пленума Верховного Суда, содеянное квалифицируется как мошенничество, а не как покушение на изготовление поддельных денег. При этом следует учесть и то обстоятельство, что по степени общественной опасности названные

виды преступлений почти одинаковы и даже санкции за изготовление поддельных денег и ценных бумаг в некоторых случаях несколько выше.

Сравнение же таких преступлений, как изготовление поддельных денег или ценных бумаг (ст. 221 УК), незаконное изготовление огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (ст. 295 УК) и незаконное изготовление наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров (ст. 328 УК), показывает иной (третий) подход к оценке деяния, выражающего объективную сторону (изготовление) всех трех перечисленных составов преступлений.

В п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2003 г. № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами и их прекурсорами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст.ст. 327–334 УК)» указано: «Незаконное изготовление и незаконную переработку наркотических средств или психотропных веществ надлежит квалифицировать как оконченное преступление с начала совершения действий, направленных на получение готовых к использованию и потреблению наркотических средств или психотропных веществ либо на рафинирование или повышение в препарате концентрации наркотических средств и психотропных веществ либо веществ, не являющихся наркотическими средствами или психотропными веществами» [5].

Из анализа трех вышеприведенных рекомендаций трех постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь по трем сходным видам преступлений, являющихся реализацией в УК Республики Беларусь положений международных конвенций (например, Конвенции о запрещении незаконной торговли наркотическими средствами 1936 г., Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г., Международной конвенции по борьбе с подделкой денежных знаков 1929 г.), следует, что изготовление как общественно опасное деяние в зависимости от предмета, который изготавливают, имеет тройной смысл: 1) изготовление поддельных денег либо ценных бумаг низкого качества (непригодных для денежного обращения) – квалифицируется как мошенничество; 2) изготовление оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ низкого качества (не могущих быть использованными по своему прямому назначению) – квалифицируется как покушение на незаконное изготовление названных предметов; 3) начало изготовления или переработки (незаконной) наркотических средств или психотропных веществ независимо от их качества – квалифицируется как оконченное преступление, т. е. оконченное изготовление названных средств или веществ независимо от степени готовности к потреблению по своему назначению.

Несогласованность рекомендаций по однотипной категории дел создает проблемы для следственно-судебной практики. Следует учитывать, что объективная сторона, обозначаемая термином «изготовление», присуща многим составам преступлений, предусмотренным действующим Уголовным кодексом Республики Беларусь, например: незаконное изготовление государственных пробирных клейм (ст. 258 УК), изготовление или переделка в целях использования или сбыта фальсифицированных измерительных приборов и инструментов (ст. 259 УК), изготовление в целях сбыта поддельных акцизных марок Республики Беларусь (ст. 261^1 УК), изготовление поддельных билетов или иных документов на проезд пассажиров или провоз грузов (ст. 262 УК), изготовление с целью сбыта специальных средств для получения неправомерного доступа к компьютерной системе или сети (ст. 353 УК), незаконное изготовление средств для негласного получения информации (ст. 376 УК) и др. В связи с этим представляется целесообразным принять единое толкование понятия «изготовление».

В словарях русского языка В. Даля, С.И. Ожегова термин «изготавливать» относится к глаголам несовершенного вида и объясняется как процесс выполнения, создания каких-либо вещей [6, с. 19; 7, с. 222]. Следовательно, «изготовление» – это процесс воздействия на предметы в целях изменения их свойств, характера, предназначения, использования. Он (процесс) может состоять из совершения нескольких действий и имеет продолжительность во времени, а также может включать в себя помимо приготовления и такие стадии, как оконченное и неоконченное покушение и оконченное преступление.

Таким образом, изготовление поддельных денег или ценных бумаг имеет стадии приготовления, неоконченного и оконченного покушения на совершение преступления и оконченного преступления. Что касается мошенничества, связанного с обращением денег или ценных бумаг, то оно может иметь место при сбыте не поддельных денег, а настоящих денежных знаков, валют одной страны вместо другой. Например, мошенник сбывает украинские гривны (не поддельные) как английские фунты или подлинные деньги, изъятые из обращения, лотерейные билеты вместо денег и т. п.

Согласно содержанию диспозиции ст. 221 УК, изготовление поддельных денег или ценных бумаг (выполнение всех необходимых операций по их изготовлению) независимо от качества полученных изделий (поддельных денег или ценных бумаг) следует считать оконченным преступлением. Однако из диспозиции данной статьи следует, что изготовление поддельных денег или ценных бумаг (как национальных, так и иностранных) осуществлялось в целях сбыта. Если же изготовленные поддельные деньги или ценные бумаги были настолько

низкого качества, что их сбыт невозможен (грубая подделка), то содеянное можно квалифицировать как покушение на изготовление поддельных денег или ценных бумаг либо как негодное покушение, а точнее покушение с негодными средствами.

В теории уголовного права сложилось понятие негодного покушения, включающего покушение с негодными средствами и покушение на негодный предмет (или объект). Это явление под собой законодательной основы не имеет. Тем не менее оно имеет место в социальной практике как одно из обстоятельств, в связи с которым преступление не было доведено до завершения. Данное обстоятельство является оценочным (оценивается в совокупности следователем, прокурором, судом) и квалифицируется как покушение на совершение соответствующего преступления либо как малозначительное деяние, предусмотренное ч. 4 ст. 11 УК, влекущее при наличии оснований административную или дисциплинарную ответственность. Как покушение на изготовление поддельных денег или ценных бумаг следует квалифицировать и задержание лица в момент их изготовления (процесс изготовления еще не окончен) независимо от степени готовности.

Однако если имеет место сбыт или покушение на сбыт поддельных денег или ценных бумаг (в том числе и низкого качества изготовления – грубой подделки), то в таком случае изготовление поддельных денег или ценных бумаг следует квалифицировать как оконченное преступление и сбыт (или покушение на сбыт) названных предметов. Иное дело, если изготовители или иные лица по их поручению сбывают поддельные деньги или ценные бумаги (в том числе и низкого качества), предупредив покупателей об их неподлинности. В зависимости от обстоятельств (прежде всего качества денег или ценных бумаг) возможно несколько вариантов квалификации деяния:

1. Приобретатель имеет целью усовершенствовать поддельные деньги или ценные бумаги (как правило, низкого качества). Деяния первого изготовителя квалифицируются как покушение на изготовление поддельных денег или ценных бумаг, а приобретателя – как приготовление к изготовлению (продолжению начатого изготовления) поддельных денег или ценных бумаг.

2. Приобретатель имеет целью сбыт названных предметов. Деяния изготовителя квалифицируются как оконченное преступление – изготовление и сбыт поддельных денег или ценных бумаг, а деяния приобретателя – как приготовление к сбыту поддельных денег или ценных бумаг (приобретение заведомо поддельных денег или ценных бумаг в Республике Беларусь не криминализировано, равно как и их пересылка и перевозка).

3. Приобретатель поддельных денег или ценных бумаг не имеет цели их усовершенствования (продолжения изготовления) и сбыта (либо эти цели будут не установлены). Содеянное не образует состава преступления, а содеянное изготовителем и лицом, сбывающим поддельные деньги или ценные бумаги, следует квалифицировать как оконченное преступление – соответственно изготовление и сбыт данных предметов преступления.

Следует отметить, что изложенные рекомендации авторов не всегда разделяются судебно-следственной практикой. Такая позиция судебно-следственной практики обусловлена высоким динамизмом развития социально-экономических отношений, а следом и повышением профессионализма преступных элементов, а также приспособлением к изменяющимся условиям приемов, способов, орудий и средств совершения преступных деяний, которые не всегда охватываются (предусматриваются) традиционными законодательными формулировками, описывающими признаки составов преступлений. Этими же факторами обусловлена неизбежность изменения и совершенствования законодательства и правоприменительной практики. Поэтому приобретает актуальность сопоставление на соответствие современным достижениям уголовно-правовой теории и правоприменительной практики, прежде всего судебной. Уголовному праву Беларуси (как теории, так и судебной практике) не присущ судебный прецедент. Традиционно в Беларуси осуществлялось обобщение судебной практики, и на этой основе вырабатывались рекомендации (в частности, по применению уголовного закона) для судов всех уровней. Такой порядок как бы снимал проблемы, разрешаемые в других правовых системах институтом судебного прецедента. Однако согласно уголовно-правовой системе Республики Беларусь рекомендации постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь обязательны не только для судов всех уровней, но поскольку уголовные дела разрешают суды, и де-факто для органов дознания, предварительного следствия и прокуроров, осуществляющих надзор за дознанием и расследованием уголовных дел. Иными словами, пределы действия постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь в пространственном смысле существенно расширены. В таких постановлениях также, как представляется, расширены правомочия в толковании уголовно-правовых норм, что фактически создает предпосылки создания новых видов составов преступлений, нередко противоречащих общей теории уголовного права.

Применительно к рассматриваемой проблеме представляется целесообразным привести в соответствие (к единообразному толкованию) все постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, разъясняющие понятие

изготовления, в том числе и поддельных денег или ценных бумаг, оружия, наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ. Кроме того, в целях приведения в соответствие с Международной конвенцией по борьбе с подделкой денежных знаков 1929 г. следует дополнить диспозицию ст. 221 УК такими видами общественно опасных деяний, как приобретение, перевозка, пересылка заведомо поддельных денег или ценных бумаг, оговорив хранение для коллекционирования. Такое дополнение диспозиции ст. 221 УК позволит пресекать, а следовательно, противодействовать распространению (наличию) поддельных денег или ценных бумаг.

С учетом целесообразности сохранения сложившихся традиций правовой системы Беларуси и широких правомочий Пленума Верховного Суда следует привлекать более широкий круг субъектов (как правоприменительных органов, так и научно-исследовательских учреждений) к обсуждению проектов постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, поскольку их роль в правоприменительной практике весьма значительна.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2008. – 208 с.
2. Энциклопедия уголовного права: в 6 т. / редкол.: В. Малинин (гл. ред.) [и др.]. – СПб.: Издание профессора Малинина, 2005–2007. – Т. 5: Неоконченное преступление / В.Б. Малинин [и др.]. – 2006. – 464 с.
3. О судебной практике по делам об изготовлении, хранении или сбыте поддельных денег либо ценных бумаг: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 25 сентября 1997 г., № 10 // Консультант плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2008.
4. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с незаконными действиями в отношении оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (ст.ст. 294–297): постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 2 апр. 2008 г., № 1 // Консультант плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2008.
5. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами и их прекурсорами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст.ст. 327–334): постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 26 марта 2003 г., № 1 // Консультант плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2008.
6. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. Даль. – М.: Русский язык, 1999. – Т. 2. – 780 с.
7. Ожегов, С.И Словарь русского языка: около 57 000 слов / С.И. Ожегов; под. ред. Н.Ю. Шведовой. – 16-е изд., испр. – М.: Рус. язык, 1984. – 797 с.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЙ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Сергеенко Н.Л.

Статья посвящена исследованию понятий «мужеложство», «лесбиянство», «иные действия сексуального характера», которые образуют объективную сторону насильственных действий сексуального характера (ст. 167 Уголовного кодекса Республики Беларусь). Проанализированы мнения различных ученых относительно определения исследуемых понятий при квалификации насильственных действий сексуального характера, изучена практика применения судами Республики Беларусь ст. 167 Уголовного кодекса. В целях совершенствования практики применения судами законодательства об ответственности за изнасилование и насильственные действия сексуального характера автор предлагает привести в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам об изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера» разъяснения понятий «мужеложство», «лесбиянство», «иные действия сексуального характера» для единообразного их толкования.

В ч. 1 ст. 167 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) содержатся три формы деяния, которыми может быть совершено такое преступление, как насильственные действия сексуального характера: мужеложство, лесбиянство, иные действия сексуального характера.

Для правильной квалификации содеянного необходимо четко определить содержание указанных понятий. Так, мужеложство следует рассматривать как форму удовлетворения половой страсти мужчины с мужчиной путем совершения *coitus per anum* (т. е. введения полового члена в прямую кишку). Некоторые ученые расширяют понятие мужеложства и включают в него иные формы удовлетворения половой страсти. Н.Г. Шалаев, например, относит к указанным формам такой вид сексуального сношения между мужчинами, как *coitus per os* (т. е. введение полового члена в рот) [1, с. 33]. Такого же мнения придерживается Я.М. Яковлев. Он полагает, что формы *coitus per anum* и *coitus per os* являются разновидностями извращенного полового акта и принципиальных различий между ними нет, хотя под мужеложством обычно понимается только половое сношение *per anum*. По мнению данного автора, гомосексуальные отношения между мужчинами не ограничиваются только мужеложством, а происходят и в иных формах. Из этого следует, что при отсутствии в них состава другого полового преступления подобного рода действия не являются наказуемыми [2, с. 330]. В уголовно-правовой науке Беларуси высказана позиция, в со-

ответствии с которой под мужеложством понимается половое сношение мужчины с мужчиной [3, с. 439].

По причине отсутствия единства мнений и практических рекомендаций при толковании понятия мужеложства (лесбиянства, иных действий сексуального характера) следственной и судебной практикой также не выработано одинакового подхода к оценке насильственных действий сексуального характера. Так, по приговору суда Железнодорожного района г. Витебска Л. признан виновным в совершении мужеложства с применением физического насилия, угроз в отношении заведомо несовершеннолетнего. 13 марта 2000 г. около 19 ч. 30 мин., будучи в состоянии алкогольного опьянения, Л. в целях совершения акта мужеложства, заведомо зная о несовершеннолетнем возрасте потерпевшего М., под угрозой применения физического насилия завел М. во двор школы, где применил к нему физическое насилие, после чего снял с последнего брюки и плавки, обнажил свой половой член, ввел его между ягодиц М., пытаясь совершить с ним акт мужеложства, затем ввел свой половой член в рот М. и совершил акт мужеложства [4]. Анализируя данную квалификацию, следует обратить внимание на то, что как мужеложство судом расцениваются действия, выразившиеся как в форме введения полового члена в заднепроходное отверстие, так и в форме введения полового члена в рот.

В связи с различной интерпретацией понятий в преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности личности полагаем правильным считать утверждение, высказанное профессором А.Н. Игнатовым о том, что «вкладывание различного содержания в одно и то же понятие, используемое разными отраслями знания, нарушает нормальный процесс обмена информацией. В тех случаях, когда уголовное право не пользуется специальными юридическими терминами, а заимствует понятия из других наук и областей знания, содержание этих понятий должно точно соответствовать их определению в соответствующей науке» [5, с. 10]. В связи с этим следует отметить, что в медицинской науке под мужеложством понимается разновидность мужского гомосексуализма, при которой половой акт совершается через прямую кишку, т. е. «о мужеложстве можно говорить только в том случае, если имело место введение полового члена в заднепроходное отверстие» [6, с. 500].

Поэтому не следует расширять уголовно-правовое понятие мужеложства путем включения в него *coitus per os*. Иначе, в понятие мужеложства необходимо будет включать и другие формы проявления мужского гомосексуализма. По ныне действующему УК насильственные гомосексуальные отношения, со-

вершенные в иных формах, чем мужеложство, являются также уголовно наказуемыми как «иные действия сексуального характера».

Таким образом, с учетом сказанного следует подчеркнуть, что под мужеложством в уголовном праве следует понимать форму удовлетворения половой страсти мужчины с мужчиной путем совершения *coitus per anum*.

Необходимо обратить внимание и на то, что в отечественной литературе нередко для обозначения акта мужеложства употребляется термин «педерастия» [3, с. 439]. «Однако, термин "педерастия", применяемый к половому сношению мужчины с мужчиной, в переводе на русский язык означает "любитель детей". В медицинской литературе также говорится о педерастии как о половой перверсии, выражающейся в стремлении мужчины удовлетворить половые потребности с малолетним мальчиком» [7, с. 76]. Следовательно, далеко не все акты мужеложства охватываются термином «педерастия», и указанные понятия не стоит признавать равнозначными.

Вторым альтернативным проявлением гомосексуальных действий, которые имеют уголовно-правовое значение при насильственном характере их совершения, является лесбиянство. Лесбиянство представляет собой удовлетворение половой потребности женщины с женщиной. И, хотя лесбиянство является проявлением гомосексуализма, оно в силу различия мужской и женской физиологии имеет другую физиологическую природу. Понятием лесбиянства охватывается практически любое проявление женского гомосексуализма. В сексологии понятие лесбиянства (синонимы – «лесбийская любовь», «сапфизм», «трибадия») определяется как женский гомосексуализм и поясняется, что ласки лесбиянок весьма разнообразны – от безобидных поцелуев до взаимного онанизма, широкое распространение получил искусственный пенис. В тех случаях, когда лесбиянские взаимоотношения вызваны внешними обстоятельствами, лишающими женщин на длительное время возможности вести нормальную половую жизнь, лесбийскую любовь можно приравнять к викарному (замещающему) коитусу. Часто эти наклонности встречаются у семейных женщин, имеющих половые связи одновременно и со своими мужьями. Женщина в такой двойной половой жизни может получать удовлетворение от обоих партнеров (она бисексуальна), либо мужчины ей неприятны, и она испытывает оргазм только в гомосексуальной любви [8, с. 138].

И если мужеложство отличается от иных форм мужского гомосексуализма фактом введения полового члена одного мужчины в заднепроходное отверстие другого, то, как считают, все возможные формы женского гомосексуализма (например, орально-генитальный контакт, проникновение в анальное или

генитальное отверстие руки или какого-либо другого предмета и т. п.) – это лесбиянство.

Такой вывод достаточно важен для квалификации посягательства по ст. 167 УК, так как при насильственных действиях сексуального характера, происходящих между мужчинами и не относящихся к мужеложству, такое деяние может подпасть под определение «иные действия сексуального характера». Если имеют место насильственные действия сексуального характера между женщинами – это всегда насильственное лесбиянство.

Исходя из вышеизложенного возникает задача определить, что же такое «иные действия сексуального характера», закрепленные в ст. 167 УК как самостоятельная форма удовлетворения половой потребности. Предлагая определение иных действий сексуального характера, целесообразно присмотреться к опыту зарубежных стран. Рассматриваемый состав, будучи для нашей страны новым, долгое время имеет место в законодательстве многих стран. Некоторые европейские законодатели, например Франции, Испании, определяя сексуальное действие, рассматривают его содержание как «сексуальное проникновение». Сексуальное проникновение определяется как действия сексуального характера, выражающиеся во введении полового органа или иных предметов в естественные полости другого лица в целях получения сексуального удовлетворения. В этом случае иными действиями сексуального характера будут являться введение полового органа в ротовую полость другого лица, введение полового члена в заднепроходное отверстие женщины, введение любого другого предмета в естественные полости другого лица. Сексуальность же как характеристика проникновения означает, что лицо действует с целью получить именно сексуальное удовлетворение. Предлагаемое определение иных действий сексуального характера поддерживали и некоторые ученые России, занимавшиеся изучением половых преступлений (например, Н.Н. Изотов, А.В. Кулаков, А.С. Капитунов и др.) [9]. Оно, будет способствовать единому подходу к квалификации содеянного и небезграничному пониманию таких действий. А это, в свою очередь, не должно привести к неоправданному расширению рамок уголовной ответственности.

Правильно, полагаем, было расценено судом г. Минска как иные действий сексуального характера поведение Л., который ввел стеклянную бутылку емкостью 0,7 л. во влагалище М., в целях получения сексуального удовлетворения [10] . К насильственным действиям сексуального характера также были отнесены и действия Б., который в целях удовлетворения половой страсти, с при-

менением насилия, совершил с потерпевшей Г. оральный и анальный секс – ввел половой член потерпевшей в рот, а затем в заднепроходное отверстие [11].

В связи с этим под иными действиями сексуального характера следует понимать иные, чем половое сношение, мужеложство, лесбиянство, действия, заключающиеся в сексуальном проникновении – введении полового органа или иных предметов в естественные полости другого лица в целях получения сексуального удовлетворения.

Таким образом, в целях совершенствования практики применения судами законодательства об ответственности за изнасилование и насильственные действия сексуального характера, предупреждения ошибок при рассмотрении дел данной категории целесообразно привести в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам об изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера» следующие разъяснения:

– под мужеложством следует понимать форму удовлетворения половой страсти мужчины с мужчиной путем совершения *coitus per anum*, т. е. введение полового члена одного мужчины в заднепроходное отверстие (прямую кишку) другого мужчины;

– лесбиянство – это форма удовлетворения половой страсти между женщинами;

– иные действия сексуального характера следует определить как иные, чем половое сношение, мужеложство, лесбиянство, действия, заключающиеся в сексуальном проникновении – введении полового органа или иных предметов в естественные полости другого лица в целях получения сексуального удовлетворения.

Список использованных источников

1. Шалаев, Н.Г. Судебно-медицинская экспертиза подозреваемых в половых преступлениях / Н.Г. Шалаев. – А.Г., 1967.
2. Яковлев, Я. М. Половые преступления / Я.М. Яковлев. – Душанбе: Ирфон, 1969. – 453 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф.Ахраменка [и др.]; под общ. ред. А.В. Баркова. – Минск: Тесей, 2003. – 1200 с.
4. Архив суда Железнодорожного района г. Витебска за 2000 г. – Уголовное дело № 1/283.
5. Игнатов, А.Н. Ответственность за насильственное совершение действий сексуального характера / А.Н. Игнатов // Советская юстиция. – 1991. – № 12. – С. 10.
6. Авдеев М.И. Курс судебной медицины / М.И. Авдеев. – М., 1959.

7. Изотов, Н.Н. Уголовная ответственность за насильственные действия сексуального характера: дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Н.Н. Изотов. – Ставрополь, 2000. – 162 с.
8. Сексология. Энциклопедический справочник по сексологии и смежным областям. Минск, 1994. – 450 с.
9. Изотов, Н.Н. Уголовная ответственность за насильственные действия сексуального характера / Н.Н. Изотов. – Ставрополь, 2000 г.; Кулаков, А.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты насильственных действий сексуального характера / А.В. Кулаков. – Рязань, 2004 г.; Капитунов, А.С. Насильственные половые преступления против несовершеннолетних / А.С Капитунов. – Краснодар, 2006.
10. Архив суда г. Минска за 2006 г. – Уголовное дело № 2/6.
11. Архив Верховного Суда Республики Беларусь за 2006 г. – Дело № 02/237к.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПРИМИРЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Середа Р.А.

Статья посвящена примирению с потерпевшим как условию освобождения от уголовной ответственности. Данный вид был введен в действие сравнительно недавно и является незнакомым для отечественного законодателя. В связи с этим возникают трудности как в понимании самого термина «примирение», так и в соотношении его с другими видами освобождения от уголовной ответственности.

В статье рассматриваются подходы различных авторов к пониманию примирения в уголовном праве и к направлению инициативы по достижению примирения. Также уделяется внимание вопросам момента достижения примирения и его правовых последствий для сторон. В заключении автор формулирует собственное определение примирения в уголовном праве.

В настоящее время в уголовном законодательстве нашей страны прослеживается устойчивая тенденция к гуманизации закона и экономии уголовной репрессии. Подтверждением тому может служить расширение института освобождения от уголовной ответственности, которое произошло с принятием действующего Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК). Были введены новые виды такого освобождения, ранее не известные отечественному правоприменителю. Среди них и такой вид, как освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, предусмотренный ст. 89 УК. Указанная норма закрепляет, что лицо, совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим.

Введение данной нормы в УК представляется вполне обоснованным и своевременным. Ведь именно в ней нашли отражение идеи восстановительного правосудия, получающие все большую популярность на постсоветском пространстве. Именно в этой норме наиболее полно учитываются интересы не только государства и общества, но и частного лица, которому преступлением причинен прямой ущерб. Именно в этой статье мы впервые в УК встречаем термин «примирение».

Однако представляется, что нынешняя формулировка ст. 89 УК содержит ряд недостатков, имеющих значение для правоприменителя.

Во-первых, на сегодня отсутствует четкое законодательное определение примирения. Ни в УК, ни в Уголовно-процессуальном кодексе (далее – УПК) разъяснения этом термину не дается.

В данной статье мы попытаемся сформулировать понятие примирения с потерпевшим в уголовном праве и ответить на следующие вопросы:

1. Что понимается под примирением в уголовном праве?
2. Кто должен выступать с инициативой такого примирения?
3. Когда примирение считается достигнутым?
4. Какие уголовно-правовые последствия влечет за собой акт примирения?

Мнения ученых-юристов относительного того, что же такое примирение, сводятся в основном к следующему.

Примирение означает оформленный в надлежащей процессуальной форме отказ потерпевшего от своих первоначальных претензий и требований к лицу, совершившему преступление, отказ от просьбы привлечь его к уголовной ответственности (если уголовное дело еще не возбуждалось) или просьбу прекратить уголовное дело, возбужденное по его заявлению [7, с. 213].

Примирение означает добровольный, отчетливо выраженный отказ потерпевшего от судебной защиты своих прав [4, с. 60].

Примирение – двусторонний акт, требующий согласия не только потерпевшего, но и обвиняемого [6, с. 123].

Примирение означает восстановление нормальных, предписываемых правопорядком отношений между гражданами, исключает необходимость применения такой силы государственного принуждения, какой является уголовный закон [3, с. 52].

Под примирением следует понимать отказ потерпевшего от поданного им заявления о привлечении лица, совершившего преступление, к уголовной ответ-

ственности или заявление о прекращении в отношении того уголовного дела в связи с достижением ими мира [1, с. 12].

Однако, как представляется, ни одно из приведенных определений не отражает сущности примирения в полной мере. Прежде всего, хотелось бы отметить, что реализацию указанной нормы необходимо понимать в двух аспектах – как процесс и как наступившие последствия. Большинство авторов понимает примирение с процессуальной точки зрения как отказ потерпевшего от претензий к обвиняемому, отказ от судебной защиты своих интересов. Подобная трактовка представляется недостаточной.

По нашему мнению, в данном случае первичным является материальное явление – действия сторон, направленные на восстановление нормальных отношений, достижение мира и согласия, прощение потерпевшим виновного, что в итоге приводит к отказу от преследования. Очевидно, что следует различать понятия «примирение» и «прощение».

Еще в конце XIX в. А. Лохвицкий писал: «Что следует разуметь под примирением, действительное обоюдное примирение, или достаточно одностороннего заявления потерпевшей стороны, что она примиряется? Очевидно, что в последнем случае это будет не примирение, а прощение. Право же на прощение не может быть предоставлено частному лицу – это верховное право. Притом же главное основание отмены наказания не в значительных преступлениях, каковы обида, клевета и т. п., именно заключается в том, что вражда уступила миру и согласию, следует, интерес общественный не пострадал; уже одним объявлением наказания достигнута цель закона. Когда же со стороны виноватого нет раскаянья, вражда его не затихла, будет ли согласно с интересами общества отпускать его без наказания? Но закон не поставил никаких условий для доказательства примирения, и практика наша постоянно довольствовалась одним заявлением обиженного или потерпевшего» [9, с. 266–267]. Как видно, проблема, поставленная ученым более века назад, актуальна и в наши дни. На сегодня в законодательстве нет четких границ, которые позволили бы отделить примирение от прощения.

Примириться – значит прекратить вражду, восстановить согласие, мирные отношения; терпимо относиться к чему-либо [10, с. 306]. Примириться – мириться взаимно, мириться с кем-либо, заключать мир [5, с. 426].

Простить – делать простым от греха, вины, долга; извинить, отпустить кому-либо повинность, снять с кого-либо обязательство, освобождать от кары, от взысканья; примириться сердцем, не питая вражды за обиду, переломить гнев на милость, миловать [5].

Очевидно, что и прощение, и примирение – это способы проявления сходных человеческих чувств и мыслей. Результат у обоих указанных процессов тоже один – восстановление нормальных, добрых взаимоотношений между людьми, нарушенных противоправными деяниями одного из них. Однако можно выделить и отличительные черты примирения и прощения.

В случае примирения предполагается, что существует некое равенство сторон, которые должны обоюдно инициировать процесс примирения и обоюдно совершать действия по достижению согласия, т. е. обе стороны должны быть заинтересованы в исходе дела и активно способствовать достижению результата.

При прощении инициатива исходит от одного лица – пострадавшего, «обиженного» преступлением. Он, проявляя жалось, благосклонность или милосердие к обидчику, прощает его, не желает привлекать его к ответу за содеянное, зачастую не требуя от него каких-либо компенсаций. Обидчик же, со своей стороны, выступает как фигура пассивная. В его праве принять или не принять прощение пострадавшего, однако сути прощения это не меняет.

Однако, как представляется, одной воли потерпевшего, его прощения виновного недостаточно для решения вопроса об освобождении последнего от уголовной ответственности. Ведь, освобождая преступника от ответственности, государство оказывает ему своего рода доверие, рискуя получить новое преступление. И для минимизации такого риска необходимо убедиться, что освобождаемое лицо действительно не представляет большой общественной опасности и цели уголовной ответственности будут достигнуты без ее применения.

Данной позиции придерживается и Л.Н. Лянго, который полагает, что «вряд ли можно ограничиваться заявлением лишь одной стороны – потерпевшей. При таком подходе может быть проигнорировано мнение обвиняемого, когда он, по сути, превращается в пассивного субъекта или даже в объект, судьбу которого решает единолично потерпевший и указанные в законе правоприменительные органы. И хотя в большей мере примирение зависит от согласия, от желания потерпевшего простить своего обидчика, отрицать активную роль последнего в процессе достижения соглашения все же нельзя. Не случайно закон говорит о примирении с потерпевшим, а не о прощении последним обвиняемого как основании прекращения уголовного дела» [11, с. 145].

В связи с этим представляется, что в процессе примирения необходимо обязательно учитывать обоюдную направленность сторон. Не только потерпевший должен простить обвиняемого, помириться с ним, но и обвиняемый должен проявить активность в достижении мирового согласия, тем самым показав свое раскаяние и снижение свой общественной опасности. Такая актив-

ность может выражаться в признании вины, раскаянии, публичном принесении извинений пострадавшему, заглаживании причиненного вреда. В данном смысле примирение становится сходным с таким видом освобождения от уголовной ответственности, как деятельное раскаяние. Однако основное отличие примирения в том, что все действия должны совершаться в интересах потерпевшего с целью искупить свою вину перед ним.

Таким образом, в содержание примирения сторон должны включаться именно обоюдные действия как обвиняемого (в первую очередь) по заглаживанию причиненного потерпевшему вреда, так и потерпевшего по высказыванию условий такого заглаживания, принятию либо не принятию приносимых виновным компенсаций, причем инициатива в совершении таких действий может исходить как от самого обвиняемого, так и от потерпевшего.

В этой связи представляется спорной точка зрения Т.Е. Сансербаева, который указывает: «Для принятия такого решения, на наш взгляд, также необходимо заявление подозреваемого, обвиняемого, как и потерпевшего, с той лишь разницей, что потерпевший просит о прекращении уголовного дела в связи с достигнутым примирением, а подозреваемый (обвиняемый) выражает только свое согласие на примирение» [12, с. 58]. Можно согласиться, что бывают случаи, когда потерпевший может быть более заинтересован в примирении и последующем прекращении уголовного преследования виновного, чем сам виновный (например, когда речь идет о привлечении к ответственности родственников). Однако представляется, что в большинстве случаев сам подозреваемый в первую очередь должен быть заинтересован в таком примирении, принимать все меры к заглаживанию причиненного вреда и, загладив его, просить потерпевшего примириться с ним.

Таким образом, хотелось бы подчеркнуть, что инициатива о примирении может исходить от любой из сторон.

Примирение может считаться достигнутым, когда указанные действия привели к желаемому результату – прощению обвиняемого потерпевшим, восстановлению нормальных взаимоотношений, прекращению вражды. Кроме того, результатом примирения для потерпевшего может явиться заглаживание причиненного ему вреда (если он поставит такое условие перед виновным). Для обвиняемого достижение примирения – это как моральное «искупление греха» перед потерпевшим, результат раскаяния, так и возможность избежать уголовной ответственности.

Юридически значимый результат примирения – отказ потерпевшего от желания привлечь либо его просьба не привлекать виновного к уголовной ответственности.

Каковы же уголовно-правовые последствия достигнутого примирения обвиняемого с потерпевшим? Должно ли примирение вызывать обязательное освобождение виновного от уголовной ответственности либо этот вопрос должны решать органы правосудия? Данный вопрос остается дискуссионным.

Так, Х.Д. Аликперов и К.Ш. Курбанова стоят на позиции обязательного освобождения от уголовной ответственности виновного лица при выполнении им всех условий примирения. Авторы предлагают изменить формулировку данной нормы с «может быть освобождено от уголовной ответственности» на «освобождается от уголовной ответственности» [2, с. 56].

В свою очередь Т.А. Лесниевски-Костарева полагает, что видам освобождения от уголовной ответственности не следует придавать императивного характера, так как «в таком законодательном решении правильно подчеркивается оценочная деятельность суда (следователя) в процессе индивидуализации ответственности» [8, с. 153–154].

Той же позиции придерживается и В.В. Ценева, которая полагает, что «решение об освобождении от уголовной ответственности должно приниматься не только исходя из его условий и оснований, но и с учетом смягчающих и отягчающих обстоятельств, характеристики личности виновного» [13, с. 125].

Представляется целесообразным поддержать вторую точку зрения. Как уже было отмечено, одной воли потерпевшего недостаточно для безоговорочного освобождения лица, виновного в совершении преступления, от уголовной ответственности. Конечно, речь не идет о преступлениях частного обвинения, которые затрагивают только частные интересы. В таких случаях потерпевший вправе сам решать вопрос о привлечении виновного к уголовной ответственности, поскольку зачастую оно причиняет вред самому потерпевшему. И его решение в таком случае является неоспоримым. Когда же преступлением были затронуты публичные интересы, представляется, что только государство в лице органов правосудия вправе решать вопрос о возможности не применять к виновному лицу меры уголовной ответственности.

Полагаем, что интересы потерпевшего в данном случае не будут ущемлены. Поскольку было достигнуто примирение, то потерпевший в должной, по его мнению, мере восстановлен в нарушенных правах, и он не считает необходимым привлекать виновного к ответственности. Государству же требуются определенного рода гарантии несовершения виновным преступлений в будущем, гарантии

снижения его общественной опасности. И такие гарантии должны устанавливаться индивидуально к каждому лицу на основании его посткриминального поведения: признания своей вины, раскаяния, желания и реального заглаживания причиненного потерпевшему вреда, характеристики личности и т. п.

Таким образом, в качестве вывода представляется возможным сформулировать следующее определение примирения сторон в уголовном праве.

Примирение – это добровольное достижение взаимного согласия между потерпевшим и обвиняемым, обусловленного совершением обвиняемым активных действий по восстановлению нарушенных преступлением прав, свобод и законных интересов потерпевшего, в результате чего потерпевший отказывается от просьбы привлечь либо просит не привлекать обвиняемого к уголовной ответственности.

Список использованных источников

1. Аликперов, Х. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим / Х. Аликперов // Законность. – 1999. – № 6. – С. 11–13.
2. Аликперов, Х.Д. УК РФ и некоторые проблемы освобождения от уголовной ответственности / Х.Д. Аликперов, К.Ш. Курбанова // Государство и право. – 2000. – № 1. – С. 54–60.
3. Гальперин, И.М. Об уголовном преследовании, осуществляемом потерпевшим в советском уголовном процессе / И.М. Гальперин // Советское государство и право. – 1957. – № 10. – С. 52–54.
4. Давыдов, П.М. Прекращение уголовных дел в советском уголовном процессе / П.М. Давыдов, Д.Я. Мирский. – М.: Юрид. лит., 1963. – 100 с.
5. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль – М.: Рус. язык, 1990. – Т. 3. – 556 с.
6. Катькало, С. И. Судопроизводство по делам частного обвинения. Ленинград / С.И. Катькало, В.З. Лукашевич. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1972. – 208 с.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: общая часть / В.В. Ераксин [и др.]; под общ. ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. – М.: Инфра-М – Норма, 1996. – 304 с.
8. Лесниевски-Костарева, Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика / Т.А. Лесниевски-Костарева; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2000. – 390 с.
9. Лохвицкий, А. Курс русского уголовного права / А. Лохвицкий. – СПб: Тип. Правительствующего Сената, 1867. – 662 с.
10. Лохвицкий, А. Курс русского уголовного права. / А. Лохвицкий. – СПб: Тип. Правительствующего Сената, 1867. – 797 с.
11. Лянго, Л.Н. Проблемы прекращения уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим: автореф. дис. …канд. юрид. наук: 12.00.09 / Л.Н. Лянго. – Волгоград, 2000. – 24 с.

12. Сарсенбаев, Т.Е.Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по законодательству Республики Казахстан / Т.Е. Сарсенбаев // Рос. следователь. – 2005. – № 9. – С. 57–60.
13. Ценева, В.В. Освобождение от уголовной ответственности с связи с примирением с потерпевшим: дис. …канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.В. Ценева. – Кемерово, 2002. – 228 с.

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА НЕСАНКЦИОНИРОВАННОГО ДОСТУПА К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Швед Н.А.

Статья посвящена определению субъективной стороны несанкционированного доступа к компьютерной информации на основании изучения и обобщения данных литературных и нормативных источников, правоприменительной практики. Субъективные признаки несанкционированного доступа к компьютерной информации, в отличие от объективных, в отечественной литературе остались без должного внимания. Вместе с тем субъективная сторона имеет немаловажное значение для решения вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности.

Если объективная сторона преступления характеризуется признаками, отражающими реальные явления, и поэтому воспринимается непосредственно с помощью органов чувств, то субъективная сторона преступления отражает внутренний мир человека и не может восприниматься таким образом. Она познается только путем анализа и оценки объективных характеристик преступления – содержания действия или бездействия, способа его совершения, использованных при этом орудий и средств и т. д. И, наконец, субъективная сторона – один из показателей степени общественной опасности преступления и лица, его совершившего.

Вопрос о содержании субъективной стороны до сих пор является дискуссионным в юридической науке. Некоторые ученые исходят из того, что вина и субъективная сторона преступления – понятия тождественные [1, с. 38, 41]. Но преобладающим в науке уголовного права является мнение, что психологическое содержание субъективной стороны преступления складывается из таких юридических признаков, как вина, мотив и цель [2, с. 58]. Указанная позиция представляется приемлемой, поскольку при помощи вины, мотива и цели раскрывается психологическое содержание субъективной стороны преступления, эти признаки органично связаны между собой.

Отдельно выделим позицию, согласно которой в состав субъективной стороны входят также эмоции. В рамках данной позиции можно выделить точку зрения, включающую эмоции наравне с виной, мотивом и целью в число признаков субъективной стороны [3, с. 90], а также точку зрения, согласно которой «…эмоции являются необходимым компонентом психического отношения, составляющего вину» [4, с. 12]. Однако в данном случае мы поддерживаем мнение А.И. Рарога, полагающего, что эмоции не являются элементом психического отношения лица к общественно опасному деянию, а означают переживания, которые могут испытываться до, во время и после совершения преступления. «Эмоции характеризуют особенности психического состояния лица, а не его психическое отношение к совершаемому деянию» – отмечает автор [2, с. 59–60]. Действительно, эмоции выражают скорее социальную, чем юридическую характеристику личности.

Исходя из существующих определений субъективной стороны, можно сделать вывод о том, что субъективная сторона, во-первых, является внутренней стороной любого преступления, во-вторых, она выражает психическое отношение лица к совершаемому деянию и его общественно опасным последствиям.

Важнейшим (обязательным) признаком субъективной стороны является вина. В ч. 5 ст. 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) закреплено положение о том, что лицо подлежит уголовной ответственности за совершенное им деяние при условии установления вины. Это один из основополагающих принципов уголовной ответственности – принцип личной виновной ответственности. Реализация этого принципа основывается на четком понимании сути и содержания вины. В ч. 1 ст. 21 УК дано законодательное определение ее понятия как психического отношения лица к совершаемому общественно опасному деянию, выраженного в форме умысла или неосторожности. Вместе с тем, на наш взгляд, данное определение вины не полностью раскрывает его суть. Это особенно проявляется в формулировках умысла и неосторожности, где зафиксировано отношение лица не только к общественно опасному деянию, но и к его последствиям. Поэтому следует согласиться с традиционным в теории уголовного права определением понятия вины как психического отношения лица к совершенному общественно опасному деянию и его общественно опасным последствиям. Такое определение позволяет в полной мере оценивать отношение виновного к совершаемому преступлению с материальным составом, каковым является преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 349 УК.

Характерно, что в ч. 1 ст. 349 УК имеется указание на то, что общественно опасные последствия несанкционированного доступа к компьютерной

информации наступают по неосторожности. Это означает, что и само преступление признается совершенным по неосторожности, хотя отношение виновного к совершенному им действию не определено. Основываясь на общих положениях теории уголовного права о вине и исходя из конструкции данного состава преступления, белорусские авторы обоснованно рассматривают это преступление как совершенное по неосторожности. Различия имеются лишь в подходах к оценке вины по отношению к совершаемому деянию. Так, если В. Лосев полагает, что несанкционированный доступ совершается с прямым умыслом [5, с. 42], то Н.Ф. Ахраменка говорит о легкомыслии [6, с. 933]. В любом случае, несмотря на осознанное нарушение порядка доступа к информации, вина по отношению к последствиям может быть только неосторожной, о чем говорится в ч. 1 ст. 349 УК, в отличие, например, от аналогичной статьи в Уголовном кодексе Российской Федерации, где такого указания нет, что позволяет российским авторам относить данное преступление к категории умышленных.

Анализируя норму ч. 1 ст. 349 УК, следует прийти к выводу, что по отношению к несанкционированному доступу лицо может действовать только умышленно. Об этом свидетельствуют сами действия лица, которое, пытаясь получить доступ к компьютерной информации, сознает, во-первых, что оно не имеет на это права, во-вторых, что незаконно преодолевает меры защиты информации от доступа посторонних лиц (коды, пароли, игнорирует предупреждающие сообщения, устные уведомления о запрете доступа к информации и т. п.). Кроме того, совершение указанных действий в отношении программных мер защиты предполагает наличие специальных знаний и опыта в области компьютерной техники. Лицо, не обладающее такими знаниями, не сможет их преодолеть. Все это свидетельствует о том, что у виновного по отношению к действию может быть только прямой умысел. При этом сознанием виновного должна охватываться незаконность его действий, совершаемых без разрешения владельца информации (несанкционированный доступ).

Однако вызывает возражение подход законодателя, установившего только неосторожную вину по отношению к общественно опасным последствиям. При такой конструкции вины возможны два варианта.

Первый – если у лица имелась неосторожная вина в виде легкомыслия, которая предполагает предвидение возможности наступления общественно опасных последствий и расчет без достаточных оснований на их предотвращение. Обычно наличие данного вида неосторожной вины определяется по тому, имели ли место в действительности обстоятельства, на которые лицо могло рассчитывать, чтобы возможные общественно опасные последствия не насту-

пили. Однако при нарушении системы защиты, которым сопровождается доступ к компьютерной информации, лицо может рассчитывать на свои знания и умения, опыт работы с компьютерной техникой, на то, что программное обеспечение не даст сбой. В то же время, по нашему мнению, сам факт умышленного преодоления системы защиты, проявляющийся, как было сказано выше, в расшифровке кода, пароля, модификации программного обеспечения, в использовании специальных технических или аппаратно-программных средств, может свидетельствовать и о безразличном отношении к возможным последствиям либо сознательном допущении их наступления.

Второй вариант неосторожного отношения к общественно опасным последствиям – это небрежность, которая определяется как непредвидение возможности наступления общественно опасных последствий при наличии у лица обязанности и возможности их предвидеть (должен и мог предвидеть) при соответствующей внимательности и предусмотрительности. Но может ли иметь место в таких случаях состояние непредвидения общественно опасных последствий? Совершение умышленно противоправных действий, в данном случае непосредственно самого несанкционированного доступа, позволяет утверждать, что лицо понимает характер своих действий, что оно должно предвидеть и возможность наступления общественно опасных последствий, в том числе и в виде перечисленных в диспозиции ч. 1 ст. 349 УК.

Вместе с тем считаем, что в отношении названных в ч. 1 ст. 349 УК последствий возможен также и косвенный умысел, при котором наступление последствий для виновного нежелательно, но он либо сознательно их допускает, либо безразлично к ним относится. Чаще всего при совершении рассматриваемого деяния виновное лицо стремится к достижению других целей. Представляется, что лицо, преследуя определенную цель (например, получениеядоступа к интересующей его информации), может пренебрежительно относиться к возможным последствиям, поскольку они его совершенно не интересуют, их наступление или отсутствие для виновного безразлично, они воспринимаются как досадная помеха. И перечисленные в диспозиции ч. 1 ст. 349 УК последствия являются для него хотя и не желаемыми, но сознательно допускаемыми. Таким образом, совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 349 УК, с косвенным умыслом осталось вне рамок уголовной ответственности, т. е. деяние, обладающее большой общественной опасностью, не подпадает под действие ч. 1 ст. 349 УК. Кроме того, возможность оценки деяния как умышленного или неосторожного в зависимости от конкретных обстоятельств предусмотрена законодателем при конструировании и иных составов преступлений (ст. 157, ст. 264, ч. 2 ст. 274, ч. 2 ст. 275 УК и др.). Опрос

работников правоохранительных органов показал, что с возможностью признания косвенного умысла по отношению к последствиям, указанным в ч. 1 ст. 349 УК, согласились 81,6 % опрошенных работников.

Необходимо отметить тот факт, что при квалификации данного преступления определенная сложность возникает именно в установлении его субъективной стороны. Видимо, поэтому законодательство зарубежных стран идет по пути криминализации соответствующих деяний независимо от последствий (формальные составы преступлений), т. е. уголовно наказуемыми признаются сами деяния независимо от того, какие цели преследовал преступник и наступили ли общественно опасные последствия в результате совершения действий по несанкционированному доступу.

Криминализация несанкционированного доступа как неосторожного преступления вступает в противоречие с Европейской конвенцией о киберпреступности и с Соглашением о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации. Так, в ст. 3 Соглашения от 1 июня 2001 г., которое вступило в силу для Республики Беларусь 14 марта 2002 г., указано, что стороны признают в качестве уголовно наказуемых деяния, в том числе и несанкционированный доступ, если они совершены умышленно. Поскольку Соглашение подписано в целях обеспечения эффективной борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации, а также в целях создания правовых основ сотрудничества правоохранительных и судебных органов государств – участников Соглашения в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации, необходимо принять соответствующие меры для унификации и гармонизации уголовного законодательства.

На основании вышеизложенного, не отрицая возможности совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 349 УК, по неосторожности, предлагаем исключить из диспозиции ч. 1 ст. 349 УК словосочетание «по неосторожности». Данное установление позволит правоприменителю дифференцированно подходить к каждому конкретному случаю определения субъективной стороны, чтобы выявить отношение лица к наступившим последствиям.

На основании изложенного сформулируем выводы:

1. Анализ нормы, закрепленной в ч. 1 ст. 349 УК, позволяет сделать вывод о том, что по отношению к действию – несанкционированному доступу к компьютерной информации – у лица имеет место прямой умысел. Данная позиция подтверждается тем, что у лица отсутствует соответствующее право (полномочие) на ознакомление с информацией, а также действиями, направленными на преодоление мер защиты.

2. Вызывает возражение подход законодателя, установившего только неосторожную вину по отношению к последствиям, перечисленным в диспозиции ч. 1 ст. 349 УК. На основании анализа признаков самого деяния, материалов следственно-судебной практики представляется возможным утверждать, что в ряде случаев у лица имеется и косвенный умысел по отношению к последствиям, указанным в диспозиции ч. 1 ст. 349 УК. При этом в содержание косвенного умысла при несанкционированном доступе к компьютерной информации входит: 1) осознание противоправности, незаконности совершения доступа к компьютерной информации; 2) предвидение возможности наступления перечисленных в диспозиции ч. 1 ст. 349 УК последствий. Эти признаки образуют интеллектуальный момент умысла. Волевой момент заключается в нежелании наступления последствий, но при этом лицо либо сознательно их допускает, либо относится к ним безразлично. На основании изложенного представляется целесообразным исключить из диспозиции ч. 1 ст. 349 УК словосочетание «по неосторожности», тем самым позволив правоприменителю дифференцированно подходить к определению субъективной стороны в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств дела. Умышленная или неосторожная вина лица в дальнейшем должна учитываться судом при индивидуализации наказания.

Список использованных источников

1. Дагель, П.С. Субъективная сторона преступления и ее установление / П.С. Дагель, Д.П. Котов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1974. – 243 с.
2. Рарог, А.И. Квалификация преступления по субъективным признакам / А.И. Рарог. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 304 с.
3. Бабий, Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть: учеб. пособие / Н.А. Бабий. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2006. – 335 с.
4. Ворошилин, Е.В. Субъективная сторона преступления / Е.В. Ворошилин, Г.А. Кригер. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 75 с.
5. Лосев, В. Преступления против информационной безопасности / В. Лосев // Судовы веснік. – 2002. – № 1. – С. 40–43.
6. Комментарий к Уголовному Кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под общ. ред. А.В. Баркова. – Минск: Тесей, 2003 – 1200 с.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СПОСОБОВ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ

Байло А.Ю.

В статье рассматриваются криминалистические особенности способов совершения одного из наиболее распространенных в настоящее время видов преступлений – мошенничества в сфере потребительского кредитования. С учетом этих особенностей автором предложена классификация способов хищения потребительских кредитов, осуществленная по следующим основаниям: субъектам преступления; способу воздействия на сотрудников кредитных организаций, в результате которого денежные средства добровольно передаются заемщику; целевому назначению потребительского кредита; видам банковских технологий, используемых при выделении потребительского кредита; виду обеспеченности обязательств заемщика; характеру предварительной проверки заемщика; способу предоставления потребительских кредитов; видам используемых в преступных целях документов. На основе анализа данных, полученных при изучении практики предварительных проверок и расследования хищений в сфере потребительского кредитования, автором выделены наиболее типичные группы способов совершения анализируемого вида противоправного деяния.

Криминалистическим аспектам способа преступления посвящено немало научных трудов, в которых нашли отражение различные подходы к определению данного понятия. В обобщенном виде позиции исследователей сводятся к следующему. Во-первых, способ преступления – это система (комплекс) определенных действий преступника; во-вторых, эти действия взаимосвязаны и взаимообусловлены; в-третьих, посредством совершения указанных действий субъект преступления достигает своей цели; в-четвертых, эти действия осуществляются до, в момент и после совершения преступления [1, с. 46–47].

Следует отметить, что в юридической литературе высказывается и иная точка зрения. Так, по мнению О.В. Челышевой, способ преступления – это не действие и не система, а качественная характеристика преступного деяния, т. е. как оно совершается. Исходя из этого, автор рассматривает способ преступления в качестве системы связей и отношений субъектов преступления между собой, с орудиями и средствами, а также с предметом преступления в процессе подготовки, совершения и сокрытия преступления [6, с. 30].

Несмотря на различные толкования данного понятия, ученые-криминалисты едины во мнении относительно криминалистического значения способа преступления, которое заключается в его основополагающей роли в формировании информации как о противоправном деянии, так и о лице (лицах), его совершившем. Это обусловлено тем, что знание способа преступления позволяет уяснить суть происшедшего в целом и его отдельных обстоятельств, определить круг лиц, среди которых следует искать виновного, высказать суждение об участниках преступления, их личностных качествах, интеллекте, наличии профессиональных навыков, использовавшихся орудиях и средствах, виде и местонахождении следов.

Для достижения преступного результата субъекты посягательства выполняют комплекс взаимосвязанных действий и (или) бездействий, являющихся пассивным поведением, объединенных преступным умыслом и зависящих от различных факторов объективного и субъективного характера. К объективным факторам относятся обстановка совершения преступления, особенности предмета посягательства, наличие соучастников, орудий и средств преступления. К субъективным факторам – психологические и физические особенности участников преступления, наличие у них определенных знаний, опыта, необходимых навыков, их место работы и занимаемое служебное положение.

С учетом изложенного, а также принимая во внимание анализ судебно-следственной практики, можно выделить ряд особенностей, характерных для способов мошенничества в сфере потребительского кредитования.

Во-первых, совершение данного вида преступлений невозможно без соответствующей предварительной подготовки, включающей изучение и оценку обстановки, выполнение комплекса действий, направленных на создание условий, способствующих совершению преступления, адаптацию объективно существующих условий, принятие мер безопасности. Указанные обстоятельства обуславливают криминалистически значимую специфику названных преступлений, заключающуюся в том, что стадия сокрытия преступления, как правило, предшествует стадии совершения либо совпадает с ней.

Во-вторых, анализируемое преступление совершается под прикрытием законной банковской операции – кредитования физических лиц. Вследствие этого противоправный характер действий виновных не является очевидным, что предопределяет высокую латентность анализируемых деяний.

В-третьих, совершение рассматриваемого вида преступлений сопряжено с нарушением порядка кредитования физических лиц, установленного дейст-

вующим законодательством и подзаконными нормативными актами. Эти нарушения могут совершаться следующими лицами:

– работниками кредитных организаций (например, путем оформления потребительского кредита с использованием данных подставного (вымышленного) лица, фактически не обращавшегося за получением кредита);

– клиентами кредитных организаций (например, путем предоставления ложных сведений о финансовом состоянии заемщика и (или) его поручителя, ненадлежащем либо несуществующем имуществе в качестве залога по кредиту);

– работниками кредитных организаций и их клиентами (например, путем фальсификации результатов предварительной проверки заемщика по предварительному сговору последнего с лицом, ответственным за проведение этой проверки);

– сторонними для кредитной организации лицами (например, путем заключения кредитного договора на имя подставного (вымышленного) лица в результате представления подложных документов, удостоверяющих личность гражданина).

В-четвертых, поскольку указанные нарушения предшествуют хищению денежных средств кредитной организации и в значительной степени предопределяют возможность его совершения, им придается видимость легитимности. Подобная деятельность имеет характер инсценировок, суть которых заключается в следующем: различного рода нарушения совершаются наряду с правомерными действиями, в результате чего имитируется законность всей совокупности выполненных действий, предшествующих и сопутствующих получению потребительского кредита; заинтересованные лица (из числа сотрудников кредитных организаций, клиентов и пр.) дезинформируются относительно целей и сущности совершаемых виновными действий; в нарушение установленного порядка кредитования не оформляются необходимые документы, вносятся изменения в подлинные документы, изготавливаются целиком подложные документы, составляются документы, содержащие заведомо для правомочного составителя документа ложные сведения.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что современным способам мошенничества в сфере потребительского кредитования свойственны: 1) внешняя правомерность действий, совершаемых виновными; 2) использование в преступных целях инструментария рыночной экономики, присущего системе законопослушных экономических отношений (различного рода договоров, например договора залога, договора поручительства); 3) динамичная адаптация к новациям в нормативно-правовых актах гражданско-правового характера, что

выражается в оперативном реагировании на происходящие изменения порядка осуществления потребительского кредитования, появление новых видов соответствующих банковских услуг, различного рода технических новаций, новых видов и форм документов, вводимых в банковский документооборот; 4) ярко выраженный интеллектуальный характер, проявляющийся в успешной адаптации к новейшим достижениям в области высоких технологий (в частности, к современной системе передачи и обработки информации) и их оперативном использовании; 5) активное вовлечение в преступную деятельность сотрудников кредитных организаций.

Рассмотренные выше криминалистические особенности способов мошенничества в сфере потребительского кредитования позволяют осуществить их классификацию по следующим основаниям:

– *по субъектам преступления*: способы мошенничества, осуществляемые сотрудниками кредитных организаций, их клиентами и сторонними лицами. Дальнейшая дифференциация первой из указанных классификационных групп может быть проведена с учетом служебного положения работников кредитных организаций: способы мошенничества, осуществляемые лицами из числа руководителей кредитных организаций (их обособленных подразделений), руководителей различных отделов (служб) кредитных организаций (их обособленных подразделений), сотрудников различных отделов (служб) кредитных организаций (их обособленных подразделений). В отношении второй классификационной группы может быть использован такой критерий, как статус заемщиков, обуславливающий вид кредита. Исходя из этого, можно выделить способы хищения кредита для молодых семей, пенсионного кредита, «доверительного» кредита. Что касается упомянутой выше третьей классификационной группы, то ее дальнейшая дифференциация возможна на базе такого признака, как отношение стороннего лица к кредитной организации: способы мошенничества, осуществляемые лицами из числа бывших работников кредитных организаций, лицами, имеющими соответствующее образование и опыт работы в финансовых структурах, а также их близкими, родственниками и знакомыми;

– *по уровню организации преступной деятельности*: способы мошенничества, осуществляемые единолично или группой лиц с различными формами соучастия;

– *по способу воздействия на сотрудников кредитных организаций, в результате которого денежные средства добровольно передаются заемщику*: способы хищения потребительских кредитов путем обмана, путем злоупотребления доверием либо путем сочетания указанных способов;

– *по целевому назначению потребительского кредита*: способы хищения потребительских кредитов, выделяемых на приобретение недвижимости (ипотечный кредит), автотранспортных средств (автокредит), платных услуг (строительство, ремонт, лечение), а также на так называемые неотложные нужды, что позволяет не указывать цели кредитования (термин «потребительский кредит» в настоящей статье понимается в широком смысле, т. е. как любой кредит, предоставляемый банком физическому лицу на условиях возвратности, платности, срочности в целях удовлетворения заемщиком своих потребностей);

– *по видам банковских технологий, используемых при выделении потребительского кредита*: способы хищения потребительских кредитов, выдаваемых наличными денежными средствами (т. е. связанных с расчетно-кассовым обслуживанием заемщиков), сопряженных с открытием банковских счетов, предоставлением кредитных карт и др.;

– *по виду обеспеченности обязательств заемщика*: способы хищения потребительских кредитов, предоставляемых без обеспечения или при неполном обеспечении, с обеспечением залога, поручительством;

– *по характеру предварительной проверки заемщика*: способы хищения потребительских кредитов при отсутствии предварительной проверки заемщика (характерно для так называемых экспресс-кредитов, или «скоринговых» кредитов) и при ненадлежаще проведенной предварительной проверке заемщика (для остальных видов потребительского кредита);

– *по способу предоставления потребительских кредитов*: способы хищения разовых (однократных) кредитов и кредитов, выдаваемых при наличии возобновляемой кредитной линии, позволяющей использовать выделенные средства в пределах определенной кредитным договором суммы на различные цели (овердрафт);

– *по видам используемых в преступных целях документов*: способы хищения с использованием подложных документов, удостоверяющих личность заемщика и (или) его поручителя, подтверждающих факт трудоустройства заемщика, надлежащее финансовое состояние заемщика (трудовая книжка, справка о доходах), его принадлежность к определенной социальной группе или наличие у него определенного социального статуса (молодая семья, крупный бизнесмен и др.), подтверждающих право собственности на имущество, предоставляемое в качестве обеспечения возвратности кредита, и др.

Исходя из того, что содержание действий субъекта преступления, предусмотренного ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, заключается в обмане и (или) злоупотреблении доверием сотрудников кредитной организа-

ции, можно выделить три наиболее распространенные группы способов совершения анализируемого вида противоправного деяния:

1) заключение кредитного договора и последующее хищение кредитных средств путем представления в кредитную организацию заведомо ложных сведений о трудовой занятости заемщика, его доходе и (или) наличии в собственности дорогостоящего имущества. К указанной группе относится один из наиболее распространенных способов мошенничества, когда участники преступной группы привлекают для заключения кредитных договоров подставных заемщиков (так называемых «танкистов»), предварительно изготовив указанные подложные документы на их имя;

2) заключение кредитного договора и последующее хищение кредитных средств путем представления заемщиком подлинных документов (паспорта и др.) другого лица и подлинных (или подложных) документов о его трудовой занятости, доходе и (или) наличии в собственности дорогостоящего имущества;

3) заключение кредитного договора и последующее хищение кредитных средств путем представления заемщиком подложных документов, удостоверяющих личность гражданина, с приложением подложных документов о трудовой занятости, доходе и (или) наличии в собственности дорогостоящего имущества.

Поскольку общим для всех перечисленных групп способов мошенничества является использование подложных документов о трудовой занятости, доходе и (или) наличии в собственности дорогостоящего имущества, их дальнейшая дифференциация может быть осуществлена на базе сочетания таких признаков, как вид фальсифицированного документа и характер содержащихся в нем заведомо ложных сведений. На основании этого в каждой рассматриваемой группе могут быть выделены, например, способы совершения преступления с использованием документов, содержащих те или иные сведения, свидетельствующие о благополучном финансовом положении заемщика, в действительности не имеющие места; способы совершения преступления с использованием документов, содержащих заведомо ложные сведения о каких-либо аспектах финансового положения заемщика; способы совершения преступления с использованием документов, в которых какие-либо аспекты финансового положения заемщика не нашли отражения.

В заключение еще раз отметим, что при выборе способа мошенничества виновный прежде всего оценивает обстановку, в которой осуществляется потребительское кредитование той или иной кредитной организацией. С учетом динамичного развития потребительского кредитования, появления на этом

рынке инновационных банковских услуг и технологий следует прогнозировать возможность не только различного рода сочетания рассмотренных способов мошенничества, но и появление новых, ранее не известных способов.

Список цитированных источников

1. Возгрин, И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений / И.А. Возгрин. – Ч. 4. – СПб., 1993.
2. Зуйков, Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления: автореф. дисс ….д-ра юрид. наук / Г.Г. Зуйков. – М., 1970.
3. Колесниченко, А.Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений / А.Н. Колесниченко. – Харьков, 1965.
4. Митричев, С.П. Методика расследования отдельных видов преступлений / С.П. Митричев. – М., 1973.
5. Образцов В.А. Учение о криминалистической характеристике преступлений / В.А. Образцов // Криминалистика; под ред. В.А. Образцова. – М., 1995.
6. Челышева, О.В. Гносеологические основы отечественной криминалистики (теоретико-прикладное исследование): автореф. дисс …д-ра юрид. наук / О.В. Челышева. – СПб., 2003.
7. Яблоков, Н.П. Криминалистическая методика расследования / Н.П. Яблоков. – М.: Изд-во МГУ, 1985.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ЭКСПЕРТА-КРИМИНАЛИСТА В РАЗРЕШЕНИИ КОНФЛИКТОВ И КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Попов А.И.

Статья освещает проблему разрешения конфликтов и конфликтных ситуаций, возникающих при расследовании уголовного дела на досудебных стадиях современного отечественного уголовного судопроизводства.

Проблема противодействия расследованию преступления на досудебных стадиях уголовного судопроизводства и возникающие в ходе этого процесса конфликты и конфликтные ситуации обусловлены возможностью противостоять расследованию преступления как законными, так и незаконными[1] методами. Данные конфликтные ситуации расследования обуславливают необходимость серьезной и тщательной подготовки следователя как в теоретическом, так

[1] В этой связи ученый М.Е. Игнатьев справедливо выделяет процессуальное и непроцессуальное противодействие, т. е. противодействие, осуществляемое в рамках предоставленных УПК РФ участникам уголовного процесса прав и осуществляемое формами и методами, выходящими за рамки УПК РФ [1, с. 106–126].

и в методологическом плане. Именно предвидение того, как будут вести себя противостоящие ему лица, позволит следователю при необходимости немедленно принять меры для нейтрализации противодействия, в том числе и с использованием специальных знаний эксперта-криминалиста.

Опытный следователь должен быть готов быстро устранить подобные внезапно возникшие трудности (читай – конфликтные ситуации, уточнение наше – А.П.), поскольку такая готовность становится одним из качеств, характеризующих хорошего следователя, подлинного профессионала [2, с. 28]. При этом отметим, что следователь может бороться с любыми формами противодействия расследованию лишь законными, процессуально допустимыми и нравственно обусловленными приемами и средствами. Он ни в коем случае не может уподобляться обвиняемому и помогающим ему лицам, готовым на любые, в том числе уголовно наказуемые, формы противодействия расследованию, которые иногда могут привести, особенно неопытного следователя, в состояние растерянности, называемое некоторыми учеными состоянием процессуального расплоха[1]. В то же время хорошо подготовленного следователя никакие формы противодействия не должны застать врасплох, чему должны способствовать следующие обстоятельства:

- использование современных научно-технических достижений для расширения круга доказательств, выявления следов, наличия которых преступник не предполагал;
- производство различных современных экспертиз;
- постоянное привлечение к участию в следственных действиях специалистов, в том числе и криминалистов;
- внедрение различных современных видов автоматизированных учетов криминалистической направленности;
- техническое документирование преступных действий и др.

Именно указанные выше составляющие, по нашему мнению, определяют наступательный, криминалистически-процессуальный характер действий следователя по уголовному делу, находящемуся у него в производстве.

В этом направлении ряд отечественных криминалистов рассматривает указанную проблему через призму взаимодействия, например, следователя и

[1] Представляется, что было бы уместным указать на поднятую профессорами В.М. Мешковым и А.Н. Соколовым проблему, касающуюся временных аспектов состязательности уголовного судопроизводства, поскольку именно она допускает возникновение и разрастание конфликтных ситуаций на стадии предварительного расследования и делает невозможным применение некоторых тактических приемов, выработанных криминалистикой [3, с. 35–40].

специалиста-криминалиста (эксперта-криминалиста) при расследовании уголовного дела [4, с. 144].

Однако, как нам представляется, на современном этапе проблема разрешения конфликтов и конфликтных ситуаций на стадии предварительного расследования с использованием технико-криминалистических средств и методов обусловлена, во-первых, усилением состязательных начал современного отечественного уголовного процесса, делающего защитника сильным (но все еще не равным в правах со стороной обвинения) процессуальным соперником[1], во-вторых, как следствие первого, определенным характером взаимоотношений субъектов экспертной деятельности[2], и, наконец, в-третьих, психологической составляющей деятельности эксперта-криминалиста (специалиста-криминалиста)[3].

В качестве направлений по разрешению обозначенной проблемы можно предложить следующие:

1. Определение главенствующей роли руководителя экспертного учреждения при назначении конкретного исполнителя экспертизы (а также при формировании группы экспертов для производства комиссионных и комплексных экспертиз), осуществляющего методическое руководство всем процессом экспертного исследования. При этом, на наш взгляд, в условиях все более острого конфликтного противодействия процессу расследования как со стороны защиты, так и со стороны других участников уголовного судопроизводства, на руководителя экспертного учреждения ложится бремя ответственности за качество и объективность проведенных экспертных исследований де-факто.

В данной ситуации роль руководителя должна сводится к следующему:

 постоянному методическому, техническому обеспечению экспертных исследований своих подчиненных;

 совершенствованию работы с коллективом, выявлению наиболее ответственных работников;

---

[1] Обоснованно эту проблему затрагивают ученые А.А. Эксархопуло [5, с. 8–14] и П.В. Бондаренко [6, с. 76–81]. Ими делается вывод об использовании так называемых нетрадиционных форм познания – проведением повторных, «параллельных» экспертиз и «экспертиз экспертиз», которые позволяют прежде всего стороне защиты добиваться проведения более глубоких, объективных экспертных исследований, тем самым реализуя свое право на защиту.

[2] Например, А.М. Зинин и Н.П. Майлис выделяют субъектов экспертной деятельности исходя из системы действий и связанных с ними правоотношений, возникающих в процессе судопроизводства, – взаимоотношений следователей, судей, экспертов между собой и т. д. [7, с. 70–74].

[3] Представляется, что экспертная деятельность должна рассматриваться как отдельный закономерный психический процесс, определяющий, например, формирование убеждения эксперта, производство комиссионных экспертиз, коммуникативные связи и т. д.

 контролю за проведением самих экспертных исследований в целях пресечения и недопущения экспертных ошибок, которые могут повлечь исключение заключений экспертов из списка доказательств по уголовному делу.

Иными словами, руководитель экспертного учреждения – самостоятельная процессуальная фигура, которую, по меткому выражению А.Р. Шляхова, нельзя рассматривать в качестве «воспреемника» следователя и суда [8, с. 57]. Именно ему известна квалификация каждого из подчиненных ему сотрудников, и он решает, кто из них обладает специальными знаниями в объеме, требуемом для ответов на вопросы, поставленные в постановлении (определении) о назначении судебной экспертизы.

2. Необходимость «легализации» труда экспертов. Дело в том, что экспертная деятельность остается скрытой от глаз защитника и его подзащитного, а знакомство происходит лишь при ознакомлении с результатами экспертных исследований в материалах уголовного дела. Как следствие этого – заявление ходатайств о проведении дополнительных и повторных экспертиз, что обуславливает конфликтный характер стадии предварительного расследования.

Более того, отметим, что активная роль защитника в сборе доказательственной информации по делу своего подзащитного должна предполагать именно конфликтный характер его действий, обусловленный противоборством в применении криминалистических средств и методов расследования уголовного дела. При этом существует необходимость более детального рассмотрения сущности криминалистического конфликта [9, с. 36–50] как противоречия, противоборства на стадии предварительного расследования, возникающего в том числе по поводу применения специальных знаний, что обуславливает круг его участников.

Современное отечественное законодательство регламентирует институт присутствия участников уголовного судопроизводства при производстве экспертизы. В связи с усилением состязательных начал современного отечественного уголовного судопроизводства, противоборства (как законного, так и незаконного) стороны защиты представляется необходимым выделить криминалистически значимые обстоятельства, возникающие в ходе расследования уголовного дела, позволяющие не допустить в будущем перерастания следственной ситуации в конфликтную и связанные с:

 появлением возможности разъяснить эксперту содержание поставленных перед ним вопросов и значимость сведений, которым он, возможно, не придал должного значения (не учел);

 объективностью оценки в дальнейшем заключения эксперта;

 предварительными выводами эксперта, которые позволят определить основное направление расследования уголовного дела;

 появлением новых доказательств, изменяющих сведения, изложенные в постановлении о назначении судебной экспертизы;

 обеспечением бесконфликтного присутствия при производстве судебной экспертизы иных участников уголовного судопроизводства (обвиняемого, подозреваемого и др.);

 оказанием содействия эксперту в получении и фиксации объяснений обвиняемого (подозреваемого), участвующих в производстве судебной экспертизы и касающихся предмета исследования;

 обеспечением сохранности объектов, сравнительных образцов, переданных для исследования, и других материалов, имеющих значение для уголовного дела (в случае, например, израсходования материалов экспертного исследования).

Поэтому, по нашему мнению, в очередной раз следует указать на необходимость дальнейшей разработки положений криминалистической конфликтологии [10, с. 69–80], рассматривающей именно криминалистические конфликты и предполагающей использование положений криминалистики для их законного разрешения, а детальная правовая регламентация и определение методологических, тактических основ назначения и проведения экспертных исследований в условиях конфликтного, состязательного уголовного процесса, их адаптация к практической деятельности по расследованию преступления – одно из направлений криминалистической конфликтологии.

Список использованных источников

1. Игнатьев, М.Е. Фактор внезапности, его процессуальное и криминалистическое значение для расследования преступлений / М.Е. Игнатьев. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 144 с.
2. Белкин, Р.Ф. Фактор внезапности, его учет и использование при расследовании преступлений: лекция / Р.Ф. Белкин: Акад. МВД РФ. – 1995. – С. 28.
3. Мешков, В.М. О состязательности уголовного процесса через призму времени / В.М. Мешков, А.Н. Соколов // Журн. рос. права. – 2006. – № 2. – С. 35–40.
4. Зинин, А.М. Специалист в следственных действиях: учеб.-практ. пособие / А.М. Зинин. – М.: Экзамен, 2004. – 144 с.
5. Эксархопуло, А.А. Криминалистика как область специальных познаний в расследовании преступлений / А.А. Эксархопуло // Вестн. криминалистики. – М.: Спарк. – 2002. – Вып. 2. – С. 8–14.

6. Бондаренко, П.В. Повторные, «параллельные» экспертизы и «экспертизы экспертиз» / П.В. Бондаренко // Вестн. криминалистики. – М.: Спарк. – 2004. – Вып. 3. – С. 76–81.
7. Зинин А.М. Судебная экспертиза: учеб. / А.М. Зинин, Н.П. Майлис. – М.: Право и закон: Юрайт-Издат, 2002. – 320 с.
8. Шляхов, А.Р. Судебная экспертиза: организация и проведение / А.Р. Шляхов. – М.: Юрид. лит., 1979. – 168 с.
9. Побережный, С.К. О понятии «криминалистического конфликта» и криминалистической конфликтологии / С.К. Побережный // Преодоление конфликтных ситуаций в процессе раскрытия и расследования преступлений: сб. науч. тр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. юрид. ин-та МВД России, 2006. – 200 с.
10. Побережный, С.К. Предпосылки формирования криминалистической конфликтологии как нового частного криминалистического учения общей теории криминалистики / С.К. Побережный // Вестн. Калининград. юрид. ин-та МВД России. – 2004. – № 6. – С. 69–80.

ДИСКРЕДИТАЦИЯ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ И СПОСОБЫ ЕЕ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ

Потапов В.К., Солтанович А.В.

В статье освещается такая наименее исследованная форма противодействия предварительному расследованию, как дискредитация лица, осуществляющего производство по уголовному делу. Авторами систематизированы формы дискредитации, предложены способы их проверки и опровержения. Изложенные в статье практические рекомендации по преодолению противодействия предварительному расследованию основаны не только на данных имеющейся специальной литературы по данной проблематике, но и на материалах конкретных уголовных дел.

Под противодействием предварительному расследованию понимаются умышленные действия (или система действий) субъектов, вовлеченных в уголовный процесс, а также других граждан, должностных лиц или организаций, направленные на воспрепятствование выполнению задач предварительного расследования [1, с. 18].

Основная цель противодействия расследованию, как правило, сводится к стремлению избежать ответственности или освободить от нее лицо, совершившее преступление, либо значительно снизить эту ответственность путем создания препятствий для установления истины по делу. Поэтому противодействие расследованию справедливо рассматривают как средство достижения цели сокрытия следов преступления [2, с. 443]. Вместе с тем противодействие расследованию наряду с основной целью может преследовать и другие, например

привлечение к ответственности заведомо невиновного из чувства мести, ревности, зависти.

Проблема противодействия расследованию приобретает все большее значение в связи ростом организованной преступной деятельности, которая, в свою очередь, тесно связана с коррумпированностью работников органов власти, управления и правоохранительных органов.

Из сказанного следует, что противодействие расследованию могут оказывать не только участники уголовного процесса, но и другие лица, не связанные с конкретным уголовным делом: их родственники и друзья, должностные лица предприятий, учреждений, организаций, сотрудники органов представительной и исполнительной власти, прессы, правоохранительных органов и т. д. [3, с. 345].

В связи с этим некоторые криминалисты различают внутреннее и внешнее противодействие расследованию.

Под внутренним противодействием они понимают воспрепятствование расследованию теми или иными лицами, в любой форме причастными к расследованию уголовного дела.

Внешнее противодействие – это деятельность лиц, либо не связанных с данным уголовным событием и лицом, осуществляющим расследование, либо связанных со следователем процессуальными, служебными или властными отношениями либо другими зависимостями [4, с. 240–241].

Различают следующие основные формы противодействия расследованию:

– сокрытие преступления, его последствий или причастных к нему лиц;

– неправомерное воздействие на лиц, осуществляющих расследование по уголовному делу или оперативно-розыскную деятельность;

– воздействие на иных участников уголовного процесса (подозреваемых, обвиняемых, свидетелей, потерпевших, экспертов и т. п.);

– дискредитация лица, осуществляющего расследование по уголовному делу.

В криминалистической литературе довольно широко освещены первые три формы противодействия расследованию [5]. Что же касается вопроса дискредитации лица, осуществляющего расследование по уголовному делу, то ему уделено значительно меньше внимания, что и явилось причиной исследования именно этого аспекта противодействия.

Как известно, действующее законодательство не содержит запрета подозреваемому и обвиняемому давать заведомо ложные показания как по существу

возникшего подозрения и предъявленного обвинения, так и по поводу законности предварительного следствия и их взаимоотношений со следователем и органом дознания.

В связи с этим наряду с законными средствами защиты подозреваемыми, обвиняемыми избирается и такой способ защиты, как дискредитация следователя, органа дознания, прокурора. Этот способ защиты не запрещен законом, пока субъект противодействия не выходит за рамки дозволенного. Так, заведомо ложный донос о совершении следователем или дознавателем преступления против интересов службы при расследовании уголовного дела образует состав преступления, в том числе и для подозреваемого и обвиняемого. Тем не менее во многих случаях уже на стадии предварительного расследования, а затем и в суде подозреваемые и обвиняемые заявляют о том, что к ним применялись незаконные методы ведения дознания и следствия, что вынудило их к самооговору. Обвинения в адрес оперативных работников и следователей не отличаются изобретательностью, поэтому могут быть определенным образом систематизированы.

Чаще всего подозреваемые, обвиняемые утверждают, что к ним были применены меры физического воздействия (насилие, издевательство или пытки) в целях принуждения к даче показаний, и, естественно, таких, которые, по их мнению, выгодны следствию или дознанию (определения насилия, издевательства, пытки даны в комментарии к ст. 394 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК)) [6, с. 839–840]. В частности, характерны доводы подозреваемых, обвиняемых о том, что перед проведением следственного действия (допроса, эксперимента, проверки показаний на месте и др.) еще до прихода защитника они были избиты сотрудниками уголовного розыска, а иногда даже следователем или прокурором, что по поручению сотрудников уголовного розыска они были подвергнуты физическому насилию со стороны сокамерников.

Вторая группа доводов о принуждении к даче показаний связана с использованием незаконного психологического воздействия. В ч. 1 ст. 394 УК указаны такие способы психологического воздействия, как угроза, шантаж или совершение иных незаконных действий.

Третья группа доводов сводится к указанию на фальсификацию следователем доказательств по уголовному делу или на обстоятельства, при которых следственное действие не должно было проводиться. Обычно субъекты противодействия утверждают, что подписали протокол, не читая его, а в нем отражены сведения, которые не соответствуют фактическим результатам следственного действия; что следственное действие проводилось в отсутствие обязательных участников (например, педагога или психолога при допросе несовершеннолет-

него подозреваемого или обвиняемого); что при проведении проверки показаний на месте следователь корректировал действия проверяемого в нужном ему направлении и т. п.

Четвертая группа доводов связывается с нарушением права на защиту. Например, следствием не был предоставлен защитник ввиду невозможности его приглашения подозреваемым, обвиняемым из-за отсутствия средств; не было реализовано право на бесплатную юридическую консультацию адвоката до начала первого допроса в случае задержания или применения меры пресечения в виде заключения под стражу; защитник фактически в следственном действии не участвовал, а подписал заранее изготовленный протокол и т. п.

Какие могут быть предложены способы проверки и опровержения указанных доводов?

Наиболее часто используемый подозреваемыми в совершении преступлений аргумент – это обвинения в применении физического насилия в целях принуждения к даче признательных показаний при задержании и доставлении к следователю на первый допрос или в «выбивании» таких показаний в ходе дальнейшего расследования. Самый простой способ противостояния такому аргументу – освидетельствование либо судебно-медицинская экспертиза подозреваемого.

Следует иметь в виду, что у подозреваемого действительно могут быть телесные повреждения, причиненные при различных обстоятельствах до совершения преступления, в процессе совершения преступления, а также в момент задержания его работниками милиции или иными лицами при преодолении попыток скрыться или оказании сопротивления. И, наконец, утверждение подозреваемого о применении к нему физического насилия в целях принуждения к даче признательных показаний может соответствовать действительности. Поэтому вопрос о наличии у подозреваемого телесных повреждений и обстоятельствах их причинения должен быть тщательно исследован. Результаты такой работы могут или дать дополнительные доказательства по делу, или опровергнуть (подтвердить) доводы о применении физического насилия в целях принуждения к даче показаний.

При задержании лица непосредственно после совершения преступления целесообразно с участием медицинского судебного эксперта, врача-нарколога, другого врача провести его освидетельствование для обнаружения на теле особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела. Проведение освидетельствования целесообразно и потому, что в не-

которых случаях сразу же провести судебно-медицинскую экспертизу в отношении задержанного не представляется возможным из-за отсутствия медицинского судебного эксперта. Судебно-медицинскую экспертизу тактически целесообразно назначить и провести сразу же после первого допроса, на котором, кроме выяснения вопросов о событии преступления, необходимо получить и показания о времени, механизме, обстоятельствах получения имеющихся телесных повреждений.

Постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы должно быть тщательно продумано. Кроме традиционных вопросов о характере, количестве, локализации, механизме образования, давности имеющихся телесных повреждений, степени их тяжести, необходимо поставить вопросы, разрешение которых помогло бы точнее установить все обстоятельства происшествия. Представляется, что перед экспертом в обязательном порядке необходимо поставить следующие вопросы:

– имеется ли возможность по обнаруженным на теле повреждениям определить направление и примерную силу удара?

– повреждения нанесены потерпевшему в одно и то же или в разное время?

– можно ли по повреждениям установить, каково было количество травмирующих воздействий и какова их последовательность?

– могли ли быть причинены данные повреждения собственной рукой потерпевшего либо иным способом (например, ударившись самостоятельно о какой-либо предмет)?

– могли ли образоваться телесные повреждения при падении с высоты собственного тела?

– причинены ли телесные повреждения, имеющиеся у подозреваемого, при обстоятельствах, указанных им (работниками милиции, производившими задержание; гражданами при производстве захвата) в ходе допроса или проведения иного следственного действия?

Эксперт фиксирует отсутствие телесных повреждений, а при наличии таковых может сделать вывод о времени их причинения. Если, например, подозреваемый был избит задолго до задержания либо получил телесные повреждения при совершении преступления, то в этом случае важно в описательной части постановления о назначении экспертизы указать установленные следствием обстоятельства совершенного преступления или события, предшествовавшие задержанию преступника. Это особенно важно потому, что подозреваемый действительно может быть доставлен к следователю с телесными повреждениями, которые причинены при задержании. Так, обвиняемый в совершении особо тяжко-

го преступления П. за три дня до совершения преступления в драке получил телесные повреждения в виде кровоподтеков на лице и верхних конечностях; в процессе совершения преступления ему были причинены ссадины и царапины потерпевшей. Наконец, пытаясь скрыться при задержании работниками милиции на второй день после совершения преступления, при преодолении забора П. упал и получил рану головы. На первом допросе в качестве подозреваемого дал признательные показания, но уже через день отказался от них, заявив, что оговорил себя в результате примененного работниками уголовного розыска физического насилия (был избит резиновыми палками). Судебно-медицинский эксперт, обследовав П. и ознакомившись с материалами дела, в своих выводах указал, что повреждения причинены в разное время, их механизм, локализация и орудие причинения не соответствуют показаниям П. Они могли быть причинены при обстоятельствах, указанных работниками милиции, участвовавшими в задержании, а также допрошенными участниками драки с П. [7].

Если признание вины получено после длительного и упорного отрицания подозреваемым своей причастности к преступлению, целесообразно рассмотреть вопрос о возможности проведения повторного освидетельствования или еще одной судебно-медицинской экспертизы и обеспечить присутствие при их производстве защитника. Основной целью этих действий будет подтверждение факта отсутствия телесных повреждений, что нейтрализует возможные в ходе дальнейшего расследования или судебного рассмотрения доводы о принуждении к даче показаний.

В случае, когда подозреваемый доставляется к следователю с телесными повреждениями, кроме назначения судебно-медицинской экспертизы, необходимо проведение подробных допросов лиц, производивших задержание или захват. Об обстоятельствах задержания или захвата допрашивается подозреваемый и, если таковые имелись, свидетели, видевшие процесс задержания или захвата. Результатом этой работы должно стать постановление, вынесенное в порядке ст. 175 или 178 УПК, о наличии либо отсутствии в действиях сотрудников милиции или граждан состава преступления. В постановлении необходимо подробно изложить доводы, указывающие на то, что сотрудник милиции, потерпевший или другой гражданин, производившие задержание или захват, действовали в рамках ч. 1 ст. 35 УК, т. е. при причинении вреда в ходе задержания или захвата лица, совершившего преступление, не было допущено превышения необходимых для этого мер.

В судебном заседании обвиняемые порою объясняют свои показания о признании вины на следствии физическим воздействием на них сокамерников,

которое, по их утверждению, осуществлялось по поручению оперативных работников. Опровержение таких доводов – процесс довольно сложный по той причине, что показания даются на первоначальном этапе расследования, а к моменту судебного заседания проходит достаточно много времени. Поэтому надо предусмотреть и принять меры для опровержения такого довода заранее, уже на начальном этапе производства по уголовному делу. К его материалам можно приобщить выписку из журнала медицинских осмотров, производимых в изоляторе временного содержания или следственном изоляторе (далее – ИВС), в котором могут содержаться сведения о физическом состоянии арестованного. Отношения с сокамерниками должны быть отражены в характеристике, которую следователь должен запросить у администрации ИВС. В ходе предварительного следствия необходимо решить вопрос о целесообразности допроса сокамерников или возможности таких допросов в судебном заседании.

Обвиняемый, содержащийся в ИВС и доставленный на допрос с телесными повреждениями либо высказавший жалобы на состояние здоровья, должен быть немедленно допрошен следователем о причинах получения телесных повреждений. Кроме того, следователь обязан провести освидетельствование или судебно-медицинскую экспертизу обвиняемого. В ИВС необходимо направить поручение о производстве проверки по факту причинения телесных повреждений. Решение по результатам проверки должно быть приобщено к материалам уголовного дела.

Арсенал доводов обвиняемых о применении к ним психологического давления также весьма широк. Преступники достаточно изобретательны, тогда как следователь ограничен в своих действиях рамками уголовно-процессуального закона. Физическое воздействие оставляет объективные следы, которые могут быть оценены медиками. Отсутствие телесных повреждений, установленное врачами, вообще опровергает доводы о применении физического насилия. Что же касается психологического давления, то его трудно как доказать (оно не оставляет видимых следов), так и опровергнуть. В связи с этим добровольность показаний о признании вины должна быть объективно зафиксирована. Возможны следующие способы объективизации признательных показаний: подтверждение показаний сведениями, которые могли быть известны только преступнику; производство допроса обвиняемого прокурором по делам, имеющим большой общественный резонанс или представляющим особую сложность; собственноручные записи, сделанные обвиняемым в протоколах следственных действий; техническая фиксация показаний; допросы участников следственных действий, в присутствии которых давались такие показа-

ния; производство почерковедческой, автороведческой, психологической и психиатрической экспертиз по материалам аудио- и видеозаписей; проведение негласных оперативных мероприятий, производство которых фиксируется с помощью технических средств (в рамках Закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Объективизацию доказательств необходимо начинать уже с осмотра места происшествия. Детальная фиксация обстановки на месте происшествия, следов совершенного преступления, составление подробных планов и схем в дальнейшем создают базу для работы с подозреваемым (проверки либо опровержения его доводов). Преступник – единственный, кто знает действительную обстановку на месте преступления в момент его совершения, и только он может обрисовать ее наиболее детально, что убедительно подтверждается следующим примером из следственной практики. Д., обвиняемый в совершении убийства, сопряженного с изнасилованием потерпевшей, труп которой он закопал в лесном массиве, на первом допросе в качестве подозреваемого в деталях рассказал о совершенном им преступлении. Так, он пояснил, что нанес потерпевшей четыре удара ножом, описал локализацию ран, их направление, описал одежду и позу потерпевшей, в которой она находилась перед тем, как он засыпал ее песком. Он указал и на иные обстоятельства, которые могли быть известны только ему. На момент допроса следствию все эти обстоятельства известны не были, поскольку уголовное дело было возбуждено в связи с безвестным исчезновением потерпевшей. При осмотре места происшествия с участием подозреваемого труп потерпевшей был обнаружен в указанном Д. месте. В протоколе были детально описаны поза трупа, локализация и характер имевшихся телесных повреждений, одежда. Ход осмотра фиксировался видеокамерой. В судебном заседании Д. отказался от показаний, пояснив, что оговорил себя в результате оказанного следователем и работниками уголовного розыска физического и психологического воздействия. Суд, исследовав материалы дела и просмотрев видеозапись осмотра места происшествия, счел доводы Д. о самооговоре не соответствующими действительности, так как только ему могли быть известны установленные при осмотре обстоятельства [8].

В соответствии с ч. 4 ст. 218 УПК после свободного рассказа допрашиваемый вправе записать свои показания собственноручно. Видится целесообразным при реализации права обвиняемого, подозреваемого на внесение его возражений в протоколы иных следственных действий, замечаний по поводу правильности и полноты записей в протоколах (пп. 13 и 14 ч. 2 ст. 41, пп. 13 и 14 ч. 2 ст. 43 УПК) выполнение их также подозреваемым или обвиняемым. Де-

лать собственноручные записи в протоколах следственных действий – право, но не обязанность обвиняемого. Однако впоследствии отказаться от собственноручных записей гораздо труднее. Они служат достоверным доказательством виновности. Поэтому следователю необходимо найти возможность, чтобы у обвиняемого возникло желание реализовать данное право. Однако должны быть исключены случаи, когда обвиняемый делает записи в протокол под диктовку следователя. Мысли, которые он излагает, должны быть сформулированы и изложены самостоятельно. Достаточно убедительным доказательством достоверности и правдивости показаний являются собственноручно нарисованные преступником схемы и планы, которые прилагаются к протоколам допросов. Так, подозреваемый в убийстве С. собственноручно нарисовал схему движения вместе с потерпевшей к заброшенному дому, где был обнаружен ее труп, расположение помещений в доме, а также место нахождения ножа, который он спрятал в куче мусора в одной из комнат. При проведении первоначального осмотра орудие преступления обнаружено не было. При проведении повторного осмотра с использованием схемы, нарисованной С., следователь обнаружил нож со следами крови, которая, согласно заключению генотипоскопической экспертизы, принадлежала потерпевшей.

Особенно эффективно в объективизации показаний подозреваемого, обвиняемого такое следственное действие, как проверка показаний на месте, предусмотренное ст. 225 УПК. Значение его еще более возрастает, если в ходе проверки применяется видеозапись.

Производство проверки показаний на месте требует особой подготовки. Кроме обязательного соблюдения процессуальных норм, перед началом проверки показаний на месте с применением видеозаписи необходимо правильно выбрать тактику работы, внимательно отнестись к подбору участников следственного действия.

В соответствии со ст. 64 УПК, понятой – не заинтересованное в исходе уголовного дела совершеннолетнее лицо, участвующее в производстве следственного действия для удостоверения его факта, хода и результатов. Однако это не означает вовсе, что понятой – лицо безразличное ко всему, что происходит, пропускающее мимо глаз и ушей все происходящее. Следователь обязательно должен удостовериться в личности понятого, выяснить, достиг ли он совершеннолетия, уточнить его место проживания. Нередко в качестве понятых приглашают военнослужащих. В данном случае необходимо поинтересоваться сроком службы и постоянным местом жительства после демобилизации. Необходимо предвидеть заранее, что понятой в случае необходимости может быть

допрошен в судебном заседании. Исключается приглашение в качестве понятых лиц с неадекватным поведением, находящихся в алкогольном или наркотическом опьянении. Нежелательно, чтобы понятой ранее был знаком с подозреваемым, обвиняемым, был его соседом, сослуживцем и т. д.

Неверной следует признать практику, когда в качестве конвоя подозреваемого или обвиняемого участвуют работники уголовного розыска, осуществляющие оперативное сопровождение по уголовному делу и знающие обстоятельства совершенного преступления. После этого трудно опровергнуть доводы защиты о психологическом давлении, подсказках со стороны оперативных работников. Правильнее будет, если конвоирование осуществляется конвойным подразделением ИВС.

У того, кто в дальнейшем будет просматривать видеозапись следственного действия, не должно складываться ощущения, что текст заучен проверяемым или «выжат» из него. Рекомендуется перед основным вопросом об обстоятельствах совершенного преступления поставить вопросы, касающиеся личности подозреваемого: условий жизни, состояния здоровья, в частности наличия травм головы, состояния памяти. Необходимо также уточнить, в каком состоянии он находился в момент совершения преступления; был ли в алкогольном или наркотическом опьянении, если да, то как это могло повлиять на его память. В начале проверки показаний необходимо обязательно задать вопрос: не оказывал ли кто-либо давление на допрашиваемого в целях принуждения к даче признательных показаний, дает ли он их добровольно?

После разъяснения процессуальных прав и обязанностей участникам следственного действия следователь должен выяснить желание подозреваемого, обвиняемого давать показания на месте происшествия. Необходимо снова задать вопрос о добровольности показаний и отсутствии давления со стороны кого-либо. Далее должен следовать подробный инструктаж о порядке производства следственного действия. Участникам должно быть разъяснено, что при проверке показаний на месте рассказ подозреваемого, обвиняемого должен быть в форме свободного изложения. Должны быть исключены подсказки, наводящие вопросы со стороны участников следственного действия. Лицу, производящему видеозапись, разъясняется, что подозреваемый, его защитник и понятые всегда должны быть в кадре. Необходимо запретить движение кого-либо из участников следственного действия впереди подозреваемого, обвиняемого, за исключением случаев, когда это связано с профилактикой побега или с обеспечением безопасности участников следственного действия. Каждый такой случай должен быть оговорен следователем на видеозаписи.

Наиболее эффективно, если при проверке показаний на месте происшествия по указанию преступника отыскиваются значимые для следствия предметы (орудия преступления, вещи, принадлежащие потерпевшему или оставленные проверяемым и т. п.). В этом отношении показательным является следующий пример. При расследовании уголовного дела о совершении бандой К. и З. серии убийств и других преступлений в Чаусском районе показания каждого из участников банды проверялись на месте по каждому из эпизодов преступной деятельности с применением видеозаписи. На это ушло более двух недель, чистое время записи составило около 50 часов. В процессе проверки обвиняемые не только рассказывали на месте об обстоятельствах преступлений, воспроизводили обстановку, но и активно помогали обнаруживать предметы и документы, имеющие отношение к преступлениям. Эти предметы осматривались, изымались, надлежащим образом упаковывались. В дальнейшем они были подвергнуты различным видам судебно-экспертных исследований, которые подтвердили их относимость к делу. В судебном заседании обвиняемые отказались от своих признательных показаний. Однако после просмотра видеозаписей следственных действий у суда не осталось сомнений в достоверности показаний, данных обвиняемыми на предварительном следствии. Доказательства, полученные в ходе предварительного расследования, были признаны допустимыми и достоверными. Главарь банды был приговорен к расстрелу, остальные участники банды – к длительным срокам лишения свободы [9] .

К сожалению, следователи используют видеозапись в основном при допросах и проверках показаний на месте происшествия. Между тем в рамках действующего УПК применение технических средств возможно при производстве любых следственных действий, в том числе и тех, в которых подозреваемый, обвиняемый объективно подтверждает обстоятельства совершенного им преступления. Например, выемка орудий преступления, которая производится после допроса; очная ставка с соучастником преступления; опознание орудий преступления, предметов, добытых преступным путем и т. д. Каждое из указанных следственных действий может быть зафиксировано с применением видеозаписи.

Один из распространенных способов «развалить» дело в суде – заявить о нарушении права на защиту в период следствия. Такая тактика достигается различными способами, например: добровольным отказом обвиняемого от участия защитника на предварительном следствии либо в производстве отдельных следственных действий; заявлением в суде о том, что адвокат реально не участвовал на следствии или его не было на каком-то важном (в доказательном зна-

чении) следственном действии; заявлением о неполучении бесплатной юридической консультации адвоката до первого допроса подозреваемого или обвиняемого и т. п.

Законодатель отнес к недопустимым доказательства, полученные с нарушением конституционных прав и свобод гражданина или требований УПК (чч. 4, 5 ст. 105). Используя эти положения уголовно-процессуального закона, подозреваемые и обвиняемые могут умышленно начать игру со следователем, заявляя, что все признают, готовы обо всем рассказать и защитник им на следствии не нужен.

В свою очередь адвокаты, ссылаясь на свою занятость в других делах, также просят провести следственные действия без их участия, предлагают следователю сделать отметку в протоколе, что защитник реально предоставлялся, но обвиняемый не пожелал воспользоваться его услугами.

Следователи, поддавшись на данное заявление защиты и такое сговорчивое поведение подозреваемого (обвиняемого), иногда проводят с задержанными важные следственные действия без участия защитника, считая, что они получают доказательства виновности. Однако эти доказательства становятся полностью зависимыми от позиции обвиняемого в суде. В случае непризнания обвиняемым своей вины стороне обвинения трудно будет воспользоваться уличающими доказательствами, полученными без участия защитника.

Поэтому в случаях необязательного участия защитника прием органом, ведущим уголовный процесс, отказа от защитника должен быть тщательно продуман и возможен, лишь когда он заявлен подозреваемым или обвиняемым по собственной инициативе и добровольно, а в случаях задержания или применения меры пресечения в виде заключения под стражу – в присутствии защитника, с которым заключено соглашение или который назначен через коллегию адвокатов. Не может быть принят отказ от защитника в связи с отсутствием средств для оплаты юридической помощи (а это чаще и является причиной отказа) или иными обстоятельствами, свидетельствующими о вынужденном отказе от защитника.

Преследуя цель уйти от ответственности за содеянное, обвиняемые идут на различные заявления, дискредитирующие следователя, чтобы суд признал недопустимыми доказательства, полученные в ходе следственных действий, проведенных фактически в соответствии с нормами УПК. Зная о роли защитника на предварительном следствии и обязательности его участия, обвиняемые утверждают в суде, что невыгодные им допросы проводились без адвоката либо что последнего вообще не было ни на одном следственном действии, а прото-

колы подписывались им по просьбе следователя. Чаще всего эти доводы возникают при замене защитника. Опровергнуть такие заявления довольно сложно, так как закон не позволяет допрашивать адвоката, а в протоколах следственных действий действительно имеется только его подпись. Для исключения такого рода заявлений в суде необходимо, чтобы адвокат помимо подписи ставил дату участия в производстве следственного действия, делал в протоколе собственноручные записи о наличии либо отсутствии у него замечаний, дополнений. В деле должны быть также требования, извещения, адресованные адвокату, приглашающие его на определенное время для участия в производстве конкретных следственных действий с его подзащитным. В этой связи нельзя не согласиться с приведенными в литературе рекомендациями о том, что следователь должен избегать неформальных контактов с защитником подозреваемого (обвиняемого), встречаться с ним без посторонних лиц, которые при необходимости могут впоследствии выступить свидетелями в случае провокации по делу; все заявления, ходатайства адвоката, документы, подлежащие приобщению к делу, должны приниматься следователем только в официальной письменной форме с отметками на двух экземплярах даты и времени получения [10, с. 289].

В соответствии с законом неявка участвующего в производстве по делу защитника, надлежащим образом извещенного о месте и времени проведения следственного действия, не является препятствием для его проведения с участием подозреваемого или обвиняемого при наличии их письменного согласия, за исключением случаев обязательного участия защитника.

Таким образом, чтобы не ставить себя в зависимое положение и не собирать доказательства впустую, необходимо полностью исключить производство следственных действий с подозреваемыми и обвиняемыми, особенно получение признательных показаний, без участия адвоката.

Опыт расследования уголовных дел о тяжких преступлениях против человека, по которым законодатель установил длительные сроки лишения свободы, тюремное заключение, смертную казнь, показывает, что в суде у обвиняемых срабатывает естественное желание избежать ответственности за содеянное или свести свою роль в преступлении до минимума. Ознакомившись с материалами дела, обвиняемые и защитники располагают сведениями обо всех собранных по делу доказательствах. Предвидя неотвратимость наказания, обвиняемые пытаются всеми возможными и невозможными способами дискредитировать следователя, обвинить его в недозволенных методах получения доказательств, признать доказательства недопустимыми. К таким способам прибегают даже те, кто на следствии признавал свою вину и активно сотрудничал со следствием.

Ни один из следователей не застрахован от попыток его дискредитации, однако всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела, соблюдение законных прав участников процесса сведут последствия этих попыток к минимуму.

Список использованных источников

1. Карагодин, В.Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию / В.Н. Карагодин. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 176 с.
2. Журавлев, С.Ю. Расследование экономических преступлений / С. Ю. Журавлев. – М.: Юрлитинформ, 2005. – 496 с.
3. Настольная книга следователя. Расследование особо тяжких преступлений против общественной безопасности (бандитизм, организация преступного сообщества, организация незаконных вооруженных формирований): научно-методическое пособие / под ред. канд. юрид. наук А.И. Дворкина. – М.: Экзамен, 2006. – 495 с.
4. Криминалистика: учеб. для вузов / А.Ф. Волынский [и др.]. – М.: Закон и право: Юнити-Дана, 1999. – 615 с.
5. Гельманов, А.Г. Криминалистическая характеристика способов сокрытия преступлений против жизни и здоровья: учеб. пособие / А.Г. Гельманов. – Омск: Омская школа милиции МВД СССР, 1989;
   Ермолович, В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений / В.Ф. Ермолович. – Минск: Амалфея, 2001.
6. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменко [и др.]; под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2007. – 1007 с.
7. Архив Могилевского областного суда за 1999 г. – Уголовное дело № 2/102.
8. Архив Могилевского областного суда за 1996 г. – Уголовное дело № 2/60.
9. Архив Могилевского областного суда за 1998 г. – Уголовное дело № 2/2.
10. Основы борьбы с организованной преступностью. Монография / под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. – М.: Инфра-М, 1996. – 400 с.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРИНЦИПА КОНКУРИРУЮЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ В ОТНОШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Кузьменок Н.О.

Статья посвящена вопросам конкурирующей юрисдикции в отношении преступлений в сфере высоких технологий. Специфика проблемы киберпреступности состоит в том, что отдельно взятое государство не в состоянии решить ее с помощью собственного государственно-властного механизма. Подчеркивается транснациональная особенность преступности в сфере высоких технологий и необходимость четкого взаимодействия мирового сообщества по решению проблемы на универсальном, региональном, а также на двустороннем уровне.

Затрагиваются общие и специальные аспекты конкурирующей юрисдикции. Проводится анализ действующего международно-правового регулирования институтов выдачи; вопросов доступа к секретным данным одного государства, ставшим известными в результате проведения расследования компьютерного преступления в другой стране, и возможности их использования; вопросов места уголовного преследования в отношении киберпреступлений с иностранным элементом; оказания правовой помощи.

Юрисдикция государства определяется его национальным законодательством и нормами международного права, которые им признаны. В зависимости от категории дел различают гражданскую, административную, уголовную и иную юрисдикцию. В основу определения уголовной юрисдикции положен территориальный принцип, согласно которому преступления, совершенные на территории данного государства, подлежат юрисдикции его судов. Однако этот принцип не является абсолютным, так как некоторые преступления жесткой связи с территорией не имеют (например, пиратство). Другие преступления бывают связаны с территориями двух и более государств. К таким преступлениям относятся длящиеся преступления, когда их начало связано с территорией одного государства, а продолжение и окончание – с территориями других государств. Последствия некоторых преступлений, совершенных на территории одного государства, сказываются на территориях других, происходит интерна-

ционализация преступных формирований. Все эти проблемы непосредственно касаются киберпреступности.

Актуальность темы обусловлена тем, что транснациональность угроз в информационной сфере и уровень ущерба при их реализации заставляют ставить проблему обеспечения информационной безопасности как глобальную, требующую усилий всего мирового сообщества. Количество преступлений, совершаемых в киберпространстве, растет пропорционально числу пользователей компьютерных сетей, и, по оценкам Интерпола, темпы роста преступности в глобальной сети Интернет являются самыми быстрыми на планете [1, с. 98].

Специфика проблемы киберпреступности состоит в том, что отдельно взятое государство не в состоянии противоборствовать ей собственным государственно-властным механизмом, но лишь сотрудничая международное сообщество способно противостоять данному фактору транснациональных угроз. Кроме того, различный подход национального законодательства к определению юрисдикции ведет к коллизии (например, государство места совершения преступления придерживается территориального принципа, государство гражданства преступника – национального). Это предопределяет необходимость сотрудничества государств в борьбе с преступностью [2, с. 117]. Следует отметить, что в белорусской доктрине международного права данные аспекты ранее не рассматривались.

Преступления в сфере высоких технологий, совершенные в одном государстве, могут подпадать частично под юрисдикцию второго, частичного третьего, а также затрагивать и четвертое. Расстояния, пограничный контроль, равно как и необходимость физического присутствия, в таких ситуациях неважны [3, с. 94].

Проблемы конкурирующей юрисдикции, на наш взгляд, можно разделить на две категории:

- ***общие*** (проблемы, которые касаются всех преступлений с иностранным элементом);
- ***специальные*** (присущие исключительно преступлениям в сфере высоких технологий).

Далее в статье данные вопросы будут рассмотрены в соответствии с вышеприведенной классификацией.

Большое значение в борьбе с преступлениями имеет институт выдачи. Этот институт к настоящему времени полностью сложился в международном праве [4, с. 5]. Утвердились определенные принципы выдачи преступников, которые получили общее признание, зафиксированное в двусторонних договорах,

хотя имеется большое число и многосторонних договоров. К ним относятся: принцип выдачи преступников стране, на территории которой было совершено преступление; принцип выдачи преступников государству гражданства преступника; принцип выдачи преступников по договоренности между государством, обращающимся с просьбой о выдаче, и государством, на территории которого находится преступник.

Общепринято, что государство обязано выдать преступника, если деяние наказуемо и по законам страны, в которой он находится. Выдаче не подлежат даже при наличии межгосударственных соглашений лица, преследуемые по политическим мотивам и укрывающиеся в другом государстве (Конвенция о выдаче преступников между Ираном и Турцией от 29 марта 1946 г., Конвенция о выдаче преступников между США и Швецией от 24 октября 1901 г.), а также по иным причинам в соответствии со ст.ст. 3 (основания невыдачи), 4 (препятствия к выдаче) Типового договора об экстрадиции. Тем не менее Декларация о территориальном убежище, одобренная в 1967 г. XII сессией Генеральной Ассамблеи ООН, в ст. 1 гласит, что Декларация не должна применяться к лицам, совершившим уголовные преступления [5, с. 173–175].

Выдаче не подлежат граждане собственной страны. Однако существуют прецеденты, противоречащие данному правилу и свидетельствующие о широком понимании граждан, включая тех, кто имеет право на постоянное проживание и право подачи заявления о получении гражданства («Дело Шейны») [6, с. 269].

Затрагивая проблемы международно-правового регулирования аспектов данной проблемы, следует отметить, что до настоящего времени не удалось сформировать систему экстрадиции, опирающуюся на универсальный договорно-правовой инструментарий. В этой связи основная роль в вопросах выдачи принадлежит региональным механизмам, функционирующим на основе таких юридических документов, как Европейская конвенция об экстрадиции (1957 г.), Конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по уголовным, гражданским и семейным делам, Межамериканская конвенция о выдаче (1981 г.) и т. д.

Европейская конвенция об экстрадиции от 13 декабря 1957 г. по ряду параметров отстает от современных потребностей международного взаимодействия по уголовно-правовым вопросам. Наличие целого ряда оснований для отказа от выдачи подкрепляется возможностью оговорок, которые значительно расширяют дискреционные возможности государств, нередко приводит к про-

извольным отказам от выдачи лиц, обвиняемых в совершении тяжких преступлений [7].

С введением в юридический оборот с 1 января 2004 г. нового юридического инструмента – европейского ордера на арест Рамочным решением Евросовета «О европейском ордере на арест и процедурах передачи лиц между государствами-членами» от 13 июня 2002 г., заменившим в отношении стран Европейского Союза (далее – ЕС) формальную процедуру экстрадиции новым механизмом передачи обвиняемых и осужденных между судебными органами государств-членов. Его применение имеет следующие преимущества: для исполнения ордера на арест не является обязательным соблюдение правила двойного вменения; допускается передача собственных граждан; не предусматривается исключений в отношении политических преступлений; устанавливается ускоренный порядок рассмотрения и удовлетворения соответствующих ходатайств. Теоретиками в области международного права обосновывается необходимость принятия универсальной конвенции об экстрадиции, которая на основе учета современных тенденций развития международного сотрудничества по уголовно-правовым вопросам, а также ситуаций, складывающихся в сфере противодействия компьютерным преступлениям, позволила бы сформировать систему выдачи, функционирующую в более гибком режиме [8, с. 12].

В основе ордера ЕС – принцип взаимного признания судебных решений по уголовным делам, политика унификации законодательства, упрощение механизмов правового взаимодействия. Тем не менее отменить «двойное вменение» невозможно. Разные уголовные законы, подходы к экстрадиции не позволяют осуществить те мероприятия, которые возможны, благодаря глубокой интеграции внутри ЕС. Однако существование европейского ордера на арест в правовом пространстве, подпадающем под регулятивное воздействие Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, Хартии Европейского союза об основных правах 2000 г., неизбежно делает его использование возможным лишь под углом зрения юридических гарантий, обеспечивающих индивидуальные права [8, с. 17].

В случае коллидирования запросов в качестве критериев для принятия решения могут быть использованы тяжесть и место совершения преступления, хронологическая последовательность запросов, гражданство разыскиваемого лица, возможность последующей экстрадиции в другое государство, фактор наличия соответствующего договора с государством, где было совершено преступление, гражданство потерпевшего (потерпевших), характер преступления. В случае коллизий запросов о выдаче обвиняемого для уголовного преследова-

ния преимущество должно принадлежать государству, на территории которого совершено преступление, так как в данном государстве будут созданы оптимальные условия для осуществления необходимых судебно-следственных действий. Коллизия запроса об экстрадиции от третьего государства и европейского ордера на арест, выданного государством-членом, не приводит к автоматическому исполнению второго, даже несмотря на то, что европейский ордер используется между странами – членами ЕС и опирается на принцип взаимного признания судебных решений.

В соответствии с Конвенцией по борьбе с киберпреступностью, принятой Советом Европы в 2001 г., каждая сторона принимает такие меры, какие могут быть необходимы для установления юрисдикции в отношении компьютерных преступлений, в случаях, когда предполагаемый правонарушитель находится на ее территории, и она не выдает его другой стороне по получении запроса о выдаче, основываясь исключительно на его гражданстве. При этом Конвенция не исключает никакой уголовной юрисдикции, осуществляемой в соответствии с нормами внутригосударственного права. Если на юрисдикцию в отношении предполагаемого правонарушения, предусмотренного в соответствии с данной Конвенцией, претендует несколько сторон, то они проводят консультации для установления наиболее подходящей юрисдикции для судебного преследования [9]. Применение прогрессивных положений Конвенции ограничивается государствами – участниками данного международного договора, что отрицательно сказывается на процессе международного сотрудничества в данной области в целом, поскольку, лишь будучи ратифицированной наибольшим числом государств, конвенция способна урегулировать данную проблему.

В странах Западной Европы существует правовая доктрина, согласно которой они могут распространять свою юрисдикцию на территорию другой страны, если преступление затрагивает ее национальный интерес. Однако Европейский комитет по проблемам преступности отметил, что данное положение нуждается в урегулировании, поскольку государства слишком расширительно на практике толкуют данный тезис [10, с. 95]. Тем не менее в международно-правовой практике нередки случаи, когда отдельные государства вместо использования применимой процедуры экстрадиции либо иной формы сотрудничества для установления юрисдикции над обвиняемыми обращаются к процедуре их насильственного захвата на территории иностранного государства. Расширение рамок подобного рода экстратерриториальной юрисдикции подтверждено западной правовой практикой, допускающей похищение отдельных лиц для предания их суду, получившей свое формализованное отражение в со-

ответствующих правовых доктринах (доктрина Кера-Фрисби в США) и выраженной принципом *"male captus bene detentus"*, согласно которому суд может установить юрисдикцию над лицом независимо от обстоятельств его ареста (США против Альварэса Мэхэйма [8, с. 174–175]). Несмотря на то, что данная практика значительно выходит за пределы того, что допускается международным правом, США расширяют сферу своей экстратерриториальной юрисдикции. В частности в 1989 г. Министерство юстиции дало Федеральному бюро расследований разрешение задерживать на территории других стран «лиц, скрывающихся от американского правосудия» без согласия властей страны, на территории которого производится задержание. В 1992 г. Верховный Суд США подтвердил законность этого разрешения [11], хотя расширение сферы действия национального права, затрагивающее суверенные права и законные интересы других государств, может иметь место лишь на основе соглашения с ними. Нелегальный захват лица и доставка в государство, заинтересованное в его уголовном преследовании, по существу, исключает какое-либо выражение суверенной воли государства, под юрисдикцией которого находится индивид. Такая реализации принципа защиты, когда иностранные спецслужбы действуют в чужой стране «как у себя дома», явственно происходит не в силу права, а по праву силы [5, с. 164]. В этом отношении классическим примером может быть следующий случай. В США был арестован 24-летний россиянин Игорь Клопов, которому удалось похитить 1,5 млн. долларов со счетов американских граждан, входящих в список Forbes-500. Агент, внедренный в окружение мошенника, сообщил ему, что очередная сделка прошла успешно. Клопов не хотел лететь за выручкой прямо в США, поэтому в середине мая 2007 г. он отправился в Доминиканскую Республику. Там его встретили переодетые сотрудники секретной службы (подразделение Минфина США) и прокуратуры, с которыми Клопов на частном самолете вылетел в Нью-Йорк, где его и арестовали. За отмывание денег и кражу Клопову грозит до 25 лет тюрьмы [12].

Критериями, отграничивающими насильственное похищение от доставки лица под компетентную уголовную юрисдикцию в результате межгосударственного сотрудничества, являются: согласие государства на осуществление принудительных действий на его территории либо участие его представителей в данных действиях; отсутствие возражений государства пребывания индивида по поводу применения в отношении его принудительных действий (например, Конвенция стран Бенилюкса об экстрадиции и правовой помощи по уголовным делам 1962 г.) [8, с. 76].

Похищение, как правило, преподносится в качестве крайней меры, когда имеет место, с одной стороны, явная необходимость в экстрадиции, а с другой – формальная сложность и невозможность осуществления данного процесса. Таким образом, если механизм экстрадиции не будет приспосабливаться к реалиям борьбы с преступностью, это приведет к снижению эффективности данного правового института, позволит опасной категории преступников находить убежище на территории другого государства, а с другой стороны, будет симулировать отдельные государства к применению на практике доктрины Кера-Фрисби. В этой связи сужение сферы ограничений на экстрадицию, установление коротких сроков для рассмотрения подобных запросов, пересмотр концепции политического преступления могли бы стать решением данной проблемы.

Что же касается специальных вопросов разрешения конкуренции юрисдикции, существует проблема использования секретных данных одного государства другим как доказательств при проведении расследования и далее в суде, если оно обнаруживает их неправомерно используемыми киберпреступниками. В этой связи Европейская конвенция по взаимной помощи по уголовным делам, единственный международный договор, рассматривающий такую проблему, устанавливает четыре случая возможности такого использования: вопрос использования данных разрешается в соответствии с их статусом; в отношении данных устанавливается их статус; если получено разрешение государства на использование таких данных в качестве доказательств; правовые органы при обнаружении такого преступления немедленно сообщают об этом правоохранительным органам пострадавшего государства [13]. В Европейской конвенции о киберпреступности в п. b ст. 32 закреплено в следующее: «Сторона может без согласия другой стороны получать через компьютерную систему на своей территории доступ к хранящимся на территории другой стороны компьютерным данным или получить их, если эта сторона имеет законное и добровольное согласие лица, которое имеет законные полномочия раскрывать эти данные этой стороне через такую компьютерную систему». Данное положение не предусматривает никаких изъятий и является краеугольным камнем, который не позволяет многим государствам присоединиться к международному договору. Это вызвано прежде всего тем, что осуществление подобного доступа одним государством зачастую способно нанести ущерб суверенитету и безопасности другого государства, а также правам его граждан.

При совершении компьютерных преступлений с иностранным элементом зачастую возникают вопросы определения государства, правомочного производить расследование по делу. Европейская конвенция по передаче процедуры по

уголовным делам в ст. 8 содержит положение о том, что расследование должно проводиться в том государстве, где наиболее сосредоточены доказательства по делу, с помощью которых это дело будет раскрыто скоро и справедливо [3, с. 98]. В соответствии с Рамочным решением Совета ЕС от 24 февраля 2005 г. «О нарушении безопасности информационных систем», где говорится о том, что в случае совершения многоэпизодного киберпреступления с иностранным элементом внутри ЕС, расследование проводится в одном государстве централизованно с осуществлением 24-часового взаимодействия с третьей стороной 7 дней в неделю. В Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности в ст. 15 оговариваются общие случаи определения государствами их юрисдикции. Однако особенности спорной юрисдикции, в частности в случаях компьютерных преступлений, в ней не определены [14, с. 434].

Согласно чч. 1, 3 ст. 91 Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по уголовным, гражданским и семейным делам от 7 октября 2002 г. каждая сторона обязуется по поручению другой стороны осуществлять в соответствии с законодательством уголовное преследование против собственных граждан, подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений на территории запрашивающей стороны. Уголовное преследование осуществляется сторонами также в отношении лиц без гражданства и иностранных граждан, находящихся на их территориях, в случае отказа в их выдаче. Уголовное преследование в запрашиваемом государстве может осуществляться при условии, что деяние является уголовно наказуемым и в этой стране. Следует особо отметить то положение Конвенции, в соответствии с которым при осуждении назначаемое наказание за совершенное преступление не должно быть более строгим, чем наказание, предусмотренное законодательством запрашивающей стороны [15]. Взаимодействие государств по вопросам оказания правовой помощи осуществляется путем частичной передачи компетенции, совместного расследования уголовных дел (участие иностранного специалиста при исполнении запроса либо создание совместных следственно-оперативных групп) [16, с. 17]. В настоящее время создание межгосударственных следственных групп регулируется ст. 63 Кишиневской конвенции [15], ст. 20 II Дополнительного протокола к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 8 ноября 2001 г. [13].

На практике данное положение применяется таким образом, что уголовное преследование относительно одного компьютерного преступления производится в нескольких странах касательно разных эпизодов совершенного деяния, которое может подпадать под юрисдикцию этих стран (по данным Мини-

стерства внутренних дел Республики Беларусь). При этом такая практика существует частично в государствах – участниках СНГ внутри правового поля СНГ и абсолютно между государствами – участниками СНГ и другими государствами или между третьими государствами. Опыта создания межгосударственных следственных групп по преступлениям в сфере высоких технологий в СНГ нет, как и оказания правовой помощи путем частичной передачи компетенции.

В Соглашении о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации 2001 г. вопросы конкурирующей юрисдикции, равно как и вопросы возможности доступа к информации, представляющей государственную тайну другого государства, и ее использования, не освещены.

Таким образом, сотрудничество государств – участников СНГ ограничивается оказанием правовой помощи друг другу (исполнение запросов) в соответствии с международными договорами и принципом взаимности, а также вопросами экстрадиции.

Итак, на универсальном уровне не существует норм, решающих вопросы спорной юрисдикции в случаях совершения компьютерных преступлений, как и вопросы экстрадиции. Частично данные проблемы решаются в рамках двусторонних соглашений (Соглашение об экстрадиции между США и Аргентиной, Договор о выдаче между Республикой Беларусь и КНР и др.). Наиболее же совершенный механизм сотрудничества предусмотрен в рамках Совета Европы и ЕС. Остается нерешенным вопрос относительно секретной информации, которая может стать доступной иному государству в результате совершения преступлений в сфере высоких технологий в рамках СНГ и на универсальном уровне. Кроме того, Кишиневская конвенция не содержит норм, подробно регулирующих разрешение потенциально возможной конкуренции юрисдикции.

Таким образом, в соответствии с тенденциями роста компьютерной преступности и возрастающей угрозой кибертерроризма в рамках СНГ должно быть пересмотрено Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации. Кроме того, многие вопросы сотрудничества оптимально могут быть разрешены в двусторонних договорах государств.

Список использованных источников

1. Номоконов, В.А. Глобализация информационных процессов и преступность / В.А. Номоконов. – Київ: Інформаційні технології та безпека, 2002. – С. 98.

2. Евдокимов, В.Б. Международная правовая помощь по гражданским и уголовным делам на примере стран СНГ / В.Б. Евдокимов, К.Е. Михайленко. – М.: Олма-Пресс, 2004. – 384 с.
3. Добрынина, Т. Антитеррор. Терроризм компьютеризируется. Готовы ли мы к этому? / Т. Добрынина, В. Севостьянов // Voennui diplomat. – 2005. – № 3. – С. 71–75.
4. Галенская, Л.Н. Право убежища / Л.Н. Галенская. – М., 1968. – 198 с.
5. Бойцов, А.И. Выдача преступников / А.И. Бойцов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 795 с.
6. Блищенко, И.П. Прецеденты в международном публичном и частном праве / И.П. Блищенко, Ж. Дориа. – 2-е изд., доп. – М.: Изд-во МНИМП, 1999 г. – 472 с.
7. The European Convention on Extradition. – The 13th of December 1957 // [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.coe.int/treaty/en/treaties/html/024/htm. – Date of access: 02.10.2007.
8. Фисенко, И.В. Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве / И.В. Фисенко. – М., 1999 г. – 304 с.
9. The European Convention on Cybercrime. The 23rd of November 2001 [Electronic resource]. – Mode of access: http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties-/Html/185.htm. – Date of access: 22.10.2007.
10. Computer-related crime. European Committee on Crime Problem. – Strasbourg.: Publishing and Documentation Service, 1990. – 112 с.
11. Russian hacker was apprehended by the police // The New York Times. – 2007. – 20th of August.
12. В США был арестован 24-летний россиянин Игорь Клопов // Известия. – 1992. – 18 июня.
13. The European Convention on Mutual Assistance in Criminal Matters. The 20th of April 1959 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.interpol.int/Public/ICPO/LegalMaterials/conventions/Default.asp. – Date of access: 15.10.2007.
14. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. // Международное право и борьба с преступностью: сб. док. / сост.: А.В. Змеевский, Ю.М. Колосов, Н.В. Прокофьев. – М.: Междунар. отношения, 2004. – 720 с.
15. Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по уголовным, гражданским и семейным делам от 7 окт. 2002 г. // Содружество: информ. вестн. Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. – 2002. – № 2 (41). – С. 3.
16. Феоктистова, Е.Е. Международное сотрудничество органов расследования по уголовным делам: процессуально-правовые и криминалистические аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е.Е. Феоктистова. – М., 2007. – 27 с.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Мисаревич Н.В.

Глобализация в мире кроме положительных моментов принесла одновременно и видоизменение преступности. Преступления выходят за рамки одного государства, охватывая территории многих стран. Именно понимание того, что силами одного государства с глобализацией преступности не справиться, привело к появлению и развитию сотрудничества между странами в вопросах борьбы с преступностью.

Актуальность исследования организационно-правовых форм международного сотрудничества состоит как раз в том, что, во-первых, в рамках международных структур государствам проще выработать единые подходы к решению той или иной проблемы, а во-вторых, международные акты – это та основа, без которой взаимодействие между странами вообще не представляется возможным.

В статье исследуются основные организационно-правовые формы сотрудничества государств в сфере борьбы с преступностью через призму участия в данных процессах Республики Беларусь.

Глобализация в мире кроме положительных моментов принесла одновременно и видоизменение преступности. В настоящее время международно-правовые механизмы сотрудничества государств в сфере борьбы с преступностью претерпевают значительные изменения. Прогрессивное развитие международно-правового регулирования сотрудничества государств в течение последнего времени идет по пути, с одной стороны, кодификации международно-правовых норм и унификации норм национального материального права, предусматривающих ответственность за преступления, которые по своему характеру и объекту представляют наибольшую угрозу стабильности международного правопорядка, и, с другой стороны, создания различного рода региональных и универсальных структур, в рамках которых осуществляется координация действий государств в сфере борьбы с преступностью. Эти процессы обусловлены рядом факторов, к которым можно отнести: различие правовых систем государств; существование в мире блоковой системы; политика двойных стандартов, проводимая западными странами; отсутствие единого подхода у государств к определению международного терроризма и т. п. [3, с. 156]. К сожалению, большинство факторов действует и сейчас, что требует активной деятельности государств по их нивелированию.

Практика международного сотрудничества выработала определенные организационно-правовые формы в сфере борьбы с преступностью. Ведущая роль

в этом процессе отводится конгрессам ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Состоявшийся в 1955 г. I Конгресс ООН положил начало созданию всеобъемлющей системы борьбы с преступностью, включающей главные органы ООН, ее специализированные учреждения и международные организации, а также международные региональные организации по борьбе с преступностью, международные и национальные судебные системы, правоохранительные органы государств.

Представляется, что именно деятельность конгрессов положила начало созданию универсальной системы борьбы с преступностью. Первые конгрессы в качестве задачи ставили разработку тех или иных международно-правовых документов, регламентирующих сотрудничество государств в сфере правоохранительной деятельности. В последующем стали вырабатываться прогнозные оценки, меры по внедрению тех или иных стандартов в правоприменительную деятельность; началась работа по выяснению причин и условий развития преступности. Так, например, на III Конгрессе было обращено внимание на зависимость уровня преступности от экономического и социального развития страны; VIII Конгресс, темой которого стало международное сотрудничество в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в XXI в., принял значительное количество документов, которые должны были обеспечить сотрудничество государств в борьбе с преступностью, среди них: Рекомендации относительно международного сотрудничества в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития; Руководящие принципы для предупреждения организованной преступности и борьбы с ней; Типовой договор о выдаче; Типовой договор о взаимной помощи в области уголовного правосудия; Типовой договор о передаче уголовного судопроизводства [6, с. 67]. Решения конгрессов стали основой развития как международного, так и национального уголовного законодательства.

Вошло в практику проведение в рамках конгрессов семинаров-практикумов по актуальным вопросам борьбы с преступностью. В период с 1948 по 1970 гг. выработка рекомендаций в области борьбы с преступностью осуществлялась специальным Консультативным комитетом экспертов. Реализация Программы ООН по борьбе с преступностью привела к учреждению в 1971 г. Комитета по предупреждению преступности и борьбе с ней. На него была возложена функция подготовки конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями.

В ходе совещания в 1991 г. с участием 107 делегаций была утверждена Декларация принципов и Программа действий ООН по предупреждению пре-

ступности и уголовному правосудию. Реализация этих документов потребовала создания специального межправительственного органа в рамках ООН. Им стала Комиссия ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, которая была учреждена ЭКОСОС по резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 46/152 от 18 декабря 1991 г. [4, с. 234].

Комиссия сумела создать систему анализа выполнения государствами-членами стандартов ООН в сфере борьбы с преступностью. Это позволило иметь объективную картину состояния правоохранительной системы в мире и корректировать ее развитие в целях обеспечения прав человека и проведения единой согласованной политики в области борьбы с преступностью.

С принятием резолюции 1373 Совета Безопасности ООН от 28 сентября 2001 г. наступил новый этап в развитии всей системы борьбы с международной преступностью [2, с. 37]. Он выражается в учреждении Контртеррористического комитета Совета Безопасности ООН, объявлении Советом Безопасности ООН списка лиц, признанных террористами, принятии государствами мер по пресечению финансовой поддержки терроризма, усилении контактов правоохранительных органов государств мира.

Появление новых видов преступлений международного характера (кибертерроризма, похищения людей для трансплантации органов, хищения ядерного материала) в конце XX – начале XXI вв., развитие традиционных форм международной преступности требуют от государств конкретных ответов, включающих в себя унификацию законодательства, разработку единых критериев квалификации преступлений, выработку общих принципов и единой стратегии борьбы с преступлениями международного характера.

Начиная с 90-х гг. XX в. ООН, международные организации и государства мира рассматривают информационно-методическое обеспечение борьбы с преступлениями международного характера в качестве одного из приоритетных направлений. В настоящий момент существует необходимость централизации усилий всего мирового сообщества по созданию единой сети информационно-методического обеспечения деятельности правоохранительных органов, включающей информационные возможности органов и учреждений ООН, международных организаций по борьбе с преступностью, информационных систем государств. В условиях криминальных вызовов и угроз XXI в. наличие и эффективное функционирование такой сети может стать одним из важнейших условий успешной борьбы с международной преступностью, и в первую очередь с международным терроризмом [1, с. 36].

Хорошо известна роль в борьбе с преступностью Интерпола – Международной организации уголовной полиции. Интерпол является международной организацией, которая благодаря своей уникальной структуре, правовой базе и техническому оснащению способна эффективно и рационально координировать международное полицейское сотрудничество. В 1982 г. Интерпол получил в ООН статус международной межправительственной организации.

На практике содействие органам правопорядка в борьбе с преступностью проявляется в форме обмена информацией, организации необходимых расследований на территории своей страны, объявления в международный розыск, содействия ведению розыска и задержанию преступников, оказания помощи в их экстрадиции (в соответствии с национальным законодательством своей страны), передачи соответствующим ведомствам своей страны запросов, направляемых органами полиции других стран, и т. п.

Основными структурными единицами Международной организации уголовной полиции являются Национальные центральные бюро (НЦБ) Интерпола. НЦБ в соответствии со ст. 32 Устава Интерпола образуются в полицейских службах всех стран – членов Интерпола. Они «в пределах законодательства своих стран должны делать все возможное для добросовестного участия» в деятельности Организации. НЦБ Интерпола, охраняя интересы своего государства, входит одновременно в структуру Организации и в структуру национального правоохранительного органа [1, с. 42].

В октябре 1993 г. на 62-й сессии Генеральной Ассамблеи Международной организации уголовной полиции в ряды членов Интерпола была принята Республика Беларусь. После этого постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 ноября 1993 г. № 774 «О совершенствовании мер охраны общественного порядка и борьбы с преступностью» предписывалось создать в структуре центрального аппарата Министерства внутренних дел Республики Беларусь НЦБ Интерпола [5].

НЦБ Интерпола в Республике Беларусь активно сотрудничает с полициями различных стран мира, помогая тем самым отечественным правоохранительным органам в борьбе с преступностью. Вопросы, относящиеся к деятельности Интерпола, приобретают все большую актуальность для нашей страны, расположенной на пересечении многих торговых и «криминальных» путей. В наши дни преступники могут свободно передвигаться по территории России и Беларуси. Помочь в установлении личности преступника, его аресте и экстрадиции в этом случае может только сотрудничество государств в рамках Интерпола.

Анализ деятельности Интерпола показывает, что его роль в борьбе с международной преступностью, безусловно, возрастет, если он станет координатором деятельности государств, а не останется на уровне механизма информационного обмена. Этому способствовало бы принятие новой редакции Устава, отражающей реалии современности и, в частности, наделяющей НЦБ стран-участников правом самостоятельно проводить оперативно-розыскные мероприятия по сопровождению раскрытия и расследованию отдельных преступлений, розыску особо опасных преступников.

Важную роль в борьбе с преступлениями международного характера играют органы межгосударственного сотрудничества государств – участников СНГ.

Сотрудничество в борьбе с преступностью в рамках СНГ с самого начала строится на основе программирования и подкрепляется соответствующими организационными мероприятиями. Первая Программа совместных мер по борьбе с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории Содружества на период до 1995 г. была принята в 1993 г. В последующие годы подобные программы принимались регулярно. В современных условиях сотрудничество правоохранительных органов осуществляется на основе Концепции развития сотрудничества министерств внутренних дел государств – участников СНГ на период до 2010 г. [5].

В рамках СНГ были созданы органы координации сотрудничества правоохранительных структур государств – участников СНГ. Так, в 1993 г. был создан межгосударственный орган – Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений, в 1996 г. – Совет министров внутренних дел государств – участников Содружества, а в 2000 г. – Антитеррористический центр СНГ. Регулярно проводятся совместные коллегии министерств внутренних дел стран Содружества.

Правовую основу этой деятельности составляют договоры о сотрудничестве в борьбе с преступностью, заключенные в рамках Содружества. Это способствует разработке единой стратегии по борьбе с преступностью, повышению эффективности розыска и задержания преступников, усилению антитеррористической деятельности в рамках Содружества.

Несмотря на политику двойных стандартов, применяемых в отношении белорусского государства со стороны ряда иностранных государств, Республика Беларусь проводит активную внешнеполитическую деятельность по различным направлениям, в том числе в области международного сотрудничества в противодействии преступности. Формы сотрудничества в сфере борьбы с пре-

ступлениями и привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, многообразны. Это могут быть международные договоры о правовой помощи. Например, в рамках СНГ подписана Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г. (Республика Беларусь ратифицировала 14 июня 2003 г.). Разновидностью таких соглашений являются двусторонние договоры. Так, Республика Беларусь заключила договоры о правовой помощи и правовым отношениям по гражданским, семейным и уголовным делам с Литовской Республикой (1993), Китайской Народной Республикой (1993), Республикой Польша (1995) [8]. Еще одной группой межгосударственных договоров, регулирующих сотрудничество на двухстороннем уровне, являются договоры о добрососедстве и дружеском сотрудничестве. Республика Беларусь подписала подобные договоры с Республикой Польша, Республикой Молдова, Республикой Украина, Российской Федерацией, Турецкой Республикой, Французской Республикой, Республикой Казахстан, Республикой Куба и Социалистической Республикой Вьетнам [5].

В конце XX – начале XXI вв. организованная преступность приобрела транснациональный характер и стала угрожать фундаментальным устоям государства. В связи с этим особую актуальность приобрел институт выдачи преступников (экстрадиции). Возможность перемещения преступника в любую точку земного шара в целях избежания уголовной ответственности или уклонения от исполнения обвинительного приговора сегодня позволяет лицам, совершившим преступление или осужденным за его совершение, укрываться на территории другого государства. Нормативную базу для розыска и выдачи преступников составляют национальное законодательство и международные соглашения. Ст. 2 Закона Республики Беларусь «О международной правовой помощи по уголовным делам» от 18 мая 2004 г. устанавливает, что такая помощь оказывается на основе международных договоров Республики Беларусь [5]. Хотя Беларусь и ратифицировала немалое число конвенций ООН, среди которых имеются и нормы, посвященные вопросам выдачи лиц для привлечения к уголовной ответственности, и обязательными для нас являются и некоторые европейские конвенции, содержащие нормы об экстрадиции, однако, как представляется, наибольший эффект достигается путем заключения двусторонних договоров по данному вопросу. Так, Республика Беларусь имеет такие договоры с Индией (2007), Китайской Народной Республикой (1995), Республикой Туркменистан (1995) [5]. Практика международного сотрудничества знает и такую форму, как соглашения о сотрудничестве между министерствами внутренних

дел государств (например, соглашение о сотрудничестве между МВД Республики Беларусь и МВД Литовской Республики (1993), МВД Республики Грузия (1995), МВД Республики Казахстан (1995)), в которых наряду с общими вопросами обеспечения равной защиты прав и свобод, законных интересов и имущества граждан и юридических лиц рассматривается и сотрудничество в области розыска преступников и обмена соответствующей информацией [5].

Таким образом, сложный процесс сотрудничества в сфере борьбы с преступностью требует многоаспектного подхода, поэтому вполне логично, что существует разнообразие форм и методов. Как представляется, при выборе оптимальной с точки зрения конкретного государства формы участия в сфере борьбы с преступностью необходимо руководствоваться не только обстоятельствами дела, но такими факторами, как надежность партнера, наличие норм национального законодательства в данной сфере и степень участия государства в международном договорном процессе в сфере борьбы с преступностью.

Список использованных источников

1. Бельсон, Я.М. Интерпол в борьбе с уголовной преступностью / Я.М. Бельсон. – М.: Наука, 1989. – 180 с.
2. Бойцов, Л.Н. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью: иллюзии, реальность и возможная альтернатива / Л.Н. Бойцов, И.Я. Гонтарь // Государство и право. – 2000. – № 11.– С. 35–43.
3. Волеводз, А.Г. Межгосударственное сотрудничество в розыске, аресте и конфискации денежных средств и имущества, полученных преступным путем / А.Г. Волеводз // Прокурорская и следственная практика. – 1998. – № 4. – С. 155–172.
4. Международное право: учеб. для вузов / отв. ред. проф. Г.В. Игнатенко, проф. О.И. Тиунов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2006. – 624 с.
5. Национальный правовой Интернет портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008. – Режим доступа: http://www.pravo.by. – Дата доступа: 12.10. 2008.
6. Панов, В.П. Сотрудничество государств в борьбе с международными уголовными преступлениями / В.П. Панов. – М., 1993. – 180 с.
7. Слюсарь, Н.Б. Вопросы унификации национальных законов государств-участников СНГ в области борьбы с преступностью / Н.Б Слюсарь // Юрист. – 1999. – № 5–6. – С. 2–4.

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИЯ

Русакевич С. Г.

В статье автор анализирует общие организационные и правовые основы деятельности органов прокуратуры Федеративной Республики Германия, их задачи и компетенцию в ходе предварительного расследования, судебного рассмотрения дела и приведения уголовного наказания в исполнение. На основании проведенного анализа сформулированы предложения по внедрению отдельных аспектов положительного опыта деятельности прокуратуры Германии в отечественную практику.

Системный и полный анализ правового положения, задач, компетенции и структуры органов прокуратуры Федеративной Республики Германия вряд ли возможен в рамках статьи, поэтому далее автор, не претендуя на исчерпывающее изложение и безукоризненные оценки, намерен сосредоточить внимание на общих правовых и организационных основах.

Прокуратура Федеративной Республики Германия (далее – прокуратура) представляет собой децентрализованную систему независимых от суда специальных органов уголовного судопроизводства [3, с. 29] (Федеральная генеральная прокуратура, прокуратуры федеральных земель), обеспечивающих отправление правосудия в отношении лиц, совершивших уголовно наказуемые деяния и другие правонарушения, а также выполняющих иные возложенные на них законодательством функции.

Основными задачами прокуратуры являются руководство производством предварительного расследования, возбуждение публичного обвинения о совершении уголовно наказуемых деяний и представление его в суде, а также обращение приговоров судов по уголовным делам к исполнению [13, s. 1076].

Компетенция, организация и порядок деятельности прокуратуры регламентируются федеральным законодательством (применительно к Федеральной генеральной прокуратуре и прокуратурам федеральных земель), законодательством федеральных земель (применительно к прокуратурам федеральных земель) [8, § 30, 31, 83, 84, 85].

К федеральному законодательству относятся Уголовно-процессуальное уложение [10], Уголовный кодекс [9], Закон Германии о судьях [14], Закон о судоустройстве [7], Закон о без вести пропавших [15], Руководство по уголовным производствам и производствам об уплате денежных взысканий [11] и другие нормативные акты.

К законодательству федеральных земель – единообразные для всех федеральных земель законы о чиновниках (например, Закон Баварии о чиновниках [16]), законы о помиловании (например, Баварское уложение о помиловании [17]), положения о подготовке юристов (например, баварское Уложение о подготовке и экзаменировании юристов [19]), положения о служебной деятельности прокуратур (например, баварское Положение об организации и порядке осуществления служебной деятельности прокуратур [12]) и другие нормативные акты.

Прокуратуры учреждены при общих судах [7, § 141]. Система судов общей юрисдикции является четырехзвенной и охватывает как земельный, так и федеральный уровень. Первым (базовым) звеном являются участковые суды федеральных земель (Amtsgerichte) [7, § 22 ff.], вторым – суды апелляционной инстанции – земельные суды федеральных земель (Landgerichte) [7, § 59 ff.], третьим – суды кассационной инстанции – Высшие земельные суды федеральных земель (Oberlandesgerichte) [7, § 115 ff.], и четвертым – Верховный федеральный суд (Bundesgerichtshof) [7, § 123 ff.]. Юрисдикция прокуратур распространяется на соответствующие судебные округа [7, § 143 Nr. 1].

На федеральном уровне функционирует Федеральная генеральная прокуратура (Bundesanwaltschaft), подотчетная Федеральному министру юстиции, на уровне федеральных земель – прокуратуры федеральных земель, находящиеся в подчинении министров юстиции земель [7, § 142].

Прокуратура каждой отдельно взятой федеральной земли представляет собой двухзвенную централизованную систему. Первое (базовое) звено представлено прокуратурами при земельных судах (Staatsanwaltschaften bei den Landgerichten); (Генеральные) прокуратуры при Высших земельных судах ((Geral) staatsanwaltschaften bei den Oberlandesgerichten) представляют собой второе (высшее) звено. В некоторых землях действует несколько (2 и более) Генеральных прокуратур (например, в Баварии, Баден-Вюртемберге и др.)

В отдельных случаях при участковых судах могут быть учреждены особые участковые прокуратуры (Amtsanwaltschaften) или обособленные структурные подразделения прокуратур при земельных судах (Zweigstellen der Staatsanwaltschaften) [12, Nr. 1 S. 2].

В некоторых землях (Нижняя Саксония, Северный Рейн – Вестфалия, Тюрингия) учреждены специализированные прокуратуры по борьбе с экономическими преступлениями, организованной преступностью и т. п.

В 2006 г. в ФРГ действовали: Федеральная генеральная прокуратура при Верховном федеральном суде, 24 Генеральные прокуратуры при Высших земельных судах, 145 прокуратур при участковых и земельных судах [20].

В структурном плане прокуратуры, как правило, состоят из отделов, формируемых по общим критериям в зависимости от категорий осуществляемых производств [12, Nr. 8]: организованная преступность, тяжкие преступления, преступления в молодежной среде, бытовая преступность и т. п. Отделы, как правило, поделены на группы по типам производств. В свою очередь, у каждого прокурора отдела (группы) своя специализация на определенных видах производств (Dezernat) [12, Nr. 9]: преступления в сфере оборота наркотических средств, дела о пропаганде насилия и разжигании расовой ненависти, дела о преступлениях против продовольственной безопасности, преступления, связанные с насилием в близком социальном окружении, преступления против половой свободы и т. п.

Прокуроры подлежат служебному надзору вышестоящих прокуроров и обязаны выполнять их указания [7, § 146, 147]. Право осуществления служебного надзора – это полномочие начальника вынести порицание подчиненному прокурору и потребовать от него соответствующего выполнения служебных обязанностей [2, с. 70].

Вышестоящими по отношению к прокурорам являются (в порядке повышения должностей): прокурор – руководитель группы, обер-прокурор – руководитель отдела, ведущий обер-прокурор – руководитель органа прокуратуры, Генеральный прокурор – руководитель вышестоящего органа прокуратуры (Генеральной прокуратуры) и министр юстиции.

Таким образом, право дачи указаний предусматривает два уровня: внутренний и внешний. Право давать указания «изнутри» предоставлено руководителю прокуратуры и Генеральному прокурору по отношению к подчиненному, нижестоящему прокурору, а «извне» – министрам юстиции. Право дачи указаний «извне» больше касается общего порядка работы органов прокуратуры, конкретные указания по конкретным делам даются редко [1, с. 51].

Штат работников органов прокуратуры состоит из прокурорских работников (референтов, амтс-прокуроров, обрер-амтс-прокуроров, прокуроров, прокуроров по делам молодежи, обер-прокуроров, ведущих обер-прокуроров, прокуроров Генеральных прокуратур, Генеральных прокуроров, федеральных про-

куроров и Федерального генерального прокурора) и иных работников прокуратуры, не являющихся прокурорскими работниками: правоприменителей (Rechtspfleger) – юристов со средним специальным образованием, делопроизводителей (Sachbearbeiter), секретарей (Schreibkraft), приставов (Justizwachtmeister), иного обслуживающего и технического персонала [7, § 153 и др.].

Служба в качестве прокурора приравнена к судейской службе [14, § 122 Nr. 2], но на прокуроров распространяется также законодательство о чиновниках публичной (государственной) службы. Прокуроры с их письменного согласия могут быть назначены на должности судей после прохождения двухгодичного испытательного срока, а судьи – на должности прокуроров [14, § 124].

Прокурорские работники Федеральной генеральной прокуратуры имеют статус чиновников федерации (Bundesbeamte) [7, § 148], а прокуратур федеральных земель – чиновников федеральных земель (Landesbeamte) [16, Art. 1].

На должности прокуроров могут быть назначены лица, окончившие вуз по юридической специальности со сроком обучения не менее 4 лет, успешно сдавшие первый государственный экзамен, прошедшие подготовительную службу в качестве референта сроком 2 года и успешно сдавшие второй государственный экзамен по окончанию стажировки [14, § 122].

Подготовительная служба (стажировка) состоит из теоретической и практической частей. Референт проходит подготовительную службу поочередно в течение 5 месяцев в суде по гражданским делам, 3 месяцев в суде по уголовным делам или в прокуратуре, 4 месяцев в органах государственной власти и управления, 9 месяцев в адвокатуре и 3 месяцев в иной предложенной на выбор организации [14, § 5–7; 19, § 44 ff.].

В первоначальный период службы после назначения на должность (от 3 до 6 месяцев) прокурор обязан согласовывать все решения по находящимся в его производстве делам с руководителем прокуратуры [12, Nr. 17].

Генеральный федеральный прокурор назначается на должность Федеральным Президентом по представлению Федерального министра юстиции с согласия нижней палаты парламента (Бундесрата) [7, § 149]. Генеральные прокуроры федеральных земель, как правило, назначаются на должность правительствами земель; руководители иных прокуратур – Председателями Высших земельных судов по согласованию с Генеральными прокурорами земель; руководители отделов прокуратур – председателями земельных судов или руководителями прокуратур по согласованию с Генеральными прокурорами федеральных земель [18, Art. 15].

В целях выполнения своих задач в рамках уголовного судопроизводства прокуратура осуществляет следующее:

 ведет производство расследований по делам об уголовно наказуемых деяниях (досудебное производство) [10, § 152, Nr. 2, § 160, 161];

 возбуждает публичные (государственные) обвинения и представляет их в суде [10, § 152, Nr. 1, § 170, Nr. 1, § 243, Nr. 3];

 обращает уголовные наказания к исполнению [10, § 451];

 осуществляет иные функции, возложенные на нее законодательством.

Прокуратура обязана преследовать все уголовно наказуемые деяния, как указанные в Уголовном кодексе, так и предусмотренные иными специальными законами [10, § 152 Nr. 1; 11, § 255]. При большой общественной значимости дела прокуратура также вправе вести досудебное производство о совершении уголовно наказуемых деяний, относящихся к делам частного обвинения [10, § 374; 11, Nr. 86 ff.].

Органами, уполномоченными принимать заявления и сообщения о совершении уголовно наказуемых деяний, являются полиция, прокуратура и участковые суды [10, § 158 Nr. 1].

К уголовно наказуемым деяниям в Германии относятся не только преступления, но и уголовные правонарушения, за которые предусмотрено наказание в виде лишения своды не свыше 1 года или денежный штраф [9, § 12].

В рамках досудебного производства прокуратура призвана вести уголовное производство, прекращать уголовное преследование или уголовное производство, возбуждать публичное обвинение.

В этих целях прокуратура вправе [10, § 161 Nr. 1]: истребовать сведения от всех органов и организаций, самостоятельно производить следственные действия и розыскные мероприятия либо поручить их проведение полиции, налоговым и финансовым органам, иным уполномоченным органам и должностным лицам (следственным лицам прокуратуры) [7, § 152 Nr. 2].

Сведения о процессуальных действиях и решениях прокуратура передает в Центральный регистр производств прокуратуры при Федеральном центральном регистре судимостей (Zentrales Staatsanwaltschaftliches Verfahrensregister) [10, § 492–495]. Данный регистр создан в целях накопления сведений об осуществляемых и оконченных производствах на территории ФРГ. Занесению в него подлежат сведения о движении производства с момента получения прокуратурой информации о совершении деяния, могущего быть квалифицированным в качестве уголовно наказуемого, и до момента принятия прокурором решения о прекращении производства или уголовного преследования в ходе досудебного

разбирательства либо до момента разрешения судом дела по существу. Регистр позволяет получать на межрегиональном уровне сведения о лицах, в отношении которых ведется производство по признакам совершения уголовно наказуемых деяний, что исключает возможность ведения нескольких производств в отношении одного лица, предоставляет возможность для объединения нескольких производств в одно сводное производство в целях процессуальной экономии. Указанный регистр содержит: сведения о дате возбуждения производства, подозреваемом, ведущей производство прокуратуре и производящем расследование органе полиции; номер производства; сведения о времени, месте совершения преступления и величине причиненного вреда; сведения о сущности подозрения со ссылкой на предусматривающий ответственность законодательный акт; сведения об окончании производства расследованием, результатах судебного разбирательства по делу и т. п. После постановления судом приговора сведения о производстве из Центрального регистра производств прокуратуры удаляются с одновременным внесением в Федеральный центральный регистр судимостей сведений о вынесенном судом приговоре и назначенном наказании.

По поступившему заявлению или сообщению об уголовно наказуемом деянии либо при непосредственном обнаружении признаков уголовно наказуемого деяния прокуратура заводит производство по данному факту. В ходе производства осуществляется проверка в целях установления наличия достаточных оснований для возбуждения публичного обвинения [10, § 160].

Полиция обязана производить разбирательство по всем ставшим ей известными фактам совершения уголовно наказуемых деяний и без промедления сообщать в прокуратуру обо всех проводимых ею мероприятиях и их результатах с приложением соответствующих документов – протоколов, отчетов, справок и т. п. [10, § 163].

Прокурор, в ведении которого находится расследуемое дело, определяет направление расследования и объем следственных мероприятий. Для этого он управомочен давать обязательные для исполнения указания всем следственным лицам своего округа [7, § 152 Nr. 1].

В рамках производства по делу преобладающее большинство следственных действий, как правило, производится полицией [10, § 163 Nr. 1] и иными следственными лицами прокуратуры. По резонансным и сложным делам прокуроры лично допрашивают подозреваемых, наиболее важных свидетелей, специалистов, осуществляют иные следственные действия или принимают в них участие [10, § 161a, 163a Nr. 3].

Ряд важных следственных действий, затрагивающих личные неимущественные права граждан, реализуется с санкции судьи [10, § 162]: производство обыска [10, § 105], предварительное заключение [10, § 114], прослушивание и запись переговоров [10, § 100b] и т. п.

Для принятия решений, не терпящих отлагательств, в каждой прокуратуре назначаются дежурные прокуроры.

По результатам проведенного расследования прокурор после принятия решения об окончании расследования производит следующие действия [10, 169a; 11, Nr. 109]:

1) возбуждает публичное обвинение путем направления обвинительного акта в суд [10, § 170 Nr. 1];

2) по несложным делам об уголовно наказуемых проступках и в случаях, если ожидается назначение наказания в виде денежного штрафа, предупреждения о возможном наложении штрафа, запрета на управление транспортом, конфискации, осуждения без назначения наказания, а при наличии адвоката в виде лишения свободы с условным неприменением назначенного наказания, прокурор направляет в суд заявления об издании судебного приказа о наказании, что приравнивается к возбуждению публичного обвинения [10, § 407 ff.];

3) при простых обстоятельствах дела и ясной доказательственной базе (например, признательных показаниях обвиняемого) и в случаях, если ожидается назначение наказания в виде лишения свободы сроком до 1 года либо применения мер безопасности или лечения, лишение права управления транспортным средством, прокурор направляет в суд заявление о вынесении судебного решения в ускоренном производстве, в ходе которого обвинение оглашается в начале судебного заседания [10, § 417 ff.];

4) направляет в суд заявление о применении в отношении совершившего уголовно наказуемое деяние невменяемого лица мер безопасности и лечения, что приравнивается к возбуждению публичного обвинения [10, § 413 ff.]. Обвинительный акт, заявление об издании судебного приказа о наказании, о рассмотрении дела в рамках ускоренного производства, о применении мер безопасности и лечения направляются в суд по подсудности, которая зависит от вида уголовно наказуемого деяния, строгости ожидаемых санкций, общественной значимости дела и в определенной степени от усмотрения прокурора [10, § 209a; 11, Nr. 113];

5) с согласия суда прекращает уголовное преследование:

 в связи с привлечением к административной ответственности [11, Nr. 275];

 в связи с малозначительностью деяния [10, § 153];

 в связи с исполнением обвиняемым возложенных прокурором обязанностей во время отсрочки привлечения к уголовной ответственности, в том числе с уплатой компенсационных денежных санкций [10, § 153a];

 в связи с отказом от предъявления обвинения при наличии обстоятельств, при которых возможно осуждение без назначения наказания [10, § 153b];

6) прекращает производство в связи с недостаточностью поводов и оснований для предъявления публичного обвинения [10, § 170 Nr. 2].

При принятии решения о прекращении производства или уголовного преследования прокурор обязан направить заявителю сообщение об этом с обоснованием принятого решения [10, § 171].

На решение прокурора о прекращении производства или уголовного преследования заявитель-потерпевший вправе в течение двух недель подать вышестоящему прокурору жалобу о понуждении к предъявлению обвинения, а при отклонении последним данной жалобы – в месячный срок в суд [10, § 172].

Судебное разбирательство по делу состоит из двух основных стадий – промежуточного судебного производства и основного судебного производства [10, § 199 ff., § 226 ff.].

В ходе промежуточного производства по делу суд знакомит обвиняемого с обвинительным актом, выслушивает его доводы и возражения, истребует дополнительные доказательства [10, § 213–225a]. По результатам промежуточного производства суд либо отклоняет обвинительный акт по причине несоответствия обвинения фактическим обстоятельствам дела или отсутствия состава уголовно наказуемого деяния, либо возбуждает основное судебное производство по делу. В случае если обвинительный акт судом окончательно отклонен, новое обвинение может быть возбуждено лишь на основании новых фактов или доказательств [10, § 211].

С момента возбуждения основного судебного производства обвинительный акт отозванию не подлежит [10, § 156].

Публичное обвинение в суде, как правило, представляется прокурором, предъявившим обвинение [11, Nr. 19 Abs. 1]. Прокурор не является стороной по делу. В его функциональные обязанности входит [11, Nr. 127]: оглашение обвинительного акта; приведение доказательств; заявление ходатайств и постановка вопросов участникам процесса в целях наиболее полного исследования обстоятельств дела; совершение действий и заявление ходатайств, направленных на ускорение и упрощение процесса; заявление протестов на неправомер-

ные действия участников процесса и решения суда [10, § 304 ff.]; произнесение заключительной речи по результатам основного производства.

В случае вынесения обвинительного приговора в качестве правовых последствий деяния могут быть применены [9, § 38–45b, 61]: лишение свободы пожизненно либо на определенный срок (от 1 месяца до 15 лет), денежный штраф (от 5 до 360 среднедневных ставок заработка), дополнительное наказание в виде запрета на управление транспортным средством (на срок от 1 до 3 месяцев), а также меры лечения и безопасности – от помещения в психиатрическую больницу до запрета на профессию.

Производства по делам об издании судебного приказа о наказании и по делам о вынесении судебного решения в ускоренном производстве являются особыми формами судебного разбирательства, в ходе которых суд непосредственно разрешает дело без промежуточного производства [10, 6. Buch].

При производстве об издании судебного приказа о наказании суд после допроса обвиняемого разрешает дело по существу на основании имеющихся письменных материалов дела [10, § 407–412]. Исследование доказательств в ускоренном производстве с согласия обвиняемого, защитника и прокурора происходит на основании письменных материалов дела, которые оглашаются судом без вызова остальных участников процесса [10, § 420].

Средствами опротестования прокурором не соответствующих законодательству судебных приговоров являются апелляционный и кассационный протесты [10, § 296, 312 ff., 333 ff.].

Если дело слушалось в участковом суде, то апелляция может быть подана в земельный суд, а против его постановления может быть подана лишь кассационная жалоба в Высший земельный суд; если же по первой инстанции дело слушалось в земельном суде или Высшем земельном суде, то кассация может быть подана только в Верховный федеральный суд. Таким образом, имеется три инстанции для незначительных дел и две – для более крупных и важных. Апелляция открывает возможность для рассмотрения дела во второй инстанции в целях проведения проверки вопроса о наличии деяния, а также разрешения спорных юридических вопросов. Таким образом, апелляция является средством обжалования, вызывающим повторное рассмотрение дела. Кассация же ведет лишь к проверке дела на предмет правовых ошибок без права на ревизию уже установленных и неизменно лежащих в основе дела обстоятельств. Кассация направлена на устранение двух видов нарушений: нарушения материального уголовного права или нарушения процессуального права [3, с. 29].

Прокуратура обязана опротестовывать лишь такие приговоры суда, в основу которых положены не нашедшие подтверждения в ходе судебного разбирательства факты и обстоятельства либо не соответствующие обстоятельствам дела выводы, а также в которых мера назначенного судом наказания не соответствует общественному резонансу от совершенного преступления, основам уголовного права или принципам справедливости. Прокуратура также вправе опротестовывать приговоры суда по иным основаниям [11, Nr. 147].

В ходе осуществления функции по обращению наказаний к исполнению прокуратура [10, § 449 ff.] выполняет следующее:

1. Совместно с учреждениями по исполнению наказаний, связанных с лишением свободы (Justizvollzugsanstalten), принимает решения о приведении наказания в исполнение, определяет места отбывания наказаний, издает постановления о взятии под стражу, задержании или проведении розыскных мероприятий в отношении осужденных, местонахождение которых неизвестно, ведет учет сроков отбывания наказаний.

2. Совместно с органами, в ведении которых находятся психиатрические клиники и спецучреждения для лиц, употребляющих психоактивные вещества (Entziehungsanstalt), занимается приведением в исполнение мер безопасности и лечения.

3. Направляет в соответствующие органы и организации требования о приведении в исполнение иных мер безопасности и лечения (лишения права управления транспортными средствами, запрета на выдачу водительского удостоверения, запрета на осуществление профессии) и дополнительных наказаний (запрета на управление транспортными средствами).

4. Занимается взысканием денежных штрафов как вида уголовного наказания. При неуплате штрафа он взыскивается из стоимости имущества осужденного. Когда это невозможно, прокуратура заменяет денежный штраф арестом и обращает его к исполнению.

5. Принимает заявления о помиловании, условно-досрочном освобождении или замене наказания более мягким, проводит проверку по ним, приостанавливает исполнение наказаний, составляет собственные заключения и готовит мнения суда по данному вопросу.

Генеральный прокурор федеральной земли Бавария уполномочен в порядке помилования заменять наказание в виде лишения свободы сроком до 1 года на осуждение с условным неприменением наказания, назначать административные наказания в виде штрафа, снимать запрет на управление транспортными средствами, упразднять лишение права на управление транспортными

средствами, засчитывать в наказание предпринятые осужденным меры по устранению вреда и примирению с потерпевшим и т. п. [17, § 16, Nr. 2].

В компетенцию прокуратур большинства федеральных земель также входит:

1) ведение производств о совершении отдельных административных правонарушений, в особенности связанных с ведущимися прокуратурой производствами о совершении уголовно наказуемых деяний [6, § 40 ff.; 11, Nr. 269–271];

2) участие в вызывных гражданских производствах об объявлении без вести пропавшего лица умершим [15, § 16 Nr. 2, § 22, 30 Nr. 1];

3) участие на стороне государства в гражданских производствах по делам о возмещении материального вреда от незаконного уголовного преследования в соответствии с Законом о компенсациях за меры уголовного преследования [4];

4) осуществление международной правовой помощи по уголовным делам в соответствии с Законом о международной правовой помощи по уголовным делам [5].

До недавнего времени прокуратура была уполномочена подавать иски и заявления о признании брака недействительным, о признании лица недееспособным, о международном усыновлении, а также была держателем Центрального регистра производств прокуратуры при Федеральном центральном регистре судимостей, который теперь передан в ведение Федерального министерства юстиции [21].

Результаты проведенного анализа показывают, что отдельные вопросы, связанные с организацией и деятельностью прокуратуры ФРГ, могут быть рассмотрены в качестве положительного опыта для возможного применения в отечественной практике. Это касается, в частности, института подготовки к службе в органах прокуратуры, который позволял бы назначать на прокурорские должности юристов с продолжительным опытом трудовой деятельности по классическим юридическим специальностям.

Необходимо также отметить жизненность идеи создания на базе органов прокуратуры постоянно актуализируемого общегосударственного объединенного банка данных материалов проверок и надзорных производств органов прокуратуры.

Ввиду увеличения нормативно-правового поля и объема задач, стоящих перед прокуратурой, интересным также представляется опыт специализации прокурорских работников на отдельных видах производств и разрешении отдельных вопросов, лежащих в компетенции органов прокуратуры.

С позиций повышения качества поддержания обвинения также интересен принцип поддержания государственного обвинения в суде прокурорским работником, осуществлявшим надзор за предварительным расследованием и направившим дело в суд.

Кроме того, сегодня становятся все более актуальными альтернативные формы ответственности за уголовно наказуемые деяния и альтернативные формы уголовного преследования. Это касается прежде всего института применения прокурором отсрочки привлечения к уголовной ответственности с возможностью последующего прекращения уголовного преследования при условии выполнения подозреваемым (обвиняемым) и с его согласия возложенных на него прокурором обязанностей (примирения с потерпевшим и возмещения причиненного преступлением вреда, уплаты денежной компенсации и т. п.).

С позиций сокращения процессуальных издержек интересным представляется институт издания судебного приказа об уголовном наказании, который может выноситься судом в ходе особого сокращенного порядка рассмотрения дела и в отсутствие обвиняемого лишь на основании письменных материалов по уголовным делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, в случае если факт преступления очевиден, известно лицо, его совершившее, и его причастность к совершению преступления не вызывает сомнений.

Список использованных источников

1. Дашков, Г. Прокуратура в ФРГ / Г. Дашков, В. Кигас // Законность. – 1996. – № 11. – С. 50–53.
2. Додонов, В.Н. Прокуратуры стран мира: справ. / В.Н. Додонов; под общ. науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. С.П. Щербы. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 320 с.
3. Нимеллер, М. Уголовное судопроизводство и роль прокуратуры в Германии / М. Нимеллер // Рос. юстиция. – 1994. – № 10. – С. 28–30.
4. Gesetz über die Entschädigung für Strafverfolgungsmaßnahmen (StrEG), vom 8. März 1971 (BGBl. I S. 157) (BGBl. III 313-4) zuletzt geändert durch Gesetz zur Einführung des Euro in Rechtspflegegesetzen und in Gesetzen des Straf- und Ordnungswidrigkeitenrechts, yur Änderung der Mahnvordruckverordnungen sowie zur Änderung weiterer Gesetze vom 13. Dezember 2001 (BGBl. I S. 3574, 3577) // NomosGesetze. Strafrecht 15. Auflage, Baden-Baden, 2006, S. 1187–1191.
5. Gesetz über die internationale Rechtshilfe in Strafsachen (IRG), in der Fassung der Bekanntmachung vom 27. Juni1994 (BGBl. I S. 1537), (BGBl. III 319-87), zuletzt geändert durch Europäisches Haftbefehlsgesetz vom 20. Juli 2006 (BGBl. I S. 1721) // NomosGesetze. Strafrecht 15. Auflage, Baden-Baden, 2006, S. 973–998.
6. Gesetz über Ordnungswidrigkeiten (OWiG) in der Fassung der Bekanntmachung vom 19. Februar 1987 (BGBl. I S. 602) (BGBl. III 454-1) zuletzt geändert durch

Bundesschuldenwesenmodernisierungsgesetz vom 12. Juli (BGBl. I S. 1466, 1471) // NomosGesetze. Strafrecht 15. Auflage, Baden-Baden, 2006, S. 628–665.
7. Gerichtsverfassungsgesetz (GVG), in der Fassung der Bekanntmachung vom 9. Mai 1975 (BGBl. I S.1077) (BGBl. III 300-2) zuletzt geändert durch Gesetz zur Einführung der Europäischen Genossenschaft und zur Änderung des genossenschaftsrechts vom 14. august 2006 (BGBl. I S.1911, 1948) // NomosGesetze. Strafrecht 15. Auflage, Baden-Baden, 2006, S. 1355–1398.
8. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland vom 23.Mai 1949 (BGBl. I S. 1) (BGBl. III 100-1) zuletzt geändert durch Gesetz zur Änderung der Grundgesetzes vom 28. August 2006 (BGBl. I S. 2034) // NomosGesetze. Strafrecht 15. Auflage, Baden-Baden, 2006, S.1297–1339.
9. Strafgesetzbuch (StGB), in der Fassung der Bekanntmachung vom 13. November 1998 (BGBl. I S. 3322) (BGBl. III 450-2) zuletzt geändert durch Erstes Gesetz zum Abbau bürokratischer Hemmnisse insbesondere in der mittelständigen Wirtschaft vom 22. August 2006 (BGBl. I S. 1970, 1971) // NomosGesetze. Strafrecht 15. Auflage, Baden-Baden, 2006, S. 9–120.
10. Strafprozeßordnung (StPO), in der Fassung der Bekanntmachung vom 7.Apriel 1987 (BGBl. I S. 1074 S. 1319) (BGBl. III 312-2) zuletzt geändert durch Gesetz zur Novellierung der forensischen DNA-Analyse vom 12. August 2005 (BGBl. I S. 2360) // NomosGesetze. Strafrecht 15. Auflage, Baden-Baden, 2006, S. 749–872.
11. Richtlinien für das Strafverfahren und das Bußgeldverfahren (RiStBV) vom 1 Januar 1977 in der ab 1. Juli 1999 (bundeseinheitlich) geltenden Fassung zuletzt geändert durch bekanntmachung der Änderungen der Richtlinien für das Strafverfahren und das Bußgeldverfahren (RiStBV) vom 24. Mai 2006 (BAnz. S. 5074) // NomosGesetze. Strafrecht 15. Auflage, Baden-Baden, 2006, S. 999–1095.
12. 3002-J Anordnung über Organisation und Dienstbetrieb der Staatsanwaltschaften (OrgStA), Bekanntmachung des Bayerischen Staatsministeriums der Justiz vom 19. August 2005, Az.: 3262 – II – 11328/04.
13. Creifelds Rechtswörterbuch 19. Auflage, München, 2007.
14. Deutsches Richtergesetz (DriG), in der Fassung der Bekanntmachung vom 19. April 1972 (BGBl. I S. 713), zuletzt geändert durch Artikel 4 des Gesetzes vom 22. Dezember 2006 (BGBl. I S. 3416) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.juris.de/.../DRi_-_Deutsches_Richtergesetz.html. – Дата доступа: 11.04.2008.
15. Verschollenheitsgesetz (VerschG), in der im Bundesgesetzblatt Teil III, Gliederungsnummer 401-6, veröffentlichten bereinigten Fassung, zuletzt geändert durch Artikel 2 Abs. 19 des Gesetzes vom 19. Februar 2007 (BGBl. I S. 122) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.juris.de/.../VerschG_-_Verschollenheitsgesetz.html. – Дата доступа: 11.04.2008.
16. 2030-1-1-F Bayerisches Beamtengesetz (BayBG) in der Fassung der Bekanntmachung vom 27. August 1998 (GVBl 1998, S. 702) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bayern.de/.../Bayerisches_Beamtengesetz_(BayBG).html. – Дата доступа: 11.04.2008.
17. 313-3-J Bayerische Gnadenordnung (BayGnO) vom 29. Mai 2006 (GVBl 2006, S. 321) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bayern.de/.../ Bayerische_Gnadenordnung_(BayGnO).html. – Дата доступа: 11.04.2008.

18. 301-1-J Bayerisches Richtergesetz (BayRiG) vom 26. Februar 1965 idF letztes ÄndG vom. 8. Dezember 2006, 987(GVBl. S. 13) (BayRS IV, S. 524) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bayern.de/.../ Bayerisches_Richtergesetz_(BayRiG).html. – Дата доступа: 11.04.2008.
19. 2038-3-3-11-J Ausbildungs- und Prüfungsordnung für Juristen (JAPO) vom 13. Oktober 2003 (GVBl 2003, S. 758) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bayern.de/.../Ausbildungs-_und_Prüfungsordnung_für_Juristen.html. – Дата доступа: 11.04.2008.
20. Сайт Федерального министерства юстиции ФРГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.bmj.bund.de/.../Anschriften_der_Staatsanwaltschaften_ Stand_18.04.2006.pdf. – Дата доступа: 11.04.2008.
21. Сайт Федеральной генеральной прокуратуры ФРГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.generalbundesanwalt.de/de/Aufgaben_und_Organisation.htm. – Дата доступа: 11.04.2008.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КООРДИНИРУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ПРОКУРАТУРЫ

Сенько А.С.

Статья посвящена исследованию вопросов, связанных с осуществлением органами прокуратуры функции по координации деятельности правоохранительных органов в сфере противодействия правонарушениям (координирующей функции). На основании всестороннего анализа прокурорско-надзорного законодательства и правоприменительной практики прокуратуры автором констатируется, что наряду с осуществлением иных функций органы прокуратуры Республики Беларусь занимались координацией деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и иными правонарушениями. Основным результатом проведенного исследования стал вывод о том, что на протяжении советского этапа функционирования института прокурорско-надзорной деятельности органам прокуратуры Республики Беларусь всегда отводилась ведущая роль в системе организации противодействия преступности и иным правонарушениям, что обусловлено занимаемым органами прокуратуры уникальным местом в системе органов государственной власти. Автор показывает, что накопленный за десятилетия органами прокуратуры опыт в данной сфере следует оптимально использовать на современном этапе противодействия преступности и коррупции.

В юридической литературе еще не на должном уровне исследованы вопросы становления и развития координирующей функции прокуратуры (координации органами прокуратуры правоохранительной деятельности государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией, а также деятельности по борьбе с преступностью иных организаций, участвующих в

борьбе с преступностью, – ч. 2 ст. 4 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. «О прокуратуре Республики Беларусь»). Как правило, они рассматриваются только в учебной и учебно-методической литературе [1, с. 211–215; 2, с. 331–336]. Между тем их изучение представляет значительный теоретический и практический интерес, так как нынешние направления деятельности органов прокуратуры Республики Беларусь, формы и методы их реализации тесно связаны с правовым и правоприменительным наследием прошлого. В связи с этим особое значение приобретает анализ процесса развития координирующей функции органов прокуратуры, который позволяет обогатить наши представления о роли органов прокуратуры в противодействии преступности, прогнозировать в краткосрочной и долгосрочной перспективах тенденции динамики обозначенной функции прокуратуры.

Анализ прокурорско-надзорного законодательства и правоприменительной практики первых лет функционирования советской прокуратуры свидетельствует о том, что на органы прокуратуры уже в то время возлагалась функция координации борьбы с преступностью. Так, в преамбуле Положения о прокурорском надзоре, утвержденного 3-й сессией ЦИК Белорусской ССР указывалось, что в составе Народного комиссариата юстиции утверждается Государственная прокуратура в целях «осуществления надзора за соблюдением законов и в интересах правильной постановки борьбы с преступностью» [3]. Текущее законодательство того времени детализировало данное направление деятельности органов прокуратуры. В частности, в циркуляре № 67 от 1922 г. «Временная инструкция губернским прокурорам об общих задачах, возлагаемых на прокурора» Народного комиссариата юстиции РСФСР, действовавшего и на белорусских землях, указывалось, что прокурор и его помощники обязаны присутствовать «на всех заседаниях губисполкома и уисполкомов с совещательным голосом, а также на всех заседаниях других учреждений по вопросам борьбы с преступностью и проведением революционной законности» [4, п. 14]. Целью таких совещаний было объединение усилий правоохранительных органов по борьбе с преступностью, выработка необходимых мероприятий в этой сфере и обсуждение вопросов о правильной деятельности исправительно-трудовых учреждений, уголовного розыска и милиции.

Следует отметить, что в правоприменительной деятельности прокуратуры эффективно реализовывались указанные правовые нормы. К примеру, первого витебского губернского прокурора назначили на должность 9 июля 1922 г., а уже 20 сентября 1922 г. под его председательством было проведено первое губернское совещание по борьбе с преступностью, на котором были за-

слушаны доклады начальников губернской милиции и губернского розыска об их деятельности по борьбе с преступностью [5, с. 7–9]. На совещаниях по борьбе с преступностью под председательством витебского губернского прокурора в период времени 1922–1923 гг. были обсуждены вопросы о мерах борьбы с подпольной адвокатурой, о борьбе с детской преступностью, о кампании по сбору единого сельскохозяйственного налога, о конокрадстве, о контрабанде и др. [6, с. 10].

Как известно, последующая правовая регламентация организации и деятельности органов прокуратуры Республики Беларусь нашла свое отражение в Положении о судоустройстве БССР от 15 июля 1924 г., Положении о судоустройстве БССР от 31 октября 1925 г., Положении о судоустройстве БССР от 25 апреля 1931 г. [7, 8, 9]. Приведенные законодательные акты напрямую не возлагали на прокуратуру обязанности по осуществлению координирующей функции. Вместе с тем несомненно, что в эти годы органы прокуратуры реализовывали данную функцию. Во-первых, содержание координирующей функции вытекало из сути указанных в положениях о судоустройстве БССР направлений деятельности прокуратуры. Во-вторых, в юридической литературе небезосновательно указывается, что в период 1926–1930 гг. в практике деятельности правоохранительных органов твердо закрепились сложившиеся на местах формы координации: межведомственные совещания, выработка совместных циркулярных указаний местным органам, обмен информацией о состоянии деятельности правоохранительных органов и др., что давало ощутимый результат в борьбе с преступностью. Однако в начале 30-х гг. прошлого столетия координации стало уделяться все меньше внимания, а к 1933 г. она была практически сведена на нет [2, с. 332]. Итогом этого процесса, как указывают некоторые авторы, основываясь на вышеизложенных фактах, стало отсутствие в Положении о прокуратуре Союза ССР от 17 декабря 1933 г. норм, посвященных координации деятельности правоохранительных органов [1, с. 212; 10].

С таким суждением согласиться трудно, ибо оно не учитывает существующего на то время построения системы и организации прокуратуры. Положение о прокуратуре Союза ССР от 17 декабря 1933 г. регламентировало лишь организацию и деятельность прокуратуры Союза ССР. Органы же прокуратуры союзных республик, в том числе и БССР, находились в подчинении не прокуратуры Союза ССР, а Народных комиссариатов юстиции соответствующих союзных республик. Кроме того, их деятельность регламентировалась не Положением о прокуратуре Союза ССР от 17 декабря 1933 г., а соответствующими республиканскими положениями о прокурорском надзоре и положениями о судоуст-

ройстве. Поэтому более обоснованной выглядит точка зрения тех ученых и практиков, которые считают, что органы прокуратуры в рассматриваемое время продолжали в той или иной степени осуществлять координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью [2, с. 332].

Анализ содержания Положения о прокурорском надзоре в СССР от 24 мая 1955 г. показывает, что в нем отсутствует указание на осуществление органами прокуратуры координирующей функции [11]. Однако встречающийся в теории прокурорского надзора вывод о том, что приведенным Положением о прокурорском надзоре в СССР органы прокуратуры были отстранены от координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и иными правонарушениями, является преждевременным. В подтверждение сказанного есть смысл привести приказ Генерального прокурора СССР от 30 июня 1962 г. № 53 «О мерах по дальнейшему совершенствованию деятельности органов прокуратуры в борьбе с преступностью и нарушениями законности». В п. 4 данного приказа Генеральный прокурор СССР обязывал подчиненных ему прокуроров устранять разобщенность в деятельности органов прокуратуры, суда и МВД по борьбе с преступностью, систематически совместно обсуждать состояние преступности и определять конкретные меры по координации следственных и розыскных действий, направленных на полное раскрытие преступлений, устранение недостатков в деятельности административных органов и усиление борьбы с преступностью, особенно в тех городах и районах, где преступления наиболее распространены [12].

В последующие годы прослеживалась тенденция постепенного усиления реализации органами прокуратуры исследуемой функции. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 июля 1966 г. «О мерах по усилению борьбы с преступностью» отмечалось, что руководители органов внутренних дел, прокуратуры и суда обязаны на постоянной основе осуществлять совместные действия по наиболее важным вопросам борьбы с преступностью и укреплению правопорядка. В то же время следует подчеркнуть, что вопрос о руководящей роли прокуратуры в совместной деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности и иным правонарушениям в данном постановлении решен не был [13].

Руководящая роль органов прокуратуры в координации впервые была непосредственно определена на общегосударственном уровне в постановлении ЦК КПСС от 25 января 1972 г. по Брянской партийной организации, в котором правоохранительным органам предлагалось создать единый фронт по борьбе с преступностью и иными нарушениями законности. Руководство совместными

действиями возлагалось на прокуратуру. На усиление координирующей функции прокуратуры также было направлено постановление Президиума Верховного Совета СССР от 17 января 1979 г. «О практике применения и соблюдения органами прокуратуры и внутренних дел законодательства об охране правопорядка и борьбе с правонарушениями» [14].

В качестве отдельного, самостоятельного направления деятельности прокуратуры координирующая функция получила правовое закрепление в Законе СССР от 30 ноября 1979 г. «О прокуратуре СССР» [15]. В соответствии со ст. 3 названного нормативного правового акта прокуратура осуществляла координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступлениями и иными правонарушениями. И хотя в законе о прокуратуре эта деятельность определялась в самом общем виде, тем не менее и в центре, и на местах постепенно складывались и апробировались правоприменительной практикой формы координационной деятельности по борьбе с преступностью и иными правонарушениями.

В последующие годы неоднократно принимались меры по конкретизации координирующей функции органов прокуратуры. В постановлении Верховного Совета СССР от 3 июля 1985 г. «По отчету Генерального прокурора СССР о деятельности прокуратуры СССР по надзору за исполнением требований советских законов об укреплении правопорядка, охране прав и законных интересов граждан» отмечалось, что Генеральному прокурору СССР и подчиненным ему прокурорам необходимо принимать решительные меры по выявлению и своевременному устранению любых нарушений законности, уделяя при этом особое внимание четкой координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступлениями и иными правонарушениями [16, п. 1]. В постановлении ЦК КПСС от 4 июня 1987 г. «О мерах по повышению роли прокурорского надзора в укреплении социалистической законности и правопорядка» указывалось на необходимость усиления координации деятельности правоохранительных органов в борьбе с правонарушениями [17].

В конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого столетия центр тяжести по координации деятельности правоохранительных органов, направленной на борьбу с преступностью и иными правонарушениями, был перенесен на союзном уровне на временные комитеты по борьбе с преступностью (в последующем – на Комитет при Президенте СССР по координации деятельности правоохранительных органов), возглавляемые Первым заместителем Председателя Верховного Совета СССР; в союзных и автономных республиках – на Председателей Президиумов Верховных Советов республик; в краях, областях и городах – на председателей

исполнительных комитетов Советов народных депутатов [18; 19]. Здесь следует отметить, что органы прокуратуры в этот период продолжали на своем уровне осуществлять координирующую функцию. Помимо этого необходимо принимать во внимание и тот факт, что в состав временных комитетов по борьбе с преступностью в обязательном порядке включались соответствующие прокуроры.

При принятии Закона Республики Беларусь «О Прокуратуре Республики Беларусь» от 29 января 1993 г. белорусский законодатель первоначально также отказался от идеи монопольного осуществления прокуратурой координирующей функции [20]. Эта функция была передана Межведомственной комиссии по борьбе с преступностью, коррупцией и наркоманией при Совете Безопасности Республики Беларусь как постоянно действующему органу по координации работы министерств, государственных комитетов, других республиканских органов государственного управления, местных исполнительных и распорядительных органов, организаций и общественных объединений по борьбе с преступностью, коррупцией, незаконным оборотом наркотиков и наркоманией. Однако в последующем стало очевидным, что именно прокуратура способна – в дополнение и развитие проводимой Межведомственной комиссией по борьбе с преступностью, коррупцией и наркоманией при Совете Безопасности Республики Беларусь политики по противодействию преступности – на базовом уровне наиболее полно осуществлять координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. В связи с этим Законом Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. «О прокуратуре Республики Беларусь» на органы прокуратуры была вновь возложена обязанность по реализации координирующей функции [21].

Подводя итог историко-правовому анализу реализации органами прокуратуры координирующей функции, следует констатировать, что на протяжении всего затронутого в настоящей статье периода функционирования института прокурорско-надзорной деятельности органам прокуратуры Республики Беларусь отводилась ведущая роль в системе организации противодействия преступности и иным правонарушениям. Наряду с осуществлением иных функций, прокуратура постоянно осуществляла координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Накопленный за десятилетия опыт прокуратуры в этой сфере следует оптимально использовать в проводимой государством на современном этапе политике по противодействию преступности и коррупции.

Список цитируемых источников

1. Басков, В.И. Курс прокурорского надзора: учеб. для студентов юрид. вузов и фак. с приложением нормативных актов / В.И. Басков, Б.В. Коробейников. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2001. – 512 с.
2. Бессарабов, В.Г. Прокурорский надзор: учеб. / В.Г. Бессарабов. – М.: ТК Велби: Проспект, 2006. – 536 с.
3. Положение о прокурорском надзоре, 26 июня 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Социалистической Советской Республики Белоруссии. – 1922. – № 5. – Ст. 83.
4. Временная инструкция губернским прокурорам об общих задачах, возлагаемых на прокурора: циркуляр № 67 НКЮ РСФСР, 1922 г. // Еженедельник Советской юстиции. – 1922. – № 28. – С. 14–16.
5. На страже закона: к 75-летию Прокуратуры Витебской области Республики Беларусь / отв. за выпуск Л.П. Домашевский, И.Н. Богачев. – Витебск: УПП «Витебская областная типография», 1997. – 85 с.
6. Взгляд из прошлого в будущее: к 80-летию образования органов прокуратуры Республики Беларусь / отв. за выпуск А.И. Лесковец, И.Н. Богачев – Витебск: УПП «Витебская областная типография», 2002. – 312 с.
7. Положение о судоустройстве БССР [Извлечение], 15 июля 1924 г. // Советская прокуратура: сб. важнейших док. / сост.: Г.Н. Александров [и др.]; под общ. ред. М.П. Малярова – М.: Юрид. лит., 1972. – С. 148–151.
8. Положение о судоустройстве БССР, 31 октября 1925 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства БССР. – 1925. – № 49 (Отд. 1). – Ст. 382.
9. Палажэньне пра судабудаўніцтва БССР: пастанова Цэнтральнага Выканаўчага Камітэту і СНК БССР, 25 красавіка 1931 г. // Савецкая Беларусь. – 1931. – 17 мая. – С. 4.
10. Палажэнне аб пракуратуры Саюза ССР, 17 снежня 1933 г. // Збор законаў і загадаў Рабоча-сялянскага ўраду Саюзу Савецкіх Сацыялістычных Рэспублік. – 1934. – № 1. – Ст. 2б.
11. Положение о прокурорском надзоре в СССР: Указ Президиума Верховного Совета СССР Об утверждении Положения о прокурорском надзоре в СССР, 24 мая 1955 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1955. – № 9. – Ст. 222.
12. О мерах по дальнейшему совершенствованию деятельности органов прокуратуры в борьбе с преступностью и нарушениями законности [Извлечение]: Приказ Генерального прокурора СССР, 30 июня 1962 г., № 53 // Советская прокуратура: сб. важнейших док. / сост.: Г.Н. Александров [и др.]; под общ. ред. М.П. Малярова – М.: Юрид. лит., 1972. – С. 329–332.
13. В ЦК КПСС, Президиуме Верховного Совета СССР и Совете Министров СССР // Правда. – 1966. – 27 июля. – С. 2.
14. Заседание Президиума Верховного Совета СССР // Правда. – 1979. – 18 января. – С. 2.
15. О прокуратуре СССР: Закон СССР, 30 нояб. 1979 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1979. – № 49. – Ст. 843.

16. По отчету Генерального прокурора СССР о деятельности прокуратуры СССР по надзору за исполнением требований советских законов об укреплении правопорядка, охране прав и законных интересов граждан: постановление Верховного Совета СССР, 3 июля 1985 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1985. – № 27. – Ст. 480.
17. В Центральном Комитете КПСС: О мерах по повышению роли прокурорского надзора в укреплении социалистической законности и правопорядка // Правда. – 1987. – 19 июня. – С. 1.
18. О решительном усилении борьбы с преступностью: постановление Верховного Совета СССР, 4 авг. 1989, № 327-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. – 1989. – № 9. – Ст. 222.
19. Об утверждении положения о комитете при Президенте СССР по координации деятельности правоохранительных органов: Указ Президента СССР, 7 мая 1991 г., № УП-19251 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. – 1991. – № 20. – Ст. 588.
20. О Прокуратуре Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь, 29 янв. 1993 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1993. – № 10. – Ст. 95.
21. О прокуратуре Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь, 8 мая 2007 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2007. – № 119. – 2/1317.

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА РАССЛЕДОВАНИЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Серова Е.Б.

В статье рассматривается вопрос возможности использования криминалистических рекомендаций в деятельности прокурора, осуществляющего надзор за следствием и дознанием. Автор отмечает, что длительное время возможности, предоставляемые криминалистикой, в части осуществления прокурорского надзора за расследованием не использовались. В статье рассматриваются теоретические предпосылки использования криминалистических рекомендаций прокурором на различных стадиях прокурорско-надзорной деятельности, а также характеризуется специфика использования прокурором программно-целевого метода, метода моделирования и метода комплексного подхода. В частности, автором раскрываются понятия названных методов, определяется круг задач, которые могут быть решены с их использованием, кратко характеризуется технология применения каждого из названных методов, показана их взаимосвязь.

Успешное расследование любого преступления немыслимо без использования криминалистических рекомендаций. К сожалению, длительное время возможности, предоставляемые криминалистикой, в части осуществления проку-

рорского надзора за расследованием не использовались. Данное обстоятельство привело к тому, что прокуроры зачастую их игнорируют, ошибочно полагают невозможным использование криминалистических рекомендаций в своей деятельности. Между тем от активности и профессиональной подготовленности прокурора в решающей степени зависит обеспечение полноты исследования обстоятельств дела и постановление законного, обоснованного и справедливого приговора, без чего деятельность органов предварительного расследования не может дать практических результатов. На возможность использования прокурором криминалистических приемов, методов и средств уже обращалось внимание в литературе [9], однако в полной мере эти вопросы своего решения не нашли.

Преступление – явление объективной действительности, представляющее собой систему элементов, которые существуют фактически и обладают всеми качествами, присущими объектам материального мира. Каждый из них несет информацию о других элементах и может служить средством их установления [5]. Более того, все элементы преступления находятся во взаимосвязи [11] и обладают способностью к взаимодействию, которое влечет за собой образование многочисленных последствий в виде изменений других материальных объектов – следов. Связь между этими последствиями и событием, их вызвавшим, имеет объективный закономерный характер, позволяющий оптимизировать процесс осуществления уголовного преследования.

По своей природе прокурорский надзор за законностью осуществления расследования – специфическая форма познавательной человеческой деятельности. Всякий процесс познания случившегося предполагает анализ сложившейся ситуации, выявление тенденций ее возможного развития, формирование целей, которые в дальнейшем могут трансформироваться применительно к исполнителям и условиям деятельности. Важно правильно оценить затраты ресурсов и времени, связанные с реализацией намеченных планов. Для этого необходимо, чтобы информация поступала из заранее известных субъекту познания источников и по заранее подготовленным каналам и направлениям. Поиск информации должен осуществляться не только на базе механического накопления данных, но и путем ее мысленной активной переработки и использования [8]. Оказать существенную помощь в этом может использование научно разработанных криминалистических рекомендаций. Таким образом, не только следователь, но и надзирающий прокурор должен владеть положениями, разработанными в криминалистике.

Прокурор, получив материалы, содержащие выводы следствия, фактически проводит самостоятельное исследование обстоятельств дела по имеющимся в деле доказательствам, т. е. является субъектом доказывания. При этом он должен выполнить сложную аналитическую работу, тщательно исследовать всю совокуп-

ность фактических обстоятельств дела, проверить и оценить каждое доказательство, установить их взаимосвязь и взаимозависимость, выяснить причины преступления и другие важные обстоятельства. Только в этом случае можно говорить о решении стоящих перед ним задач. И те криминалистические рекомендации, которые изначально разработаны для предварительного расследования, могут быть приемлемыми при осуществлении прокурорско-надзорной деятельности.

При осуществлении своей деятельности прокурор имеет дело с определенной первичной для него информацией, содержащейся в материалах уголовного дела. Подчас эта информация имеет оценочный и фрагментарный характер или ее недостаточно, она противоречива, источники ее получения могут не удовлетворять требованиям закона. В связи с этим прокурор должен выявить возможности получения дополнительной информации, используя не только методы субъективного анализа, но и научные рекомендации, прежде всего связанные с программированием деятельности субъектов уголовного преследования.

Одним из таких методов является программно-целевой, представляющий собой «научный анализ, организацию расследования и получение по уголовному делу новых знаний с помощью заранее разработанных типовых криминалистических программ» [8].

В настоящее время прокурор, как правило, изучает дело достаточно бессистемно. Такой подход ведет к тому, что у него не формируется полной картины происшедшего; нередко он находится под влиянием позиции следствия, не замечает пробелов и противоречий в доказательственной базе. Все эти недостатки могут быть устранены при использовании программно-целевого метода. С использованием программ могут быть решены задачи:

1) связанные с трудностями, возникающими при работе с информацией, имеющейся в деле, направленные на:

– систематизацию и анализ всех имеющихся в деле данных, а не только тех, которые изложены в обвинительном заключении;

– выявление информации, не указанной в обвинительном заключении, в том числе противоречащей позиции следователя;

– получение выводных знаний;

– оценку информации с точки зрения законности, всесторонности, полноты и объективности проведенного расследования, прогнозирования возможности судебного рассмотрения дела с учетом выявленных пробелов следствия;

2) связанные с проверкой и оценкой имеющейся и с поиском дополнительной информации:

– решение вопросов возможности восполнения неполноты следствия;

– поиск путей сбора дополнительной информации, выбор для этого необходимых средств;

– определение путей проверки и оценки имеющейся информации;

– выбор оптимальной последовательности решения поставленных задач;

3) связанные с подготовкой и повышением квалификации прокурора, так как появляется возможность в короткие сроки изучить предшествующий опыт и сосредоточить основное внимание на формировании криминалистических навыков и умений.

Приступая к изучению материалов дела, прокурор должен решить для себя, какая типовая программа будет им использована, после чего изучить материалы дела, отмечая, какие обстоятельства установлены по каждому вопросу программы и с помощью каких доказательств закреплена полученная информация. При этом он обращает внимание на положительную информацию и на негативные обстоятельства. Одновременно он анализирует имеющуюся информацию и оценивает ее с точки зрения полноты. При этом определяется, какой информации на данном этапе не достает, выявляются все пробелы следствия, после чего прокурор должен решить, являются ли они существенными, могут ли быть восполнены и каким образом. Для этого он использует развернутые типовые программы. Полученные в результате анализа данные синтезируются, и образуется картина преступления, криминалистические модели потерпевшего и виновного.

Второй метод, который может быть использован прокурором, – метод моделирования, под которым понимается метод исследования криминалистических объектов на их моделях в целях получения новых знаний [1]. При его использовании прокурор строит, изучает и проверяет модель исследуемого объекта, в качестве которого чаще всего выступает событие преступления. Анализируя возможности использования метода моделирования, К.С. Чекалин подчеркивает, что моделирование – сложная система познания, состоящая из многих приемов научного исследования: наблюдения, измерения, эксперимента и т. п. [10]. Специфичность деятельности по осуществлению уголовного преследования вызывает возникновение существенных особенностей в использовании метода моделирования. Выражается это в специфике моделируемых объектов, решаемых при этом задач и характере получаемых знаний.

Применение метода моделирования состоит из следующих этапов: а) постановка проблемы и определение задач моделирования; б) построение модели; в) ее изучение; г) проверка; д) оценка результатов моделирования.

Построить мысленную модель – значить создать в уме образ, воспроизводящий изучаемый объект. Для построения модели прокурор определяет ее основные компоненты. Из них строится остов модели, который затем наполняется отдельными деталями. В результате создается мысленный образ исследуемого объекта, который соответствующим образом фиксируется.

Построенная модель изучается в целях выявления той информации, которая должна отобразиться в окружающей действительности, если модель построена верно и соответствует реальному объекту. Изучению подлежат все

компоненты и блоки модели. При этом нельзя ограничиваться суждением об очевидных фактах и обстоятельствах. Нужно стремиться выявить и изучить также и скрытые явления. Здесь следует подчеркнуть, что на рассмотренных этапах субъект познания должен отрешиться от имеющейся у него информации и оперировать только моделью.

На этапе проверки модели субъект познания возвращается к информации, имеющейся в действительности, и результаты изучения модели сверяются с той объективной информацией, которая имеется по делу.

Знания, полученные в результате проверки модели, переносятся на исследуемый объект. Вывод об истинности модели позволяет считать, что реальный объект является таким, каким он отражен в модели. Если строилась модель по выводам следствия, то обвинение можно считать доказанным; если подтверждается версия защиты, встает вопрос о необходимости принятия соответствующих процессуальных решений (например, направлении прокурором дела на дополнительное расследование).

Метод моделирования может применяться самостоятельно, но наиболее эффективно его использование в сочетании с другими криминалистическими методами и подходами, прежде всего программно-целевым методом. Анализируя информацию по тому или иному вопросу программы, прокурор может построить необходимые модели, изучить их и сравнить полученные результаты с имеющейся в деле информацией. Одновременно, изучая и проверяя модель, прокурор использует программы.

Преступление, как мы уже отмечали, сложная система, объективно связанная с рядом других систем – событиями, предшествующими преступлению, сопутствующими ему и последующими за ним, с которыми оно взаимодействует. Закономерности их возникновения и течения важны для судебно-следственной практики и способствуют изучению события преступления [7]. На этом основан комплексный подход, который можно охарактеризовать как метод организации изучения материалов уголовного дела путем исследования события преступления и комплекса событий, связанных с ним, в целях изучения и оценки имеющихся в деле доказательств, а равно для получения новых, ранее не установленных либо оставшихся без должного внимания со стороны органов предварительного расследования. При этом все события, связанные с преступлением, могут быть подразделены на типовые, повторяющиеся при совершении однородных преступлений, и индивидуальные для конкретного преступления [2].

Наиболее целесообразно применять комплексный подход в сочетании с методом моделирования. Для этого необходимо построить информационные модели виновного деяния и события преступления. За основу при построении указанных моделей берется фабула предъявленного обвинения, а также исполь-

зуются и те признаки, на которые указывает комплекс исследованных в ходе предварительного расследования событий, произошедших до, во время или после преступления и связанных с ним. Изучая построенные модели, прокурор должен стремиться выявить дополнительные выпавшие из поля зрения следствия признаки причастности лица к инкриминируемому ему деянию, на которые указывают события, связанные с преступлением. При проверке построенных моделей он выясняет, соответствует ли им личность обвиняемого и предъявленное обвинение. Одновременно выявляются пробелы следствия, а также намечаются пути их восполнения.

Аналогичные рекомендации могут быть даны и в тех ситуациях, когда события, связанные с преступлением, следствием не исследовались полностью. В этом случае государственный обвинитель строит необходимые модели и при их изучении прогнозирует, какие событии и признаки виновного деяния могли иметь место и какие следы от них должны были остаться.

Список использованных источников

1. Белкин, Р.С. Общая теория советской криминалистики / Р.С. Белкин. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1986.
2. Густов, Г.А. Комплексный подход к раскрытию убийства / Г.А. Густов. – Л.: ИУСР Прокуратуры СССР, 1985.
3. Густов, Г.А. Моделирование при расследовании преступлений: метод. рекомендации / Г.А. Густов. – 2-е изд., доп. и перераб. – Л.: ИУСР Прокуратуры СССР, 1986.
4. Густов, Г.А. Программно-целевой метод организации раскрытия убийств: учеб. пособие / Г.А. Густов. – СПб.: СПбЮИ ГП РФ, 1997.
5. Колдин, В.Я. Криминалистическое знание о преступной деятельности: функция моделирования / В.Я. Колдин. // Советское государство и право. – 1987. – № 2. – С. 63–69.
6. Коршунова, О.Н. О некоторых перспективах интеграции дифференциации знаний в криминалистике / О.Н. Коршунова, В.А. Образцов // Актуальные проблемы советской криминалистики. – М., 1979.
7. Образцов, В.А. Понятие и криминалистическое значение следственной ситуации / В.А. Образцов, В.Г. Танасевич. // Советское государство и право. – 1979. – № 8. – С. 109–115.
8. Рубис, А.С. Основы теории криминалистического обеспечения деятельности прокурора в сфере борьбы с преступностью: дисс. … д-ра юрид. наук / А.С. Рубис. – Минск, 2007.
9. Чекалин, К.С. Метод логико-математического моделирования в исследовании проблем организации патрульно-постовой службы милиции / К.С. Чекалин // Труды ВНИИ МВД СССР. – М., 1973. – № 27. – С. 10–18.
10. Эксархопуло, А.А. Основы криминалистической теории / А.А. Эксархопуло. – СПб.: Изд-во ЛГУ, 1992.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

ПРОБЛЕМЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В ЗАКРЫТЫХ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Миролюбова С.Ю.

Статья посвящена раскрытию ограничений права на свободу передвижения в закрытых административно-территориальных образованиях на территории Российской Федерации.

Закрытое административно-территориальное образование – муниципальное образование со специальным особым режимом.

Согласно Закону РФ № 3297-1 на территории Российской Федерации создаются закрытые административно-территориальные образования, для которых устанавливается и обеспечивается особый режим безопасного функционирования и работы предприятий.

Особый режим включает в себя: установление запретных и (или) контролируемых зон по границе и (или) в пределах закрытого административно-территориального образования; ограничения на въезд и (или) постоянное проживание граждан на его территории; ограничения на полеты летательных аппаратов над его территорией.

Объектами законодательно установленных ограничений являются несколько основных относительных прав граждан, являющихся частями основного абсолютного права на свободу передвижения человека и гражданина.

Субъектами ограничений права на свободу передвижения являются федеральные органы исполнительной власти и органы местного самоуправления закрытого административно-территориального образования.

Правовой основой функционирования особого режима в закрытом административно-территориальном образовании (далее – ЗАТО) и способом ограничения права на свободу передвижения является Закон РФ от 14 июля 1992 г. № 3297–1 «О закрытом административно-территориальном образовании» [1] и принятое на его основе и во исполнение Постановление Правительства РФ от 26 июня 1998 г. № 655 «Об утверждении положения об обеспечении особого режима в закрытом административно-территориальном образовании, на территории которого расположены объекты министерства обороны РФ» [2].

Согласно Закону РФ № 3297-1 на территории Российской Федерации создаются ЗАТО по роду деятельности промышленных предприятий по разработке, изготовлению, хранению и утилизации оружия массового поражения, пере-

работке радиоактивных и других материалов, военные и иные объекты (далее – предприятия и (или) объекты), для которых устанавливается и обеспечивается особый режим безопасного функционирования, включающий специальные условия проживания граждан, который является основой обеспечения особого режима (п. 7 Постановления Правительства РФ № 655).

Таким образом, особый режим, действующий в пределах территории конкретного муниципального образования, является основанием для ограничения личных прав граждан, поскольку безопасность функционирования государственных объектов зависит от наличия ограничений на реализацию прав и свобод граждан.

Особый режим безопасного функционирования предприятий и (или) объектов в ЗАТО включает в себя: установление запретных и (или) контролируемых зон по границе и (или) в пределах ЗАТО; ограничения на въезд и (или) постоянное проживание граждан на его территории; ограничения на полеты летательных аппаратов над его территорией (ст. 3 Закона РФ № 3291-1). Обеспечение особого режима осуществляется в порядке, установленном Правительством РФ.

Однако законодатель, вводя такие понятия, как «запретная зона» и «контролируемая зона», не раскрывает их содержания и не наделяет соответствующими полномочиями Правительство РФ.

Правительство РФ определило, что запретная зона – это территория объекта и контролируемая зона – территория ЗАТО без территории объекта.

Таким образом, мы полагаем, что Правительство РФ не только вышло за пределы возложенных на него полномочий, но и тем, что императивно определило установление в ЗАТО контролируемой зоны и запретной зоны, формально нарушило соответствующее положение закона, которое предусматривает альтернативность установления контролируемых и запретных зон в ЗАТО.

Ограничения права на свободу передвижения граждан в ЗАТО можно разделить на относительные и абсолютные в зависимости от последствий. Относительные ограничения характеризуется тем, что при выполнении административно установленных условий право может быть реализовано. Абсолютные ограничения ведут к запрету пользования правом и в зависимости от временного фактора разделяются на ограничения с определенным сроком и ограничения с неопределенным сроком. При этом относительные ограничения становятся абсолютными ограничениями при невыполнении условий, необходимых для реализации права на свободу передвижения, а абсолютные ограничения могут стать относительными.

Так, ограничение права на постоянное проживание и права на въезд в ЗАТО будет относительным для тех категорий граждан, которые, в соответствии с Постановлением Правительства РФ № 655, вправе получить разрешение на въезд в целях постоянного проживания, так как при выполнении ими условий, установленных Инструкцией о пропускном режиме, они смогут реализовать право на свободу передвижения на территории ЗАТО. В случае неисполнения ими установленных требований относительное ограничение права на свободу передвижения станет абсолютным на определенный или неопределенный срок. Для всех остальных граждан, которые не имеют оснований для проживания и въезда в ЗАТО, ограничение права на свободу передвижения имеет абсолютный характер с неопределенным сроком.

Ограничение права на свободу передвижения, объект которого – законодательно определенное право, устанавливается конституционно определенным способом и осуществляется законодательно уполномоченным субъектом в определенной форме. Допустимое ограничение права на свободу передвижения должно иметь правомерную цель (цели), законные основания и пределы использования, которые ограничены рамками законных оснований и правомерной цели (цели) и «необходимы в демократическом обществе».

Специальные условия проживания граждан на территории ЗАТО заключаются в ограничениях на въезд и (или) постоянное проживание граждан на территории ЗАТО, а также выезд с его территории. Таким образом, ограничению подлежит въезд и постоянное проживание граждан в ЗАТО, или только их постоянное проживание, или только въезд граждан в ЗАТО без ограничения их права на временное пребывание.

Ограничение на въезд на территорию ЗАТО заключается в ограничении доступа граждан на территорию контролируемой зоны, которой является территория ЗАТО без территории объекта, и в исключении доступа граждан на территорию запретной зоны (территорию объекта) без производственной необходимости (п. 8 Постановления Правительства РФ № 655). Право на въезд на территорию ЗАТО зависит от соответствия цели гражданина, желающего въехать в ЗАТО, установленным Правительством РФ основаниям для въезда. Фактически в основе разрешений на въезд в ЗАТО для временного пребывания или постоянного проживания лежат трудовые (служебные) или семейные (родственные) отношения.

Из ограничения права на въезд на территорию ЗАТО вытекает право граждан на получение документов, необходимых для въезда, т. е. ограничение служит основанием для возникновения административных правоотношений

между гражданином, государством и органами местного самоуправления по поводу реализации гражданином прав, выполнения обязанностей и, в случае их невыполнения, ответственности за их нарушение.

Ограничение на проживание на территории ЗАТО состоит в том, что не все категории граждан вправе постоянно или временно проживать на территории ЗАТО.

Из грамматического толкования изложенных положений Постановления Правительства РФ № 655 следует, что при наличии одинаковых оснований для постоянного проживания в ЗАТО одни категории граждан имеют преимущество перед другими в получении разрешения на въезд в ЗАТО, поскольку в одном из двух положений, регулирующих однотипные отношения, заложена неопределенность.

Учитывая Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» (далее Закон РФ № 5485-1), фразу «въезд граждан, не имеющих допуска к сведениям, составляющих государственную тайну» можно понять, во-первых, так, что граждане могут быть допущены к государственной тайне, но не были с ней ознакомлены; во-вторых, так, что гражданам было отказано в допуске к государственной тайне по основаниям ст. 21 Закона РФ № 5485-1; и в-третьих, так, что гражданам могло быть отказано по этим основаниям, если бы их было необходимо допустить к государственной тайне.

Таким образом, эта правовая норма неопределенна по своему содержанию и имеет несколько вариантов толкования, каждое из которых влечет для граждан самостоятельные юридические последствия. Действие этой нормы либо носит уточняющий характер для пп. 20–21 Постановления Правительства РФ № 655, либо вводит дополнительные условия для въезда в ЗАТО. Практика Конституционного Суда РФ [6] и анализ правовых актов, изданных органами местного самоуправления [3], показывают, что органы местного самоуправления отказывают гражданам в разрешении на въезд в ЗАТО по тем же основаниям, что предусмотрены для отказа в допуске к государственной тайне.

Таким образом, был нарушен общепризнанный принцип «предусмотрено законом», в соответствии с которым закон должен полностью описывать условия наложения ограничений на реализацию права на свободу передвижения для того, чтобы каждый при осуществлении права на свободу передвижения мог действовать рационально, представляя правовые последствия своего поведения. Поэтому любое ограничение, затрагивающие осуществление права на свободу передвижения, должно быть ожидаемым и предсказуемым, поскольку не может ставиться в зависимость от нормативных актов, содержащих неопределенности.

В пп. 26–27 Постановления Правительства РФ № 655 регулируется право на выезд граждан, проживающих в ЗАТО, за границу. В частности, установлено, что выезд за границу по частным вопросам (туризм, частное приглашение, лечение, отдых и т. д.) может быть ограничен в соответствии с законодательством РФ.

Поскольку Закон РФ № 3297-1 не предусматривает ограничений прав граждан, проживающих в ЗАТО, на выезд за границу и не наделяет должными полномочиями Правительство РФ, то в соответствии с международным принципом, что любые ограничения права на свободу передвижения должны быть «предусмотрены законом» [10, с. 61–74], можно сделать вывод о том, что Правительство РФ установило положения, не основанные на законе.

Следуя систематическому методу толкования Закона РФ № 3297-1 и Постановления Правительства РФ № 655, изданного в рамках имеющихся полномочий и образующего единое целое с самим законом, можно сделать вывод, что ограничения выезда граждан за границу вытекают из ограничений, предусмотренных Законом РФ № 5485-2 «О государственной тайне».

В Заключении № 193 (1996) по заявке России на вступление в Совет Европы, принятом Парламентской Ассамблеей Совета Европы 25 января 1996 г., указывается, что отмена ограничений применительно к поездкам граждан за границу в частных целях рассматривается как необходимое условие для членства в Совете Европы как организации, состоящей из государств-приверженцев принципов личной свободы, политической независимости и верховенства права (преамбула к Уставу Совета Европы). Однако обязательство России по отмене этого ограничения не было исполнено, а соответствующие положения национального законодательства до настоящего времени остаются в силе [7, с. 67].

Объектами законодательно установленных ограничений являются несколько основных относительных прав граждан, являющихся частями основного абсолютного права на свободу передвижения человека и гражданина. Так, ограничение на въезд граждан на территорию ЗАТО и ограничение на полеты летательных аппаратов над его территорией фактически ограничивают право граждан на непосредственное передвижение по территории Российской Федерации, включающее в себя возможность каждого, кто законно находится на территории страны, беспрепятственно, по своему усмотрению перемещаться по территории государства любым видом транспорта или иным способом без получения каких-либо разрешений и указаний. Ограничение права на проживание граждан в ЗАТО ограничивает граждан в выборе места пребывания и места жительства. Таким образом, конституционно гарантированное право на свободу

передвижения может быть реализовано на территории РФ с учетом элиминирования определенных закрытых государством территорий.

Субъектами ограничений права на свободу передвижения являются в различных вариантах законодательно установленного взаимодействия органы исполнительной власти федерального и регионального уровней, должностные лица государственных объектов и (или) предприятий, органы местного самоуправления ЗАТО. Органы местного самоуправления законодательно наделены государственно-властными полномочиями по ограничению свободы передвижения, в соответствии с которыми органы местного самоуправления имеют право в порядке, установленном Правительством РФ, участвовать в определении пропускного режима в ЗАТО; по согласованию с органами Федеральной службы безопасности давать разрешение на въезд граждан в ЗАТО и выезд из него, за исключением режимных территорий предприятий и (или) объектов; принимать решения о разрешении на постоянное проживание граждан на территории ЗАТО, согласованные с органами государственной власти субъектов РФ и федеральными органами исполнительной власти, в ведении которых находятся предприятия и (или) объекты, по роду деятельности которых создано ЗАТО.

На территории ЗАТО сохранился административный контроль за передвижением граждан, так как временное пребывание или постоянное проживание граждан на территории ЗАТО возможно при наличии разрешения, выданного в установленном порядке. При этом возможность получения гражданином соответствующего разрешения и пропуска поставлена в зависимость от присутствия различного рода условий и фактически от усмотрения административных органов и органов местного самоуправления ЗАТО, поскольку оснований для отказа в выдаче разрешений на въезд в ЗАТО законодательно не установлено.

Формами ограничения права на свободу передвижения граждан в ЗАТО служат разрешение на въезд в ЗАТО, пропуск и иные документы, устанавливаемые органами местного самоуправления в ЗАТО самостоятельно. Разрешение, которое необходимо получить гражданину для въезда на территорию ЗАТО, и прекращение действия такого разрешения или лишение его являются двумя сторонами административного статуса гражданина: разрешение на проживание или пребывание и разрешение на въезд равносильны установлению того, что требуемые условия имеются, а прекращение действия разрешения или лишение разрешения – что они более не существуют.

Анализ нормативных актов органов местного самоуправления ЗАТО, регламентирующих порядок получения разрешения на въезд и пропускного режима в ЗАТО, показывает, что органы местного самоуправления самостоятель-

но устанавливают: перечень документов, необходимых для получения разрешение на въезд в ЗАТО, который часто носит открытый характер; срок для подачи заявления о разрешении на въезд в ЗАТО и срок его рассмотрения, который может достигать 3 месяцев и более; разный срок действия аналогичных пропусков для въезда в ЗАТО; размер платы за выдачу пропуска или его дубликат; основания для проживания граждан в ЗАТО; категории граждан, которым может быть отказан или разрешен въезд в ЗАТО. Органы местного самоуправления в нарушение ч. 4 ст. 3 Закона РФ № 3297-1 устанавливают ответственность за нарушение пропускного режима и условий особого режима, где в качестве мер применяют отказ в выдаче разрешения на въезд в ЗАТО и отказ в выдаче пропуска для проезда в ЗАТО.

Основания для ограничений прав граждан на получение пропусков и на въезд (проход) в ЗАТО, устанавливаемые самостоятельно органами местного самоуправления ЗАТО [4, с. 6–7], явно выходящие за пределы законных оснований, не имеют законных оснований, правомерных целей и фактически ограничивают установленное ч. 1 ст. 27 Конституции РФ право каждого, кто законно находится на территории Российской Федерации, свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства, что противоречит ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, допускающей установление ограничений прав и свобод человека и гражданина лишь федеральным законом.

Различные требования к документам, необходимым для получения разрешения на въезд и получение пропуска, длительные сроки рассмотрения заявления и оформления пропуска, плата за выдачу пропуска или дубликата в качестве меры ответственности в случае умышленной порчи пропуска или небрежного хранения [3] выходят за пределы использования ограничений права на свободу передвижения и, по сути, могут стать для граждан фактическими препятствиями в реализации основных относительных прав, входящих в право на свободу передвижения.

Европейский суд придерживается мнения, что фактическое препятствие, которое делает невозможным реализацию права точно в то время, которое устанавливает правообладатель, является, по сути, запретом на его реализацию [8, с. 39–80]. Препятствием в реализации гражданами права на свободу передвижения в ЗАТО будут не только негативные действия со стороны государства в виде отказа в выдаче разрешения на проживание и въезд на территорию ЗАТО, но и позитивные действия – выдача разрешений на проживание и въезд, которые в том и другом случае ущемляют право на свободу передвижения. Такое вмешательство может быть оправдано не только наличием законных огра-

ничений, которые должны быть «необходимы» по соответствующим основаниям, но и действиями по ограничению, которые также должны быть «необходимы» по тем же основаниям. То есть закон должен предусматривать дискреционные полномочия государства и способы их осуществления государственной властью с достаточной ясностью, и они должны соответствовать правомерности цели, также как и меры, осуществляемые в развитие дискреционных полномочий. При этом должны быть обеспечены определенные меры в качестве гарантии защиты индивида от произвольного вмешательства властей в осуществление права на свободу передвижения. В свою очередь, дискреционные полномочия должны соответствовать таким критериям, как разумность, осторожность и добросовестность [9, с. 549–567].

Поскольку установленный законом режим ограничений основных прав и свобод граждан не имеет определенного срока и его длительность зависит от правового статуса ЗАТО и функционирования объектов и (или) предприятий, расположенных в его запретной зоне, для безопасности которых ограничиваются права и свободы граждан в контролируемой зоне, мы полагаем, что ограничения на въезд и (или) проживание в контролируемой зоне ЗАТО, установленные на основании закона, не соответствуют допустимым целям и общепризнанному принципу «необходимым в демократическом обществе».

В связи с тем, что Закон РФ № 3297-1 и Постановление Правительства РФ № 655 не сформулировали с достаточной точностью правой механизм ограничения права на свободу передвижения, который бы обозначил сферу свободы, в которой гражданин мог реализовать право по своему усмотрению, на наш взгляд, необходимо законодательно определить правовой статус каждого ограничения, механизм его реализации и гарантий эффективной защиты в случае незаконного вмешательства, для того чтобы каждый гражданин смог сообразовывать свое поведение, понимать последствия такого неисполнения и соотносить с ним меры, направленные на ограничение его прав.

Список использованных источников

1. О закрытом административно-территориальном образовании: Закон Рос. Федерации, 14 июля 1992 г., № 3297-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. – 1992. – № 33. – Ст. 1915.
2. Об утверждении положения об обеспечении особого режима в закрытом административно-территориальном образовании, на территории которого расположены объекты министерства обороны РФ: постановление Правительства Рос. Федерации, 26 июня 1998 г., № 655 // Собр. законодательства РФ. – 1998. – № 27. – Ст. 3180.

3. Об опубликовании инструкции: постановление Главы Администрации г. Заречного, 23 июля 2002 г., № 774 (вместе с Инструкцией № 720/51 о пропускном режиме ЗАТО г. Заречный Пензенской обл., утвержденной постановлением Главы Администрации г. Заречного Пензенской обл. от 11 июля 2002 г. № 723) // Заречье. – 2002. – № 31, 32.
4. Об утверждении инструкции по пропускному режиму в закрытое административно-территориальное образование Видяево: постановление, 24 марта 2008 г., № 216 // Вестн. Видяево. – 2008. – № 11. – С. 6–7.
5. Об утверждении инструкции по пропускному режиму в контролируемой зоне ЗАТО Снежногорск: постановление, 19 янв. 2004 г., № 29 // Северная Субботняя Газета. – 2004. – № 4. – С. 8. О порядке въезда граждан на территорию контролируемой зоны закрытого административного образования город Радужный Владимирской области: решение Совета народных депутатов ЗАТО г. Радужный, 26 апр. 2007 г., № 11/66 (вместе с Порядком оформления разрешения на въезд граждан РФ для постоянного проживания или временного пребывания на территории контролируемой зоны закрытого административного образования г. Радужный Владимирской обл.) // Радуга-информ. – 2007. – № 19.
6. Об Отказе в принятии к рассмотрению запроса сормовского районного суда г. Нижнего Новгорода о проверке конституционности ряда положений закона РФ «О закрытом административно-территориальном образовании» от 14 июля 1992 г. № 3297-1: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 25 дек. 2003 г., № 420-О // Вестн. Конституционного Суда РФ. – 2004. – № 3.
7. Решение Европейского Суда по правам человека Бартик против Российской Федерации // Бюл. Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2007. – № 6. – С. 67, 115–125.
8. Решение Европейского Суда по правам человека: Голдер против Соединенного Королевства // Европейский суд по правам человека. Избранные решения: т. 1. – М.: Норма, 2000. – С. 39–80.
9. Решение Европейского Суда по правам человека от 24 марта 1988 г.: Олссон против Швеции // Европейский суд по правам человека. Избранные решения: т. 1. – М.: Норма, 2000. – С. 549–567.
10. Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2006. – № 8. – С. 61–74.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Мурашко Л.О.

В статье рассматриваются пробелы, их причины, виды, и прежде всего пробел в законодательстве (как отсутствие непосредственно закона, отсутствие в законе необходимых положений, отсутствие подзаконного акта). В качестве пробела рассматривается ситуация правовой неопределенности и субсидиарного применения права.

В каждом случае приводятся примеры из практики Конституционного Суда Республики Беларусь, когда выявлялись пробелы в ходе рассмот-

рения дела и предлагалось нормотворческим органам их устранить, приняв соответствующий нормативный правовой акт.

Автор анализирует способы преодоления пробелов общими судами и отдельные решения Конституционного Суда, оценивающие правомерность данного вида правоприменительной практики.

Развитие общественных отношений всегда сопровождается изменениями действующего законодательства[1]. В таких условиях законодательству трудно быть стабильным. Пробельность права в современной отечественной науке исследуется с точки зрения восполнения пробелов, их предотвращения, выяснения причин и условий, обуславливающих пробельность в праве. Указанный подход совпадает с традицией, установившейся в советском праве, где с 80-х гг. прошлого столетия началась научная разработка данной тематики с привлечением достижений в этой сфере дореволюционных ученых, например немецкого цивилиста Э. Цительмана (E. Zitelmann) или известного советского ученого в области гражданского права Я.М. Магазинера. Можно указать труды В.В. Лазарева, П.Е. Недбайло и др. [1]. В белорусской науке того времени должного внимания эта тема не получила. При анализе законодательства в отдельных отраслях права авторы указывают на такое явление, как пробелы, и предлагают пути их преодоления [2].

Традиционно пробел в правовом регулировании определяют как полное либо частичное отсутствие правовой нормы, необходимой для эффективного регулирования общественных отношений. В Законе «О нормативных правовых актах в Республике Беларусь» пробелы в законодательстве определены как отсутствие правовых норм, регулирующих общественные отношения, необходимость регулирования которых обусловлена сущностью и содержанием действующей правовой системы государства, принципами и нормами международного права (ст. 1).

Что касается видов пробелов, то в зависимости от критериев выделяются различные виды пробелов: пробелы действительные, мнимые и намеренные; пробел в праве и пробел в законодательстве. К явлению пробельности относят также такое состояние права, как правовая неопределенность. Наиболее традиционное деление пробелов на виды базируется на субъекте преодоления (восполнения) пробела – законодателем или судом. В этом случае, если право направлено на регулирование общественных отношений, традиционно являю-

[1] Акты о внесении изменений и дополнений в уже принятые акты (прежде всего законы) составляют в Республике Беларусь около 30 % от общего количества принимаемых актов.

щихся сферой юридического воздействия, то пробел в таких правовых нормах достаточно быстро выявляется, при этом существуют традиционные способы его устранения. Например, в отрасли гражданского права, предмет которой традиционно является сферой правового регулирования, применение аналогии закона и аналогии права является устоявшимся способом преодоления пробелов судом. Если возникают принципиально новые, не регулировавшиеся ранее правом отношения (например, всемирная сеть Интернет, создание электронных средств массовой информации, информационных угроз и т. п.), то выявляемый пробел в регулировании может быть устранен, как правило, только законодателем.

Если вести речь о Конституционном Суде Республики Беларусь, то по сложившейся за последние годы практике он в своих решениях при выявлении пробелов предлагает нормотворческому органу устранить данный пробел.

Например, в решении от 10 мая 2007 г. № П-213/2007 «О совершенствовании положений Закона Республики Беларусь "Об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках"» Конституционный Суд указал на имеющийся пробел в законе: не установлена обязанность местных исполнительных и распорядительных органов взаимно согласовывать решения, касающиеся организации пригородных автомобильных перевозок пассажиров, осуществляемых по территории различных административно-территориальных единиц; также не закреплена процедура согласования решений местных органов, затрагивающих права и законные интересы граничащих между собой административно-территориальных единиц.

В решении от 15 сентября 2004 г. № Р-176/2004 «О правовом регулировании возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью граждан, в связи с ликвидацией юридических лиц, обязанных осуществлять платежи в возмещение данного вреда» Конституционный Суд указал на пробел в законодательстве на уровне актов Правительства: право возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью граждан, которое было предметом исследования в Конституционном Суде, предусмотрено положениями Закона Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)»; порядок же его реализации, отнесенный к компетенции Правительства, не был определен.

В решении от 3 апреля 2001 г. № Р-112/2001 «О праве граждан на обращение в суд по вопросам, возникающим в связи с осуществлением уголовно-процессуальных отношений» Конституционный Суд указал на пробел в уголовно-процессуальном законодательстве в части отсутствия закрепления права на обжалование в суд действий и решений органа дознания, дознавателя и следователя.

Пробел в законодательстве может быть преодолен судом. В компетенцию суда входит установление пробела и, несмотря на его наличие, принятие всех мер для рассмотрения конкретного дела по существу, т. е. суд не должен отказывать заявителю в рассмотрении дела по мотивам пробельности. В ст. 72 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» предусмотрено, что до внесения соответствующих изменений и (или) дополнений в нормативные правовые акты преодоление пробелов может осуществляться путем использования институтов аналогии закона и аналогии права.

Институты аналогии закона и аналогии права являются традиционными способами преодоления пробела в законодательстве. При этом следует помнить, что применение института аналогии является разовым средством восполнения пробела в системе права. Правоприменитель выявляет конкретные формы сходства правовых ситуаций и, абстрагируясь от них, обобщенно выражает путем применения аналогии определенный тип объективно сходных отношений. Точность вывода по аналогии зависит от глубины, определенности, полноты знаний о сравниваемых правовых явлениях. Субъект, применяющий аналогию в праве (как правило, судья), должен ясно представлять всю систему права, быть компетентным, нести ответственность за принимаемые решения.

Оценка Конституционным Судом конституционности применения аналогии закона и аналогии права в правоприменительной практике происходит редко, однако, по мнению автора, имеет большое значение для национальной правовой системы. Указывая в своих решениях на необходимость либо, наоборот, на недопустимость применения судами института аналогии закона (реже права), Конституционный Суд при выработке своей правовой позиции, по сути, осмысливает сложную правовую ситуацию, по разрешению которой уже была проведена большая аналитическая работа представителями наиболее высококвалифицированной профессиональной части юристов – судьями.

Аналогия закона в строго юридическом смысле предусматривает решение дела на основе закона, который регулирует отношения, сходные с отношениями, рассматриваемыми судом.

Конституционный Суд в своих решениях обращал внимание на возможность использования норм законов, регулирующих сходные с рассматриваемыми отношения, в целях устранения пробелов.

В решении от 4 октября 2006 г. № Р-196/2006 «О технических нормативных правовых актах» Конституционный Суд отметил, что в Законе «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» вопросы, касающиеся технических нормативных актов, не урегулированы. Суд, указывая на необхо-

димость обеспечения единого комплексного подхода к определению порядка принятия, опубликования или доведения до сведения граждан и юридических лиц иным способом технических нормативных правовых актов, определил, что при их принятии должны учитываться требования, предусмотренные в Законе «О нормативных правовых актах Республики Беларусь».

В решении от 15 июля 2002 г. № Р-144/2002 «Об обеспечении конституционного права осужденных к лишению свободы на судебное обжалование примененных к ним мер взыскания» Конституционный Суд указал, что положения Уголовно-процессуального кодекса и Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» обязывают применять аналогию в уголовном процессе в данном случае, т. е. в целях реализации осужденными права на судебное обжалование примененных к ним мер взыскания. Данное право, как отметил Конституционный Суд, не может быть поставлено в зависимость от принятия в будущем закона о внесении изменений и дополнений в уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство.

В своих решениях в отношении института аналогии закона Конституционный Суд указывал не только на необходимость его применения, но, рассматривая соответствие правоприменительной практики нормативным правовым актам, и на недопустимость подобного применения.

В решении от 12 ноября 2002 г. № Р-151/2002 «Об определении понятия "доход" для целей квалификации незаконной предпринимательской деятельности при привлечении к уголовной ответственности» Конституционный Суд указал, что используемое для квалификации незаконной предпринимательской деятельности как преступления понятие «доход», определенное в различных актах законодательства, в том числе и в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2001 г. № 6 «О судебной практике по делам о незаконной предпринимательской деятельности», не может применяться в уголовно-правовых отношениях, так как Уголовный кодекс является единственным уголовным законом, действующим на территории Республики Беларусь, а применение уголовного закона по аналогии не допускается. Правовая позиция Конституционного Суда заключается в том, что определение понятия «доход» применительно к незаконной предпринимательской деятельности должно содержаться не в различных законах, актах Президента либо постановлениях Пленума Верховного Суда, а в Уголовном кодексе.

Институт аналогии права в целях преодоления пробелов в законодательстве характерен для белорусской системы права в меньшей степени, что объясняется преобладанием нормативного подхода как в научной доктрине, так в

правотворчестве и правоприменении. При этом в рамках аналогии права возможно применение как общих принципов отрасли, так и общих начал и принципов права. Гражданский кодекс Республики Беларусь содержит положения, согласно которым при невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из основных начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права).

Конституционный Суд Республики Беларусь в Послании о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь 2002 г. анализировал ряд общеправовых принципов и норм, закрепленных в Конституции, которые должны учитываться правотворческими и правоприменительными органами в их деятельности [3]. Что касается непосредственно практики конституционного контроля, то в отдельных решениях Конституционный Суд указывает, как следует понимать и применять конкретную норму, исходя из общих принципов права.

Например, в решении от 25 апреля 2001 г. № Р-115/2001 «О соответствии Конституции статьи 37 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях и практики ее применения» отмечено, что в данном Кодексе не установлены предельные сроки, в течение которых допустим пересмотр постановлений по делам об административных таможенных правонарушениях с применением такого вида административного взыскания, как конфискация вещей, являющихся непосредственными объектами административных таможенных правонарушений, и предметов со специально изготовленными тайниками, использованными для сокрытия вещей от таможенного оформления. Таким образом, законодатель допустил, по существу, бессрочный характер такой ответственности. Конституционный Суд указал, что такой подход не согласуется с общими принципами юридической ответственности, для которой характерно установление предельных сроков давности при привлечении лица к административной ответственности. В целях обеспечения прав граждан законодатель должен установить максимальный срок, в пределах которого должен решаться этот вопрос. Анализ уголовного, уголовно-процессуального, гражданского процессуального, трудового законодательства показывает, что законодателем устанавливаются сроки, являющиеся пресекательными для привлечения к ответственности.

В качестве пробела в правовом регулировании рассматривается и такая ситуация, как правовая неопределенность. Пробел как правовая неопределенность предполагает, что в рамках предложенного законодателем (другим нормотворческим органом) правового регулирования имеется несколько вариантов решения. Для национального законодательства такое положение чаще всего обусловлено сложным периодом формирования национальной правовой системы,

в течение которого происходил поиск решений (в том числе законодательных) проблем общественного развития.

Конституционный Суд неоднократно обращал внимание на имеющуюся в законодательстве неопределенность такого рода и предлагал уполномоченным органам устранить ее.

В решении от 5 октября 2000 г. № Р-103/2000 «О практике применения решений Конституционного Суда Республики Беларусь от 2 июля 1999 г. «О некоторых вопросах представительства в суде по гражданским делам», от 13 декабря 1999 г. «О некоторых вопросах обеспечения гражданам конституционного права на получение юридической помощи в уголовном процессе», от 4 июля 2000 г. «О некоторых вопросах, связанных с оказанием юридической помощи осужденным» в части реализации положений статьи 62 Конституции» Конституционный Суд предложил законодателю однозначно очертить круг лиц, имеющих право на оказание юридической помощи, включая институт представительства в гражданском судопроизводстве.

В решении от 24 апреля 2003 г. № Р-156/2003 «О правовом регулировании уплаты государственной пошлины при рассмотрении трудовых споров» Конституционный Суд указал, что вопрос об уплате государственной пошлины по трудовым спорам при обращении в различные инстанции (суд или прокуратуру) должен быть однозначно урегулирован в действующем законодательстве (в частности, Законом «О государственной пошлине» определены категории лиц, которые освобождены от уплаты государственной пошлины) с учетом положений Трудового кодекса об освобождении работников от уплаты судебных расходов при рассмотрении трудовых споров.

По устоявшейся правовой традиции к тематике пробельности относится институт субсидиарного применения права [4]. Что касается примеров из практики конституционного правосудия Беларуси, то в решении от 25 апреля 2001 г. № Р-115/2001 Конституционный Суд предложил до восполнения пробела ориентироваться на трехгодичный срок, установленный нормами Гражданского кодекса.

Институт конституционного контроля выступает как одно из средств по выявлению пробелов и их устранению. На практике Конституционный Суд Республики Беларусь приходит к выводу о пробельности законодательства при рассмотрении вопроса о конституционности конкретного нормативного правового акта. Выявляя пробел, Конституционный Суд предлагает компетентным нормотворческим органам принять соответствующий нормативный правовой акт, который бы его устранил. Ряд решений Конституционного Суда Республи-

ки Беларусь, приведенных в качестве примера, показывает, что предложенные этим органом способы устранения пробелов актов учитывают большое количество факторов, помогая нормотворческим органам правомерно и оперативно регулировать правовые коллизии.

Список использованных источников

1. Магазинер, Я.М. Пробелы в праве / Я.М. Магазинер. // Правоведение. – 1997. – № 4.
   Тилле, А.А. Время, пространство, закон / А.А. Тилле. – М.: Юрид. лит., 1965.
   Недбайло, П.Е. Применение советских правовых норм / П.Е. Недбайло. – М.: Госюриздат, 1960.
   Лазарев, В.В. Пробелы в праве и пути их устранения / В.В. Лазарев. – М.: Юрид. лит., 1974.
   Явич, Л.С. Общая теория права / Л.С. Явич. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1976.
2. Вербова, О.В. Проблема заполнения «пробелов в праве» / О.В. Вербова // Юридическая наука и образование в Республике Беларусь на современном этапе: материалы Междунар. науч. конф., 31 окт. 2003 г. / отв. ред. Г.А.Зорин. – Гродно: ГрГУ, 2003. – С. 34–36.
   Витушко, В.А. Презумпции, фикции, догмы, пробелы и тенденции развития права в процессе его применения / В.А. Витушко // Деятельность Верховного Суда Республики Беларусь в условиях развития и совершенствования национального законодательства: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17 апр. 2003 г. / под ред. В.О. Сукало. – Минск: Бел. навука, 2003. – С. 81–88.
3. Официальный сайт Конституционного Суда Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ncpi.gov.by/ConstSud/rus/constit_doc9.html. – Дата доступа: 10.10.2008.
4. Янев, Я.Г. Субсидиарное применение норм права / Я.Г. Янев // Советское государство и право. – 1976. – № 12. – С. 75–81.
   Грось, Л. Субсидиарное применение норм материального права / Л. Грось // Советская юстиция. – 1988. – № 24. – С. 18–19.

НОРМОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Петров А.П., Петрова М.С.

С принятием Конституции в Республике Беларусь появился институт президентства, который является сравнительно новым явлением в системе государственных органов нашего государства. Довольно быстро он занял центральное место в этой системе. Конституция после изменений и дополнений, принятых в 1996 г., охарактеризовала Президента как Главу государства и наделила его довольно значимыми полномочиями. Одними из таких полномочий являются полномочия Президента в нормо-

творческой сфере, которые стали одним из значимых рычагов в системе разделения государственной власти.

В данной статье исследуются полномочия Президента Республики Беларусь в нормотворческой сфере. Дается анализ таких институтов нормотворчества Главы государства, как декрет, указ, распоряжение; рассматривается проблема их иерархии и соотношения с другими нормативными правовыми актами; определяется их место в системе законодательства.

Конституция Республики Беларусь предусматривает возможность издания Президентом нормативных правовых актов. Согласно ст. 85 Конституции, Президент издает указы и распоряжения, а в случаях, предусмотренных Конституцией, декреты, имеющие силу законов [1].

Принципиально новым явлением в конституционном законодательстве Беларуси явилось наделение Президента правом издания декретов, имеющих силу закона. Вопрос о законодательных полномочиях главы государства является достаточно дискуссионным. Одни исследователи говорят, что роль президента в правотворчестве должна ограничиваться участием в законодательном процессе, проходящем в Парламенте, другие утверждают, что глава государства должен обладать также правом самостоятельного издания соответствующих нормативных актов [2, с. 61].

Вместе с тем анализ конституционной практики различных государств мира позволяет сделать вывод, что активное участие главы государства в формировании системы законодательства не является чем-то исключительным. В ряде стран глава государства имеет право на издание актов, имеющих силу закона [3, с. 213]. Основными аргументами в пользу внепарламентской законодательной деятельности являются, в первую очередь, необходимость обеспечения оперативности законодательного регулирования, что особенно важно в условиях коренных политических и экономических преобразований, а также гибкость и меньшая формальность издания актов. Но есть и свои минусы в наделении президента такими полномочиями – это меньшая прозрачность принятия нормативных правовых актов, возможность узурпации власти, а также проблема соотношения юридической силы актов различных государственных органов, в частности президента и парламента. При решении данных вопросов при взвешенном, продуманном подходе издание главой государства актов, имеющих силу закона, является допустимым и в какой-то мере оправданным.

В соответствии со ст. 137 Основного Закона Конституция обладает высшей юридической силой. Законы, декреты, указы и иные акты государственных органов издаются на основе и в соответствии с Конституцией. В случае расхождения

закона, декрета или указа с Конституцией действует Конституция [1]. Таким образом, приоритет Конституции перед всеми иными правовыми актами, в том числе актами Главы государства, бесспорен. Именно это конституционное положение позволяет обеспечивать устойчивый правовой режим в государстве, реализацию принципа верховенства права. Что касается иерархии иных правовых актов, она прописана в конституционных нормах не вполне определенно. Так, согласно ч. 3 ст. 137 Конституции в случае расхождения декрета или указа с законом закон имеет верховенство лишь тогда, когда полномочия на издание декрета или указа были предоставлены законом [1]. Эта формулировка позволяет неоднозначно толковать соотношение актов Президента и законов.

Нельзя не согласиться с мнением Г.А. Василевича, который при определении субординации правовых актов предлагает исходить прежде всего из важнейшего аспекта концепции разделения властей, согласно которому акты Президента и Парламента в первую очередь должны базироваться на Конституции [4, с. 22]. Таким образом, конституционным должен признаваться правовой акт, принятый государственным органом в соответствии с его правотворческой компетенцией, закрепленной Конституцией и не противоречащий последней. Однако этого вывода недостаточно, чтобы разрешить все возможные коллизии нормативных актов, которые могут возникнуть в правоприменительной деятельности. Возможны ситуации, когда и закон, и акт Президента основаны на Конституции, но не согласуются между собой; нельзя исключить и случаи несоответствия актов Главы государства различного уровня, хотя эта проблема и менее актуальна. Чтобы представить четкую схему соотношения правовых актов, следует рассмотреть каждый из видов нормативных актов Президента в отдельности.

Согласно ч. 1 ст. 101 Конституции Палата представителей и Совет Республики законом, принятым большинством голосов от полного состава палат, по предложению Президента могут делегировать ему законодательные полномочия на издание декретов, имеющих силу закона [1]. Характерными чертами данного института являются: инициатива органа или должностного лица, которому делегируются законодательные полномочия (в данном случае Главы государства); ограниченный период действия делегированных полномочий; четко очерченный предмет правового регулирования актов, издаваемых на основании делегированных полномочий; установление круга общественных отношений, выведенного за пределы сферы регулирования делегированного законодательства; парламентский и судебный контроль за осуществлением делегированных полномочий [5, с. 93].

Поскольку решение о делегировании Президенту законодательных полномочий принимается палатами Национального собрания в форме закона, нет никаких правовых препятствий для принятия закона об отмене закона о делегировании еще до истечения срока его действия. Аналогичным образом закон о делегировании может быть изменен. Конституция устанавливает приоритет закона перед декретом, если полномочия на издание декрета были предоставлены законом. Таким образом, Парламент вправе найти иное законодательное решение вопроса, урегулированного декретом. При этом предварительная отмена декрета не является обязательной. Одновременное правотворчество двух органов в одной и той же области неизбежно приведет к правовой неразберихе и не будет способствовать формированию целостной и гармоничной системы законодательства.

В соответствии с абзацем вторым ч. 4 ст. 116 Конституции декреты Президента могут быть рассмотрены Конституционным Судом на предмет их соответствия Конституции и международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь. В указанной норме усматривается одно упущение: декреты, издаваемые в соответствии с ч. 1 ст. 101 Конституции, должны оцениваться Конституционным Судом и на предмет их соответствия законам. Это положение прямо вытекает из ч. 1 ст. 137 Конституции и в перспективе должно найти соответствующее закрепление в ст. 116 Основного Закона [1].

Надо, однако, признать, что все вышеперечисленные проблемы носят абстрактно-теоретический характер. Со дня принятия новой редакции Конституции Президент Республики Беларусь ни разу не обращался в Национальное собрание с предложением о делегировании ему законодательных полномочий, а поэтому практика делегирования на сегодняшний момент не сложилась. Причина этого, видимо, кроется в самой Конституции. У Президента нет никакой необходимости прибегать к достаточно сложной процедуре получения делегированных полномочий, к тому же во многом ограниченных, поскольку он обладает другим очень эффективным инструментом регулирования общественных отношений, каким является издание временных декретов.

В соответствии с ч. 3 ст. 101 Конституции временные декреты издаются Президентом по своей инициативе либо по предложению Правительства [1]. В последнем случае они должны скрепляться подписью Премьер-министра. Как отмечает Г. А. Василевич, подписание декрета Премьер-министром подчеркивает ответственность Правительства за последствия издания декрета [6, с. 143]. Хотя практика издания временных декретов получила достаточно ши-

рокое распространение, случаев их издания по предложению Правительства пока не было.

Конституция предусматривает, что временные декреты издаются в силу особой необходимости. Особая необходимость – оценочная категория, которую очень сложно наполнить строгим юридическим содержанием.

На данный момент ни один декрет палатами Национального собрания отменен не был. 18 декабря 2002 г. Палата представителей впервые в практике белорусского Парламента приняла решение об отмене декрета, однако это решение не было поддержано Советом Республики, который принял данный декрет к сведению.

Издание временных декретов должно носить все же исключительный характер. Особенно осторожно следует относиться к изданию временных декретов во время сессий палат Парламента и незадолго до их открытия. При необходимости решения неотложных проблем законодательного регулирования Президент, в соответствии с ч. 3 ст. 99 Конституции, имеет право объявить рассмотрение законопроекта срочным, и в этом случае палаты Национального собрания должны рассмотреть его в течение 10 дней со дня внесения [1].

Издание Президентом Республики Беларусь временных декретов потребовало выработки процедур рассмотрения их палатами Парламента. В настоящее время соответствующие положения включены в регламенты Палаты представителей и Совета Республики Национального собрания. Результатом рассмотрения временного декрета в палатах Парламента является принятие постановления. Причем возможность повторного рассмотрения декрета после принятия его к сведению прямо предусмотрена ст. 192 Регламента Палаты представителей [7].

Ч. 3 ст. 101 Конституции предусмотрено, что палаты Парламента могут регулировать законом отношения, возникшие на основе декретов, которые отменены [1]. В отношении временных декретов Президента Республики Беларусь установлен усложненный порядок их отмены (квалифицированным большинством) по сравнению с принятием обычных законов. Таким образом, указанное положение Конституции фактически полностью блокирует дальнейшую законодательную деятельность Парламента в сфере, урегулированной временным декретом.

Действующее законодательство не дает ответа на вопрос, вправе ли Глава государства в случае отмены временного декрета Парламентом издать новый декрет аналогичного содержания. Во всяком случае, правовых препятствий для этого не усматривается. В то же время такой подход сводит на нет право законодательного органа на отмену временных декретов [8, с. 112].

Сроки действия временных декретов не установлены, хотя сам термин «временный декрет» предполагает непостоянный характер правового регулирования этими актами. Но в законодательстве нигде не закреплен данный аспект, и становится неясен временный характер декретов. Ясно только, что рано или поздно декреты должны быть трансформированы в законы, но каким образом также остается непонятным в силу невозможности регулирования отношений, установленных декретом.

Также существует проблема с определением юридической силы временных декретов по отношению к законам. На этот счет мнения в юридической науке расходятся. Некоторые юристы считают, что временные декреты как форма чрезвычайного законодательства согласно ст. 101 Конституции имеют силу закона, но не более [9, с. 130]. Другие ученые говорят о подзаконности всех декретов Президента, так как из ст. 7 Конституции вытекает принцип верховенства закона, а ст. 6 закрепляет принцип разделения властей и недопустимость совмещения в одном лице или государственном органе функций различных ветвей власти [10, с. 46]. Также в юридической науке существует мнение о том, что временные декреты носят надзаконный характер. В соответствии с этим некоторые авторы приводят аргументы о том, что вывод об их соотношении с законами можно сделать, исходя из ч. 3 ст. 101 Конституции. Данная норма предусматривает, что декреты сохраняют силу, если они не отменены большинством не менее 2/3 голосов от полного состава каждой из палат Национального собрания. Таким образом, если декрет не отменен Парламентом квалифицированным большинством голосов, то он действует даже в случае коллизии его с законом, что корреспондируется и с ч. 3 ст. 137 Конституции. Фактически временные декреты в иерархии правовых актов поставлены Конституцией выше законов.

Сложность и многогранность проблем, связанных с изданием декретов, имеющих силу закона, вполне объяснима новизной этого правового явления и недостаточностью его теоретической проработки.

В науке конституционного права указы Президента Республики Беларусь традиционно делились на нормативные и ненормативные (индивидуально-конкретные). Нашему рассмотрению подлежат только нормативные указы Главы государства. Можно провести их классификацию условно на указы, издаваемые во исполнение Конституции, и указы, издаваемые во исполнение законов.

Два вида указов Президента занимают различные места в иерархии правовых актов. Ч. 3 ст. 137 Конституции устанавливает большую юридическую силу закона по сравнению с указом, если полномочия на издание указа были

предоставлены законом. В данном случае закон имеет безусловное верховенство над указом [1].

Конституция прямо не устанавливает соотношения законов и указов в тех случаях, когда указы изданы не во исполнение закона. Поэтому иерархию этих нормативных правовых актов установить довольно проблематично.

Устранить так называемую конкурирующую компетенцию Президента и Парламента, а следовательно, избежать споров о соотношении указов и законов могла бы конкретизация названной конституционной нормы путем законодательного закрепления круга общественных отношений, подлежащих правовому регулированию законом, как это сделано, например, в ст. 34 Конституции Франции [11, с. 60–61].

Нормативные указы, издаваемые во исполнение Конституции, наряду с законами и декретами составляют правовую базу для издания других подзаконных нормативных актов.

В свою очередь, в рассматриваемой группе можно выделить два вида указов:

1) направленные на реализацию полномочий Президента, прямо закрепленных Основным Законом;

2) вытекающие из статуса Главы государства как гаранта Конституции.

Такая классификация обуславливается принципиальным различием между двумя названными видами указов: если первые Президент вправе издавать вне зависимости от урегулирования соответствующих вопросов законами, то основанием для издания вторых является неурегулированность либо ненадлежащая урегулированность тех или иных общественных отношений.

Указы второго вида должны издаваться в случаях наличия в законодательстве пробелов, которые не могут быть восполнены актами более низкого уровня. Конституция не ограничивает Президента перечнем вопросов, по которым он вправе издавать такие указы. Однако данные указы не должны вторгаться в сферу общественных отношений, уже урегулированных законами.

Следует также кратко остановиться на проблеме целесообразности издания указов данного вида. Ведь пробелы правового регулирования могут быть восполнены и путем принятия закона, в связи с чем Президент имеет возможность воспользоваться правом законодательной инициативы. Выбор варианта оптимального решения в каждом конкретном случае остается, безусловно, за Главой государства.

Надо полагать, существует определенный сектор общественных отношений (динамично развивающихся, быстро меняющихся), правовое регулирование которых нецелесообразно осуществлять на уровне закона. Издание в этих

целях указов, не вторгающихся в сферу законодательного регулирования, представляется наиболее приемлемым.

Нормативные указы, издаваемые во исполнение законов, имеют правовой основой п. 30 ст. 84 Конституции, согласно которому определенные полномочия могут возлагаться на Президента законом. В Конституции при определении этих указов используются различные формулировки: «указы, изданные во исполнение закона» (ст. 116), «указы, полномочия на издание которых были предоставлены законом» (ст. 137) [1].

Некоторые ученые высказывают мнение, что к данной группе указов формально можно отнести и указы, издаваемые на основе и во исполнение временных декретов Президента. Поскольку декреты имеют силу закона, указы, изданные во исполнение законов, и указы, изданные во исполнение декретов, имеют, в сущности, одинаковую природу [2, с. 159]. Однако между ними имеется и принципиальное различие. Системный анализ ст. 116 и 137 Конституции не позволяет отнести указы, издаваемые во исполнение временных декретов, к категории подзаконных нормативно-правовых актов. Скорее, их следует рассматривать как промежуточную группу, тяготеющую к указам, издаваемым во исполнение Конституции. Такая же правовая природа указов, вытекающих из международных договоров, а также из решений Высшего Государственного Совета Союзного государства.

Согласно ст. 85 Конституции Республики Беларусь Президент наделен правом издавать распоряжения [1].

На сегодняшний момент именно распоряжениями, как правило, оформляются конкретные поручения Главы государства по тем или иным вопросам, проводятся назначения на некоторые должности, объявляется благодарность Президента. Представляется целесообразным перечень вопросов, решаемых посредством издания распоряжений, закрепить законодательно. Отсутствие этого приводит к необъяснимым случаям издания по аналогичным вопросам актов различного вида.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.
2. Реут, В.И. Нормотворчество Главы государства: отечественный опыт и зарубежная практика / В.И. Реут. – Минск: ИСПИ, 2004. – 188 с.

3. Сильченко, Н.В. О верховенстве закона в условиях разделения властей / Н.В. Сильченко // Правотворческая деятельность в Республике Беларусь: науч. изд. / Белорус. ин-т гос. стр-ва и законодательства. – Минск: ООО «Скарына», 1997.
4. Василевич, Г.А. Конституция Республики Беларусь – акт высшей юридической силы / Г.А. Василевич // Весн. Канстытуцыйнага Суда Рэсп. Беларусь. – 1997. – № 1.
5. Троицкий, В.С. Делегированное законодательство / В.С. Троицкий, Л.А. Морозова // Государство и право. – 1997. – № 4.
6. Василевич, Г.А. Нормативные правовые акты государственных органов Республики Беларусь: приложение к журн. «Право и экономика» / Г.А. Василевич. – Минск, 1999. – 232 с. – (Юридический справочник).
7. О Регламенте Палаты представителей Национального Собрания Республики Беларусь: постановление Палаты представителей Нац. собр. Респ. Беларусь, 4 дек. 1997 г., № 415-П/III: в ред. от 30 июня 2000 г.) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юр Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
8. Кодавбович, В.А. Держите курс на паритеты – законы и декреты / В.А. Кодавбович // Беларус. думка. – 1998. – № 6.
9. Кодавбович, В.А. Правовая природа указов и декретов Президента Республики Беларусь / В.А. Кодавбович // Гуманітарна-эканамічны веснік. – 1997. – № 1.
10. Пастухов, М. Декреты Президента Республики Беларусь как форма чрезвычайного законодательства / М. Пастухов // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. – 1999. – № 2.
11. Конституции зарубежных государств: учеб. пособие / под ред. В.В. Маклаков. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 608 с.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ САНКЦИИ И ИХ ОСОБЕННОСТИ

Пугачев А.Н.

Статья посвящена определению понятия и выявлению особенностей конституционно-правовых санкций, которые предлагается рассматривать как меры негативной конституционно-правовой ответственности. Дается обширный перечень санкций, имеющих место в конституционном законодательстве Республики Беларусь. Предпринята попытка классификации конституционно-правовых санкций. Особо подчеркиваются особенности конституционно-правовых санкций в сравнении с иными видами юридических санкций. Отмечается отсутствие санкций во многих конституционно-правовых нормах и характерный для конституционно-правовой ответственности отсылочный способ их изложения.

Исходя из понимания санкции в общей теории права и с учетом особенностей конституционно-правового регулирования общественных отношений можно дать следующее определение конституционно-правовой санкции. Конституционно-правовая санкция – это определенная нормами конституционного

права мера государственного либо общественного воздействия в сфере конституционно-правовых отношений, которая применяется в случае несоответствия фактического поведения должному поведению, установленному диспозицией конституционно-правовой нормы, и которая содержит ее итоговую оценку.

По мнению В.О. Лучина, «в качестве конституционных санкций выступают установленные Основным Законом меры государственного принуждения (правовые лишения, обременения, правовой урон), применяемые в случае конституционного правонарушения (деликта) и содержащие его итоговую правовую оценку. Это – заложенная в конституционной форме возможность (угроза) принуждения по отношению к обязанному лицу на случай неисполнения им обязанности» [1, с. 359].

Изучение конституционного законодательства Республики Беларусь позволяет выделить основные виды мер негативной конституционно-правовой ответственности, которые могут быть рассмотрены в качестве соответствующих санкций. Итак, речь может идти о таких мерах, как:

 отмена ранее принятого решения о принятии в гражданство (были представлены подложные документы и т. п.);

 лишение статуса беженца либо отмена решения о предоставлении временного убежища физическому лицу (совершение преступления на территории Республики Беларусь, подлог документов и т. п.);

 вынесение предупреждения общественному объединению, политической партии, религиозной организации за деятельность, не соответствующую закону, уставу;

 ликвидация общественного объединения, политической партии, религиозной организации и запрет на их деятельность по решению суда;

 признание поведения физического лица, должностного лица, органа или общественного объединения противоконституционным или не соответствующим закону (например, Конституционный Суд в своем заключении констатирует имевшие место факты нарушения палатами Парламента Конституции);

 лишение физических лиц ранее полученных ими поощрений от государства, например наград и званий (вскрылось отсутствие оснований для их получения либо последующее поведение лица вынуждает государство отозвать свои поощрения);

 лишение или приостановление избирательного права гражданина – либо и активного, и пассивного, либо только пассивного (например, эта мера применяется в отношении лиц, находящихся в местах предварительного заключения либо отбывающих уголовное наказание по приговору суда в местах лишения свободы);

 признание выборов депутатов и выборных должностных лиц недействительными (такое решение может быть принято вышестоящими избирательными комиссиями или судами в случае обнаружения таких нарушений законодательства о выборах, при которых невозможно установить результаты голосования);

 отмена решений нижестоящих избирательных комиссий, не соответствующих закону, вышестоящими избирательными комиссиями (решения любых избирательных комиссий могут быть отменены судом);

 отмена решения о регистрации кандидата в депутаты либо президенты, ранее принятого соответствующей избирательной комиссией (в случае обнаружения ложных данных либо грубых нарушений законодательства кандидатами либо избирательными объединениями);

 расформирование избирательных комиссий (в случае нарушения избирательных прав граждан, повлекшего признание недействительными итогов голосования либо результатов выборов);

 досрочное прекращение полномочий доверенных лиц по решению кандидата, избирательного объединения, определивших этих лиц;

 удаление из помещения для голосования члена избирательной комиссии, наблюдателя в случае нарушения ими избирательного законодательства, которое повлияет на объективные результаты голосования (мера применяется соответствующей участковой избирательной комиссией);

 роспуск, прекращение полномочий, расформирование органа, а также прекращение полномочий (освобождение, отрешение от должности) соответствующего должностного лица;

 упразднение государственного органа как форма прямой или скрытой отрицательной оценки его деятельности (например, Президент может ликвидировать любой орган исполнительной власти, кроме Совета Министров);

 приостановление деятельности органа либо должностного лица (такая мера может прямо предусматриваться законодательством либо вытекать из общего права на создание и формирование соответствующих органов, а также контроля за их деятельностью);

 недоверие Правительству со стороны Парламента, отказ в доверии (например, полномочия Палаты представителей могут быть досрочно прекращены при отказе в доверии Правительству, выражении вотума недоверия Правительству либо двукратном отказе в даче согласия Президенту на назначение Премьер-министра. Глава государства должен выбрать – либо отправить Правительство в отставку, либо распустить Палату представителей и назначить новые выборы (и то и другое тоже станет санкцией);

 отставка отдельного члена Правительства, а также руководителя органа исполнительной власти, не входящего в состав Правительства;

 отзыв депутата, выборного должностного лица избирателями (в Республике Беларусь не практикуется);

 прекращение полномочий депутата, выборного должностного лица на основе вступившего в законную силу обвинительного судебного приговора по решению соответствующего представительного органа (лицо, осужденное судом за совершение преступления и отбывающее наказание, не может оставаться во власти);

 предупреждение, замечание депутату, лишение его слова при выступлении не по теме или с использованием оскорбительных выражений, отключение микрофона, удаление из зала заседаний. Те же меры могут применяться в отношении и иных лиц, участвующих в заседании или присутствующих в зале заседаний (речь идет о так называемых процессуальных санкциях, вытекающих из деятельности представительных органов);

 отмена решения одного органа другим органом (например, решения местных Советов депутатов, не соответствующие законодательству, отменяются вышестоящими представительными органами);

 отмена органом акта своего руководителя (например, Палата представителей отменяет распоряжения Председателя Палаты представителей);

 признание нормативного правового акта противоречащим Конституции с последующей его отменой органом, допустившим издание (принятие) такого акта (такое полномочие закреплено за Конституционным Судом Республики Беларусь);

 отмена судом решения государственного органа или должностного лица (речь идет о правовых актах ненормативного характера);

 выдворение, высылка, депортация (это меры, применяемые компетентным государственным органом власти с тем, чтобы принудить иностранцев либо лиц без гражданства покинуть территорию Республики Беларусь).

Перечень представленных санкций не является исчерпывающим, но даже обзорное их рассмотрение позволяет, как нам представляется, увидеть общую картину мер негативной конституционно-правовой ответственности. Следует лишь обратить внимание на то обстоятельство, что конституционно-правовые санкции нередко предполагают привлечение ответственного субъекта и к иным мерам юридической ответственности, чаще всего к административно-правовой и дисциплинарной.

В Республике Беларусь сложилась целая система конституционно-правовых санкций. С определенной долей условности рассмотренные меры конституционно-правовой ответственности можно сгруппировать.

Первая группа санкций обращена к физическим лицам и направлена на правильное оформление их отношений с государством.

Вторая группа санкций предусматривает меры, принимаемые в отношении политических партий, иных общественных объединений, религиозных организаций и других коллективных субъектов.

Третья группа санкций относится к государству в целом, государственным органам и должностным лицам. Базовым здесь является положение о том (ст. 2 Конституции Республики Беларусь), что государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности.

Могут использоваться и иные подходы к классификации санкций. Например, они могут быть рассмотрены в качестве правовосстановительных и карательных, и главным основанием такой классификации будет являться способ, посредством которого санкции способствуют охране общественных отношений. Конституционно-правовые санкции можно разделить на основные и дополнительные, простые и комплексные.

Необходимо отметить, что единого порядка применения конституционно-правовых санкций не существует, и, по-видимому, предусмотреть такой порядок невозможно из-за их видового разнообразия. Проблема реализации конституционно-правовых санкций также очевидна: нередко либо порядок их применения не определен, либо они неприменимы, либо не применяются. Как указывает по этому поводу В.А. Виноградов, «в таком случае установление санкций не только не имеет смысла, но и влечет эффект, обратный ожидаемому, потому что, когда санкции превращаются в абстрактную угрозу, декларативными становятся и конституционно-правовые нормы в целом» [2, с. 80].

К особенностям конституционно-правовых санкций можно отнести следующее:

1) конституционно-правовые санкции очень часто носят ярко выраженный политический характер как по основаниям применения, так и по кругу субъектов;

2) круг субъектов, уполномоченных применять такие санкции, очень широк (практически все органы государственной власти и должностные лица, а также граждане, например в случае отзыва депутата);

3) следует учитывать то обстоятельство, что высшие органы государственной власти и должностные лица во многом определяют собственную ответственность, и поэтому здесь очень важно соблюсти конституционный принцип сдержек и противовесов;

4) применение конституционно-правовых санкций, за редким исключением, не влечет судимости или иного состояния наказанности;

5) в конституционно-правовой ответственности на первый план выступает правовосстановительная функция, и лишь в немногих случаях преследуется карательная цель, т. е. наказание лица, совершившего конституционно-правовой деликт;

6) конституционно-правовая санкция существует не как санкция какой-либо одной нормы конституционного права, и, как следствие этого, формулируются санкции не в качестве частей каких-либо норм, а как самостоятельные нормы в виде диспозиций;

7) конституционно-правовые санкции могут применяться к субъекту, поведение которого с формально-юридической точки зрения невиновно.

И последнее. Нетрудно заметить, что для конституционно-правовой ответственности характерен отсылочный способ. Однако она не должна подменяться неопределенными отсылками к другим нормативным правовым актам, в которых эта ответственность иногда и не устанавливается. Любые отсылки, имеющие отношение к санкциям, должны быть предельно конкретными. Следует признать, что отсутствие санкций во многих конституционно-правовых нормах снижает эффективность их действия и не всегда может быть компенсировано санкциями других отраслей без опасения, что эти нормы останутся без действенной защиты.

Список использованных источников

1. Лучин, В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации / В.О. Лучин. – М.: Юнити-Дана, 2002. – 687 с.
2. Виноградов, В.А. Понятие и особенности конституционно-правовой ответственности: проблемы России, опыт зарубежных стран / В.А. Виноградов. – М.: Ин-т права и публичной политики, 2003. – 117 с.

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ОБВИНЯЕМОГО С ОРГАНАМИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Богданов Е.В.

Статья посвящена перспективам развития сотрудничества обвиняемого с органами уголовного преследования в белорусском уголовном судопроизводстве. Предлагается определение такого сотрудничества. Формулируются его содержание, участники, объекты, процессуальные формы и динамика развития. Автор делает концептуальные предложения по внесению изменений и дополнений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь в целях расширения возможностей для сотрудничества между обвиняемым и органами уголовного преследования.

Достижение целей уголовной ответственности содержит в себе противоречие между интересами государства в лице органов, осуществляющих уголовное преследование, и интересами лица, совершившего преступление. Интересы государства заключаются в неотвратимости уголовной ответственности для каждого лица, совершившего преступление. Интересы лица, совершившего преступление, состоят в стремлении уйти от ответственности либо смягчить ее. Но, поскольку в реальности одновременно действуют и лицо, совершившее преступление, и орган уголовного преследования, каждый из них, чтобы эффективно отстаивать свои интересы, вынужден учитывать вероятное поведение другого. Это приводит к возникновению неопределенности относительно возложения на виновного мер уголовной ответственности, которая не может полностью контролироваться ни одной из сторон, так как обусловлена многими факторами, в первую очередь неизвестными действиями противоборствующей стороны.

Данная статья посвящена одному из способов снятия указанной неопределенности – сотрудничеству лица, совершившего преступление, с государством в лице органов уголовного преследования и перспективам развития такого сотрудничества в белорусском законодательстве. Борьба с преступностью требует от правоохранительных органов использования широкого спектра методов воздействия на преступность. Практика показывает, что традиционные силовые средства разрешения криминальных конфликтов эффективны лишь в качестве меры противодействия особо тяжким преступлениям, сопряженным с посяга-

тельствами на жизнь и здоровье человека. Результативная борьба с преступлениями иных категорий тяжести возможна только на основе сочетания принудительных и поощрительных методов противодействия преступности. К числу последних и относится сотрудничество обвиняемых (подозреваемых; далее – обвиняемых) с органами предварительного расследования и иными органами уголовного преследования.

Институт сотрудничества органов, ведущих уголовный процесс, с обвиняемым известен уголовному процессу многих государств. И в странах, правовые системы которых принадлежат к семье англосаксонского права (прежде всего в США), и в странах, относящихся к романо-германской правовой семье (Бельгия, Голландия, Италия, Испания, Франция, ФРГ), сотрудничество лица, совершившего преступление, с органами, ведущими уголовный процесс, является основанием для освобождения от уголовной ответственности, либо для ее смягчения, либо для применения альтернативных уголовному наказанию мер воздействия. Попытки расширить рамки сотрудничества обвиняемых с органами, ведущими уголовный процесс, предпринимаются и на постсоветском пространстве (Молдова, Казахстан, Российская Федерация). Все это позволяет рассматривать такое сотрудничество как перспективное направление борьбы с преступностью.

Процессуальные формы сотрудничества обвиняемых с органами предварительного расследования в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь не предусмотрены. Можно, однако, предположить, что в правоприменительной практике органов уголовного преследования такие формы фактически сложились. Отсутствие их законодательного закрепления не только создает условия для необоснованного освобождения обвиняемых от уголовной ответственности либо для неприменения оснований для освобождения от уголовной ответственности в тех случаях, когда такое освобождение возможно и целесообразно, но и задает предпосылки сотрудничества обвиняемого с должностными лицами органов уголовного преследования на основе коррупционных соглашений. Отсутствие подобных процессуальных форм также означает, что обвиняемый, оказывая, например, содействие в раскрытии преступления, изобличении лица, его совершившего, вынужден верить лишь «честному слову» следователя или дознавателя, что в ответ на это его освободят от уголовной ответственности либо не назначат слишком суровое наказание.

Это обуславливает необходимость внесения в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь норм, регламентирующих сотрудничество обвиняемых с органами уголовного преследования. При этом разработка концепции, которая может быть взята за основу при подготов-

ке конкретных предложений по внесению изменений и дополнений в законодательство Республики Беларусь, направленных на расширение возможностей такого сотрудничества, должна учитывать следующее.

Сотрудничеством обвиняемых с органами уголовного преследования является основанная на уголовном законе совместная деятельность указанных лиц со стороной обвинения в уголовном процессе в лице должностных лиц органов уголовного преследования, осуществляемая в соответствии с уголовно-процессуальным законом в целях освобождения лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности либо ее смягчения, а также совершения этим лицом действий, направленных на предотвращение ущерба, либо на его возмещение, либо на заглаживание иным образом вреда, нанесенного преступлением; активное способствование раскрытию преступления, изобличению других участников преступления, розыску имущества, приобретенного преступным путем.

Сотрудничество, как и любая другая процессуальная деятельность, имеет свою внутреннюю структуру и динамику развития. Внутреннюю структуру сотрудничества обвиняемых с органами уголовного преследования образуют содержание, субъекты, объекты и процессуальные формы сотрудничества.

Содержание сотрудничества может быть юридическим и фактическим.

Юридическое содержание сотрудничества – это возможность или необходимость определенных действий, совершаемых обвиняемым и должностными лицами органов уголовного преследования. Фактическое содержание – это сами действия, совершаемые обвиняемым и органами уголовного преследования в рамках сотрудничества.

Юридическое содержание сотрудничества может включать в себя определенные в ст.ст. 20, 69, 70, 86, 88, 89, 118 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) [1], а также в примечаниях к статьям Особенной части УК основания освобождения лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности либо ее смягчения при условии совершения этим лицом действий, направленных на предотвращение ущерба, либо на его возмещение, либо на заглаживание иным образом вреда, нанесенного преступлением; при условии активного способствования им раскрытию преступления, изобличению других участников преступления, розыску имущества, приобретенного преступным путем. Фактическое содержание сотрудничества меньше юридического содержания, поскольку оно охватывает только один из нескольких основанных на уголовном законе возможных вариантов сотрудничества.

Например, лицо, впервые совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, может быть освобождено от уголовной

ответственности при наличии оснований, предусмотренных ст. 88 УК (в связи с деятельным раскаянием) или ст. 89 УК (в связи с примирением с потерпевшим). Эти альтернативные возможности освобождения от уголовной ответственности могут рассматриваться как юридическое содержание сотрудничества такого лица с органами уголовного преследования. Однако реально сотрудничество может основываться только на одном из вышеперечисленных оснований – или деятельном раскаянии, или примирении с потерпевшим. Совершение этих действий и будет фактическим содержанием сотрудничества такого лица с органами уголовного преследования.

Содержание сотрудничества обвиняемого с органами уголовного преследования – это их взаимные права и обязательства. Обвиняемый может рассчитывать на содействие органа уголовного преследования в освобождении от уголовной ответственности либо в ее смягчении при наличии оснований, предусмотренных уголовным законом (право) при условии совершения им соответствующих позитивных посткриминальных действий (обязательство). Орган уголовного преследования вправе ожидать от обвиняемого предотвращения ущерба, либо его возмещения, либо заглаживания иным образом вреда, нанесенного преступлением, активного способствования раскрытию преступления, изобличению других участников преступления, розыску имущества, приобретенного преступным путем. При совершении указанных действий обвиняемым у органа уголовного преследования возникает обязательство принять основанные на уголовном законе меры по освобождению обвиняемого от уголовной ответственности либо ее смягчению.

Субъектами сотрудничества являются стороны по уголовному делу – обвиняемый, а также должностное лицо органа уголовного преследования (следователь, дознаватель, прокурор). Сотрудничество невозможно с лицом, в действиях которого нет состава преступления (например, с лицом, оговорившим себя в совершении преступления; при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния).

Объектами сотрудничества обвиняемого с органами уголовного преследования выступают те законные интересы, на которые направлена их процессуальная деятельность.

Интересы органа уголовного преследования в сотрудничестве с обвиняемым состоят в повышении эффективности деятельности по выявлению и расследованию преступления путем снижения необходимых для этого материальных, временных и иных издержек. В ряде случаев прямым или косвенным результатом сотрудничества преступника с органами уголовного преследования может стать

получение информации о совершении иных преступлений, в которых это лицо не принимало участие (в том числе более тяжких, чем те, в совершении которых лицо обвиняется), а также о лицах, совершивших такие преступления.

Следует иметь в виду, что поощрительные нормы УК (в частности, нормы ст. 63 УК) связаны с тем преступлением, в совершении которого участвовало лицо. В УК практически нет норм, которые бы стимулировали виновного содействовать выявлению иных преступлений, в совершении которых он не участвовал (за исключением ст. 20 УК и примечания к ст. 431 УК). В этой связи в литературе высказывается предложение в целях склонения виновных к отдельным видам позитивных посткриминальных действий, в частности к предотвращению наступления более тяжких последствий содеянного, заглаживанию реально причиненного вреда, способствованию раскрытию иного, более тяжкого преступления, дополнить ч. 1 ст. 63 УК [2, с. 14]. Поддерживая это предложение, а также для расширения возможностей сотрудничества лица, совершившего преступление, с органами уголовного преследования и для повышения эффективности деятельности по выявлению и расследованию преступлений предлагаем дополнить ч. 1 ст. 63 УК пунктом 3-1: «способствование раскрытию иного, более тяжкого преступления либо изобличению его участников».

Интересы обвиняемого в сотрудничестве состоят в том, что для него оно прежде всего шанс вернуться к правомерному поведению. Факт сотрудничества может указывать на снижение общественной опасности личности виновного, а следовательно, и на возможность достижения целей уголовной ответственности путем применения менее репрессивных способов уголовно-правового воздействия.

Объектом сотрудничества обвиняемого с органами уголовного преследования могут быть только вопросы наказуемости совершенного им преступления. Для обвиняемого заинтересованность в сотрудничестве состоит в получении фиксированной возможности освобождения от уголовной ответственности либо ее смягчения. Сотрудничество не может осуществляться в целях изменения объема обвинения (вменения лицу менее тяжкого преступления, чем то, которое он совершил в действительности).

Некоторыми российскими исследователями высказывается мнение о допустимости компромисса между сторонами обвинения и защиты в уголовном судопроизводстве на основе уголовно-процессуальных норм, допускающих применение либо неприменение, а также смягчение мер процессуального принуждения в отношении подозреваемого и обвиняемого в обмен на их позитивные посткриминальные поступки [3; 4, с. 66–70]. Мы не можем согласиться

с таким утверждением и считаем, что смягчение мер уголовно-процессуального принуждения (например, замена меры пресечения в виде заключения под стражу на подписку о невыезде, освобождение имущества из-под ареста и т. п.) нельзя рассматривать в качестве последствий сотрудничества для обвиняемого.

Процессуальной формой сотрудничества обвиняемого с органами уголовного преследования является заключаемое между ними в установленном законом порядке соглашение, в котором закрепляется обязательство обвиняемого совершить определенные позитивные посткриминальные действия в обмен на освобождение от уголовной ответственности либо ее смягчение. Сравнительный анализ аналогичных институтов уголовного процесса зарубежных стран показывает, что подобные соглашения могут заключаться письменно или устно, носить формальный или неформальный характер.

Специфике нашего уголовного процесса в наибольшей степени будет соответствовать соглашение, заключаемое путем вынесения прокурором, следователем или дознавателем постановления о заключении соглашения о сотрудничестве с обвиняемым. В данном постановлении перечисляются конкретные действия, которые должен совершить обвиняемый во исполнение соглашения о сотрудничестве (например, заявление о существовании преступной организации или банды и способствование их изобличению, сделанные участником преступной организации или банды; активное способствование раскрытию преступления, изобличению других участников преступления, розыску имущества, приобретенного преступным путем и т. п.). При наличии оснований, предусмотренных в уголовном законе, в постановлении о заключении соглашения о сотрудничестве с обвиняемым может быть указано об освобождении обвиняемого в установленном порядке от уголовной ответственности за совершенное преступление в случае исполнения соглашения о сотрудничестве.

Исторически сложились две формы соглашения о сотрудничестве с обвиняемым – соглашение о признании вины и соглашение о согласии с обвинением.

Соглашение о признании вины представляет собой соглашение, которым предусматривается признание вины обвиняемым в обмен на освобождение от уголовной ответственности или ее смягчение. Соглашение о признании вины освобождает обвинение от бремени доказывания. Обвиняемый, заключая подобное соглашение, ставит себя в льготное положение в сравнении с тем, когда уголовное преследование проводится в общем порядке: он получит только часть того наказания, которое могло быть ему назначено без заключения такого соглашения. Соглашение о признании вины возникло в англосаксонском уголовном судопроизводстве, отличительными особенностями которого являются

крайняя состязательность уголовного процесса, отсутствие обязанности у суда установить истину по уголовному делу и обусловленность движения уголовного дела исключительно волей сторон [5, с. 179]. Заключение соглашения о признании вины означает для суда отказ обвиняемого от судебного состязания. Если суд установит, что соглашение заключено добровольно, он выносит обвинительный приговор без проведения судебного следствия.

Белорусское уголовно-процессуальное законодательство и практика его применения в значительной степени ориентируют суд на установление истины по уголовному делу. Тем не менее предпосылки для заключения соглашений о признании вины в национальном уголовном судопроизводстве содержатся в п. 11 ч. 1 ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), а также в ч. 1 ст. 30 УПК [6]. Объектом таких соглашений для обвиняемого выступает его освобождение от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным ст.ст. 20, 86, 88, 89, 118 УК, а также статьями Особенной части УК. При этом принять решение об освобождении от уголовной ответственности вправе как суд, так и должностное лицо органа уголовного преследования в соответствии с его компетенцией или прокурор.

Более широкому использованию соглашений о признании вины для сотрудничества обвиняемого с органами уголовного преследования препятствует активный процессуальный статус суда в отечественном уголовном процессе, который ограничивает процессуальные полномочия сторон обвинения и защиты. Анализ норм ст. 301 УПК и практики их применения показывает, что суд в известной степени связан волей сторон только при решении вопроса преступности деяния. Вопросы наказуемости деяния суд решает самостоятельно (ст. 62 УК). При назначении наказания он не может быть связан волей каких-либо иных должностных лиц или государственных органов, в том числе органов уголовного преследования (примечательно, что мнение потерпевшего по делам частного обвинения при назначении наказания суд должен учитывать). Активная роль суда в уголовном процессе означает, что условия сделки о признании вины, об освобождении обвиняемого от уголовной ответственности или ее смягчении не будут обязательными для суда.

Устранение этих недостатков возможно путем дополнения ст. 301 УПК в части связанности суда позицией государственного обвинителя при решении вопросов о мерах уголовной ответственности обвиняемого: суд не будет вправе назначить более суровое наказание, чем то, которое предложено государственным обвинителем. Также необходимы дополнения ч. 1 ст. 62 УК указанием на

обязанность суда при назначении наказания учитывать мнение государственного обвинителя по делам публичного обвинения.

Соглашение о согласии с обвинением представляет собой формальное выражение обвиняемым своего согласия с уголовно-правовой квалификацией его деяния. В некоторых странах (например, в Испании) обвиняемый может выразить согласие и с предложенной обвинением мерой наказания [5, с. 189–190]. Соглашения о согласии с обвинением в тех или иных формах распространены в странах романо-германского права, где достижение истины по уголовному делу формально рассматривается как задача суда, состязательность судопроизводства не носит абсолютного, самодовлеющего характера, а соотносится с принципом объективной истины. В отличие от соглашений о признании вины, направленных на решение ключевых вопросов уголовного дела – преступности и наказуемости деяния, соглашения о согласии с обвинением являются соглашениями о выборе предусмотренных в законе процессуальных средств решения этих вопросов.

В качестве примера такого соглашения можно привести ускоренное производство в УПК Италии [5, с. 191–192]. В порядке этой уголовно-процессуальной процедуры рассматриваются уголовные дела по ходатайству обвиняемого с согласия прокурора. При этом суд основывает приговор (который может быть как обвинительным, так и оправдательным) только на тех доказательствах, которые имеются в деле к моменту начала предварительного слушания. В случае вынесения обвинительного приговора суд обязан учесть стремление обвиняемого к ускорению уголовного процесса и сократить ему наказание на одну треть в сравнении с той мерой наказания, которую предусматривает за данное преступление уголовный закон.

Попытки внедрения соглашений о согласии с обвинением предпринимаются и на постсоветском пространстве. Так, в 2004 г. Правительство Республики Казахстан внесло в Парламент законопроект, в котором содержалась специальная глава, регламентирующая производство по делам, по которым заключен акт о согласии с объемом предъявленного обвинения [7]. Этот акт должен был представлять собой договор между прокурором и обвиняемым, по которому последний соглашался с объемом предъявленного обвинения и осуществлял сотрудничество с органами уголовного преследования взамен на смягчение наказания. В случае заключения акта о согласии с предъявленным обвинением прокурор наделялся бы правом предъявить обвинение (новое обвинение) лицу, с которым достигнуто согласие, и определить срок максимального наказания, о чем он должен был заявить виновному лицу. Суд должен был установить, заключен ли данный акт в соответствии с законом, в присутствии защитника, а также имеются ли

достаточные доказательства, подтверждающие обвинение. В зависимости от этих обстоятельств суд мог принять или отклонить акт о согласии.

Уголовно-правовым основанием для заключения соглашений о согласии с обвинением в отечественном уголовном процессе могут быть нормы ст. 63 УК, определяющие перечень обстоятельств, смягчающих ответственность, а также нормы ст. 69 УК, определяющие особенности назначения наказания при наличии смягчающих обстоятельств. Следует иметь в виду, что правила назначения наказаний при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренные ст. 69 УК, не предусматривают возможности снижения наказания в зависимости от количества смягчающих обстоятельств. Независимо от того, имеется ли в действиях лица одно смягчающее обстоятельство, предусмотренное пп. 1, 3, 4 ч. 1 ст. 63 УК, или таких обстоятельств несколько, в обоих случаях срок или размер наказания не может превышать половины максимального срока или размера избранного судом вида наказания. В целях расширения возможностей для сотрудничества обвиняемого с органами уголовного преследования путем заключения соглашения о согласии с обвинением предлагаем закрепить в ст. 69 УК дифференцированный подход к назначению судом наказания, при котором совокупность смягчающих обстоятельств будет вести к назначению меньшего наказания, чем наличие только одного из них (например, не более 1/3 максимального срока или размера избранного судом вида наказания).

В качестве соглашения о согласии с обвинением в белорусском уголовном процессе можно рассматривать сокращенный порядок судебного следствия. В судебной практике проведение судебного следствия в сокращенном порядке во многих случаях может повлечь назначение менее сурового наказания (по виду или размеру) в сравнении с судебным разбирательством, проводимым в общем порядке. По нашему мнению, подобная судебная политика соответствует уголовному закону, однако непосредственно из него не вытекает. Для восполнения данного пробела, повышения мотивации обвиняемого к позитивному посткриминальному поведению считаем оправданным дополнить общие начала назначения наказания (ст. 62 УК) положением о том, что в случае проведения судебного следствия в сокращенном порядке срок или размер избранного судом наказания должен быть меньше срока или размера наказания, предусмотренного верхним пределом санкции соответствующей статьи УК (к примеру, составлять 2/3 от верхнего предела).

Динамика развития сотрудничества обвиняемых с органами уголовного преследования обусловлена конкретными фактическими обстоятельствами, с

наступлением которых уголовно-процессуальный закон должен связывать начало, изменение и прекращение такого сотрудничества.

В отечественном уголовном процессе целесообразно предусмотреть заключение соглашения о сотрудничестве по ходатайству обвиняемого либо по инициативе прокурора или следователя (дознавателя) с согласия обвиняемого и с санкции прокурора. Заключение соглашения о сотрудничестве нецелесообразно с обвиняемым, который не признает себя полностью виновным в совершении преступления (преступлений).

Изменение или дополнение соглашения о сотрудничестве с обвиняемым допускается предусмотреть при изменении объема обвинения либо по ходатайству обвиняемого. Обвиняемому следует предоставить право в любой момент отказаться от исполнения соглашения о сотрудничестве. Такой отказ не должен влечь никаких последствий, связанных с уголовной ответственностью лица.

Если соглашением о сотрудничестве с обвиняемым будет предусмотрено освобождение лица в установленном порядке от уголовной ответственности и обвиняемым совершены все действия, перечисленные в постановлении о заключении соглашения о сотрудничестве, то такое соглашение следует считать исполненным с момента освобождения лица от уголовной ответственности, о чем нужно указать в постановлении о прекращении предварительного расследования или о прекращении уголовного преследования в отношении обвиняемого. В остальных случаях соглашение о сотрудничестве должно считаться исполненным обвиняемым после совершения им всех действий, перечисленных в постановлении о заключении соглашения о сотрудничестве, с момента окончания предварительного расследования, о чем должно указываться в постановлении о передаче уголовного дела прокурору для направления его в суд.

В случае направления уголовного дела, при расследовании которого было заключено соглашение о сотрудничестве с обвиняемым, в суд первой инстанции целесообразно предусмотреть судебную проверку исполнения такого соглашения обвиняемым. Об исполнении соглашения о сотрудничестве с обвиняемым могут, в частности, свидетельствовать данные о возмещении ущерба (вреда), причиненного преступлением потерпевшему, гражданскому истцу; сведения о возбуждении уголовного дела по факту совершения преступления, о котором сообщил обвиняемый; предъявление обвинения лицу, которое было изобличено, благодаря информации, полученной от обвиняемого. Если исполнение соглашения обвиняемым в полном объеме не будет вызывать у суда сомнений, он, избирая вид и меру наказания, должен будет назначить их с учетом требований ст.ст. 63, 69 УК.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 76. – 2/50; 2002. – № 75. – 2/861; 2003. – № 8. – 2/922; № 83. – 2/974; 2006. – № 6. – 2/1179; 2008. – № 1. – 2/1394; № 184. – 2/1514.
2. Семин, А.А. Уголовно-правовой компромисс и его влияние на ответственность субъекта: автореф. … дис. канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.А. Семин; Акад. М-ва внутренних дел Респ. Беларусь. – Минск, 2006. – 22 с.
3. Гармаев, Ю.П. Компромисс как общая задача сторон защиты и обвинения в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] / Ю.П. Гармаев; Электронная база данных (версия 3000.03.39). – М.: КонсультантПлюс: Россия, 1992–2008.
4. Аликперов, Х.Д. Компромисс в борьбе с преступностью: пособие для прокуроров // Х.Д. Аликперов, Х.Д. Зейналов; Ин-т повышения квалификации руководящих кадров Генер. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 1999. – 84 с.
5. Головко, Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л.В. Головко. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 544 с.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2000. – № 77–78. – 2/71; 2003. – № 8. – 2/922; 2006. – № 6. – 2/1179; 2007. – № 4. – 2/1292; 2008. – № 1. – 2/1394; № 6. – 2/1405.
7. Издибаев, Т. В правовую практику Казахстана вводится институт сделки о признании вины [Электронный ресурс] / Т.В. Издибаев. – М., 2004. – Режим доступа: http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1088994960. – Дата доступа: 30.01.2008.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ ПОЛОЖЕНИЙ КОНЦЕПЦИИ СУДЕБНО-ПРАВОВОЙ РЕФОРМЫ

Борико С.В.

В статье анализируется состояние, структура и динамика преступности, освещен ход реализации основных положений Концепции судебно-правовой реформы. Рассмотрен зарубежный опыт предупреждения преступности, внесены конкретные предложения по противодействию преступности в Республике Беларусь.

«Уровень преступности в стране – лакмусовая бумажка здоровья любого общества», – заявил Генеральный прокурор Республики Беларусь Г.А. Василевич

на 11-й сессии Совета Республики третьего созыва. И чем ниже этот уровень, тем крепче здоровье нации. К сожалению, состояние, уровень и динамика преступности в Республике Беларусь имеет отрицательную тенденцию.

Так, если в 1993 г. в Республике Беларусь было зарегистрировано 10 332 преступления, то в 2007 г. – 180 427, т. е. в 2007 г. совершилось на 77 106 преступлений больше, чем в 1993 г. Чем можно объяснить столь стремительный рост преступности? Безусловно, развал Советского Союза отрицательно сказался на динамике преступности. Но, по нашему мнению, это не главная причина. Причин здесь несколько и главные из них – это низкая эффективность работы правоохранительных органов, отсутствие четкой организации в предупреждении преступлений и других антиобщественных проявлений, слабое влияние науки, трудовых коллективов и общественных организаций и др. Кроме того, назрела необходимость в декриминализации уголовного законодательства, предусматривающего более широкие меры наказания, не связанные с лишением свободы. Ученые должны четко объяснить причины, порождающие преступность, и рекомендовать эффективные меры по ее предупреждению.

В последние годы правоохранительные органы пытаются отказаться от процента раскрываемости зарегистрированных преступлений, хотя раньше этот показатель был основным в оценке их работы. Но этот показатель тесно связан с состоянием преступности. Так, если рост преступлений является отрицательным показателем, то снижение процента раскрываемости также является отрицательным показателем. Видимо, от названных показателей отказываться не следует, их надо строго использовать, так как они полно отражают эффективность работы правоохранительных органов.

Безусловно, с регистрацией всех совершенных преступлений и их раскрытием на практике возникает много негативных явлений, особенно в системе МВД. Каждый руководитель органов внутренних дел заинтересован в сокращении количества совершенных преступлений и в повышении процента их раскрываемости. Но это труднодостижимые задачи. Чтобы не допустить роста числа преступлений, не все совершенные преступления регистрируются, а если и регистрируются, то под разными предлогами по ним не возбуждаются уголовные дела. Об этом свидетельствует тот факт, что ежегодно прокурорами отменяется более 5 тыс. постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела.

Представляется, что такие показатели преступности, как ее состояние, уровень, динамика и процент раскрываемости, должны широко применяться на практике. Тезис о том, что в борьбе с преступностью надо ориентироваться на

мнение населения, не имеет под собой материальной основы, т. е. там, где оперируют статистическими данными, лозунги малоэффективны.

Известно, что рост преступности увеличивает количество потерпевших, а если эти преступления не раскрываются, то потерпевшие оказываются не защищенными от преступных посягательств. К сожалению, эта отрицательная тенденция с каждым годом усиливается. Так, если в 2000 г. было не раскрыто 40 662 преступления (30 %), то в 2005 г. – 84 199 (42,8 %), т. е. менее чем за 5 лет количество нераскрытых преступлений составило 296 тыс. – это значит, что 296 тыс. граждан, пострадавших от них, не нашли защиты своих нарушенных прав. По этим преступлениям возбуждались уголовные дела, проводились расследования, однако впоследствии эти дела приостанавливались за неустановлением виновных.

И в итоге получается, что против граждан совершены преступления, им причинен имущественный (50 % – кражи) и физический вред, однако защищать их нарушенные права и возмещать похищенное имущество никто не намерен.

Но ведь в Конституции записано, что «каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в личную жизнь и неприкосновенность жилища и что собственность гражданина охраняется государством» (ст.ст. 28, 29, 44).

На требование потерпевших защитить их имущественные права правоохранительные органы отвечают: «Вот найдем обвиняемых, осудят их, и они вам возместят причиненный вред».

Однако проходят месяцы, годы – обвиняемых не находят. И вред жертвам от преступлений никто не возмещает.

Как же быть этим жертвам, ведь Конституция провозглашает, что они защищены государством?

Вся беда в том, что конституционные положения и рекомендации Концепции судебно-правовой реформы не нашли своего развития в отраслевом законодательстве и в правоохранительной практике.

При разработке первого варианта Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) была введена норма, предусматривающая меры защиты жертв преступлений. Там было записано, что вред от преступления возмещает потерпевшему государство, а при розыске обвиняемого размер этого вреда он возмещает государству. Но, когда проект УПК стали рассматривать в Парламенте, Министерство финансов заявило, что для этих целей в бюджете не предусмотрена статья расходов. Парламент согласился с доводами Минфина и изъял эту статью из проекта УПК, хотя депутаты говорили, что что-то надо делать, но не сейчас, а тогда, когда станем богаче. Прошло с того момента уже десять лет, но к этой проблеме так никто и не возвращался.

Вот наглядный пример тому, как реализуются на практике конституционные нормы. И можно ли здесь говорить о соблюдении законности при применении норм права? Есть ли выход из создавшегося положения?

Если государство заинтересовано в защите своих граждан от преступных посягательств, то выход всегда будет найден. Что необходимо осуществить?

Во-первых, необходимо создать правовую базу, которая регулировала бы эти отношения, т. е. в УПК следует предусмотреть специальную норму, регулирующую порядок возмещения вреда жертве преступления.

Во-вторых, следует создать фонд защиты жертв преступлений. Этот фонд будет пополняться из бюджета и спонсорами. Любой гражданин, бизнесмен, фирма, банк, предприятие смогут вносить средства в этот фонд. После установления обвиняемого государство будет взыскивать с него все затраты, выплаченные государством потерпевшему от преступления. Это и будет не провозглашенная, а реально действующая мера защиты жертв преступлений.

Подобная практика не нова, она существует во многих странах мира. Например, в скандинавских странах создана четкая система компенсации вреда жертвам преступлений из государственных фондов, а также предоставляется бесплатная юридическая помощь жертвам насильственных и половых преступлений независимо от их материального положения.

Для эффективной организации предупреждения преступности необходимо активно использовать рекомендации науки. При этом научные исследования следует проводить совместно со странами СНГ. С этой целью нужно образовать Совет по криминологии стран СНГ для выработки научных рекомендаций в сфере борьбы с преступностью. Кроме того, в юридических вузах Республики Беларусь следует создать кафедры (лаборатории) криминологии, где будут глубоко исследоваться проблемы борьбы с преступностью и вырабатываться рекомендации государственным органам власти и управления по противодействию преступности. Для этих исследований будут привлекаться не только ученые, но и студенты, а также работники правоохранительных органов.

Принятая в 1992 г. Концепция судебно-правовой реформы рекомендовала обновить уголовное законодательство путем его декриминализации, введения изменений в систему и содержание наказаний, предусмотрев расширение мер наказания, не связанных с лишением свободы. Таким путем пошли в других странах, например в Швеции. Так, там в 2006 г. к лицам, признанным виновными в совершении преступлений, были применены: 54 % – штрафы; 8 % – условное осуждение; 12 % – лишение свободы. И это дало положительный результат, был приостановлен рост преступности.

Необходимо четко определиться с направлениями борьбы с преступностью. Представляется, что основным направлением должно стать социальное предупреждение преступлений, а мерам уголовного воздействия должна отводиться второстепенная роль. Однако в сферу социального предупреждения преступности должны вовлекаться не только правоохранительные органы, но и широкая система общественности, всех предприятий и организаций. И эта работа должна осуществляться во всех сферах жизнедеятельности человека: по месту жительства, по месту работы, по месту учебы. Для этого необходимо совершенствовать и законодательство. Ведь в действующем УПК (ст. 90 УПК) указано лишь на то, что при производстве дознания и предварительного следствия органы уголовного преследования обязаны выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступлений. Надо ли выявлять данные причины и условия на стадии возбуждения уголовного дела, т. е. при разрешении заявлений и сообщений о преступлениях, по отказным материалам, в данной статье ничего не сказано. Кроме того, в законе не указано, обязан ли орган уголовного преследования принимать меры по устранению выявленных причин и условий, способствовавших совершению преступлений. Так, в ст. 199 УПК записано, что орган уголовного преследования вправе внести представление по устранению причин и условий, способствовавших совершению преступлений.Получается, что такие меры применяются лишь по усмотрению следователя, дознавателя. Это их право, но не обязанность.

В 80-е гг. прошлого века этот вопрос решался однозначно. По каждому уголовному делу вносились представления об устранении выявленных причин и условий, способствовавших совершению преступлений, на которые в установленный срок требовали содержательные ответы по выполнению требований представлений. В органах прокуратуры действовало четкое правило: без представления ни одно уголовное дело в суд не направлялось. Кроме того, после окончания расследования следователей обязывали докладывать результаты расследования по месту работы обвиняемых на собраниях, о чем составлялся протокол собрания. Участники этого собрания выделяли из своей среды общественного защитника или общественного обвинителя. Это имело большое воспитательное и профилактическое значение для работников данного коллектива.

Представляется, что эту прогрессивную практику следует возродить, о чем дополнить ст. 199 УПК.

В Концепции судебно-правовой реформы обращено внимание на совершенствование форм досудебного производства. Предлагалось, что органы дознания будут возбуждать уголовные дела, проводить по ним лишь неотложные

следственные действия и в течение десяти суток передавать их в органы предварительного следствия. Однако в действующем законодательстве и на практике эти положения не были реализованы. Параллельно с органами предварительного следствия расследованием уголовных дел занимаются специализированные службы дознания. Причем следователи и дознаватели находятся в одних и тех же ведомствах. Это приводит к тому, что следователь как участник уголовного процесса формально является самостоятельной процессуальной фигурой. На самом же деле он находится в прямой непроцессуальной зависимости от руководителя органа дознания.

Следует обратить внимание и на такую форму расследования, как ускоренное производство. По своему содержанию оно ничем не отличается от дознания, кроме сроков расследования. Так, если функционирует дознание с месячным сроком расследования, то почему не может быть дознания с десятидневным сроком расследования.

Главный недостаток этой формы расследования состоит в ущемлении прав участников этого производства. Так, после начала ускоренного производства в течение семи суток лицо, совершившее преступление, пострадавший от преступления не имеют прав подозреваемого (обвиняемого), потерпевшего и не могут в полном объеме защищать свои права и законные интересы.

Лицо, совершившее преступление, не имеет права пользоваться помощью защитника. Непонятно также, обязано или имеет право данное лицо давать объяснения. Это относится и к пострадавшему от преступления, очевидцам.

В УПК предусмотрены две формы расследования уголовных дел: предварительное следствие и дознание. Такой же порядок расследования уголовных дел существует в Российской Федерации, где в форме дознания расследуется около 100 тыс. преступлений (ч. 3 ст. 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ)). Срок дознания составляет 15 суток. Он может быть продлен прокурором до 10 суток.

Ускоренное производство не типично для уголовного процесса, его следует изъять из УПК и вместо ст.ст. 186, 187 УПК ввести главу «Дознание», статьи которой были бы идентичны ст.ст. 223–226 УПК РФ.

О низкой эффективности так называемого ускоренного производства и незащищенности его участников свидетельствует и то, что это производство не всегда логично заканчивается. Так, если невозможно в течение семи суток выяснить существенные обстоятельства совершения преступления или в течение трех суток выполнить необходимые процессуальные действия (ст. 454 УПК), уголовное дело расследуется в форме дознания.

Спрашивается: зачем выдумывать отдельное производство, которое не вписывается в традиционные формы расследования уголовных дел? На подобную организацию работы органов дознания обращено внимание в Концепции судебно-правовой реформы.

Для полной реализации положений Концепции судебно-правовой реформы, повышения эффективности в борьбе с преступностью, защиты прав и законных интересов граждан необходимо:

1) ввести суд присяжных заседателей как наиболее демократичной формы отправления правосудия и расширения реального участия населения в судебной деятельности; для максимального приближения суда к населению следует учредить институт мировых судей, суды по делам несовершеннолетних;

2) образовать совет по криминологии стран СНГ для совместного изучения проблем преступности и выработки мер противодействия ей;

3) изъять из УПК ускоренное производство и перевести его в дознание, что повысит защищенность участников этого производства;

4) в высших учебных заведениях юридического профиля создать кафедры криминологии для глубокого изучения региональных проблем борьбы с преступностью;

5) ввести в УПК норму, регулирующую порядок возмещения вреда от преступления независимо от установления лица, совершившего преступление.

Таким образом, Концепция судебно-правовой реформы сыграла организующую роль в формировании правоохранительной системы, права, что способствовало укреплению законности и правопорядка.

Вместе с тем ряд положений Концепции не нашли своего применения на практике. Ученым и практикам следует вернуться к положениям названной Концепции, так как ее реализация будет способствовать построению демократического правового государства, где каждый гражданин будет защищен от преступных посягательств, а в случае совершения такового пострадавшему будет возмещен моральный и имущественный вред от преступления.

Список использованных источников

1. Судебно-правовая реформа: Концепция и пути ее реализации в Республике Беларусь: материалы Респ. науч.-практ. конф., 26 февр. 1992 г. / Верховный Суд Респ. Беларусь; под ред. И.И. Басецкого – Минск: Акад. милиции МВД Респ. Беларусь, 1992 – С. 6–34;
2. Ведерникова, О.Н. Теория и практика борьбы с преступностью / О.Н. Ведерникова // Государство и право. – 2008. – № 7. – С. 53–61.

3. Социально-криминологическая характеристика преступлений в Республике Беларусь за 12 месяцев 2007 г. Информационно-аналитическое правление МВД Республики Беларусь от 06.01.2008 г.
4. Василевич, Г.А. Лакмус для сенаторов / Г.А. Василевич // На страже. – 10 окт. 2008 г.

ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЕ ПРАВОСУДИЕ: НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Петрова О.В.

В ходе уголовного процесса права и свободы конкретного потерпевшего защищаются лишь косвенно. В статье освещаются преимущества восстановительного правосудия в борьбе с преступностью. Процедуры медиации позволяют усилить защиту прав потерпевшего и снизить нагрузку на сферу уголовной юстиции. Действующий уголовный закон Республики Беларусь позволяет применять медиацию. Делается вывод о необходимости создания процедур медиации в Республике Беларусь.

Норма ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) закрепляет, что задачами уголовного процесса являются: защита личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства путем быстрого и полного расследования преступлений, общественно опасных деяний невменяемых, изобличения и привлечения к уголовной ответственности виновных; обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, кто совершил преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Следовательно, защита прав и свобод граждан является публичным (общественным) интересом, к достижению которого стремятся органы уголовного преследования и суд в ходе производства по уголовному делу. Представляется, что при этом под понятием «права и свободы личности» в ст. 7 УПК следует понимать права и свободы, нарушенные преступлением, ибо соблюдение прав граждан в ходе уголовно-процессуальной деятельности может рассматриваться только как необходимое средство достижения определенной цели – правильного применения норм уголовного закона.

Возникает вопрос: как процесс привлечения к уголовной ответственности виновного учитывает интересы конкретного потерпевшего по уголовному делу?

Представляется, это предполагает, что потерпевший имеет возможность излагать мнение по вопросам, затрагивающим его интересы, а орган, ведущий

уголовный процесс, учитывает его при принятии решений и, самое главное, при вынесении приговора.

Действительно, потерпевший как участник уголовного процесса имеет возможность высказывать свое мнение по вопросам, подлежащим разрешению по делу, заявлять ходатайства, участвовать в судебном заседании суда первой инстанции, кассационной, надзорной инстанций и при производстве по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам, обжаловать приговор и т. д. (ст. 50 УПК). Вместе с тем органы уголовного преследования и суд при принятии решения руководствуются законом и своим внутренним убеждением (ст. 19 УПК).

Кроме того, для реализации такой цели, как защита прав, нарушенных преступлением, необходимо, чтобы меры уголовно-правового воздействия принимались с учетом интересов потерпевшего. Вместе с тем в силу ст. 62 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) мнение потерпевшего учитывается при вынесении приговора только по делам частного обвинения. При этом следует учесть и тот факт, что при постановлении приговора для суда не имеет обязательной силы формулировка решений по вопросам, подлежащих разрешению по делу, представленная сторонами в процессе (ч. 5 ст. 345 УПК).

Если конкретизировать непосредственные задачи участия потерпевшего в уголовном процессе, то следует признать, что для лица, пострадавшего от преступления, доминирующим интересом является стремление получить компенсацию причиненного вреда. В настоящее время единственным средством возмещения вреда, причиненного преступлением, остается гражданский иск. При этом пострадавшему достаточно сделать простое заявление, а уже в силу принципа публичности обязанность доказывания характера и размера вреда, причиненного преступлением, возложена на органы уголовного преследования (ст. 89 УПК).

Вместе с тем гражданский иск сложно назвать эффективным средством защиты прав, нарушенных преступлением. Так, за 2006–2007 гг. в среднем по нашей стране судебными исполнителями было взыскано только 37,3 % от подлежащего взысканию по приговорам суда имущественного вреда, причиненного преступлением [1, с. 24].

Таким образом, в ходе привлечения виновных к уголовной ответственности лишь косвенно защищаются права и свободы конкретных граждан. В мировой же практике уголовной юстиции зародилась новая тенденция – восстановительное правосудие (*restorative justice*), непосредственной задачей которого является защита прав, нарушенных преступлением.

Следует признать, что для большинства систем уголовной юстиции процедуры восстановительного правосудия – относительно новое явление, которое

сформировалось как самостоятельное направление с начала 90-х гг. прошлого столетия [2, с. 7]. Концепций сущности восстановительного правосудия достаточно много, впервые же такая целостная концепция была сформулирована Х. Зером [2, с. 29–31; 3].

В целом подобные идеи основаны на рассмотрении преступления как нарушения прав конкретного человека и как нарушения отношений в социальной общности. С процессуальной точки зрения восстановительное правосудие рассматривается как процедура, где стороны, анализируя совершенное преступление, сообща пытаются решить, что же делать с его последствиями и с отношениями между ними в будущем [2, с. 5].

Восстановительный подход предлагает иной взгляд на нормы как материального, так и процессуального права. С материальной точки зрения восстановительное уголовное правосудие предполагает своей целью не привлечение виновного к уголовной ответственности, а восстановление прав потерпевшего, возмещение вреда, причиненного преступлением, и восстановление социальных связей. С процессуальной точки зрения реализация таких целей, безусловно, требует иных, помимо традиционных для уголовной юстиции, неофициальных механизмов урегулирования конфликтов, вызванных преступлением.

Восстановительный подход в разрешении уголовных дел соответствующими международными актами рекомендовано внедрять в национальную систему юстиции. Согласно п. 7 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1985 г. [4], следует использовать неофициальные механизмы урегулирования споров с тем, чтобы содействовать примирению и предоставлению возмещения жертвам. Кроме того, Резолюцией Экономического и Социального Совета ООН (далее – Резолюция ЭКОСОС) были определены основные принципы применения программ реституционного правосудия в вопросах уголовного правосудия (*Basic principles on the use of restorative justice programmes in criminal matters*) [5].

На европейском правовом пространстве неофициальные механизмы урегулирования споров также активно внедряются в практику уголовной юстиции. Следует указать, что согласно Рекомендации № R (99) 19 Комитета Министров государствам – членам Совета Европы, посвященной медиации в уголовных делах, от 15 сентября 1999 г. (далее – Рекомендация) [6] под таким неофициальным механизмом понимается процесс, в рамках которого пострадавшему и правонарушителю предоставляется возможность в случае их добровольного согласия с помощью беспристрастной третьей стороны (медиатора) принимать

активное участие в разрешении проблем, возникших в результате преступления. Такой процесс носит название медиации[1].

Создание восстановительного правосудия – достаточно сложная реформа деятельности уголовной юстиции. Считаем, что восстановительные процедуры необходимо внедрять в разрешение конфликтов, связанных с преступлениями, и в отечественном уголовном процессе. Представляется, это будет иметь положительный экономический и социальный эффект.

Прекращая производство по делу в связи с примирением обвиняемого с потерпевшим, органы уголовного преследования и суд «освобождаются» от необходимости рассмотрения дела в ходе судебного разбирательства, а пенитенциарная система – от необходимости обеспечивать исполнение наказания.

При этом процедуры медиации в отличие от простого прекращения уголовного преследования позволяют сократить число случаев повторного совершения преступлений, а также снизить у потерпевшего негативные последствия посттравматического синдрома, вызванного преступлением [7, с. 86].

В Республике Беларусь создана законодательная основа для применения медиации. Следует отметить, что уголовный закон Республики Беларусь предусматривает возможность применения посредничества, так как закрепляет нормы о примирении по делам частного обвинения (п. 5 ст. 29 УПК), об освобождении лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 89 УК).

Согласно п. 5 ч. 1 ст. 29 УПК уголовное дело частного обвинения подлежит прекращению за примирением лица, пострадавшего от преступления, с обвиняемым. Справедливо, что когда преступлением нарушаются главным образом права граждан, а нарушение общественного интереса минимально, судьба уголовного дела, а следовательно, и реализация защиты прав, нарушенных преступлением, поставлены в зависимость от воли пострадавшего от него лица.

Дела частного обвинения помимо способствования примирению позволяют снизить нагрузку на органы уголовного преследования и суд. Особенно важно это в настоящее время, когда ч. 1 ст. 293 УПК предусматривает широкое участие прокурора в судебных разбирательствах по уголовным делам.

Следует отметить, что белорусский законодатель существенно расширил количество дел частного обвинения. В настоящее время ст. 33 УПК предусмат-

[1] Следует обратить внимание на то, что программы, реализующие восстановительный подход, именуются в литературе и нормативных актах по-разному и различаются по конкретным своим правилам. Вместе с тем общие принципы их функционирования едины.

ривает 16 составов преступлений, которые преследуются в порядке частного обвинения, в противовес 2 составам ранее действовавшего законодательства.

Возникает вопрос о возможности примирения между сторонами и по делам частно-публичного обвинения. Следует согласиться с мнением Л.Л. Зайцевой и В.М. Хомича о том, что прекращение производства по делу за примирением с обвиняемым должно применяться по всем уголовным делам о преступлениях, перечисленных в ст. 33 УК [8, с. 20]. Представляется, что создание процедуры посредничества позволит и по делам частно-публичного обвинения максимально широко применять прекращение производства по делу.

Следует обратить внимание, что в силу ч. 4 ст. 427 УПК суд обязан по каждому уголовному делу частного обвинения разъяснить сторонам возможность примирения. В случае поступления от них заявлений о примирении производство по уголовному делу прекращается.

Закон предусматривает возможность прекращения производства по делу, по которому преследование осуществляется в частно-публичном и публичном порядке, в связи с примирением обвиняемого с потерпевшим по ст. 89 УК (п. 2 ч. 1 ст. 30 УПК).

Норма ст. 30 УПК предусматривает, что суд или прокурор вправе прекратить производство по делу и освободить лицо от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Закон не определяет условий примирения сторон. Вместе с тем процедура медиации предполагает заключение по ее итогам соглашения, в котором стороны определяют условия примирения, в том числе и компенсации причиненного преступлением вреда.

При этом отметим, что п. 31 упомянутой выше Рекомендации определяет только требование добровольности, соразмерности и разумности компенсации по итогам медиации и однозначно не указывает на необходимость возмещения вреда в полном объеме. Требование разумности соглашения предполагает наличие определенной связи между видом правонарушения и характером возлагаемых на правонарушителя обязательств. В то же время требование соразмерности означает, что при прочих равных условиях бремя возлагаемых на правонарушителя обязательств должно соответствовать тяжести его проступка [6].

Таким образом, условия освобождения от уголовной ответственности в данном случае заранее не установлены, а определяются в ходе договоренностей сторон. Следовательно, одного существования возможности прекратить уголовное дело за примирением обвиняемого с потерпевшим недостаточно.

Существующая практика применения судами ст. 89 УК показала, что в целом по стране в связи с примирением обвиняемого с потерпевшим прекра-

щается около 1 % оконченных производством уголовных дел (в том числе дел частного обвинения). Основную категорию прекращенных уголовных дел публичного обвинения составляют дела об уклонении родителей от содержания детей (случаи, когда дети находятся на воспитании одного из родителей, а не на государственном обеспечении). Вместе с тем в структуре прекращенных уголовных дел дела, прекращенные по рассматриваемому основанию, составляют от 40 до 60 %.

Таким образом, по своей сути преступления, прекращенные на практике в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 30 УПК, посягают на частные интересы конкретных лиц. Соответственно, в этом случае суд проводит процедуру прекращения производства по делу аналогично прекращению производства по делам частного обвинения[1].

В целом же можно утверждать, что нормы об освобождении от уголовной ответственности при отсутствии механизма медиации применяются в явно недостаточном объеме.

Следует обратить внимание на то, что по терминологии Рекомендации для уголовного процесса Республики Беларусь характерно так называемое неформальное посредничество [6], которое осуществляется работниками органов уголовной юстиции в ходе их обычной работы. Посредничество, оказываемое органом, ведущим уголовный процесс, не урегулировано какими-либо нормами права, основано на жизненном опыте и опыте практической деятельности.

Нельзя не признать за судом, прокурором право прекращать дела за примирением. Многие специалисты могут умело разрешить конфликт в таком порядке. Нельзя исключать возможности формализма со стороны органа, ведущего уголовный процесс, при принятии решения о примирении сторон. Кроме того, такой способ даже позволяет рационализировать работу системы уголовной юстиции, однако помочь преодолеть конфликт, вызванный преступлением, он вряд ли может. Только в организованных формах примирительных процедур есть возможность этого достичь, так как цели уголовной ответственности достигаются иными средствами. Также в ходе таких процедур восстанавливается социальная справедливость.

---

[1] Следует указать, что практика уголовной юстиции Российской Федерации иная. Как свидетельствуют некоторые авторы, в последние два-три года практика пошла по тому пути, что до 30 % уголовных дел, поступающих в суды, прекращаются производством, и в подавляющем большинстве на основании ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с примирением сторон. Вместе с тем и в Российской Федерации, как и в Республике Беларусь, прекращение уголовного дела осуществляется на уровне неофициального посредничества [9].

Нужно отметить, что международные нормы прямо не исключают возможности проведения программ медиации должностным лицом органа, ведущего уголовный процесс, но вместе с тем нацелены на создание специальных служб медиации. При этом в соответствии с п. 5 Резолюции ЭКОСОС посредник должен быть беспристрастным. Следовательно, прокурор, в производстве которого находится дело, не вправе в его рамках выполнять функции медиатора [5; 6]. При этом в п. 4 Рекомендации определяется, что службы медиации должны обладать достаточной самостоятельностью в рамках системы уголовной юстиции [6].

Наиболее распространенная в мировой практике сфера применения восстановительного правосудия – это производство по делам о преступлениях несовершеннолетних. В Республике Беларусь именно в сфере ювенальной юстиции предполагается ввести неофициальные способы урегулирования конфликта.

В Республике Беларусь в 2003 г. был подготовлен проект Концепции ювенальной юстиции. В соответствии с п. 3.2 Концепции принципом ювенальной юстиции является, кроме прочего, приоритет восстановительного подхода при осуществлении социально-реабилитационной деятельности в отношении детей [10].

В соответствии с Концепцией создаются система ювенальных судов и при них институт социальных работников, которые и будут осуществлять функцию посредничества. При этом региональные органы Комитета по охране детства и прав несовершеннолетних (центрального государственного органа, который, как предполагается, будет определять государственную политику в области защиты прав детей) будут реализовывать реабилитационные и примирительно-восстановительные программы в отношении несовершеннолетних [10].

Нельзя не упомянуть, что в Республике Беларусь под эгидой ЮНИСЕФ был осуществлен проект «Знания, отношения и практика специалистов и детей, вовлеченных в систему ювенальной юстиции», в ходе которого были разработаны рекомендации по совершенствованию законодательства на основании указанной Концепции ювенальной юстиции [11]. Так, эксперт данного проекта Л.Л. Зайцева выдвигает проект порядка рассмотрения конфликта посредником и внедрения примирительных процедур в систему уголовного судопроизводства [12, с. 304–306]. Предложения по необходимому изменению и дополнению УК и УПК сделаны также профессором В.М. Хомичем [13, с. 32; 14, с. 346–349].

Внедрение восстановительного подхода, представляется, возможно осуществлять, не привязываясь строго к рамкам ювенальной юстиции. При этом само по себе внедрение восстановительных программ требует комплексных законодательных изменений. ЭКОСОС в 2002 г. были установлены следующие

вопросы организации и деятельности института посредничества, которые должны быть урегулированы на законодательном уровне:

1) условия передачи дел для проведения реституционных (восстановительных – *О.П.*) программ;

2) порядок рассмотрения дел после проведения реституционного (восстановительного – *О.П.*) процесса;

3) квалификация, обучение и оценки посредника;

4) управление программами реституционного (восстановительного – *О.П.*) правосудия;

5) стандарты в отношении компетенции и правил этики, регулирующих функционирование программ [5].

Следовательно, помимо внесения изменений в УПК, необходима подготовка закона о медиации, где бы разрешались указанные вопросы.

Таким образом, введение процедур восстановительного правосудия в сфере уголовной юстиции будет способствовать защите прав, нарушенных преступлением, при предполагаемом снижении затрат в данной сфере.

В первую очередь необходимо определить, какие структуры будут осуществлять программы медиации. Кроме того, необходима разработка регламента проведения процедур медиации и законодательное согласование действия механизмов традиционного правосудия и механизмов восстановительного правосудия, а также иных вопросов функционирования программ медиации.

Список использованных источников

1. Статистические данные о работе судов в 2007 году // Юстиция Беларуси. – 2008. – № 2.
2. Marshall, T. Restorative justice: An overview / T. Marshall. – London: Home Office, Research, Development & Statistics Directorate, 1999. – 36 p.
3. Зер, Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание / Х. Зер. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. – 324 с.
4. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью: принята и провозглашена Резолюцией 40/34 Генер. Ассамблеи ООН, 29 нояб. 1985 г. // Международные акты о правах человека: сб. док. / сост.: В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. – М.: Норма – Инфра-М, 2002. – С. 169–171.
5. Основные принципы применения программ реституционного правосудия в вопросах уголовного правосудия: Резолюция Экономического и Социального совета ООН, 24 июля 2002 г., № 2002/12 // Экономический и Социальный Совет [Электронный ресурс] – 2008. – Режим доступа: http://www.un.org/russian/documen/ecosoc/2002/r2002-12.pdf – Дата доступа: 10.10.2008.

6. Рекомендация № R (99) 19 Комитета Министров государствам – членам Совета Европы, посвященная медиации по уголовным делам: принята Комитетом Министров 15 сент. 1999 г. на 679-й встрече представителей Комитета // Общественный центр «Судебно-правовая реформа» [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: http:// www.sprc.ru/library.html. – Дата доступа: 26.10.2008.
7. Sherman, L.W. Restorative Justice: The evidence / L.W. Sherman, H. Strang. – London: The Smith Institute, 2007. – 95 p.
8. Зайцева, Л.Л. Об оптимизации функции поддержания государственного обвинения / Л.Л. Зайцева, В.М. Хомич // Законность и правопорядок. – 2008. – № 3.
9. Багмет, А. Прекращение уголовных дел судом в связи с примирением сторон / А. Багмет // Законность. – 2007. – № 4. – С. 38–40.
10. Проект концепции ювенальной юстиции Республики Беларусь // Перспективы создания ювенальной юстиции в Республике Беларусь: сб. ст. и материалов / под общ. ред. Г.М. Леоновой. – Минск: Тесей, 2004. – С. 186–234.
11. Знания, отношения и практика специалистов и детей, вовлеченных в систему ювенальной юстиции: отчет о выполнении исследовательского проекта / Представительство Дет. фонда ООН (ЮНИСЕФ) в Респ. Беларусь; Центр социол. и полит. исслед. Белорус. гос. ун-та. – Минск, 2005.
12. Зайцева, Л.Л. Восстановительное правосудие – альтернатива уголовному преследованию / Л.Л. Зайцева // Судеб. практика в контексте принципов законности и права: сб. науч. тр. / редкол.: В.М. Хомич (гл. ред.) [и др.] – Минск: Тесей, 2006.
13. Хомич, В. Введение ювенальной юстиции в Республике Беларусь: стандарты и перспективы / В. Хомич // Юстиция Беларуси. – 2005. – № 2.
14. Хомич, В.М. Необходимость разной правовой формы процессуального разрешения института освобождения от уголовной ответственности и института прекращения (отказа от) уголовного преследования // Судеб. практика в контексте принципов законности и права: сб. науч. тр. / редкол.: В.М. Хомич (гл. ред.) [и др.] – Минск: Тесей, 2006.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБВИНЕНИЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ОКАЗАНИЕМ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ: СОДЕРЖАНИЕ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ЭТАПА

Печерский В.В.

Привлечение медицинских работников к уголовной ответственности за неквалифицированное оказание медицинской помощи, а также за отказ в ее оказании в судебной практике Республики Беларусь – достаточно редкое явление. Многие материалы, касающиеся профессиональной деятельности указанных специалистов, не проходят через «сито» стадии предварительного расследования, а те из них, которые становятся предметом судебного разбирательства, во многом страдают как от невысокого качества проведенного расследования, так и от недостаточной подготовки государственного обвинителя к участию в их рассмотрении. Предметом исследования настоящей статьи является содержание тактики подготовки прокурорского работника к поддержанию государственного обвине-

ния. В основе этого этапа профессиональной деятельности государственного обвинителя, по мнению автора, должен находиться четко сформулированный и детализированный предмет доказывания. Его формирование самым непосредственным образом влияет на процессы проверки и оценки имеющихся в материалах уголовного дела доказательств, позволяет наполнить эту деятельность реальным содержанием. В процессе подготовки формируется последовательность представления доказательств, содержание и тактика допросов основных участников судебного разбирательства, правила исследования вещественных доказательств и письменных материалов дела. В ходе проведенного исследования обозначен ряд противоречий процессуального законодательства и предложены способы их разрешения.

Прежде чем приступить к исследованию содержания профессиональной деятельности государственного обвинителя по уголовным делам, связанным с оказанием медицинской помощи, крайне необходимо обозначить само понятие и существенные признаки медицинской помощи. Без понимания этого невозможно не только осуществить принадлежащую прокурору процессуальную функцию, но и сформировать предмет доказывания по обозначенной категории уголовных дел. Подробно процесс формирования данного понятия был произведен автором в другой публикации [1, с. 67–72], где был получен следующий вывод. Понятие «медицинская помощь» образует совокупность следующих существенных признаков:

– действие негативных факторов, вызывающих угрозу здоровью, преодоление которых невозможно без обращения к специалисту-медику;

– активная профессиональная деятельность медицинского работника, направленная на оказание помощи и принятие мер профилактики;

– получение согласия на оказание медицинской помощи;

– добровольное выполнение пациентом всех рекомендаций врача;

– профессиональная тайна как обязательный элемент доверия между врачом и пациентом;

– жертвование медицинским работником его личными и профессиональными интересами (в частности, даже при возможности заразиться опасными инфекциями);

– наличие особых методов, средств и способов оказания медицинской помощи, которыми владеет специалист;

– невозможность гарантирования положительного результата при оказании медицинской помощи.

Перечисленные признаки позволяют сформировать понятие медицинской помощи, рассматриваемой в качестве активной профессиональной деятельности медицинского работника, направленной на предупреждение и минимизацию вредных последствий, способных причинить существенный вред здоровью отдельного человека.

Похожее определение было дано профессором П.П. Щеголевым в автореферате его докторской диссертации: «Медицинская помощь – это действия медицинских работников, соответствующие требованиям медицинской науки и практики, указаниям закона и специальных правил, осуществляемые с целью сохранения жизни, здоровья, трудоспособности данного человека или других лиц» [2, с. 8].

Медицинскую помощь оказывает специальный субъект, именуемый медицинским работником. В процессе исследования его существенных признаков был получен следующий вывод. Медицинский работник – это исполняющий правила медицинской профессии специалист, имеющий соответствующее профессиональное образование и оказывающий медицинскую помощь и медицинские услуги. Указание на то, что данный работник оказывает не только медицинскую помощь, но и медицинскую услугу вызвано существующей необходимостью разграничения данных понятий.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) в ст. 89 определяет общий перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам. Это так называемый типовой предмет доказывания, присущий всем составам преступлений. Вместе с тем следует учитывать, что составы преступлений различаются по видам, представляясь особенными по отношению к составу преступления как такового. Соответственно этому содержание обстоятельств, требующих доказывания, в видовых преступлениях будет иметь свои особенности, обладать дополнительными признаками, раскрывающими специфику данного вида преступлений. Видовой предмет доказывания будет по своим обстоятельствам более богатым, детальным, при этом сохраняя в своей основе элементы типового предмета доказывания. В частности, характеризуя предмет судебно-медицинского исследования содержания оказанной медицинской помощи, П.П. Щеголев включает в него:

– определение оснований обязательного предоставления медицинской помощи;

– разграничение служебной и профессиональной деятельности;

– выяснение прав и обязанностей медицинского работника, требуемого от него минимума знаний и навыков;

– выяснение характера основных и предшествующих действий;

– установление вида ненадлежащей медицинской помощи, характера и степени тяжести последствий, возможности и обязанности их предвидения, причинной связи, причин и условий возникновения происшествия и др. [2, с. 9].

На основе общего предмета доказывания сформируем видовой предмет доказывания по уголовным делам, связанным с оказанием медицинской помощи:

1. Субъект-медицинские и фармацевтические работники, обязанные оказывать помощь больным согласно закону (врач, фельдшер, медсестра, акушерка, т. е. работники медицинских учреждений, которые занимаются медицинской практикой). Это специальный субъект – лицо, занимающееся медицинской и фармацевтической деятельностью после получения специального медицинского образования (среднего, высшего). Они могут работать по специальности в различных медицинских учреждениях: больницах, поликлиниках, дневных стационарах, диспансерах, врачебных кабинетах, фельдшерско-акушерских пунктах, медицинских центрах государственной и частной форм собственности. Данные лица могут быть молодыми специалистами, аспирантами, адъюнктами, докторантами, имеющими и не имеющими научных степеней и званий. Необходимо установить наличие профессиональных знаний (соответствующего образования), навыков (стажа работы по специальности, перерывов).

2. Профессиональное содержание деятельности субъекта, какой вид помощи оказывался и как она должна оказываться, наличие выставленного диагноза в амбулаторной карте пациента, показаний в листе назначений лекарственных средств. При этом необходимо различать основные, предшествующие, подготовительные и непосредственные действия по оказанию медицинской помощи.

3. Вследствие каких причин (обстоятельств) возникла необходимость оказания данного вида (нескольких видов) помощи; кто и как должен определять ее содержание в конкретном случае?

4. Кто принимал участие в процессе оказания медицинской помощи? Ознакомление данных лиц с методиками, которые должны быть применены на этапе подготовки, непосредственного оказания помощи и непосредственного сопровождения полученного результата (например, послеоперационного наблюдения).

5. Как между несколькими медицинскими работниками были распределены полномочия?

6. Кто и как фактически осуществлял процесс предшествующих, подготовительных действий, основных действий по оказанию медицинской помощи и ее дальнейшее сопровождение (последующую деятельность)?

7. Кем является потерпевший, как оказался в медицинском учреждении, к кому и в какой форме обратился за медицинской помощью, какой медицинской документацией он обладал (медицинской карточкой, выписным эпикризом и т. д.)?

8. Какой анамнез (опрос на предмет хронических заболеваний и аллергических реакций в прошлом) был собран и происходили ли эти действия реально?

9. Содержание действий потерпевшего и его близких непосредственно перед оказанием помощи, в процессе оказания помощи, после оказания медицинской помощи (так называемый анализ контактных взаимоотношений медицинского работника и пациента; дача согласия на проведение определенных медицинских манипуляций, например операции; соблюдение потерпевшим предписаний и рекомендаций медицинского работника).

10. Факт причинения вреда, наступившего в результате оказания медицинской помощи. По мнению П.П. Щеголева, понятие последствий медицинских происшествий должно включать в себя причинение вреда жизни или здоровью потерпевшего, гибель плода (при незаконном аборте и других видах ненадлежащей акушерской помощи) и материальный ущерб [2, с. 22].

11. Наступление вреда произошло вследствие нарушения правил оказания медицинской помощи со стороны одного или нескольких лиц, ее оказывавших?

12. Причинная связь между нарушением правил оказания медицинской помощи и наступлением последствий. Сюда должна быть включена причинная связь неправильного профессионального решения медицинского работника с ненадлежащим выполнением предшествующих, подготовительных, основных, последующих действий или с неприменением минимума знаний, а также возможность и обязанность предвидения медицинским работником последствий ненадлежащей медицинской помощи [2, с. 20–21].

Каждое из преступлений, совершаемых медицинским работником, имеет огромное количество качественных особенностей, поэтому при его расследовании необходимо вырабатывать конкретную совокупность обстоятельств, которые необходимо доказать, т. е. вслед за типовым и видовым должен быть сформирован конкретный предмет доказывания. В этом прослеживается диалектический путь движения об общего к частному, от абстрактного содержания как простого к конкретному, обладающему наиболее богатым содержанием обстоятельств доказывания и соответствующих им доказательств.

Для каждого из обстоятельств конкретного предмета доказывания соответствующим представителем органа предварительного расследования должны быть собраны достаточные доказательства, способные его подтвердить. Кроме

того, справка о результатах предварительного расследования должна быть переформатирована, структурирована именно под обстоятельства, входящие в предмет доказывания любого преступления, каждое из которых должно быть «наполнено» относимыми, допустимыми, достоверными и достаточными доказательствами. Это, в свою очередь, позволит государственному обвинителю не только более полно представить содержание уголовного дела, но также проверить полноту предъявленного обвинения, выявить пробелы в доказанности отдельных обстоятельств, входящих в предмет доказывания, и предпринять необходимые меры по их преодолению.

Исполняя поручение прокурора о назначении государственным обвинителем по конкретному уголовному делу, прокурорский работник на этапе подготовки к реализации своей процессуальной функции изучает материалы уголовного дела и вырабатывает стратегию всего государственного обвинения и тактику, реализуемую в ходе каждого этапа судебного разбирательства.

Изучение материалов уголовного дела начинается, как правило, с содержания надзорного производства, в котором сосредотачиваются документы, отражающие наиболее значимые процессуальные решения лица, производящего предварительное расследование по делу, и лица, осуществляющего прокурорский надзор. В число этих документов входит аналитическая справка о результатах предварительного расследования, содержащая анализ доказательств, подтверждающих виновность обвиняемого лица. Вместе с тем следует учитывать, что в ней выражается субъективное мнение следователя или дознавателя, подкрепляемое интерпретацией имеющихся в материалах уголовного дела доказательств. Ссылаясь на содержание, качественные и (или) количественные особенности определенного доказательства, он может исказить это содержание, используя определенную компиляцию, выделяя или пропуская отдельные элементы доказательства. Наличие в материалах дела нескольких противоречащих друг другу доказательств (например, показаний одного и того же свидетеля, потерпевшего, заключений нескольких экспертиз, которые нельзя исключить из материалов дела) порою не отражается в содержании справки. Поэтому методически необходимым и тактически обязательным является самостоятельное изучение государственным обвинителем всех материалов уголовного дела при окончании предварительного расследования.

Приемы изучения материалов уголовного дела, классифицируемые нами на уголовно-процессуальные, криминалистические и приемы исследования материалов гражданского иска в уголовном процессе, получили достаточное освещение в публикациях [3], поэтому на их содержании мы останавливаться не

будем. Но, совершенствуя методику и тактику подготовки к участию в судебном разбирательстве, мы сосредоточим свое внимание не просто на последовательности использования приемов анализа. Мы обозначим цель и покажем направления такого изучения, в котором с необходимостью отметим роль и значение обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

В процессе предварительного расследования и судебного разбирательства как сторона обвинения, так и сторона защиты всю свою деятельность подчиняют сбору, проверке, оценке и исследованию доказательств. Именно их наличие или отсутствие позволяет судить о наличии или отсутствии состава преступления в деянии определенного лица или группы лиц. Но собранные, проверенные, оцененные и исследованные доказательства должны не просто сваливаются в кучу, они должны быть продиагностированы с точки зрения их относимости к предмету доказывания, их достаточности в доказывании того или иного обстоятельства, входящего в этот самый предмет доказывания. Поэтому изначально, получив поручение на поддержание государственного обвинения, прокурорский работник, исходя из предъявленного обвинения, должен четко определить обстоятельства, входящие в предмет доказывания. Без этого предмет спора, происходящего между публичным и частным обвинителем и обвиняемым, остается непонятным, неясным, неизвестным, спорным сам по себе.

Обвиняя медицинского работника в совершении преступления, предусмотренного ст. 162 УК, к обстоятельствам доказывания, рассмотренным нами ранее, необходимо добавить выяснение качественных и количественных особенностей выполнения медицинским работником своих профессиональных обязанностей, поскольку, прежде чем сделать вывод об их ненадлежащем характере или содержании, необходимо узнать требования их качественного выполнения, т. е. как они должны выполняться. Порядок, последовательность, ситуационные особенности выполнения тех или иных профессиональных обязанностей получают свое отражение в соответствующих профессиональных медицинских правилах (разработанных, утвержденных в соответствии с действующим законодательством уполномоченными субъектами – должностными лицами или органами управления).

Определение совокупности обстоятельств, формирующей на основании анализа норм материального, уголовного права предмет доказывания по уголовному делу, необходимо обозначить как проведение уголовно-правового анализа материалов уголовного дела.

В период предварительного расследования подобный уголовно-правовой анализ, имеющий своим результатом определение совокупности обстоятельств,

входящих в предмет доказывания, должен обязательно проводиться и вместе с планом следственно-розыскных мероприятий согласовываться и утверждаться работником, осуществляющим прокурорский надзор. В дальнейшем в ходе реализации полномочий по проведению прокурорского надзора прокурор должен анализировать полученные доказательства с точки зрения их относимости к конкретным обстоятельствам предмета доказывания, при этом определяя как их достоверность, допустимость, так и достаточность. Недостаточность доказательств, подтверждающих соответствующее обстоятельство предмета доказывания, должна формировать тактическую задачу их восполнения, которая будет решаться с помощью процессуальных и непроцессуальных средств, процессуальных решений и т. д. Об этом надзирающий прокурор может дать лицу, производящему предварительное расследование, письменные указания по уголовному делу, а потом проверить их выполнение. Например, если субъект преступления характеризуется как медицинский работник, в деле должны присутствовать документы, подтверждающие его специальное медицинское образование, прохождение переподготовки по новой специализации и пр. Их отсутствие в материалах уголовного дела должно быть обязательно восполнено.

В соответствии с утвержденной совокупностью обстоятельств, образующих предмет доказывания, прокурор, уполномоченный на осуществление государственного обвинения, в ходе подготовки осуществляет уголовно-процессуальный, криминалистический анализ, проверку и оценку имеющихся в материалах дела доказательств, разрабатывает стратегическую линию на весь предстоящий процесс, а также тактику участия на каждом его этапе.

Стратегической целью или линией можно обозначить тот конечный результат, к достижению которого прокурор будет стремиться, поддерживая государственное обвинение по уголовному делу. В отношении квалификации деяния, в совершении которого обвиняется конкретное физическое лицо или группа лиц – медицинских работников, она стратегически может оставаться в рамках, определенных предварительным расследованием или измененных прокурором перед направлением уголовного дела для судебного рассмотрения. В процессе судебного рассмотрения уголовного дела прокурор, учитывая складывающуюся ситуацию, может изменять стратегическую цель своей профессиональной деятельности: изменять квалификацию деяния на более тяжкую, изменять обвинение на более мягкое, отказываться от поддержания государственного обвинения по реабилитирующим основаниям.

Кроме изучения материалов уголовного дела, необходимого этапа в подготовительной деятельности, непосредственно предназначенного для формиро-

вания стратегической позиции (линии), значительное влияние на ее содержание оказывает процессуальная позиция потерпевшего (а в определенных случаях – его законного представителя) как представителя стороны обвинения, как основного участника всего уголовного процесса, в том числе и по делам публичного и частно-публичного обвинения. Между тем необходимо учитывать, что в процессе предварительного расследования, когда государственный обвинитель еще не назначен, у соответствующего прокурорского работника отсутствует возможность присутствовать при допросах, при проведении иных следственных действий с участием потерпевшего (проверки показаний, следственного эксперимента, очной ставки и т. п.).

Процессуальную позицию потерпевшего можно предполагать по имеющимся в материалах уголовного дела документам. Вместе с тем из-за известной степени субъективизма лица, осуществляющего предварительное расследование, позиция потерпевшего может быть искажена. Процессуальная позиция рассматриваемого участника процесса может также изменяться в результате определенных действий представителей стороны защиты. Это может быть возмещение материального ущерба, материальное возмещение морального вреда, другие действия, способные повлиять на содержание интереса потерпевшего, являющегося доминантой при выработке его процессуальной позиции. По делам рассматриваемой нами категории, связанным с оказанием медицинской помощи, когда в результате профессиональной деятельности наступают указанные в диспозиции статей УК последствия (менее тяжкие или тяжкие телесные повреждения, смерть пациента), интересы лиц, выступающих в качестве потерпевших (представителей потерпевших в соответствующих ситуациях), имеют более широкий диапазон, могут достаточно различаться, доходя иногда до полной противоположности. Если в случае причинения менее тяжкого телесного повреждения основной интерес потерпевшего направлен на получение материального возмещения физического ущерба (способного если не восстановить, то не ухудшать состояние здоровья), а также морального вреда, то в случае смерти пациента основным интересом его близких родственников является месть медицинскому работнику за тяжелую моральную утрату. У этой категории потерпевших возможен интерес, направленный на профилактирование дальнейшей деятельности подобного медицинского работника, чтобы он был лишен в дальнейшем возможности оказывать медицинскую помощь и медицинские услуги, на предотвращение причинения аналогичного вреда другим пациентам. В отдельных случаях основным интересом близких родственников является материальное возмещение морального вреда, что они связывают

с возможностью прощения медицинского работника, а значит, в ходе судебного разбирательства они не будут требовать его безусловного привлечения к ответственности. Для преодоления указанного противоречия нами в свое время было высказано предложение о необходимости проведения предварительной встречи государственного обвинителя с потерпевшим для уточнения его процессуальной позиции по уголовному делу [4]. Особенно это необходимо в случаях, когда потерпевшие направляют жалобы в различные государственные и профессиональные органы с требованиями освободить обвиняемого (обвиняемых) от уголовной ответственности или высказывают требование привлечь к ответственности других лиц, непосредственно, по их мнению, виновных в наступлении последствий.

В качестве еще одного элемента подготовительного этапа необходимо обозначить определение последовательности судебного исследования материалов уголовного дела, разработку приемов и правил допроса обвиняемого, потерпевшего, свидетелей, исследование вещественных и письменных доказательств и материалов уголовного дела, определение необходимости истребования дополнительных доказательств и формирование списка свидетелей, необходимых для участия в качестве свидетелей обвинения. Действующий процессуальный кодекс обязывает следователя по окончании предварительного расследования сформировать список лиц, участие которых необходимо в судебном разбирательстве. Прокурор, получивший уголовное дело для направления в суд, имеет право изменить данный список, т. е. как уменьшить, так и увеличить состав лиц, необходимых для участия в судебном заседании. Вместе с тем необходимо учитывать, что процессуальное решение о направлении уголовного дела в суд принимает прокурор района, города, области, а участвует в судебном рассмотрении дела прокурорский работник, получивший на это поручение этого же прокурора. Получается, что государственный обвинитель, непосредственно участвующий в поддержании обвинения в судебном разбирательстве, не может оказывать влияния на формирование списка его участников и пользуется списком лиц, сформированным ранее без его участия. Для того чтобы разрешить данное противоречие, необходимо передать полномочия по формированию списка лиц, участвующих в судебном разбирательстве на стороне обвинения, непосредственно государственному обвинителю, принявшему поручение по конкретному уголовному делу.

Важным средством является разработка содержания и тактических приемов допроса различных участников уголовного процесса. Примерный перечень вопросов, которые необходимо задать каждому из участников судебного слу-

шания, должен формироваться исходя из совокупности обстоятельств, образующих предмет доказывания конкретного преступления, и процессуальной роли и фактического участия в нем конкретного лица. В качестве теоретической и практической базы подобной подготовки хорошо зарекомендовали себя типовые программы допросов, разработанные как для органов предварительного расследования, так и для государственных обвинителей и судей [5].

И еще одно обстоятельство, самым существенным образом влияющее на реальность состязательного уголовного процесса. Речь идет о последовательности предъявления государственным обвинителем доказательств по уголовному делу. По логике обвинитель сам определяет, когда и какое доказательство предъявить. Он может и должен решить тактический вопрос, касающийся необходимости и целесообразности вызова и допроса любого из свидетелей, оглашения письменного документа, представления вещественного доказательства. Учитывая складывающуюся ситуацию, государственный обвинитель может и должен определить последовательность их представления суду. Несмотря на это логическое положение, действующий УПК данный самый важный элемент судебного следствия ограничивает самым непосредственным образом. Несмотря на то, что государственный обвинитель первым представляет доказательства по делу, последовательность их представления не является свободной, а требует предварительного процессуального регулирования. Суд, выслушивая мнение государственного обвинителя, других представителей стороны обвинения, представителей стороны защиты, порядок исследования доказательств по делу закрепляет своим определением, вмешиваясь в процессуальную и тактическую свободу представления доказательств как стороны обвинения, так и стороны защиты. Разрешение данного противоречия представляется в отмене процессуального регулирования последовательности представления доказательств, придании процессу действительно состязательного содержания.

Рассмотренные элементы подготовительного этапа профессиональной деятельности государственного обвинителя при их соответствующей разработке способствуют не только эффективному изучению материалов уголовного дела, но и грамотному построению стратегии государственного обвинения и тактики ее реализации на каждом этапе судебного разбирательства уголовного дела.

Список использованных источников

1. Печерский, В.В. Формирование предмета доказывания по уголовным делам, связанным с оказанием медицинской помощи / В.В. Печерский, О.И. Ханецкая // Юрид. журнал. – 2008. – № 2.

2. Щеголев, П.П. Судебно-медицинская экспертиза ненадлежащей медицинской помощи: автореф. дис. … д-ра мед. наук. / П.П. Щеголев. – Гродно, 1974.
3. Печерский, В.В. Основы анализа материалов уголовного дела / В.В. Печерский, В.Т. Калмыков, Н.В. Калмыкова. – Минск: Тесей, 2005.
4. Печерский, В.В. Допрос несовершеннолетней потерпевшей по уголовному делу на предварительном следствии и в суде. Изнасилование / В.В. Печерский, С.Ю. Ревтова. – Гродно, 2003.
5. Печерский, В.В. Типовые программы допроса в судебном следствии / В.В. Печерский. – Минск: Тесей, 2005 г.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РАЗМЕРА КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПРИ СОВЕРШЕНИИ УБИЙСТВ

Солтанович А.В.

Статья посвящена недостаточно урегулированному законодательством вопросу определения размера компенсации морального вреда при совершении преступлений. Автором предпринята попытка рассмотреть данную проблему на частном примере, т. е. при определении размера компенсации родственникам убитого и иным лицам, имеющим право на такое возмещение. Предлагается методика расчета усредненного размера компенсации и его корректировки в зависимости от формы вины, имущественного положения причинителя вреда и других имеющих значение обстоятельств.

Компенсация морального вреда при совершении убийств является частным случаем компенсации морального вреда при совершении тех или иных преступлений, а также при причинении такого вреда иными деяниями.

Наиболее сложным вопросом здесь как для лиц, заявляющих соответствующие требования о компенсации, так и для судов, принимающих окончательное решение, является размер компенсации.

В Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК) в ч. 2 ст. 152 определяется, что при установлении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред. Изложенная в ст. 970 ГК позиция законодателя имеет более развернутый характер. Здесь отмечается, что размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вре-

да. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости. Характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего.

Вопросам возмещения морального вреда было посвящено постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2000 г. № 7 «О практике применения судами законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда». В п. 16 постановления указано, что в случае смерти потерпевшего размер компенсации морального вреда лицам, имеющим права на его возмещение, определяется в зависимости от степени родства с погибшим, нахождения на иждивении, характера взаимоотношений с ним, других конкретных обстоятельств, имеющих значение для оценки степени нравственных переживаний. При определении размера компенсации морального вреда суды должны учитывать степень вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда. Суд вправе также учесть имущественное (финансовое) положение причинителя вреда.

Приведенные обстоятельства можно отнести к качественным критериям определения размера морального вреда. Отсутствие же количественных критериев приводит к различным подходам при определении размера компенсации в судебной практике, когда суды либо соглашаются с заявленными размерами компенсаций, либо существенно уменьшают их [1, с. 50–51]. Это характерно для судов не только Республики Беларусь, но и других государств. Так, в практике судов Российской Федерации примерная «цена» нравственных страданий по приговорам последнего времени составляет 300–800 тыс. российских рублей в качестве компенсации родным убитого [2], в США максимальная сумма компенсации – 250 тыс. долларов США [3].

В настоящее время Верховным Судом РФ ведется разработка примерных тарифов на возмещение морального вреда. Предполагается создать единую систему с указанием сумм компенсаций в зависимости от характера причиненного вреда [4]. Подобные тарифы существуют в ряде государств мира.

Так, в Великобритании с 1994 г. применяется тарифная схема, определяющая сумму компенсации в зависимости от причины гибели человека. В ФРГ вопрос об определении размера компенсации морального вреда также урегулирован, определены критерии оценки справедливой компенсации. Немецкие юристы выделяют ряд обстоятельств, влияющих на определение размера компенсации, среди которых: возраст потерпевшего, возможность дальнейшей работы по специальности, беспокойство о судьбе семьи, степень осознания тяже-

сти своего состояния, особая психическая восприимчивость и др. [5]. Однако все критерии для определения справедливой компенсации действенны лишь тогда, когда у судьи имеются некие законодательные ограничения суммы возможной компенсации. В настоящее время ограничений подобного рода не разработано.

В литературе имеется достаточно большое количество предложений по методике расчета стоимости моральной компенсации при совершении как убийств, так и иных преступлений [6]. В их основу положены различные критерии, однако наиболее предпочтительным является так называемый посанкционный показатель расчета размера компенсации, т. е. определяется расчет усредненного размера компенсации, в том числе при совершении убийства, основанный на размере санкции статьи Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), по которой квалифицируются деяния обвиняемого. Предлагается в качестве условной стоимости материального возмещения морального вреда взять один месяц лишения свободы, эквивалентный сумме в одну базовую величину. Размер компенсации морального вреда по такой методике определяется путем умножения данной суммы на количество месяцев лишения свободы, назначенных обвиняемому в качестве наказания. Поскольку санкции статей Особенной части УК Республики Беларусь объективно отражают степень общественной опасности содеянного виновным, посанкционный показатель позволяет обеспечить разумное и справедливое соотношение между взысканием денежных сумм за нанесенный моральный вред и его размером. При таком расчете, например, за убийство без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 139 УК) суд, назначив наказание в виде 12 лет лишения свободы, определяет исходный размер компенсации в 144 базовые величины (5 040 000 рублей).

Определив такой усредненный размер компенсации, суд с учетом критериев, содержащихся в ГК и приведенном постановлении Пленума, может скорректировать сумму компенсации в сторону увеличения или уменьшения, приведя соответствующие мотивы. Однако нельзя не указать на то, что данные критерии довольно размытые, не обеспечивают единообразной судебной практики и в связи с этим требуют тщательного критического анализа. Рассмотрим их.

Степень вины. Такое понятие уголовным и уголовно-процессуальным законодательством не используется. На определение размера компенсации влияет форма вины. При умышленном причинении морального вреда размер компенсации должен быть выше, чем при неосторожном, как и при совершении убийства с прямым умыслом по сравнению с косвенным.

Степень родства с погибшим, нахождение на иждивении, характер взаимоотношений с ним. При предъявлении родителями иска о компенсации морального вреда в случае гибели ребенка имеют дополнительное значение следующие обстоятельства: возраст ребенка, был ли погибший единственным ребенком или могут ли пережившие его родители в будущем иметь детей. В случае предъявления иска лицом, являющимся гражданским мужем (женой) погибшего, необходимо определять продолжительность, характер отношений и пр. Не могут не учитываться способы общения погибшего с лицом, заявившим требования по компенсации морального вреда: совместное или раздельное проживание, регулярность и продолжительность встреч, иные заочные способы общения (письма, телефон, Интернет), характер сложившихся между ними отношений, который должен оцениваться на момент смерти. Здесь важны также способы получения информации о смерти: был ли потерпевший свидетелем смерти или получил это известие от других лиц, из иных источников, совершено ли убийство в присутствии близких потерпевшему лиц, когда виновный сознавал, что причиняет им особые страдания. Установление указанных обстоятельств необходимо также для выяснения степени психической травмы, полученной лицами, признанными потерпевшими по делам об убийствах. Как известно, психические травмы делятся на легкие (вызвавшие переживания), средней тяжести (вызвавшие стресс или нервное расстройство), тяжелые (ставшие причиной невроза или неврастении) и очень тяжелые (вызвавшие длительное расстройство психики или ставшие причиной тяжелого психического заболевания). Представляется, что при тяжелых и очень тяжелых психических травмах сумма компенсации относительно усредненного размера должна увеличиваться.

Имущественное положение виновного лица. Судом должны учитываться такие обстоятельства, как возраст обвиняемого (пенсионный, предпенсионный), нетрудоспособность, в том числе по состоянию здоровья, отсутствие постоянного места работы, нахождение на его иждивении нетрудоспособных родителей, детей.

Характеристика погибшего. При определении размера компенсации морального вреда должно учитываться поведение потерпевшего, т. е. провокация им собственными действиями совершения преступления. В литературе, как представляется, вполне резонно предлагается различать низкую, среднюю, высокую и очень высокую степени виктимности потерпевшего и в соответствии с этим уменьшать размер компенсации на 15, 25, 50 и 80 % соответственно [7, приложение 6]. Вместе с тем следует иметь в виду, что в таких статьях УК, как ст. 141 (убийство, совершенное в состоянии аффекта), ст. 142 (убийство при

превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление), ст. 143 (убийство при превышении пределов необходимой обороны), противоправные или грубые аморальные действия потерпевшего учтены санкциями указанных статей, предусматривающими более мягкие наказания, чем за совершение убийства. Поэтому корректировка определенного усредненного размера компенсации может осуществляться с учетом иных обстоятельств.

Таким образом, определение окончательной суммы компенсации морального вреда путем увеличения или уменьшения предложенного базового размера в зависимости от формы вины его причинителя, степени родства и характера взаимоотношений убитого с лицами, заявившими требование о возмещении, и других заслуживающих внимания факторов будет обеспечивать требования разумности и справедливости для каждого конкретного случая.

Список использованных источников

1. Воронович, Т. Моральный вред: определение размера возмещения / Т. Воронович // Судовы весн. – 2000. – № 3.
2. Российская газета. – 29 июля 2008 г. – № 4716.
3. http://www.garant.ru/jurist/p759.htm
4. http://www.germani.allbusiness.ru/NewsAM/News AMShow.asp?ID=8677.
5. Эрделевский, А.М. Компенсация морального вреда / А.М. Эрделевский. – С. 63–64.
6. Трунов, И.Г. Проблемы гражданского иска о компенсации морального вреда в современном уголовном судопроизводстве / И.Г. Трунов // Рос. судья. – 2001. – № 10. – С. 24–25;
   Фомченкова, А. Компенсация морального вреда, причиненного преступлением / А. Фомченкова // Законность. – 2005. – № 6. – С. 46–47;
   Эрделевский, А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики / А.М. Эрделевский. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 320 с.
7. Пыталев, Р.М. Теоретические и прикладные проблемы гражданского иска в уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук / Р.М. Пыталев. – Минск, 2002. – 99 с.

НАШИ АВТОРЫ

1. **Андрияшко Марина Васильевна –** преподаватель кафедры гражданского права и процесса Барановичского государственного университета.
2. **Бабий Николай Алексеевич –** заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.
3. **Байло Алексей Юрьевич –** заместитель начальника первого отдела следственной части по расследованию организованной преступной деятельности Главного следственного управления при ГУВД по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.
4. **Барановский Николай Александрович –** заведующий сектором социологии права и девиантного поведения Института социологии НАН Беларуси, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент.
5. **Богданов Евгений Валерьевич** – начальник отдела криминологической экспертизы проектов законов ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.
6. **Боголюбова Татьяна Анатольевна** – заведующий отделом проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере оборота наркотических средств НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.
7. **Борико Сергей Васильевич –** профессор кафедры административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, профессор.
8. **Бочков Александр Александрович –** декан юридического факультета УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова», кандидат философских наук, доцент.
9. **Василевич Григорий Алексеевич –** Генеральный прокурор Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор.
10. **Гладкий Петр Александрович –** главный специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».
11. **Грунтов Игорь Олегович –** заведующий кафедрой уголовного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
12. **Евланова Ольга Александровна –** ведущий научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.
13. **Ивашкевич Елена Францевна –** заведующий кафедрой истории и теории права юридического факультета УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова», кандидат педагогических наук, доцент.

14. **Ищенко Евгений Петрович** – заведующий кафедрой криминалистики Московской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки России.
15. **Кашевский Вячеслав Александрович –** начальник кафедры уголовного права и криминологии Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.
16. **Колесников Вадим Вячеславович –** заведующий кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН.
17. **Кузьменок Наталья Олеговна –** преподаватель кафедры конституционного и международного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь.
18. **Курилюк Людмила Степановна –** специалист I категории кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.
19. **Миролюбова Светлана Юрьевна –** начальник юридического департамента ООО «Аванто», соискатель кафедры государственного и административного права Санкт-Петербургского государственного университета.
20. **Мисаревич Наталия Валентиновна –** заведующий кафедрой истории государства и права Гродненского государственного университета им. Я. Купалы, кандидат юридических наук, доцент.
21. **Мурашко Людмила Олеговна –** начальник отдела обращений и международных связей Конституционного Суда Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.
22. **Петров Анатолий Петрович –** заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат юридических наук, доцент.
23. **Петрова Мария Сергеевна –** студентка III курса юридического факультета УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова».
24. **Петрова Ольга Валентриновна –** доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
25. **Печерский Владимир Владимирович –** доцент Минского института управления, кандидат юридических наук.
26. **Примаченок Анатолий Андреевич –** профессор кафедры уголовного права и криминологии Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.
27. **Попов Алексей Игоревич** – заместитель начальника учебного отдела Калининградского юридического института МВД России, соискатель.

28. **Потапов Владимир Константинович –** следователь-криминалист криминалистического отдела управления по надзору за расследованием уголовных дел в органах прокуратуры Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

29. **Пугачев Александр Николаевич –** заведующий кафедрой теории и истории государства и права Полоцкого государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

30. **Русакевич Сергей Григорьевич –** главный специалист отдела проблем эффективности прокурорского надзора, совершенствования правоприменительной практики и законодательства ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

31. **Русецкий Олег Валерьевич –** главный специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

32. **Сенько Анатолий Степанович –** начальник отдела проблем эффективности прокурорского надзора, совершенствования правоприменительной практики и законодательства ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

33. **Сергеенко Наталия Леонидовна –** старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова».

34. **Середа Руслан Александрович –** адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

35. **Серова Елена Борисовна –** доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

36. **Солтанович Андрей Владимирович –** начальник отдела криминологического мониторинга законодательства и криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

37. **Стаценко Владимир Григорьевич –** доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова», кандидат юридических наук, доцент.

38. **Хомич Владимир Михайлович –** директор ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», доктор юридических наук, профессор.

39. **Чичурина Оксана Алексеевна –** доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина, кандидат юридических наук, доцент.

40. **Швед Надежда Александровна –** главный специалист отдела криминологической экспертизы проектов законов ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».
41. **Янч Валерий Вацлавович –** заместитель декана юридического факультета УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова», кандидат философских наук, доцент.

Научное издание

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции

Сборник научных трудов

Ответственный за выпуск *А.В. Солтанович*

Редактор, корректор *Ю. Н. Лукша*
Технический редактор *Т. Г. Данилевич*

Подписано в печать 16.03.2009. Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 20,05. Уч.-изд. л. 19,83. Тираж 100 экз. Заказ 6с.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Белорусский государственный университет физической культуры.
ЛИ № 02330/0131872 от 29.06.2004.
ЛП № 02330/0131688 от 27.05.2004.
Пр. Победителей, 105, 220020, г. Минск.